Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі "Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна"

Вучоныя запіскі

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зборнік навуковых прац

Выпуск 7

Частка 1
Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2011

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest state university named after A.S. Pushkin»

Scientific Proceeding

Of Brest state university named after A.S. Pushkin

Collection of scientific works

Issue 7

Part 1
The Humanities and Social Sciences

Brest • 2011

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар
М.Э. Часноўскі
Намеснікі галоўнага рэдактара:
А.А. Гарбацкі, А.М. Сендзер *(гуманітарныя і грамадскія навукі)*
К.К. Красоўскі, У.А. Плецюхоў *(прыродазнаўчыя навукі)*
Рэдакцыйны савет:
А.А. Высоцкі, Л.Г. Лысюк, Б.М. Ляпешка, В.Е. Гайдук, А.Ф. Равінскі, М.П. Ярчак
Міжнародны савет:
В.Р. Бязрогаў (Расія), Я.А. Грэбенікаў (Расія), А.М. Круглашоў (Украіна), В.А. Несцяроўскі (Украіна), Ежы Нікітаровіч (Польшча), Марк Пілкінгтон (Францыя), А. Юўка (Польшча)
Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст *(адказны рэдактар па гуманітарных і грамадскіх навуках)*,
Н.С. Ступень *(адказны рэдактар па прыродазнаўчых навуках),*
У.В. Амелькін, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў, В.Ф. Байнёў, В.М. Ватыль, А.М. Вітчанка, А.Л. Гулевіч, М.А. Дабрынін, М.П. Жыгар, Г.А. Зорын, М.С. Кавалевіч, Т.А. Кавальчук, Ч.С. Кірвель, У.У. Лосеў,М.І. Ляўчук, У.Ф. Мартынаў, А.А. Махнач, А.В. Мацвееў, З.П. Мельнікава, М.І. Мішчанчук, Я.М. Мяшэчка, А.В. Пятроўская, Я.В. Радына, Ст.Р. Рачэўскі, С.В. Рашэтнікаў, Д.Г. Ротман, Б.В. Саліхаў, У.В. Салтанаў, В.Ф. Саўчук, У.С. Секяржыцкі, У.А. Сенькавец, Я.У. Скакун, А.С. Сляповіч, А.І. Смолік, В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч, М.М. Труш, У.М. Хоміч, А.В. Чарнавалаў, А.В. Чычурын, Т.І. Якавук, Я.К. Яловічава, Я.С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:
224016, г.Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail *vesnik@brsu.brest.by*

ISBN 978-985-473-773-7 (ч. 1)
ISBN 978-985-473-772-0

© УА «БДУ імя А.С. Пушкіна», 2011

Founded 2005

Editor-in-chief
M.E. Chasnovski
Editor-in-chief Deputies
A.A. Garbatski, A.N. Sender *(the humanities and social sciences*)
K.K. Krasovski, V.A. Pletsyuhov *(natural sciences)*
Editorial council:
L.G. Lysyuk, B.M. Lyapeshko, V.E. Gaiduk, A.F. Ravinski, N.P. Yarchak
International council:
V.G. Bezrogov (Russia), E.A. Grebenikov (Russia), A.N. Kruglashov (Ukraine), V.A. Nesterovski (Ukraine), Ezhy Nikitarovich (Poland), Mark Pilkington (France), A. Yuvka (Poland)
Editorial board:
G.I. Zaimist *(the humanities and social sciences managerial editor),*
N.S. Stupen *(natural sciences managerial editor),*
V.V. Amelkin, S.V.Artyemenko, M.A.Bagdasarov, V.F.Bainev, V.N. Vatyl, A.N. Vitchenko, A.L.Gulevich, M.P. Zygar, G.A. Zoryn, M.S. Kovalevich, T.A. Kovalchuk, C.S. Kirvel, V.V. Losev, M.I. Levchuk, Y.F. Martynov, A.A. Makhnach, A.V. Matveev, Z.P. Melnikova, M.I. Mishchenchuk, E.N. Meshechko, O.V. Petrovskaya, Y.V. Radyno, S.G. Rachevski, S.V. Reshetnikov, D.G. Rotman, B.V. Salikhov, V.V. Saltanov, V.F. Savchuk, V.S. Sekerzhitski, V.A. Senkovets, E.V. Skakun, E.S. Slepovich, A.I. Smolik, V.A. Stepanovich, V.I. Senkevich, N.N. Trush, V.M. Homich, A.V. Chernovalov, A.V. Chichurin, T.I. Yakovuk, Y.K. Yalovicheva, Y.S. Yaskevich

Publishing house address:
224665, Brest, Bulvar Kosmonavtov,21
tel.:21-47-63
e-mail *vesnik@brsu.brest.by*

ISBN 978-985-473-773-7 (ч. 1)
ISBN 978-985-473-772-0

© EE «BrSU named after A.S. Pushkin»,2011

Вучоныя запіскі

Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

З Б О Р Н І К Н А В У К О В Ы Х П Р А Ц

2011 • Вып. 7 • Ч. 1

змест

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Часноўскі М.Э. «Лимит реформ в образовании исчерпан» 9

ПАЛІТАЛОГІЯ

Решетников С.В., Решетникова Т.С. Дескриптивные разновидности функционального анализа 14

Шимов В.В. Беларусь как постимперское пространство. 22

Ляхович-Петракова Н.В. Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики 33

Ильина Е.М. Научные и образовательные аспекты в системе управления качеством подготовки политологических кадров 40

Белявцева Д.В. Политический анализ пограничья Восточной/Центральной Европы: методологические проблемы концептуализации пространства 52

Лысюк А.И. Культурная травма как источник политического лидерства в посткоммунистическом обществе 57

САЦЫЯЛОГІЯ

Яковук Т.И. Место туризма в системе социологического знания 65

Бубнов Ю.М. Место Беларуси в международном рейтинге коррумпированности 72

ЭКАНОМІКА

Матюшков Л.П. Инновации на малых предприятиях 76

Сілюк Т.С. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Івацэвіччыны ў складзе II Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) 83

Максимов Ю.А. Государственное регулирование внешней торговли в Российской Федерации в осовремененных условиях 91

ПРАВА

Зайцева Е.А. К вопросу о модернизации проверочных судебных стадий в уголовном судопроизводстве России 101

Будников В.Л. Недопустимо признавать доказательства недопустимыми на предварительном слушании 106

Попова Л.В. Современные основы принципов единства и централизации системы органов прокуратуры Российской Федерации 111

Соловьева Н.А. Криминалистическое значение психологического статуса женщин, совершивших насильственные преступления 116

Храмов С.М. Зарождение европейского учения о преступности и латентной ее части в XVII — XVIII вв. 126

Зорин Р.Г. Актуальные проблемы процесса распознания диапазона и динамики существенных нарушений в уголовном судопроизводстве 134

Бугаев К.В. Гендерный анализ криминалистики как научной области 139

Конин В.В. Суд с участием присяжных заседателей как одна из форм участия гражданского общества в уголовном судопроизводстве..... 149

Михайлов М.А. Возможности использования опыта стран СНГ в разработке правового обеспечения дактилоскопической регистрации на Украине..... 155

Трахимёнок С.А. Постсоветское пространство: нормотворчество и правоприменение в контексте цивилизационных ценностей 162

ГІСТОРЫЯ

Бортникова А.В. Организация и проведение ярмарок в г. Луцке (конец XV – начало XVII вв.) 167

Шаўчук І.І. З гісторыі стварэння Беларускай савецкай энцыклапедыі 175

ФІЛАЛОГІЯ

Швед І.А. Прыродна-ландшафтны код міфапаэтычнага мыслення як аб’ект міждысцыплінарнага даследавання 184

Писарук Г.В. Риторический анализ Нагорной проповеди Иисуса Христа как «учительной» речи 194

ПСІХАЛОГІЯ

Медведская Е.И. Эталонный и реальный ученик: анализ когнитивной модели личности у педагогов начальной школы.....208

Лагонда Г.В. Брак как форма гендерных отношений.....216

ПЕДАГОГІКА

Северин С.Н. Качество научных исследований в сфере образования как объект управления.....226

Колесникова И.А. Социальная миссия образования и педагогической науки в становлении гражданского общества.....237

Ковалевич М.С. Профессионально-ценностное самоопределение личности в университетском образовании: концептуальные основания и технологии реализации.....250

Зданевич А.А., Шукевич Л.В. Возрастная динамика частоты сердечных сокращений школьников 6–17 лет в процессе выполнения тестовых заданий координационной и силовой направленности.....263

Рудольф Маргитта. Поиск отимального соотношения теории и практики в подготовке учителя: Хильдесхаймская модель 272

Кузнецова А.Я. Согласование нравственного воспитания и интеллектуального развития как гуманистический императив образования..... 280

Звесткі аб аўтарах 288

Scientific Proceedings

of Brest state University named after A.S.Pushkin

COLLECTION OF SCIENTIFI WORKS

2011 • Issue 7 • Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Chesnovski M.E. «The Limit of Reforms is Used up»....9

POLITOLOGY

Reshetnikov. S.V., T.S. Reshetnikova Desciptive Differenses of Funcfional Analysis 14

Shimov V.V. Belarus as Postimperial Area....22

Luakhovich-Petrakova N.V. The Idea of Deliberative Democracy as a Conceptual basis of Public Assessment in Public Policy Evaluation....33

Ilyina E.M. Scientific and Educational Aspects in Quality Management System of Politological Personnel Education....40

Beliavtseva D.V. Political Analysis of the Border Zone of Eastern/Central Europe: Methodological Problems of Conceptualization of Space 52

Lysiuk A.I. Cultural Trauma as a Source of Political Leadership in Post-Communist Society 57

SOCIOLOGY

Yakovuk T.I. The Place of Tourism in the System of Sociological Knowledge 65

Bubnau Yuri. The Place of Belarus in the International Corruption Rating....72

ECONOMICS

Matsiushkou L.P. Innovation at Small Enterprises 76

Silyuk T.S. Social-economic Development of Ivatsevitchi Region in the Composition of II Rech Pospolita (1921–1939)....83

Maksimov Y.A. State Regulation of Foreigh Trade in Russian Federation in Modern Condibios 91

LAW

Zaitseva E.A. About Modernization of Revision of Judicial Stages in Russian Criminal Procedure 101

Budnikov V.L. Is Inadmissible to Recognize Proofs Inadmissible at Preliminary Hearing 106

Popova L.V. Modern Bases of Principles of Unity and Centralisation of Offuof Public Proseutor System in Russian Federation....111

Solovyeva Natalya. Forensic Value of Psychological Status of Women Committed Violent Crimes....116

Chramov S.M. Origins of European Stuby on Crime and its Latent Part in the XVII ─XVIII Centuries....126

Zorin R.G. Relevent Problems of Recognition of the Range and Dynamics of Considerable Violance in Criminal Processing....134

Bugaev K.V. Gender Analysis of Criminalistics as Suentific Sphere....139

Konin V. Court With Participation of Jury as one of Forms of the Participation of Civil Society in Criminal Legal Proceedings....149

Mickhailov M.A. Possibilities of Using of CIS Countries in the Elaboration of Legal Ensuring of Dactyloscopic Registration in the Ukraine....155

Trakhimenok S. Post-soviet area: Rule-making and Law Enforcement in the Context of Civilizational Values....162

HISTORY

Bortnikova F.V. Arrangement and Organizion ot Fairs in Lutsk (the end of XV-beginning of XVII centuries)....167

Shauchuk I. Concerning the History of Belarusian Soviet Encyclopedia Creation....175

PHILOLOGY

Shved I.A. Natural Landscape Code of Mythopoetic Thought as an Object of Interdisciplinary Research....184

Pisaruk G.V. Rhetoric Analysis of Jesus Christ's Sermon on the Mount as a «Teaching» King of Speech....194

PSYHOLOGY

Medvedskaya E.I. The Reference and Real Pupil: the Analysis of Cognitive Model of a Person fov Elementary School Teachers....208

Lagonda G.V. A Marriage as a Form of Gender Relations.....216

PEDAGOGICS

Severin S.N. The Quality of Research in the Sphere of Education as an Object of Management....226

Kolesnikova Irina. Social Mission of Education and Pedagogy in Formation of Civil Society....237

Kovalevich M.S. Professional Value of Self-determination of a Person in University Education: Conceptual Foundations and Technology Realization....250

Zdanevich A.A., Shykevish L.V. Age Dynamic of the Frequency of Heartbeats of 6–17 Years old Pupils in the process Coordination and Strength Tests Exercises....263

Rudolf Margitta. Looking for Proper Theory/Practice Correlation in the Teacher Training: The Hildesheim Model....272

Kuznetsova A.Ya. Unity of Moral Education and Intellectual Development as Humanistic Imperative Education....280

Information about the authors. 288

УДК 378.1(476)

М.Э. Чесновский

«ЛИМИТ РЕФОРМ В ОБРАЗОВАНИИ ИСЧЕРПАН»

Приветствуя от имени редакции читателя очередного выпуска сборника, сразу оговорюсь, что в заглавие колонки главного редактора вынесена позиция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, изложенная на совещании педагогического актива страны 29 августа 2011 г. Правда, позиция получила в выступлении Главы государства смысловое продолжение, суть которого можно определить так: «Наступил этап совершенствования достигнутого». При этом отдельные установки и выводы граничили с требованием «встряхнуть всю систему образования» и радикально улучшить положение дел в высшей школе.

Первое в суверенной Беларуси совещание педагогов на национальном уровне вызвало широкий общественный резонанс. Содержание и пределы возможностей совершенствования, без сомнения, детально анализируют в каждом педагогическом коллективе, в учреждениях и организациях, обеспечивающих обучение и воспитание. В эпицентр перечня направлений и задач развития БрГУ имени А.С. Пушкина в новом учебном году поставлены концептуальные установки совещания педагогического актива страны. Под знаком понимания необходимости совершенствования вузовской системы недавно прошло и заседание Президиума Республиканского совета ректоров высших учебных заведений.

Новое звучание и необходимость дополнительного осмысления ряда традиционных для вуза установок побудили «взяться за перо». Данные размышления не руководящая установка и не рецепт от недуга, а скорее попытка в режиме собственного понимания систематизировать накопившиеся проблемы и особенности функционирования высшей школы, обозначить отправные моменты для решения актуальных задач вузов страны. Предполагаю, что какие-то мысли станут побудительным мотивом для дискуссии с целью «кристаллизации» в коллективе преподавателей, сотрудников и студентов наиважнейших слагаемых совершенствования жизнедеятельности нашего университета.

Итак, перед вузами страны поставлен ряд задач. Приоритетными из них на короткую перспективу станут: структурная перестройка продолжительности подготовки специалистов с высшим образованием, оптимизация объемов преподавания социально-гуманитарных дисциплин (СГД), институциональная интеграция вузовского образования и науки, усиление темпа проникновения национальной высшей школы на международный рынок образовательных услуг, устранение существующего дисбаланса невостребованных и дефицитных профессий.

Каждая из названных задач в процессе своей реализации, бесспорно, затронет основы сегодняшнего *modus vivendi* каждого вуза. Если так, то значит все-таки намечается реформа? Не стал бы поспешно соглашаться. Основной формой вузовского образования в Беларуси стали университеты. Известно, что этот тип учреждений наиболее способен среди прочих к включению дополнительного ресурса саморазвития и восприятию новаций при сохранении традиции. Предвижу, что и на этот раз, подобно прошлому, университеты актуализируют образовательный ресурс без ломки собственного классического стереотипа. Произойдет назревший поворот,

обусловленный необходимостью адекватно отвечать со стороны интеллектуальной элиты на вызовы переживаемого этапа развития страны.

Дискуссия с участием вузовских педагогов и управленцев всех уровней консолидированно сводится к необходимости такой организации образовательного процесса, который гарантирует высокий уровень идейно-нравственных качеств и максимально короткие сроки вхождения молодого специалиста в должность.

Но как воплотить в реальность эту безупречную «формулу успеха»? Разброс мнений на этот счет по-настоящему масштабный. Постараюсь очертить обобщенные точки зрения различных управленческих и интеллектуальных групп.

1) *Представители руководства страны*: привести систему образования в соответствие с требованиями времени; внедрить систему ранней (со школьной скамьи) профориентации; снять барьеры, выстроенные сферой производства, при организации практик студентов; уменьшить срок обучения за счет упразднения компоненты дублирования дисциплин, разделов и тем; не допускать формального тиражирования численности докторов и кандидатов наук.

2) *Отраслевое руководство (министерство образования)*, не выходя за обозначенную выше систему координат, предлагает скорректировать правила приема в вузы (стержневой момент – отмена социальных льгот при зачислении), разбудить встречную инициативу заказчика кадров путем включения его материальных средств и передовых технологий в процесс подготовки специалиста с высшим образованием; восстановить простое воспроизводство кадров высшей научной квалификации; увеличить долю самостоятельной работы студента до 50 % учебного времени; повысить качество заочного обучения с одновременным уменьшением числа студентов-заочников.

3) *Ректорский корпус вузов страны*, принимая директивность, содержащуюся в изложенных позициях руководства страны, конкретизирует ряд подходов по совершенствованию вузовской системы образования. На этом пути станут эффективными такие меры, как укрепление принципа академических свобод (право маневрировать компонентами учебного плана, учебных и производственных практик, расширение перечня специализаций); срочные действия по устранению дефицита кадров высшей научной квалификации, дисбаланса в оплате труда некоторых категорий вузовских работников (ассистенты, преподаватели, завкабинетами и др.); реальная оценка потребности сферы образования в педагогических кадрах и решение вопросов их закрепления на рабочем месте; шаги по вхождению страны в Болонский образовательный процесс; продуманная дифференциация сроков и особенностей обучения на 1-й и 2-й ступенях получения высшего образования.

Без сомнения, формат внутривузовского обсуждения значительно более разнообразен и отличается как детализацией представленных точек зрения, так и выдвижением встречных, альтернативных, исключающих предложений. Развернутая дискуссия в СМИ, встречи в подразделениях и с отдельными работниками нашего университета подтверждают заинтересованность коллективов вузов, общества в целом именно в совершенствовании сферы образования, убеждают в необходимости на каждом рабочем месте находить для этого средства, резервы и стимулы. Приглашая читателя к участию в дискуссии, считаю уместным уточнить собственную позицию, в первую очередь, в рамках общей концепции совершенствования вузовского образования, выработанной Президиумом Республиканского совета ректоров.

1. Для укрепления принципа академических свобод, кроме названных каналов реализации, важно предоставить вузам право свободного маневра набором непрофильных дисциплин. Тогда некоторые теоретические (педагогические для непедагогических специальностей) курсы станет возможным читать только в магистратуре. Отдельные блоки дисциплин социально-гуманитарного блока можно, например, перенести в выпускной класс. Но введение анонсированного «синтетического» курса высшего обществоведения на негуманитарных специальностях вместо принятых сегодня социально-гуманитарных дисциплин обеднит гуманитарную подготовку и нравственно-этический тонус будущих инженеров, технологов, медиков. А то, что они, как правило, становятся руководителями коллективов, только подчеркивает необходимость как-то уравновесить в их обучении технократическую и гуманитарную компоненты.

2. Визитной карточкой академических свобод вуза, бесспорно, остается достижение мобильности учебных планов в том числе путем периодического сопоставления с зарубежными аналогами и расширения перечня специальных курсов по выбору обучающегося. При этом в учебный план магистратуры следует внести набор дисциплин для подготовки будущего руководителя коллектива. В плане мобильности назрела необходимость разработки положений об индивидуальном обучении, о нормативном закреплении факультативов, а также методических указаний о применении технологий дистанционного обучения по заочной форме (при наличии требуемого уровня информатизации вуза).

3. Расширение каналов академической свободы вуза позволит находить логичные варианты сокращения срока обучения (менее 5 лет) на ряде специальностей 1-й ступени получения высшего образования. К аргументам в пользу такого сокращения добавлю напоминание, что в советской высшей школе повсеместно (и обоснованно) практиковался 5-летний срок обучения, но при этом до двух семестров за годы учебы «уходило» на перерыв в учебе из-за сельхозработ и военной/медицинской подготовки. Кроме того, белорусская высшая школа располагает магистратурой, способной актуализировать и углубить подготовку специалиста 1-й ступени. К слову, предоставляя выпускникам первое рабочее место, необходимо узаконить преимущественный статус магистра в сравнении с выпускником 1-й ступени.

4. Существенным элементом академической свободы может стать наделение Совета университета (или иного представительского органа) правом дифференцировать размеры трансфертов для обучающихся. Речь идет о том, что кроме установления именных стипендий Совет приобретет прерогативу перераспределять стипендии для студентов, обучающихся по более сложному учебному плану либо осваивающих остродефицитную специальность. Подобный подход будет кстати и для молодого преподавателя, читающего в первый год работы, например, два и более основных курса.

5. Бесспорно, назрела потребность в серьезной и глубоко проникающей в семью и школу профориентации – спланированной долгосрочной программой действий, а не в эпизодическом посещении школ, профтехучилищ, других пиар-мероприятий в рамках приемной кампании. Следует учитывать, что обучение на договорной основе серьезно деформирует профориентационные предпочтения молодежи. Реальностью становится неосознанный, хаотичный выбор, ибо нередко профессиональные устремления определяются не способностями абитуриента, а финансовыми возможностями семьи. Как минимум, профориентация должна детерминировать первичный процесс социализации молодежи («гуманитарий» – «естественник»; претендует на поступление

в или вуз, или в ссуз, или в профучилище), а в выпускном классе этот выбор следует закреплять на индивидуальном уровне.

6. Уровень подготовки абитуриента, даже вопреки стремлению вузов удерживать привлекательную конкурсную ситуацию в условиях демографического спада в стране, становится все обостряющейся проблемой. Отдельные абитуриенты заведомо неспособны к усвоению вузовской образовательной программы. Несколько ослабить проблему способно введение минимального порога для общего результата централизованного тестирования (либо профильного предмета). Видимо, будет полезным определить такой же порог и для среднего балла аттестата. Качественному отбору абитуриентов по конкурсу помогает введенный недавно повышающий коэффициент по профильному предмету при зачислении на художественные, творческие, спортивные специальности. Этот подход полезно распространить на другие специальности, например, при приеме на профиль «иностранные языки»;

7. Поддерживая в принципе увеличение доли самостоятельной работы студента до 50 % учебного времени, полагаю оправданным предостеречь от вероятного волюнтаризма и имитации обучения. Дело в том, что столь весомая доля самостоятельной работы заимствована из зарубежного опыта. Там она допустима благодаря включению студента в практику на предприятии/учреждении, обеспечивающем работу на новейшем оборудовании и с мировым уровнем техники и технологий. В условиях региональных вузов такая возможность имеется далеко не всегда. И ознакомление с инновациями в теоретических курсах становится, вероятно, единственной и понятной альтернативой.

8. Согласен с утверждением об имеющихся кадровых перекосах: излишках либо дефиците подготовки специалистов по отдельным вузовским специальностям. Рынок пока слабо регулирует данный показатель. Однако на рынок нельзя возлагать основные надежды. Дело в том, что в последнее время в общественное сознание исподволь внедряется опасное утверждение о наличии перспективных и неперспективных специальностей. К сожалению, в число неперспективных отнесены и многие педагогические, что вредно и опасно уже для перспективы стабильного развития самого общества. Необдуманно закрыв несколько «неперспективных» специальностей, можем надолго опустошить соответствующую кадровую нишу. Заполнить ее окажется непросто даже в течение 4–5 лет. Равным образом, объявляя иные традиционные специальности перспективными, следует это доказать. Подозреваю, что мониторинг потребности в тех или иных «перспективных» специалистах выявит каналы их бесконтрольного оттока из реального сектора и, как следствие, прожигание бюджетных средств на их подготовку. Полагаю, что в интересах государства все специальности следует считать перспективными, а часть из них – инновационными.

9. Внедрение существенных новаций в содержание образовательного процесса, новых форм и видов учебной работы требуют пересмотра норм времени для расчета объема учебной работы и других основных видов работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом. Отличительной особенностью нового документа должно стать расширение прерогатив университета по дифференциации норм в зависимости от особенностей преподавания и статуса преподавателя. При этом важно закрепить правило не менять штатную структуру ППС в течение учебного года из-за уменьшения контингента обучающихся после отчисления за неуспеваемость, ибо угроза сокращения ставок зачастую заставляет преподавателя проявлять излишнюю лояльность при оценке знаний.

10. В связи с отдельными попытками поставить под сомнение целесообразность изучения обязательной дисциплины «Белорусский язык. Профессиональная лексика» принципиально разделяю высказанную факультетами нашего университета точку зрения о ее сохранении. Игнорирование освоения белорусскоязычной профессиональной лексики будет свидетельством неуважения к национальному языку, не будет способствовать росту сознательного уважения к истории страны, ее традициям и сложившемуся укладу общественных отношений и, рано или поздно, обесценит идею национальной независимости, вступив в противоречие с целями патриотического и идеологического воспитания. Специалист, получивший высшее образование, должен владеть национальным языком на уровне, достаточном для исполнения профессиональных обязанностей. Но для иностранных обучающихся данную дисциплину следует наделить статусом факультатива.

Многообразие вузовской действительности не позволяет ставить точку в предложенном перечне перспективных путей ее совершенствования. Потому данные размышления претендуют лишь на роль побудительного мотива для обширной дискуссии по обозначенной проблематике.

Целиком разделяя вывод о необходимости совершенствования сферы высшего образования Беларуси, неотложного поиска и определения каждым вузом требуемых путей, средств и усилий, все же считаю уместным напомнить: университет – сложный и чувствительный организм. От поспешных и радикальных перемен он традиционно спасается благодаря приверженности принципу взвешенного консерватизма, характерному для любого классического университета. Ожидаю и надеюсь, что и на данном этапе продолжит торжествовать сочетание эвристического и разумного, реформистского и сдерживающего, инновационного и традиционного.

УДК 32.01

С.В. Решетников, Т.С. Решетникова

ДЕСКРИПТИВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Наиболее важными отличительными особенностями политических моделей являются их цели, формы выражения и методологические функции. Дескриптивная модель конструируется 1 целях объяснения и предвидения последствий политического выбора.

Дескриптивные (описательные) модели и типологии являются относительно простыми в применении в сравнении с политическим объяснением (экспланацией) или оценкой политических последствий (результатов). В целом легче описать политику, чем ее объяснить.

Описательная функция (от англ. describe – описывать) связана с ожиданием, что политология ответит на вопрос: какова политическая действительность? Анализ политической действительности заключается в том, что следует выявить наличие значимых политических проблем. Такое выделение проблем требует от ученого принятия за основу определенных нормативных стандартов оценки явлений, а также разработки действенных средств достижения этих стандартов. Конечно, описать или констатировать существование политической проблемы недостаточно. Необходим также теоретический анализ (или «диагноз») выявленного положения вещей. Тем не менее описание – это первый и необходимый шаг дальнейшего анализа. Описание необходимо в определении политических последствий. Дескрипцию (описание) часто ошибочно воспринимают как механический процесс отражения реальности. Каковы возражения против данного тезиса? Во-первых, восприятия аналитика постоянно фильтруются через концептуальный «экран». Описание публичной политики не свободно от субъективной позиции аналитика [1, с. 152]. Второй источник возражений – целевая сущность политической аналитики, т.е. всегда существует причина правительственных заявлений или действий. Эти причины не всегда могут быть ясно и открыто провозглашены. На результаты поиска аналитиков серьезно влияют вопросы, которые перед ними поставлены клиентом.

В связи с этими обстоятельствами необходимо обратить внимание на цели, которые имеют место помимо политического описания. В применении инструментальных техник к анализу политических утверждений и действий существует две ловушки. Во-первых, аналитик должен четко осознавать свою собственную позицию и контролировать ее. Преодолевая личные склонности, аналитик должен следовать ключевым правилам инструментализма. Из-за личных преференций аналитик часто занимает скептическую позицию относительно работы других аналитиков. Очевидно, что для серьезной аналитической работы принятие в расчет техник других аналитиков является неизбежным.

При прочтении политического описания необходимо задать себе вопрос: какие предположения и мотивации должны закладываться в основу анализа. Какие цели, задачи предполагают рамки той или иной дескрипции? Например, системная модель широко используется в политической науке как рамка эмпирических исследований политического процесса. Критики этой модели считают, что это «подчиненные» системе предположения неустойчивости или стабильности являются внутренним

источником предубеждений в этой аналитической схеме. Тем не менее, всегда необходимо принимать в расчет, что всякие схемы нужно воспринимать с определенной долей скептицизма.

Выделяют несколько типов политического описания. В данной статье будет осуществлена попытка понимания многих типов дескриптивных рамок, применяемых политическими аналитиками. Результатом будет схематизация дескриптивных типологий, и подобно иным таким схемам она нацелена на то, чтобы быть полезной для рассмотрения альтернатив при анализе проблем публичной политики.

Как уже было замечено, ряд дескриптивных категорий подчеркивает существенные, внутренние цели правительственных действий и заявлений. Так, политика часто описывается в выражениях «остановка инфляции», «рост возможностей занятости», «ликвидация энергетической зависимости» и др. Эти разновидности мы относим к «интенциональным (намеренным) описаниям». Их особенность заключается в том, что, в общем, эта типология выделяется в соответствии с заявленными целями. «Интенциональные описания» подчеркивают рациональность политического развития и политической имплементации.

С другой стороны, выделяют описание, сфокусированное на том, как правительственные действия и заявления выполняются по сравнению с заявленными намерениями. Это «функциональные описания», которые подчеркивают роли и функции, возникающие на различных этапах политического процесса [2, с. 20].

Вариациями как интенциональных, так и функциональных описаний являются те, которые фокусируются на политике в отношении тех или иных групп народонаселения. «Описания, фокусированные на группах населения», характеризуют правительственные действия и заявления с точки зрения положения тех или иных групп в их окружении и показывают, насколько такая политика является выигрышной или проигрышной.

Реальная политика зачастую имеет дело с альтернативными действиями и программами. Поэтому аналитика, оперирующая такого рода описательными категориями, помогает определить более рациональный курс действий в отношении тех или иных групп населения.

Рассмотрим другие виды описания. «Развивающие описания» (описания публичной политики в ее становлении и развитии) очерчивают историческую картину публичной политики. Публичные политики редко являются «новыми» в смысле того, что они всегда имеют корни или связи с политикой в прошлом. Эти взаимосвязи обеспечивают аналитики лучшим пониманием текущей политики.

«Программные описания» (описание программ) характеризуют специфические виды политик в контексте более общих (главных) направлений политики.

«Компаративные описания» строятся на базе уже описанных типологий с целью сравнения различных видов публичной политики. Компаративные описания могут быть использованы при описании действий правительства в рамках национальных или других политических систем.

Выделяют «институциональные описания», которые основаны на выделении и описании политических институтов.

Типология как вид политического описания

Основой любого описания является типология. Типологии являются инструментом, посредством которого устанавливаются сходства и различия среди

группы объектов, предметов и явлений. Типологии являются сами по себе продуктом двух видов организации деятельности: классификации и определения. Типология – это базовый компонент для описания, потому что она обеспечивает классификацию направлений публичной политики.

Так же как классификации являются основой мышления, типологии обеспечивают базис для категоризации публичных политик и являются основанием политической дескрипции. По этой причине политическим аналитикам необходимо развивать осознание и осведомленность о процессах создания различных классификационных схем применительно к проблемам описания правительственных действий и заявлений.

Простейшие классификации публичных политик есть то, с чем мы сталкиваемся в ежедневном обсуждении. Например, говорят о налоговой политике, образовательной, внешней и т.д. Обсуждая эти вопросы, мы фактически прибегаем к системам классификации как средствам для обозначения, а затем описания (дескрипции) того или иного вида политики. Сознательно или бессознательно, мы постоянно характеризуем политику в определенных терминологических категориях.

Классификация служит для упорядочивания концепций и категорий. Это и есть теоретический процесс, базирующийся на абстрагировании и концептуализации. С другой стороны, есть более специфическая операция, требующая идентификации реальных целей или ситуаций, подходящих для категории, создаваемой через классификационный процесс. Для примера, рассмотрим концептуально простое деление между внутренней и внешней политикой.

Если типологии являются ключом для дескрипции, тогда нам необходимо рассмотреть следующий вопрос: как можно сконструировать типологию, которая может доказать полезность описания различных аспектов общественной политики.

Концепции, которые мы используем для конструирования типологий, зависят от нашей картины мира. Мы собираем факты и объединяем их в кластеры, которые формируют базы для категорий и типологий. На более сложном уровне мы развиваем определенные классификации по поводу политических событий и личностей.

Другая форма типологии строится на концептуализации, основанной на идеализациях. Мы чаще рассуждаем о мире вещей в терминах идеальных типов, нежели эмпирически вызванных восприятий. Эти идеальные типы становятся основой развития описательных классификационных схем. Например, описывая те или иные действия правительства, мы можем классифицировать их как «либеральные» или «социалистические» и таким образом использовать идеализацию тех категорий, которые обозначают направленность политического курса. Конечно, характеристики либеральной или социалистической политики коренятся скорее в абстрактных теориях, нежели в обозреваемой реальности [3, с. 76].

В реальном политическом анализе соединены идеальные характеристики объектов с эмпирическим наблюдением. Эту стратегию характеризует попытка выстраивать типологию внутренней и внешней политики. Это путь, который чаще всего используют аналитики, развивая типологии дескриптивного анализа. Они начинают от категориальных абстракций, а затем пытаются применить их к реальным наблюдаемым явлениям. Однако в процессе подобного отнесения, как правило, выясняется, что типология должна быть адаптирована для того, чтобы отражать реальность мира. С позиций политического анализа наиболее важным является то, какая модель в результате является более полезной для политического описания.

Выделение типов публичной политики

Фокусирование внимания на описании является важным фактором понимания публичной политики. В английском языке слово public означает «общественный», являясь антонимом слова «частный», а понятие «государственный» связано со словом state – государство. В отечественной научной литературе понятие public переводится как «государственный», хотя этот перевод нельзя признать абсолютно корректным. Если в англоязычной литературе используется понятие policy, значит в русскоязычной литературе речь пойдет об экономической, демографической, социальной и других видах политики. В таком контексте само понятие «политика» рассматривается как специфический вид деятельности, который направлен на достижение результатов в конкретной социальной сфере.

Публичная политика как категория тесно связана с категорией «внутренняя политика». Внутренняя политика – совокупность основных направлений деятельности государства и его институтов, нацеленных на сохранение, развитие или реформирование существующей общественной системы. Основными направлениями внутренней политики являются экономическая политика, социальная политика, политика в области культуры и др. Понятие «внутренняя политика» употребляется чаще всего для того, чтобы подчеркнуть различие между внутренней и внешней политикой государства.

Итак, на сегодняшний день понятие «публичная политика» все чаще используется в русскоязычной научной литературе наряду с понятиями «общественная политика» и «государственная политика». Понятие «государственная политика» подчеркивает, что государство является основным субъектом в решении публичных, общественно значимых проблем.

Устоявшимся является разделение между двумя типами характеристик политики: внутренним и внешним. Внутренние атрибуты являются существенными качествами публичной политики. В числе текущих проблем, которые подвергаются анализу, находятся «экологическая политика», «социальная политика», «уголовно-правовая политика» и др. И даже внутри этих субстанциональных классификаций можно говорить о субкатегориях, которые раскрывают дальнейший процесс отражения этих качественных делений [4, с. 32].

Внешние атрибуты концентрируются не на статистических качествах публичной политики, а на правительственных заявлениях и действиях, относящихся к их внешней среде. Здесь мы подчеркиваем динамические характеристики публичной политики и рассматриваем модели взаимодействия между «политиками» и их окружением. Главный пример дескриптивной схемы, основанной на внешних атрибутах публичной политики, – выделение функций политической системы. Эта схема обычно включает четыре типа политики: распределительную (аллокативную), экстрактивную, контрольную и символическую.

Распределительная политика включает распределение благ, статусов и различного рода возможностей. Она может иметь прямые или опосредованные эффекты. Экстрактивная политика означает извлечение «материальных и гуманитарных ресурсов» из окружения. Самой общей формой экстракции являются налоги и пошлины. Этот вид политики может быть реализован в правовой форме возврата частной собственности государству (реприватизация). Если в случае распределительной политики речь идет о получении выгод, то экстракционная

политика вызывает затраты. Экстракции могут быть и прямыми (налоги), и косвенными (рост цен).

Контрольная политика выражается в законах, правилах, действиях институтов, которые осуществляют контроль за поведением индивидов и групп. Такая деятельность часто соотносится с другими политическими заявлениями и действиями, экстрактивными по характеру. Существует ряд определенных характеристик контрольной политики. Контроль, называемый публичной политической деятельностью, может быть прямым и косвенным. Например, житель пригорода Минска, который ездит на работу в центр города, встречается с различными видами дорожного контроля. С другой стороны, житель центра города, который хочет построить дом в пригороде и взять заем под эти цели, также встречается с целым рядом контрольных инстанций.

Важной характеристикой контрольных политических действий является то, что они могут базироваться на применении как позитивных, так и негативных санкций. Уголовное право – пример применения негативных санкций. Позитивные санкции принимают различные формы: от чествований до денежных вознаграждений и т.д.

Символическая политика включает манипуляцию символами для того, чтобы контролировать публичную сферу. Под символической политикой понимают особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов. Символическая политика – это не просто действие с применением символов, а действие, само выступающее как символ. Символические политики зачастую прямо соотносятся с моралью и могут проявляться в публичных массовых действиях. Символические политические акции используются для привлечения внимания к проблемам, которые не принимались во внимание официальными властями.

Приведенная выше типология является одним из примеров типологий, используемых политическими аналитиками для описания правительственных действий и заявлений, которые основаны на учете внешних атрибутов проводимой политики. Ричард Роуз создал классификацию, основанную на том, как проводимая политика соотносится с окружением в данный период времени. Он выделил статический, циклический, линейно-прогрессивный, прерывистый типы политики.

Статическая политика работает на то, чтобы поддерживать статус-кво, а не производить изменения в данный период времени (например, не растут цены, инфляция, налоги и т.д.). Циклическая политика характеризуется регулярной и постоянной флуктуацией политических целей. Линейно-прогрессивная политика является динамичной и поступательной, привлекая все больше средств и ресурсов, создавая новые общественные программы. «Прерывистая» политика связана с резкими изменениями и применением радикальных средств [2, с. 13].

Классификация Роуза позволяет описывать правительственные действия или заявления в соответствии с динамическими изменениями окружения и позволяет сравнивать различные модели этих изменений. Существуют описательные политические типологии, которые соединяют внутренние и внешние атрибуты. Популярной среди аналитиков является схема Теодора Лови.

Т. Лови выделяет три типа политики: дистрибутивная, регулятивная и редистрибутивная. С одной стороны, классификация Т. Лови зависит от того, насколько дистрибуция соответствует затратам и выгодам политики. В этом смысле типология Лови базируется на внутренних качествах политики. С другой стороны,

Лови видит главные различия публичной политики в связи с тем, как властные центры (центры принятия решений) взаимодействуют с их окружением. Например, дистрибутивная политика, по типологии Лови, характеризуется легкостью, с которой может быть распределена по малым блокам. Дистрибутивная политика возникает на политическом фоне, где власть не сконцентрирована, а распределена среди многих групп организованных интересов. В таких условиях политика реализуется в коротком временном режиме при ограниченных ресурсах [5, с. 54].

Регулятивная политика, по Лови, не является внутренне единой (а скорее дисагрегативной). Регулятивная политика имеет место в ситуациях, когда ограниченные ресурсы предназначаются одной из нескольких конкурирующих сторон. В таких случаях должна быть принята модель прямого предпочтения по отношению к тем, кто доминирует, и, соответственно, определение того, кто является аутсайдером.

Редистрибутивные политики также могут призывать правительство сделать прямой выбор между победителями и побежденными, но в условиях, отличных от регулятивных решений. Редистрибутивные политики реализуются в условиях, когда ресурсы настолько ограничены, что распорядиться ими можно только в случае, если их изъять у одних групп и отдать другим группам. Редистрибутивная политика генерирует устойчивую реакцию как тех, у кого изъяты ресурсы, так и тех, кому они переадресованы. Редистрибутивным феноменом является прогрессивный подоходный налог. С помощью различных государственных программ деньги аккумулируются в специальных фондах, которые формируются за счет налогоплательщиков, и конвертируются выгоды для определенных групп.

Базисная типология публичной политики Лови, различающая регулятивную, дистрибутивную и редистрибутивную политики, лежит как во внутренней, так и во внешней сущности проводимого политического курса. Каждая определяется с точки зрения понимания взаимодействия политики со статусом и влиянием групп и секторов внутри общества [5, с. 75].

Другая модификация типологии Лови разработана в рамках сравнительной публичной политики и включает:

1. Дистрибутивные политики (реализуются органами законодательной и исполнительной власти).
2. Секторально-фрагментированные политики (разрешают конфликты между законодателями и исполнительной властью).
3. Эмоционально-символические политики (отражают конфликты между правительством и избирателями).
4. Редистрибутивные политики (своим истоком имеют конфликт между социальными группами и классами).

Другие модификации типологии Лови включают изменения, выполненные Р. Рипли и Г. Франклином. Эти авторы выделяли структурный, стратегический и кризисный виды политики. Кроме того они выделяли конкурентные и защитные направления политики. Конкурентные политики имеют место там, где формируется конкурентный политический рынок. Защитные политики ориентированы на поддержание властных позиций.

Оценка дескриптивных типологий

Какие типологии приемлемы? Какие критерии должны применяться в оценке многих типологий и классификационных схем? На эти вопросы попытался дать ответ

Льюис А. Фроман в 1968 г. Он выделил несколько факторов, которые необходимо принимать в расчет при оценке различных политических типологий [2, с. 44].

1. Включенность (inclusiveness): типология должна быть достаточно широкой, охватывать все известные политические формы.

2. Взаимное исключение (mutual exclusivity) означает, что необходимо избегать возможных совпадений двух или более типов политики (президентская или судебная).

3. Валидность (validity) способность оценивать выделенные для классификации категории, задаваясь вопросами: действительно ли концепции, использующиеся для дифференциации правительственных действий и заявлений определяют, «что оно (правительство) говорит, то оно и делает». Насколько валидными являются институциональные категории, используемые при классификации политики по видам на президентскую, парламентскую, судебную, отраслевую, региональную, местную? Является ли политика парламентской комиссии или ее председателя эквивалентной политике всего парламента?

4. Надежность (reliabity) означает, что типология применима в ряде исследований, сходных по объекту и предмету исследования.

5. Уровень измерения (measurement). Данный критерий необходим для измерений, которые требуется производить профессиональным аналитикам при обработке данных. Необходимо рассмотреть, каким образом можно протестировать типологию и преобразовать ее в еще более сложную форму аналитики. Дескриптивные типологии могут отражать разные уровни измерения.

6. Качественные шкалы позволяют типологизировать политику в соответствии с рядом существенных характеристик. Например, в этом случае можно упомянуть классификацию политики на внутреннюю, внешнюю и смешанную. Эта классификация не претендует больше чем на то, что выделяет виды политик, отличающиеся друг от друга по некоторым признакам. Качественные шкалы определяют номинальные категории и предполагают использование номинальных уровней измерения.

7. Порядковые шкалы позволяют не только выделить типы политики, но также упорядочить их по определенным параметрам. Также шкалы соответствуют ординарным уровням измерения и используются, когда типы политики можно оценить в категорию «более» или «менее». Например в первой половине 1990-х гг. политика РФ была более либеральной, чем в начале 2000 гг.

Наконец, в некоторых типологиях нельзя остановиться только на их номинальных характеристиках и их ординарном порядке, но необходимо установить размеры интервалов, которые отделяют определенные типы. Здесь мы переходим к количественному уровню измерения: проводимая политика и ее результат могут быть точно измерены (чаще всего в денежных затратах). Такие типологии представляют политическую информацию на рациональном уровне.

Итак, каждая дескриптивная модель имеет свой собственный уровень измерения. На номинальном уровне аналитики классифицируют виды публичной политики. На порядковом уровне упорядочивают классификацию. На рациональном уровне происходит количественное измерение результатов той или иной публичной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симонов, К.В. Политический анализ : учеб пособие / К.В. Симонов. – М. : Логос, 2002. – 152 с.

2. Anderson, J. Public Policymaking: An Introduction / J. Anderson. – Boston, 1994. – P. 84–101.
3. Easton, D. The Political System / D. Easton. – N.Y. : Alfred A / Knopf, 1990. – P. 113–129.
4. Балуев, Д.Г. Введение в политический анализ : учеб. пособие / Д.Г. Балуев. – Нижний Новгород : ННГУ, 2000.
5. Almond, G. Comparative Politics Today / G. Almond, B.Powell. – N.Y., 1996. – P. 28–30.

Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S. **Desciptive Differenses of Funcfional Analysis**

The most important dimensions of policy models are their purpose, forms of expression, and methodological functions. Descriptive model is constructed for purposes of explaining and predicting the consequences of policy choises.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.07.2011

УДК 323.1(476)(091)

В.В. Шимов

БЕЛАРУСЬ КАК ПОСТИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье рассматриваются проблемы становления национальной идентичности белорусов. Оценивается роль внешних влияний и факторов на этногенетические процессы.

Общеизвестен факт, что Беларусь на протяжении столетий входила в состав крупных политических образований, зачастую с взаимоисключающими культурно-идеологическими установками. Однако значение этого обстоятельства для формирования белорусской национальной идентичности, как представляется, остается сильно недооцененным. В трудах отечественных историков и публицистов Беларусь и белорусы нередко предстают как замкнутая «вещь в себе», не восприимчивая к приходящим извне влияниям, которые оцениваются как чужеродные и враждебные, разрушающие традиционную белорусскую идентичность. Наиболее красноречиво такой подход обозначен в пьесе Я. Купалы «Тутэйшыя», где «враждебные чужаки» представлены в образе русского и польского ученых-этнографов, обосновывающих «исконную» принадлежность Беларуси России и Польше соответственно. Подобная установка, крайне распространенная в среде белорусской гуманитарной интеллигенции, не позволяет оценить «чужеродные влияния» как значимый фактор формирования национального самосознания белорусов и, более того, самого возникновения белорусов как особого этнополитического феномена.

Наиболее близко к осознанию значимости «внешнего фактора» для Беларуси подошел Ю. Шевцов, который указывает на то, что на протяжении практически всей своей истории белорусы были не самодостаточной «вещью в себе», а, напротив, оказывались вовлеченными в более широкий политико-культурный контекст, выстраиваемый внешними по отношению к Беларуси силами. В связи с этим белорусская культура была вынуждена адаптироваться к этому контексту, который обнаруживал свою неустойчивость во времени и склонность менять знак на противоположный (в качестве подобной «смены знака» можно рассматривать вытеснение польского доминирования российским. В значительной степени разрывом историко-культурной преемственности был и советский период). Следствием этого становится отсутствие устойчивых традиций и культурных форм. «Белорусская идентичность в отличие от русской является в основе своей рациональной формой приспособления к окружающей действительности… Неудачи преследуют всех идеологов, которые пытаются увидеть белорусскую идентичность, проявляющую себя через апологетику некой внешней формы культуры – язык, кодифицированный исторический миф, конфессиональный патриотизм… Здесь нельзя долго хранить ни одной культурной формы… Белорусская идентичность не так связана с культурной формой, как русская или европейская… Форма никогда не успевает отстояться до своей быстрой гибели. К сожалению или к счастью – это, видимо, закон развития культуры в Беларуси: быстрое прогорание не успевшей созреть культурной формы» [1].

Адаптация к политико-культурному контексту того или иного политического образования (Речи Посполитой, Российской империи и т.п.) подразумевает не столько ассимиляцию (хотя выраженные ассимиляционные тенденции также всегда имеют место), сколько максимально комфортное «вписывание» в большое пространство доминирующего государства при сохранении собственной субъектности. Однако

неустойчивость внешнего доминирования, противоборство соперничающих имперских традиций (русско-польское противостояние в XIX в.) и прочие издержки имперского доминирования вызвали у определенных слоев протест и стремление избавиться от имперской опеки как со стороны русских, так и поляков. На этой почве возникает неприятие основных имперских традиций – русской и польской – как чуждых и враждебных. В противовес им развивается культ белорусской самобытности, основанной преимущественно на этноязыковых и фольклорных особенностях белорусской деревни.

Таким образом, на протяжении своей истории Беларусь являлась зоной конкуренции двух больших имперских проектов – (литовско)-польского и русского (частью которого с определенными оговорками можно считать и советский). Белорусский социум реагировал на это противоборство неодинаково, что вело к его политико-идеологической и культурно-языковой фрагментации. В качестве основных типов реакций можно выделить следующие:

1. Полная ассимиляция (полонизация или русификация).

2. «Вписывание» белорусской идентичности в качестве региональной в большое польское (местные литераторы-патриоты из полонизированной шляхты – Ян Чечот, Ян Барщевский, В. Дунин-Марцинкевич) и русское (представители западнорусизма – И. Семашко, М. Коялович, Е. Карский и др.) пространство.

3. Протест против обоих имперских проектов и культ местной самобытности на фольклорно-этнографической основе (белорусский национализм).

Несмотря на то, что на сегодняшний день как польская, так и российская/советская империи не существуют, их культурно-идеологическое наследие продолжает жить, оказывая свое возмущающее воздействие на белорусское общество. В связи с этим представляется оправданным рассмотреть исторический и этногенетический процесс в Беларуси с точки зрения ее пребывания в составе крупных полиэтнических образований и взаимодействия с этими образованиями.

Киевская Русь

Древнерусский период во многом является ключевым для понимания феномена Беларуси. Это древнейший исторический период, время, когда восточные славяне, включая предков белорусов, впервые заявили о себе в масштабах европейского христианского цивилизационного сообщества. В эту эпоху закладываются основы белорусской культуры, связанные с православной религиозной традицией и древнерусской кириллической письменностью. Важной особенностью этого периода является то, что этнополитическая идентичность предков белорусов формировалась как выходящая далеко за пределы региона и интегрирующая их в более широкий – древнерусский – политико-культурный контекст. Закрепляется представление об основном массиве белорусской территории как о части Руси, местное население, его вера и язык идентифицируются как «русские». С высокой долей уверенности можно утверждать, что в случае устойчивого развития Руси в последующие исторические эпохи процесс консолидации восточного славянства в единую национальную общность – русскую – был бы завершен.

Монголо-татарское нашествие привело к дезинтеграции древнерусского пространства и включению отдельных частей Руси в разные политико-культурные контексты. Но и после этого представления о Руси как об общности восточных славян, существующей «поверх» актуальных государственных границ, сохраняли высокую

устойчивость. Характерно, что представление о Руси как о едином этнокультурном пространстве, политически разделенном между Литвой, Польшей и Московией, находили отражение и у иностранцев, бывавших в регионе (эту тему детально исследовал российский историк А. Мыльников [2]. Этнонимы «Русь», «русский», «русин», идентификация языка как «русского» оставались доминирующими у образованного восточнославянского населения Великого княжества Литовского (в систематизированном виде эти свидетельства были в начале XIX в. собраны Е.Ф. Карским [3]). В связи с этим белорусский историк И. Марзалюк констатирует: «Можна з ўпэўненасцю лічыць, што пачатак сваёй гістарычнай традыцыі адукаваная частка насельніцтва Беларусі ў XIV–XVI стст. адназначна звязвала з Кіеўскай Руссю. Бяспрэчна, што пераважная большасць праваслаўнага набілітэта і мяшчанства беларускіх земляў у сярэдзіне XV–XVI ст. ужо ўспрымала ВКЛ як «сваю» дзяржаву і выказвала палітычную лаяльнасць да яе ўладароў. Аднак, як вынікае з наратыўных крыніцаў таго часу, ВКЛ успрымалася імі толькі як «сучасная Бацькаўшчына» («present faterland»), якая ў сілу абставінаў заняла месца «даўняй Бацькаўшчыны» – Кіеўскай Русі» [4].

Как показали дальнейшие события, идея «даўняй Бацькаўшчыны» оказалась способной обретать актуальное политическое звучание: возвышение Московского государства/Российской империи и неблагоприятная конъюнктура для православного населения ВКЛ и Речи Посполитой вызвали к жизни стремление к реинтеграции исторических древнерусских земель, но уже под эгидой Москвы/Петербурга. Причем концептуальное оформление эти идеи нередко обретали в православной среде Западной Руси (Беларуси и Украины) и позднее «экспортировались» в Россию [5]. В XIX в. данная идеология оформилась в виде концепции «триединого русского народа», объединяющего всех восточных славян; ее региональным белорусским измерением был западнорусизм.

Таким образом, древнерусское наследие оставалось значимым фактором формирования политико-культурной идентичности белорусских земель на протяжении всей их истории. Историческая память о Киевской Руси закономерно становилась идеологическим фундаментом для проектов национально-политической консолидации восточных славян. К Новому времени эти проекты обретают выраженный «россиецентричний» характер. В связи с этим неслучайно, что политические проекты, направленные на обособление Беларуси от России, ориентированы прежде всего на деконструкцию «общерусского» наследия в белорусской истории и культуре. В рамках ВКЛ и Речи Посполитой это находило выражение в виде противопоставления «Руси» (т.е. Беларуси и Украины) «Москве», за которой не признавалась не только «русскость», но и славянство (известная концепция Фр. Духинского). В рамках собственно белорусских «незалежницких» идеологий нередко отрицается славянство уже самих белорусов, которые признаются по происхождению балтами и тем самым противополагаются как «Руси», так и «Москве». Другой версией отрицания значимости древнерусского наследия для белорусов является утверждение о суверенитете Полоцкого княжества, которое якобы никогда не входило в состав Руси и всегда противопоставляло себя основным древнерусским центрам – Киеву и Новгороду.

ВКЛ и Речь Посполитая

Монголо-татарское нашествие стало поворотным моментом в истории древней Руси, важнейшим следствием которого явилась дивергенция общерусского политико-культурного пространства и формирование новых точек государственного роста,

закрепившее политическое разделение восточного славянства. С советских времен в качестве аксиомы воспринимается утверждение, что монголо-татарское нашествие и возникновение вследствие его новых государственных образований (ВКЛ и Московского царства) привели к распаду древнерусской народности и формированию трех отдельных восточнославянских народов – русского, белорусского и украинского. Несомненно, формирование на территории исторической Руси новых государственных образований с весьма несхожим политическим и культурным контекстом вело к дивергенции и фрагментации «общерусского» пространства, однако это не был линейный процесс распада, разложения былого единства на три обособленные этнокультурные общности. Как представляется, этнополитические процессы в восточнославянском сообществе после монголо-татарского нашествия носили «турбулентный», нелинейный характер. Они характеризовались тенденциями как к реинтеграции на «общерусской» основе, так и к формированию новых этнополитических общностей, в основе идентичности которых лежит апелляция к позднейшим эпохам раздельного политического существования восточных славян и приуменьшение/отрицание значимости древнерусского наследия.

Эпоха ВКЛ значима прежде всего тем, что именно в этот период происходит постепенное вычленение массива белорусских земель как особого этнополитического пространства, обладающего выраженным своеобразием по сравнению с другими восточнославянскими (исторически русскими) территориями. Однако это пространство не было внутренне однородно, не обрело консолидированной национально-политической идентичности. Внутри него шла борьба между тенденциями к закреплению особого национального статуса вне общерусской идеи и стремлением «вернуться» в рамки общерусского единства, которое переосмысливается как *триединство,* т.е. внутренне дифференцированное единство велико-, мало- и белорусов. Причины этого явления во многом кроются в эволюции белорусских земель в составе ВКЛ и Речи Посполитой.

Формирование ВКЛ, как и Московского государства, происходило фактически на руинах старой киевской традиции. Это был процесс интеграции и консолидации обломков Киевской Руси вокруг новых политических центров. Особенностью литовского центра был его специфический этнополитический статус: в контексте Руси это была дальняя западная периферия, пограничье восточнославянского и балтского миров. Однако в результате монголо-татарского нашествия на Русь, когда восточные регионы либо оказались в непосредственной зависимости от Орды, либо находились в зоне угрозы татарского вторжения, именно эта западная окраина начала играть одну из ключевых ролей в судьбах восточного славянства. Удаленная, а также относительно защищенная лесисто-болотистая местность в условиях государственного упадка восточных и южных регионов Руси становилась удобной площадкой для зарождения новой государственности.

Упадок древнерусской государственности способствовал возвышению литовских князей, которые подчиняют себе не только этнически балтские, но и пограничные славянские территории (Черная Русь), а также земли со смешанным славяно-балтским населением. Длительный опыт совместного проживания славян и балтов на сопредельных территориях делал политическое подчинение пограничных русских территорий язычникам-балтам относительно быстрым и безболезненным. Кроме того, литовские князья сами стремились заручиться поддержкой восточных славян, которые были носителями более высокого культурного и хозяйственно-

технологического уклада и могли способствовать укреплению и возвышению литовской государственности. Таким образом, под властью этнически балтских элит сохранялся культурный «перевес» в пользу восточного славянства, а демографический баланс в регионе неуклонно смещался в пользу славянского элемента: к концу XIX в. славяноязычное население в окрестностях литовской столицы численно преобладало над балтским. Очевидно, это стало возможным как благодаря славянизации коренного балтского населения, так и притоку русских колонистов, привлекаемых в столичный регион княжества литовскими князьями.

Союз Литвы и Западной Руси изначально основывался на взаимной военно-политической выгоде: совместная защита от внешних врагов как на востоке и юге (татары), так и на западе (немецкие рыцари-крестносцы). Однако сближение с Польшей и крещение Литвы в католицизм существенно осложняют ее отношения с Русью. Династический союз Литвы и Польши обосновывался теми же соображениями военно-политической выгоды, что и союз Литвы и Руси. Играл роль и фактор политического престижа: становясь королем Польши, литовский князь Ягайло повышал свой статус в средневековой феодальной иерархии и становился одним из могущественнейших властителей Восточной Европы. Кроме того, обращение литовской аристократии в католицизм и обретение католиками политического доминирования ставило их в эксклюзивное, привилегированное положение в сравнении с православным нобилитетом. Это вызвало бунты православной аристократии, многочисленные переходы на сторону Москвы (прежде всего, окраинных восточных княжеств), а также попытку создать автономное от Литвы Великое княжество Русское во главе со Свидригайлом – литовским князем, опиравшимся на западнорусскую аристократию. Идея Великого княжества Русского и преобразования литовско-польской унии из «союза двух» в «союз трех» была достаточно распространена среди православного населения ВКЛ. Уже в XVII в. на Украине, где сформировалась новая политическая сила – казачество, Великое княжество Русское как третий участник Речи Посполитой на недолгое время практически стало реальностью. В Беларуси, где закрепилось доминирование литовской или лояльной Литве аристократии, эта идея не нашла дальнейшего развития. Белая Русь и Литва четко разделялись на уровне общественного сознания, однако в политико-административном плане они были слиты в единый массив, в результате чего между ними образовалась обширная диффузная зона (включавшая и столицу Вильно), которая характеризовалась этнической чересполосицей и перемежающимся влиянием конфессиональных и культурных традиций. При этом политическое и культурное лидерство было за Литвой, по отношению к которой Белая Русь занимала периферийное и подчиненное положение.

Тем не менее вплоть до XVII в., когда начались казацко-крестьянские войны, западнорусское население оставалось в целом лояльным ВКЛ и Речи Посполитой и стремилось максимально комфортно вписаться в контекст этих политических образований. Как показывает И. Марзалюк, политическая мысль белорусских православных элит стремилась легитимировать существование ВКЛ как равноправного и взаимовыгодного союза Литвы и Руси, а также подчеркнуть мирный характер вхождения Западной Руси в состав ВКЛ и значимость вклада русинов в становление этого государства. При этом подобные трактовки наталкивались на неприятие со стороны собственно литовской элиты: «У творах ужо ўласна літоўскай (калі іх можна так назваць) нацыянальнай гістарыяграфіі сярэдзіны XVI ст. і легенда аб рымскім паходжанні літоўцаў, і інтэрпрэтацыя далучэння ўсходнеславянскіх земляў да ВКЛ

набывае выразную «антырусінскую» скіраванасць. Маем на ўвазе гістарычныя інтэрпрэтацыі Міхалона Ліцвіна і Аўгустына Ратундуса. Русіны ў Міхалона Ліцвіна выступаюць як народ ніжэйшы культурна і цывілізацыйна ў параўнанні з літоўцамі. Гэты аўтар, абапіраючыся на паданне аб рымскім паходжанні літоўцаў і іх мовы, падкрэсліваў іншароднасць старабеларускай моўнай традыцыі для літоўцаў, называў маскоўскім пісьмом старабеларускую кірыліцу: «Рутэнская мова (idioma Ruthenuva) чужая нам, ліцвінам, гэта значыць італьянцам, паходзячым ад італійскай крыві». Супрацьпастаўляецца свабода і незалежнасць літоўцаў у параўнанні з залежнасцю і рабствам «рутэнаў, над якімі тады, як і над маскавіцянамі, панавалі заволскія татары». Толькі літоўцы з'яўляюцца стваральнікамі Вялікага Княства, яны і толькі яны, без дапамогі мясцовага русінскага насельніцтва, вызваляюць землі сучаснай Украіны і Беларусі ад мангола-татараў» [4].

Что же заставляло политический класс Западной Руси оправдывать фактическое подчинение иноэтническим и иноконфессиональным элитам и «закрывать глаза» на шовинистические и ксенофобские тенденции с их стороны?

Очевидно, это было связано с *объективной невозможностью существования самостоятельной восточнославянской государственности* в этот период. После монголо-татарского нашествия Русь была поставлена перед выбором той или иной формы политической зависимости, в результате чего Восточная Русь приняла зависимость от Орды, а Западная – от Литвы. Фактически развернулась конкуренция этих форм зависимости: какая из них окажется более успешной. Реализация Москвой программы собирания русских земель «под крылом» Орды, а впоследствии освобождение от ордынской власти и укрепление независимой российской государственности породили рост промосковских настроений и способствовали оформлению общерусской «москвоцентричной» идеологии и в Западной Руси. Однако успешность московского проекта была далеко не очевидной, поэтому ориентация на Литву и Польшу и стремление вписаться в структуры польско-литовской унии долгое время оставались значимыми трендами в западнорусском обществе.

В силу того, что в польско-литовском союзе все более выраженно доминировало польское начало, Западная Русь также была вынуждена в той или иной форме вписываться в этот польский контекст. Это вело либо к полной ассимиляции и утрате исходной русинской идентичности, либо к преобразованию ее в региональный вариант польской, с сохранением многих местных особенностей. По такому пути эволюционировала идентичность литовской магнатерии и шляхты: «литвинство» превращалось в специфическую региональную разновидность общепольской идентичности по формуле «роду литовского, нации польской». В принципе, в аналогичном направлении могла эволюционировать и русинская идентичность. На это указывает и уже неоднократно цитированный И. Марзалюк: «Ад вялікіх князёў кіеўскіх выводзілі свае радаводы князі Агінскія і Друцкія, што ўспрымалася як бяспрэчны факт у моўна спаланізаваным асяродзі каталіцкай беларускай шляхты нават у 80-я гады XVII ст. Пра гэта сведчыць цікавейшая інтэрмедыя 1689 г. на герб Агінскіх «Брама», створаная і пастаўленая маладымі шляхціцамі-навучэнцамі менскай езуіцкай калегіі ў гонар свайго фундатара канцлера ВКЛ князя Марцыяна Агінскага. Менавіта ад «Глеба і Барыса, княжат рускіх, мучанікаў Хрыстовых» па прамой лініі, як сцвярджалася ў інтэрмедыі, паходзяць князі Агінскія, а іх герб «Брама» – нішто іншае як радавы герб успадкаваны імі ад святых князёў. Менскія шкаляры скарысталі для інтэрмедыі сюжэт з «Аповесці мінулых гадоў» пра забойства Святаполкам Акаянным высакародных

продкаў дому Агінскіх. У інтэрмедыі падкрэслівалася, што і князі Агінскія, і князі Друцкія паходзяць ад «Святога Уладзіміра Адзінаўладцы Рускага». На польскай мове з падмосткаў езуіцкага школьнага тэатру ажывала гісторыя Кіеўскай Русі, якая яшчэ ў гэты час, як выглядае, была «сваёй» і для Марцыяна Агінскага, і для маладых беларускіх шляхцічаў, езуіцкіх шкаляроў. Усе яны размаўлялі па польску і былі каталікамі, але іх гістарычная памяць яшчэ не давала ім забыцца на свае этнічныя карані ды папярэднюю канфесійную прыналежнасць…» [4].

Как представляется, формой интеграции «русскости» в польский культурный контекст было и униатство, причем уния, в отличие от католицизма, позволяла сохранить значительно больший пласт древнерусского культурного наследия, одновременно интерпретируя его в кодах польской культуры. По сути, русины-униаты могли стать своего рода «поляками восточного обряда». Примечательно, что близкую по смыслу формулу – «поляк православного исповедания» – пытались внедрить в сознание православных жителей западной Украины и Беларуси в межвоенной Польше в XX в. [6].

Однако подобная «программа» политико-культурной трансформации Западной Руси далеко не встречала всеобщего одобрения. Идея религиозной унии встретила активное неприятие значительной части православного общества, что спровоцировало рост межконфессиональной напряженности и придало католически-униатскому прозелитизму откровенно агрессивный, доходящий до политического терроризма характер. Все это закономерно провоцировало рост пророссийских настроений в православной среде Беларуси и Украины. В конечном счете, разочаровались в польском проекте и многие униаты, которые так и не «вписались» в политико-культурное пространство Речи Посполитой «на равных» с поляками-католиками, испытывая со стороны последних пренебрежительное отношение и притеснения. Результатом этого стало появление русофильских и проправославных настроений, что в конечном счете привело к воссоединению унии с православием, инициированному уже в рамках Российской империи частью униатской иерархии во главе с Иосифом Семашко. Стагнация и упадок Речи Посполитой и «обратно пропорциональное» усиление России в XVII-XVIII вв., завершившееся ликвидацией РП и переходом белорусских земель в состав Российской империи, логично запускали процесс «переформатирования» белорусской культуры в направлении «москвоцентричного» русофильства.

Российская империя и СССР

Основной смысл эпохи Российской империи – демонтаж польских структур влияния и усиление русского политико-культурного присутствия в Беларуси. Данная тенденция возобладала не сразу. Первоначально Россия, по сути, проводила политику сохранения «польской империи» под своим протекторатом, обсуждались проекты формального восстановления ВКЛ и/или РП. Однако после восстания 1830–1831 гг. российским властям становится очевидной нелояльность поляков, их нежелание смириться с имперским доминированием России. С этого момента и получают свой шанс русофильские элементы, которые становятся опорой имперской политики в регионе. Обретает новую жизнь концепция национального единства всех восточных славян как большого русского народа – наследника и продолжателя традиций Киевской Руси. Следует обратить внимание, что идея русского единства обретает форму *триединства* велико-, мало- и белорусов, т.е. большой русский народ понимался как

внутренне дифференцированная целостность, совокупность традиций трех основных «племен», входящих в его состав. Таким образом, белорусская этнокультурная субъектность не растворялась в большом русском народе, но вписывалась в него как особый феномен. Вместе с тем акцентировалась органическая связь белорусов и белорусского языка и культуры со всеми остальными традициями исторической Руси. Этим обосновывалась необходимость общего для всех восточных славян культурно-информационного пространства на базе единого языкового стандарта, в качестве которого рассматривался (велико)русский литературный язык, получивший к тому времени наиболее «продвинутую» среди восточнославянских наречий обработку. Таким образом, предполагалось формирование двухуровневой культуры, где белорусская региональная традиция органически сочеталась бы с общерусской, обслуживающей потребности государственного управления, «высокой» литературы и науки. Вот как это сформулировал в 1922 г. известный этнограф и лингвист Е.Ф. Карский: «Литература белорусская, отличающаяся жизненностью, как провинциальная, будет существовать и развиваться. Что же касается белорусского языка, которым говорит простой народ, то, желая ему всякого процветания в будущем даже до мирового значения, я по вопросу о введении его сейчас в науку как языка высшего и даже среднего преподавания держусь приблизительно такого же взгляда, какой был высказан в последнее время и одним беспристрастным поляком (проф. И.А. Бодуэном-де-Куртенэ), именно, «что белорусский язык столь близок к языку великорусскому, что ему навряд ли удастся удержаться рядом с этим последним. Для нужд изящной литературы и для нужд науки, белорусы будут, вероятно, пользоваться и впредь языком, выросшим на великорусской почве» – прибавим от себя – не без участия других русских наречий, в том числе и белорусского, особенно в прежнее время. Ведь надо поскорее приобщить народ к культуре, опирающейся на живые народные корни, питающиеся общерусскими соками, а не на чужие (хотя и многолетние) налеты» [7].

К началу XX в. действительно удалось существенно ослабить польское влияние и нарастить русское политико-культурное присутствие в Беларуси. Возникла целая плеяда политических и культурных деятелей (И. Семашко, М. Коялович, П. Жукович, И. Харлампович, Н. Носович, Е. Карский), внесших значимый вклад в формирование «русоцентричной» модели белорусской культуры. В то же время, процесс демонтажа польского и интеграции в русский проект носил весьма нелинейный и турбулентный характер. Структуры польского влияния, несмотря на формальную ликвидацию Речи Посполитой, сохраняли жизненную силу и оказывали активное сопротивление «русификации». Мечта о возрождении Речи Посполитой обусловливала необходимость выработки «польской» версии белорусской идентичности, которая выступала в качестве конкурента и антагониста «русской» модели. Весьма примечательны в этом плане листовки К. Калиновского, который выступал не только с призывами к совместной борьбе против России белорусов и поляков, но и с апологией унии которая, как было показано выше, являлась одним из инструментов «вписывания» белорусской идентичности в польский контекст [8].

Помимо «русской» и «польской» версий, возникает и третья модель белорусской идентичности, одинаково враждебная двум первым. Она противопоставляет белорусов как русским, так и полякам и стремится вывести Беларусь за пределы какого бы то ни было имперского контекста. Новое национальное движение обретает выраженный «революционно-освободительный» характер. XIX в. был веком распространения революционных социалистических идей, связанных с критикой существовавших тогда

порядков. В Российской империи эта критика была связана с неразрешенностью земельного вопроса между помещиками и крестьянами, деспотизмом самодержавной монархии и архаичной сословной структурой общества. В Беларуси социальное брожение и недовольство существующими порядками обрело национальный оттенок – российскому самодержавию и польскому землевладению как основным «угнетающим» началам противопоставлялся не просто отвлеченный социальный идеал, но мечта о «своем» национальном государстве, в котором крестьянин-белорус, к которому преимущественно обращались национал-революционеры, обретет счастье. Таким образом, белорусское национально-революционное движение явилось продуктом как социального недовольства, так и промежуточного положения Беларуси на перекрестке польского и российского имперских проектов и, как следствие, «недоинтегрированности» ни в один из них. В результате освободительный пафос этого движения обратился против обоих.

Вместе с тем, несмотря на антироссийскую риторику белорусского «освободительного» движения, оно оставалось интегральной частью общероссийского революционного процесса. Поэтому представляется вполне закономерным, что национал-революционеры пришли к власти в Беларуси на пике революционной волны, накрывшей всю империю, как попутчики и союзники большевиков. «Освобождение» белорусов, формирование белорусской государственности происходило в рамках Советской федерации с центром в Москве, в геополитическом отношении практически полностью воспроизводившей контуры былой Российской империи. Ранние большевики рассматривали геополитические контуры СССР как временные, рассчитывая на скорую мировую революцию и создание уже мировой Федерации социалистических республик.

Однако начиная с 1930-х гг., когда стала очевидной неосуществимость мировой революции в обозримой перспективе, союзное руководство приступило к планомерному формированию советской политической идентичности, объединяющей всех граждан СССР. Так Беларусь оказалась вписанной в очередной имперский контекст, уже советский, который, несмотря на коммунистическую идеологическую оболочку, воспроизводил основные культурно-языковые характеристики старого российского имперского проекта. В отношении восточных славян также воспроизводятся многие идеологемы старой общерусской идеологии – правда, теперь речь идет не о триедином русском народе, а о трех братских народах, имеющих общий корень – древнерусскую народность. Именно в рамках СССР произошла реальная массовая интеграция белорусов в русскоязычное имперское пространство: формирование единого индустриального экономического комплекса, стремительная урбанизация обеспечили быстрое распространение общеимперских культурно-языковых стандартов среди населения. На наш взгляд, это было обусловлено как внутренней слабостью и незрелостью белорусскоязычной традиции, которая не смогла выработать форм «высокой» культуры, способных конкурировать с русской культурой, так и остаточным влиянием западноруссизма, которое «пережило» период белоруссизации и получило новый стимул к развитию под эгидой доктрины «трех братских народов». В советский период практически полностью ликвидируется политико-культурное влияние Польши на Беларусь: даже католическое население включается в «русско-советское» имперское поле (чему, очевидно, способствует утрата жесткой связи с православием советизированной русскоязычной традиции).

Вместе с тем, глубокая интеграция в «советско-русский» имперский контекст сопровождалась институционализацией особой белорусской идентичности – эти процессы шли «рука об руку», взаимно дополняя друг друга. Закреплению особого белорусского самосознания способствовало, прежде всего, создание белорусской республики – впервые территория Беларуси оформлялась как цельный политико-административный субъект. Важным фактором были и специфически советские процедуры административной фиксации этничности граждан: этнонациональная принадлежность фиксировалась в основных идентификационных документах – свидетельствах о рождении и паспортах. Белорусский язык не стал массовым языком «высокой» городской культуры, однако обрел важное символическое значение как маркер белорусской «особости», причем в ряде случаев белорусскоязычный культурный продукт обретал общесоюзное звучание (например, творчество ансамбля «Песняры»), что также репрезентовало «белорусскость» как особый феномен в рамках советского пространства.

Таким образом, в рамках СССР белорусская идентичность оформилась как особый феномен, который, вместе с тем, являлся интегральной частью русскоязычного имперского культурно-информационного пространства. Данная модель была адекватна условиям СССР и способствовала успешной интеграции белорусов в советский проект.

Распад СССР и постимперская ситуация

Распад СССР создал непривычную ситуацию, когда Беларусь впервые за много столетий оказалась вне непосредственного контроля внешних имперских структур. Эта ситуация требует поиска новых моделей идентичности, способных адаптировать белорусское общество к новым условиям существования. Сложная история белорусских земель, находившихся на протяжении столетий в зоне противоборствующих и во многом взаимоисключающих влияний, не позволяет, на наш взгляд, выстраивать белорусскую идентичность по классическим националистическим схемам, когда история страны предстает в виде целостной и внутренне логичной схемы с однозначно расставленными акцентами: кто друг и кто враг, что хорошо и что плохо и т.п. Учитывая это обстоятельство, наиболее правильным будет рассматривать Беларусь как постимперское пространство, результат конкуренции и взаимного наложения альтернативных культурных, политических, религиозных и прочих влияний, на основании чего следует вырабатывать механизмы мирного сосуществования альтернативных моделей идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевцов, Ю.В. Объединенная нация. Феномен Беларуси / Ю.В. Шевцов. – Москва : Европа, 2005. – С. 71.

2. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы / А.С. Мыльников // Маловідомі матеріали історії України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ukrainaforever.narod.ru/etnodominazia.html. – Дата доступа : 16.06.2011.

3. Карский, Е.Ф. Белорусы. Очерки словесности белорусского племени. Старая западно-русская письменность / Е.Ф. Карский. – Петроград, 1921. – Т. 3 – 246 с.

4. Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў XI–XVII стст. / І. Марзалюк // Гісторыя Беларусі [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.albaruthenia.by.ru/art/edentete.htm. – Дата доступа : 16.06.2011.

5. Неменский, О.Б. Общерусские аспекты идентичности православных деятелей Галицкой Руси в конце XVI – первой трети XVII в. / О.Б. Неменский // Русская линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusk.ru/analitika/2009/08/11/obwerusskie_aspekty_identichnosti_pravoslavnyh_deyatelej_galickoj_rusi_v_konce_xvi_-_pervoj_treti_xvii_v/. – Дата доступа : 29.03.2010.

6. Свитич, А.К. Православная церковь в Польше и ее автокефалия / А.К. Свитич // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://krotov.info/libr_min/s/svitich2.html. – Дата доступа : 16.06. 2011.

7. Карский, Е.Ф. Белорусы. Художественная литература на народном языке. / Е.Ф. Карский. – Минск : Беларус. энцыклапедыя, 2007. – Т. 3. – С. 648.

8. Гронский, А.Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя / А.Д. Гронский // Беларус. думка. – 2008. – № 2. – С. 84–85.

Shimov V.V. **Belarus as Postimperial Area**

In the article the problems of Belarusian national identity are discussed. Influence of external factors is also estimated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.07.2011

УДК 328.181

Н.В. Ляхович-Петракова

ИДЕИ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ БАЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОЦЕНКЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена анализу концептуальных основ общественной экспертизы проектов как направления оценки публичной политики. В качестве теоретической основы общественной экспертизы проектов рассматриваются идеи делиберативной демократии. Определены исторические корни идей делиберативной демократии, выявлены факторы, обусловливающие увеличение значимости делиберативных процедур в современном мире. Показано, что в многосоставном обществе делиберативные процедуры, понимаемые как процедуры массовых консультаций по общественно значимым проблемам с привлечением к разработке публичной политики как можно большего количества граждан, не только выступают как вид политического участия, согласования интересов, но являются инструментом оценки политики, посредством общественной экспертизы проектов. Рассмотрены перспективные виды техник делиберативной оценки: гражданское жюри, консенсусные конференции и др.

Оценка публичной политики – область политической науки и практики, имеющая целью выявление долгосрочных эффектов политик и программ на этапе их подготовки (оценка ex-ante), реализации (on-going) и после реализации (оценка ex-post). Публичный характер политики предполагает, что политические решения и программы не только осуществляются в интересах общества и направлены на удовлетворение его наиболее важных потребностей, но и подлежат общественному контролю на каждом из этапов их реализации. Методики оценки политик и программ экспертами являются достаточно хорошо проработанными, можно говорить о существовании индустрии оценки [1]. Их теоретическую базу составляют теории нового государственного управления, системный подход, структурно-функциональный подход.

Однако и на Западе, и в последние годы на постсоветском пространстве все большую актуальность приобретает вид экспертизы, который осуществляется не только экспертами, органами государственной власти, но является общественной оценкой. Это общественная экспертиза проектов. Правовые [2; 3], социологические [4; 5] аспекты данного явления являются достаточно исследованными. Целью статьи является выявление концептуальных политологических оснований общественной экспертизы проектов и анализ его процедурной составляющей. Задачи: провести анализ концепции делиберативной демократии как основы для общественной экспертизы; выявить факторы, обусловившие изменение представлений о целях и содержании оценочных исследований; рассмотреть процедурную составляющую общественной экспертизы проектов как технологии оценки публичной политики, в контексте концепции делиберативной демократии.

Общественная экспертиза проектов – это вид оценки публичной политики, находящийся на границе деятельности экспертов и институтов гражданского общества. Теоретическую базу технологий и институтов общественной экспертизы составляют теории делиберативной демократии.

Термин «делиберативная демократия» (deliberative democracy discursive democracy) приписывается Джозефу Бессету, который в 1980 году ввел в это понятие в активный политический оборот в работе «Делиберативная демократия. Тихий голос разума». Работа Бессета была посвящена рассмотрению процесса принятия решений в

системе законодательной и исполнительной власти США. Бассет подробно рассматривал проведение дискуссий по социально-политическим вопросам на протяжении истории развития США как процесс обсуждения проблемы (делиберативный процесс) [6].

В политической теории принципы делиберативной демократии имеют глубокие корни. Идеи о необходимости обсуждения проблем, поиске консенсуса при принятии решений можно найти у еще Аристотеля. Аристотель рассматривал политическую сферу как сферу взаимодействия равных граждан (в отличие, например, от отеческой власти), общение, в процессе которого, взаимно просвещая друг друга, граждане вырабатывают наиболее приемлемое решение относительно совместной жизни [7, с. 379–381]. Такое участие имело место в древнегреческих полисах, древнеримских куриях, в городах-государствах средневековой Италии. Население участвовало в обсуждении и решении проблем, значимых для общества.

Термин «обсуждение» (deliberatione) как процедура принятия решений используется в рамках республиканских теорий, теорий гражданского гуманизма эпохи Возрождения. Так, Ф. Гвиччардини [8, с. 125] предлагал ограничить участие народа в политическом процессе, выделив стадии обсуждения и принятия решений. На первую допускались все, т.к. обсуждение общих проблем позволяет человеку проявить лучшие и нейтрализовать худшие качества. Принятие решений рассматривалось как удел немногих.

Однако со времен буржуазных революций при рассмотрении политического участия доминировали либеральные представления [9, с. 381–383]. Мыслители акцентировали внимание в основном на расширении возможностей граждан выбирать своих представителей, рассматривали расширение избирательного права как фактор легитимации органов власти. С момента зарождения политической науки в XIX веке при рассмотрении политического участия акцент делался на решение проблемы ограничения представительства. Демократические транзиты XX века, так же как и буржуазные революции, ставили целью расширение доступа граждан к избранию органов власти и к контролю над чиновниками. Однако как опыт западных демократий, так и опыт демократических транзитов последней четверти XX века показал, что вслед за завоеванием формальных возможностей отдавать свой голос за своего представителя следовал спад политического участия. Актуальной становится проблема абсентеизма, и как результат вставал вопрос легитимации власти.

Эта ситуация имеет и политико-социологическое объяснение. Во второй половине XX века существенно изменилась социальная структура общества, трансформировались коммуникативные процессы, которые, в свою очередь изменили содержание политических процессов. Тем самым был поставлен вопрос о новом качестве государственного управления, и, как результат, о новых техниках оценки качества политики.

Еще в середине XX века О. Тоффлер отметил такую черту социальной структуры, как социальная атомизация [10, с. 660]. М. Кастельс [11] говорит о становлении сетевого общества. Все большее значение приобретают межкультурные конфликты, что получает отражение в теории и практике мультикультурализма. В конце XX – начале XXI века значение сообществ как групп, задающих критерии качества политического решения, отразилось и на содержании политического знания. Так в теориях ориентализма, феминистских исследованиях в политической науке все более заметным становится, что критерии качества результатов политики не являются

универсальными и не выражают волю некоторого абстрактного большинства. На смену большинству пришло множество групп. Ни у кого в XXI веке не вызывает сомнения необходимость соблюдения прав личности. Но становится понятно, что базовые права личности производны от прав сообществ, к которым эта личность себя относит. На первый план выходит вопрос о механизме обеспечения противоречивых интересов разнообразных общностей групп, через их согласование. Включенность личности в общности этнического, религиозного, гендерного и др. порядков определяет картину мира, характер действий в различных ситуациях. И это разнообразие приходится учитывать государству. В результате меняется представление о сущности демократии, как результат, и о процедуре принятия политических решений и их оценки.

Дж. Дьюи, которому приписывается первенство привлечения внимания общественности к проблеме делиберативной политики, подчеркивает значимость демократии не только как власти большинства, но и как механизма достижения власти. «Средства, посредством которых большинство становится большинством, – вещь более важная: предшествующие дебаты, модификация взглядов при встрече с мнениями меньшинств… Другими словами, существенная необходимость демократии заключается в улучшении методов и условий дебатов, дискуссий и убеждений» [12, с. 200].

Своеобразным связующим звеном между представлениями о изменившейся структуре общества и качеством политики может служить высказывание Ю. Хабермаса, который отмечает: «В мультикультурных обществах будет необходима «политика признания», так как идентичность каждого отдельного гражданина переплетена с коллективными идентичностями и ради стабилизации вынуждена попадать в сеть взаимного признания» [12, с. 290]. В атомизированных мультикультурных обществах все большее значение приобретает не содержание итогового политического решения, как результат волеизъявления большинства (т.к. большинства больше нет, а есть множество и пересекающихся по различным основаниям общностей), а процедура согласования интересов групп в процессе их общения. Соответственно, при оценке качества политических решений и результатов политики становится важным их приемлемость для сообществ.

Процедура делиберативной политики в этой ситуации является вариантом решения проблемы легитимации власти. В контексте проблемы легитимности идею делиберативной анализирует, например, Паркинсон [13; 14].

Теоретическую базу делиберативной демократии составляет «теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса. Социальный прогресс видится Ю. Хабермасом прежде всего как развитие познавательных способностей индивида. Он выделяет два типа действий: стратегическое и коммуникативное. Стратегическое действие ориентировано на преследование интереса, на успех, коммуникативное – на взаимопонимание, достижение консенсуса. Пока мы считаем, что действие происходит в «вакууме», его рациональность есть эффективность удовлетворения частных потребностей (именно это часто и понимается как единственно возможная рациональность). Однако, индивиды являются социальными агентами, принимающими в расчет действия других людей. Их действия рациональны настолько, насколько они способны разрешить потенциальные конфликты посредством аргументации. Целью коммуникативного действия является свободное соглашение участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации [16, с. 318].

Феномен коммуникативного действия связан с понятием публичности. В работе «Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма»

Ю. Хабермас, противопоставляя общественный интерес интересу частному, показывает, что публичность предполагает наличие «общего интереса» с другими субъектами, осознание (или эмоциональное переживание) этого интереса, представленность интереса в актуальном публичном дискурсе и включенность субъекта в отношения коммуникации [17, с. 11].

Граждане вовлекаются в процесс принятия политических решений посредством вынесения проблемы на всеобщее обсуждение. В результате обсуждения формируется некоторый общественный консенсус по проблеме. Следует отметить, что субъектами обсуждения выступают автономные объединения общественности. Автономными Ю. Хабермас называет лишь те объединения общественности, которые не производятся политической системой в целях легитимации, и не являются частями этой системы. Эти объединения должны возникать спонтанно из повседневных практик и иметь проницаемые границы [18, с. 108].

Таким образом, делиберативный политический процесс (от англ. deliberate – обдумывать, взвешивать, совещаться, обсуждать) – это процесс массовых консультаций по общественно значимым проблемам с привлечением к разработке публичной политики как можно большего количества граждан. Сферу общих убеждений образуют такие истолкования происходящего со стороны его участников, которые свободны от давления их собственных интересов.

В. Майклман отмечает: «Делиберативная среда предоставляет возможность для добросовестного обмена мнениями в том числе для того, чтобы его участники отчитались, как каждый из них сам понимает свои жизненные интересы, …когда в том или ином решении, если оно принимается, выражается некое обобщенное суждение» [9, с. 389]. Иными словами, делиберативный процесс предполагает замену переговоров (bargaining), соревнования и агрегирования частных интересов рассуждением и аргументацией. Это не рынок, где обмениваются частными предпочтениями, а форум, где обсуждаются аргументы и где нет силы сильнее аргумента [15, с. 107].

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают концепцию Хабермаса идеалистической, делиберативное понимание политики формулирует новый критерий оценки качества политических решений: качественное политическое решение выступает результатом согласования позиций всех заинтересованных сторон посредством публичного дискурса. В результате заинтересованные группы-участники публичного дискурса уже на этапе формирования решения могут оценить и взвесить возможные издержки от его последствий для себя и для сограждан. Делиберативное понимание политики предполагает осознание содержания интересов, в том числе и частных в процессе дискурса, через который происходит их соотнесение с общественными интересами. Т.е. дискурс по проблеме позволяет на этапе формирования политики оценить ее последствия для общества в целом и его отдельных групп и по сути является партисипаторной оценкой ex-ante [1].

Требование включения всех заинтересованных сторон в дискурс по проблеме создает новые процедуры оценки качества политических решений. Одна из проблем модели Хабермаса, на которую указывают исследователи [15], состоит в том, что всех невозможно включить в делиберативный процесс. Д. Паркинсон отмечает, что для обеспечения подлинного обсуждения должны соблюдаться определенные условия:

[1] Оценкой, которая осуществляется адресными группами, участниками проекта на этапе планирования проекта. Технология оценки политики предложена в 70-ых гг. XX века. На сегодняшний день активно используется ООН при оценке результативности программ помощи в слаборазвитых странах.

коммуникативная компетентность, взаимность, всеобщность (inclusiveness) готовность следовать принципу: изменить имеющиеся установки перед лицом лучших аргументов [15, с. 134]. Однако следует заметить, что указания ограничения делиберативного участия являются правомерными, если речь идет о создании некоторого делиберативного общегосударственного форума, призванного рассматривать все проблемы. На практике, как правило, граждане заинтересованы в рассмотрении конкретных вопросов, касающихся насущных проблем. Следовательно, есть смысл говорить о делиберативном форуме не как о методе принятия решений, а как о способе оценки конкретных проектов, оценке публичной политики.

На сегодняшний день можно выделить следующие важные направления экспертизы проектов, которые невозможны без дискурса сообществ по проблеме: гендерная экспертиза (оценивает характер управленческих мер в контексте гендерных различий); фамилистическая экспертиза (обеспечивает реализацию задачи формирования социальной безопасности семьи); ювенологическая экспертиза (направлена на «взвешивание» воздействий исследуемых условий, факторов и управленческих мер и их оптимизацию с позиции молодёжи); этнологическая экспертиза (направлена на оценку возможных последствий реализации программ и проектов развития в части их влияния на этнические группы); потребительская экспертиза (защита интересов и прав населения в области потребления материальных благ и услуг). Этот список является далеко не полным и может дополняться в зависимости от конкретной страны и социально-политической ситуации. Очень часто нуждаются в общественной экспертизе проекты, для которых в принципе невозможно выделить одну четко очерченую группу, интересы которой затрагиваются, так как проблема касается всех и может вызвать реакцию с любой стороны. Например, экологические проблемы, вопросы политики в сфере здравоохранения. В отличие от оформившейся во многих западных странах системы функционального представительства, многие из существующих в современном мире общностей (чья картина мира задает критерий оценки качества политики) не являются представленными в конкретных институтах которые могли бы осуществить их функциональное представительство, как это делают, например, профсоюзы и другие заинтересованные группы. Этим общностям технологии общественной экспертизы и оценки проектов позволяют повлиять на решение и оценку проблем, значимых для них.

Процедуры общественной экспертизы являются хорошо разработанными и применяются в западных странах [19]. В качестве таких процедурных форм общественной экспертизы могут выступить различные виды общественных форумов. В частности, гражданское жюри (citizens' jury). Эта идея была предложена П. Даенелем и Н. Кросби в США, обосновавшими идею возрождения института народных собраний (Citizens Jury), а затем запатентована некоммерческой организацией «Джефферсон Центр» в 1974 году. «Гражданским жюри» обсуждались, например, проблемы демократического управления в штате Миннесота, проблемы здравоохранения в штате Орегон. В Германии в это же время возникла практика «ячеек планирования», на которые собиралось 20–25 граждан муниципалитета для обсуждения проблемы и совместного формирования общего решения. В первую очередь таким образом обсуждались вопросы, связанные с разработкой планов развития городов [20, с. 18–21].

Позднее были разработаны технологии «гражданских конференций», или «конференций по достижению консенсуса» (consensus conferences). В рамках этих конференций представители общественности с использованием «перекрёстного

допроса» экспертов анализируют и обсуждают проблемы политики, в первую очередь в области новых технологий. На основании обсуждений вырабатывают рекомендации, которые затем рассматриваются парламентом. Сегодня этот метод широко используется также в Германии, Великобритании, США, Канаде, Австралии, Бразилии, Индии, Южной Корее других странах). Он получил распространение и показал эффективность в сфере медицинского обслуживания [21].

К числу техник общественной экспертизы можно отнести также Совещательные советы граждан (Citizen deliberative councils) – временные группы граждан, адекватно отражающие состав населения, которые приглашаются для обсуждения общественно-значимых вопросов, а также для выработки рекомендаций для чиновников и для населения [22]. Разработаны процедуры отбора участников и деятельности рассматриваемых структур [20–22].

На постсоветском пространстве рассмотренные выше и многие другие методы общественной экспертизы рассматриваются как исключительная сфера интересов гражданского общества [22]. Скорее как способ выражения интересов, нежели как инструмент оценки политики. Однако, как показывает анализ условий возникновения и содержания концепции делиберативной демократии, в многосоставном обществе именно процедуры делиберативной демократии имеют большой потенциал как инструмент предварительной оценки политик и программ, повышения качества государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачлер, Дж. Оценка региональной политики в европейском сообществе / Дж. Бачлер // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск : Экор, Сибирское соглашение. – 2000. – С. 200–232.

2. Ивлиев, П.В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации как институты гражданского общества : автореф. ….дис. канд. юрид. наук: 12.00.01 / П.В. Ивлиев. – Санкт-Петербург, 2010. – 20 с.

3. Новоселецкая, Ю.В. Правовые аспекты осуществления общественной экспертизы Общественной палатой Российской Федерации / Ю.В. Новоселецкая // Российская юстиция. – 2008. – № 1. – С. 26–28.

4. Захарова, В.И. Общественная экспертиза законопроектов: социологический анализ : автореф. …дис. канд. социол. наук: наук: 08.00.10; 08.00.05 / В.И. Захарова. – М., 2005. – 21 с.

5. Сунгуров, А.Ю. Что такое «Общественная экспертиза» и чем она отличается от «экспертизы профессиональной» / А.Ю. Сунгуров // Режим доступа : htth// strategy-spb.ru/vtt/?do=lib&doc=612/. – Дата доступа : 27.06.2011.

6. Бессет, Дж.М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти / Дж. Бессет. – М. : РОССПЭН, – 2011. – 336 с.

7. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.

8. Гвиччардини, Ф. Заметки о делах политических и гражданских / Ф. Гвиччардини. – М. : Рипол Классик, 2009. – 244 с.

9. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 2001. – 417 с.

10. Тоффлер, О. Третья волна / О. Тоффлер. – М. : Назрань, АСТ, 1989. – 781 с.
11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
12. Назарчук, А.В. Этика глобализирующегося общества / А.В. Назарчук. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2002. – 381 с.
13. Parkinson, J. Legitimacy Problems in Deliberative Democracy / J. Parkinson Political Studies. – 2003. – Vol. 5. – P. 180–196.
14. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. – М. : Праксис, 2005. – 368 с.
15. Parkinson, J. Deliberating in the Real World / J. Parkinson. – Oxford university press, 2006. – 220 p.
16. Громов, И.А. Западная социология / И.А. Громов, А.Ю. Мацкевич, В.А.Семенов. – Санкт-Петербург : Ольга, 1997. – 372 с.
17. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 123–136.
18. Шматко, Н.А. Феномен публичной политики / Н.А. Шматко // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 106–112.
19. Атли, Т. Пора переходить от общественного мнения к общественному решению / Т. Атли / Центр ЭКОМ. – Режим доступа : http//ecominfo.spb.ru/files/493.pdf. – Дата доступа : 27.06.2011.
20. Общественное участие в разработке и реализации экологической политики: региональный опыт / под ред. В.М. Захарова, М.И. Васильевой. – М. : Акрополь, ЦЭПР, 2007. – 144 с.
21. Боржелли, Н., Брайт, В. Общественные советы как механизм консультаций государства с общественностью / Н. Боржелли, В. Брайт // Государство и гражданское общество: практика эффективного взаимодействия. Международный опыт : сб. ст. и док. / сост. Е.Б. Тонкачёва, Г.Б. Черепок. – Минск : ФУАинформ, – 2009. – С. 154–161.
22. Руденко, В. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности / В. Руденко // Государство и гражданское общество: практика эффективного взаимодействия. Международный опыт : сб. ст. и док. / сост. Е.Б. Тонкачёва, Г.Б. Черепок. – Минск : ФУАинформ, 2009. – С. 162–173.

Luakhovich-Petrakova N.V. **The Idea of Deliberative Democracy as a Conceptual basis of Public Assessment in Public Policy Evaluation**

This article is devoted to an analysis of public assessment conceptual foundation, as the direction of public policy evaluation. The idea of deliberative democracy as a theoretical basis for public assessment is considered. Historical roots of deliberative democracy ideas are identified. Defined the factors that contribute to an increase in the importance of deliberative processes in the modern world are defined. In a multisfale sociegy deliberative procedures undersfood as procedures of mass consultation on public issues involving to design public politics as many citizeus as possible act not only as a tupe of polihical participafion, coordinatiouof inderests, but are the tools of polihics evalualion by public assess ment of projecfs. The perspective softs of deliberale evaluabion technigues: public jury, concensus conferuces, ele, are considerad.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.07.2011

УДК 32:378.016

Е.М. Ильина

НАУЧНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПОДГОТОВКИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

В условиях увеличения государственного заказа на прикладное политическое знание в соответствии со стратегией всеобъемлющей информатизации актуализируется проблема повышения качества подготовки инновационно-ориентированных специалистов для органов государственной власти и управления с профессиональной квалификацией «политолог-юрист». Статья посвящена актуальной проблеме интеграции научной и образовательной парадигм в системе менеджмента качества подготовки политологических кадров в контексте конкретной учебной дисциплины (на примере взаимосвязи инновационного учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь», основанного на компетентностном подходе и технологиях проблемно-модульного обучения, с ключевыми процессами и видами деятельности системы менеджмента качества Белорусского государственного университета и другими дисциплинами учебного плана по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)»).

Введение

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 2010 г. Глава государства А.Г. Лукашенко одним из пяти приоритетных направлений развития белорусского государства назвал стратегию всеобъемлющей информатизации, которая ориентирована на предоставление широкого спектра электронных услуг для граждан и бизнеса, а также переход государственного аппарата на работу по принципу информационного взаимодействия. Согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., одобренной протоколом Национальной комиссии по устойчивому развитию Республики Беларусь от 6 мая 2004 г. № 11/15ПР, формирование информационного общества на инновационной основе является одним из национальных приоритетов Беларуси и рассматривается как общенациональная задача, требующая координации и объединения усилий государства, бизнеса и гражданского общества.

Очевидно, что выбор приоритетных направлений государственной политики информатизации (ГПИ) – это стратегическое политико-управленческое решение, значение которого для развития республики трудно переоценить. Складывающиеся реалии поставили перед политологическим сообществом вопрос о необходимости специального квалификационного исследования процесса формирования и реализации ГПИ в Республике Беларусь, которое *впервые* было проведено на кафедре политологии юридического факультета БГУ [1]. Результаты проведенного научного исследования вошли в основу авторского инновационного учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь», разработанного в соответствии с требованиями учебного плана по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)» специализации 1-23 01 06-01 03 «Политика и государственное управление». Данный курс, посвященный проблемам теории и практики процесса ГПИ, *впервые* включен в учебный процесс юридического факультета БГУ и занял свое место в цикле дисциплин подготовки политологических кадров [2].

Приказом ректора на факультетах и в подразделениях БГУ развернута активная работа по разработке и внедрению системы менеджмента качества (СМК) образования на базе международных стандартов. Кафедра политологии как ведущее структурное

подразделение юридического факультета БГУ в области подготовки специалистов и кадров высшей квалификации по политическим наукам в Республике Беларусь придает большое значение этому процессу. Профессорско-преподавательский состав кафедры в пределах своей компетенции выполняет Политику БГУ в области качества и участвует в осуществлении конкретных процессов СМК, в том числе обеспечивая включение тематики своих дисциплин, например, учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь», в общую систему обучения и воспитания специалистов для органов государственной власти и управления с профессиональной квалификацией «политолог-юрист».

Представляется, что на пути к информационному обществу в условиях активного развития в БГУ СМК образования выпускникам вуза необходимо не только усвоение новых знаний по теории политического процесса в белорусском обществе, но и приобретение практико-ориентированных навыков принятия эффективных политико-управленческих решений посредством массового внедрения в учебный процесс новых образовательных технологий. Инновационный курс «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь», являясь результатом многолетних исследований, способствует комплексному решению данных задач путем интеграции научной и образовательной парадигм.

Цель настоящей статьи – раскрыть актуальные научные и образовательные аспекты в СМК подготовки политологических кадров в контексте конкретной учебной дисциплины. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: представить алгоритм прикладной методики политического анализа государственной политики информатизации; раскрыть модульную структуру содержания инновационного учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь» и предложить приемлемую комбинацию современных педагогических технологий с учетом его специфики, содержания и состава компетенций специалиста-политолога; установить взаимосвязь конкретной учебной дисциплины, на примере данного курса, с ключевыми процессами и видами деятельности СМК БГУ, а также рассмотреть его основные взаимосвязи с другими дисциплинами учебного плана по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)».

Интеграция научной и образовательной парадигм в инновационном процессе подготовки политологических кадров

Проведенное комплексное научное исследование процесса формирования и реализации ГПИ в Республике Беларусь позволило выявить особенности данного процесса посредством моделирования его внутренней институциональной структуры и динамики, научного обоснования конкретных практических направлений совершенствования и возможных перспектив его развития. Учитывая сверхсложность и уникальность современных политических процессов, весьма актуальной методологической проблемой стала трансформация фундаментального теоретико-методологического инструментария в прикладные методики политического анализа процесса развития белорусской политической системы в контексте формирования информационного общества. В результате проведенного исследования инструментарий общенаучных и специальных методов познания удалось объединить в прикладной методике, основанной на интегративном статико-динамическом подходе, который *впервые* в отечественной политической науке позволил выявить внутреннюю институциональную структуру и динамику процесса ГПИ как структурно-функциональной развивающейся иерархически-

сетевой целостности. Алгоритм данного подхода можно представить в виде последовательной имплементации следующих трех шагов:

1. Формализация периодизации процесса ГПИ Республики Беларусь в контексте трансформации ключевых центров принятия решений и их функций (рис. 1).

2. Разработка структурно-функциональной модели современного механизма принятия решений в сфере ГПИ Республики Беларусь (рис. 2).

3. Наполнение конкретным структурно-функциональным содержанием теоретической модели политико-управленческого цикла ГПИ в контексте реализации программы «Электронная Беларусь» (рис. 3).

Указанный подход достаточно *универсален,* и его можно распространить на анализ политики во всех сферах и на всех уровнях жизнедеятельности социума и государства. В рамках данного подхода политический процесс можно представить как органическое единство взаимосвязанных структурно-функциональных развивающихся иерархически-сетевых целостностей, характеризующих процессы формирования и реализации всей совокупности проводимых в рамках политической системы политик [3, с. 101–109].

Материалы и выводы научного исследования интегрированы в образовательный процесс при проведении занятий по инновационному учебному курсу «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь», который читается на 3 курсе отделения политологии юридического факультета БГУ в блоке дисциплин вузовского компонента. *Цель курса* – усвоение студентами в систематизированном виде теоретико-методологических и прикладных аспектов процесса формирования и реализации ГПИ в Республике Беларусь в условиях развития информационного общества. Учебный курс предполагает предварительное усвоение студентами социально-гуманитарных, управленческих и правовых дисциплин, предусмотренных учебным планом по специальности, и связан с изучением обширного документального и фактического материала, почерпнутого автором из опубликованных источников в отечественной и зарубежной печати, а также данных на сетевых электронных ресурсах. Данный курс может быть использован в процессе повышения квалификации и переподготовки кадров.

В основу структурирования содержания курса и его программы (предусматривает 62 аудиторных часа, из них 34 часа лекций, 22 часа семинарских занятий, 6 часов контролируемой самостоятельной работы) заложен *принцип модульности*, который создает наиболее благоприятные условия для обеспечения самостоятельной работы студентов и предполагает организацию научно-теоретического материала в учебные модули (рис. 4). Во введении в учебный курс (М-О) обосновывается актуальность изучения курса, раскрывается его структура, источниковая база, роль в формировании и развитии компетенций выпускников вуза и место в цикле дисциплин политологического образования. Первый модуль курса (М-1) сконцентрирован на теоретико-методологических основах ГПИ. Особое внимание уделено кругу проблем, которые в условиях развития информационного общества выдвигаются на авансцену государственной политики информатизации в качестве приоритета. Второй модуль курса (М-2) посвящен политико-правовым основам ГПИ в Республике Беларусь. Проведена подробная периодизация процесса ГПИ и систематизация отечественного информационного законодательства. Третий модуль курса (М-3) раскрывает механизмы имплементации ГПИ в Республике Беларусь, основные подходы к оценке эффективности ее реализации, возможные перспективы развития и направления совершенствования. В заключении учебного курса (М-R) обосновывается специфика процесса разработки и имплементации ГПИ в Республике Беларусь.

Смотрите на последних страницах

Смотрите на последних страницах

Смотрите на последних страницах

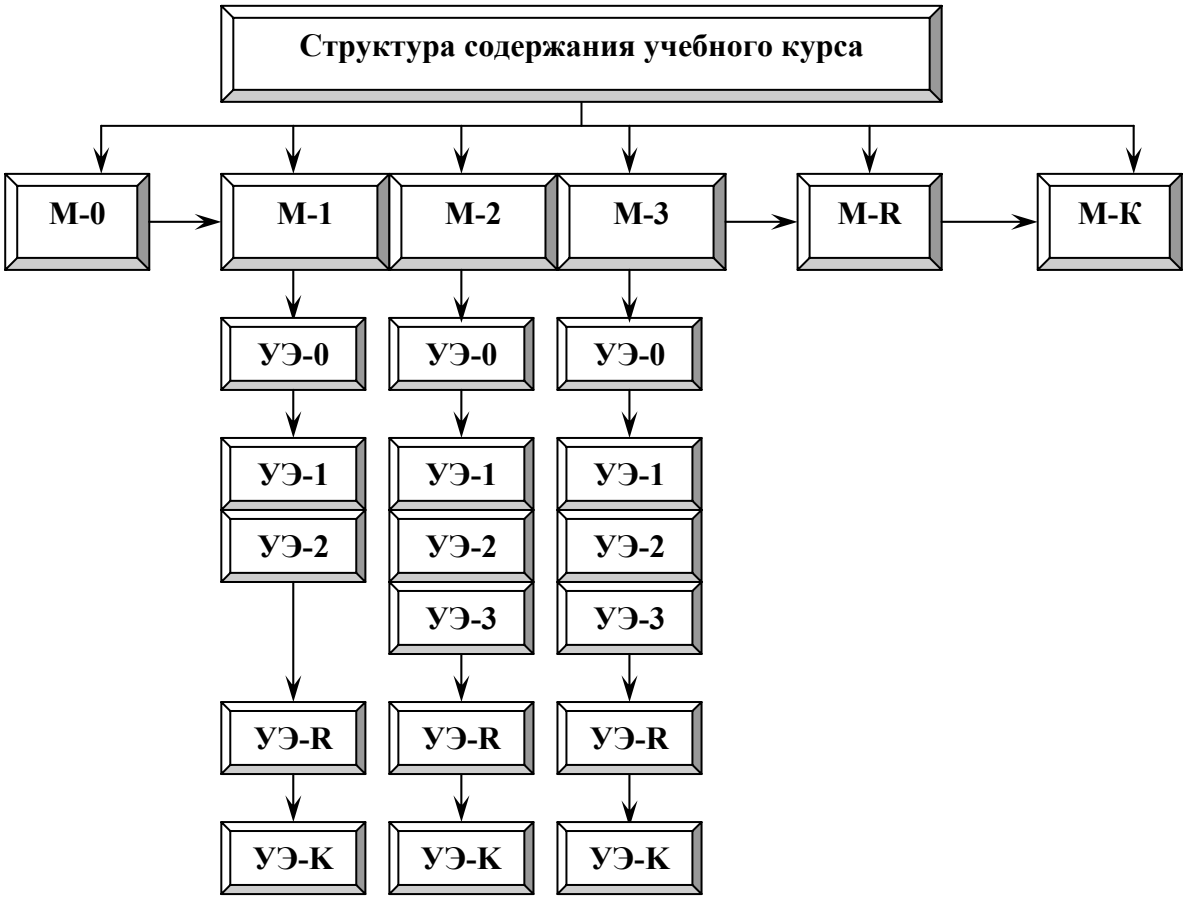

Рисунок 4 – Модульная структура содержания учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь»

Примечание: М – модуль; М-0 – введение в учебный курс; М-1, М-2, М-3 – модули теоретического содержания курса (разделы); М-R – резюме (заключение) учебного курса; М-К – итоговый контроль по курсу (зачет); УЭ – учебный элемент; УЭ-0 – введение в модуль; УЭ-1, УЭ-2, УЭ-3 – учебные элементы теоретического содержания модуля (учебные темы); УЭ-R – резюме модуля; УЭ-К – контроль по модулю.

По каждому учебному модулю преподавателем могут проектироваться и применяться различные инновационные образовательные технологии по формированию и развитию у студентов конкретных академических, социально-личностных и профессиональных компетенций (табл. 1).

Таблица 1 – Методы (технологии) и формы учебного процесса

<table>
<tr><td>Методы (технологии) обучения</td><td colspan="3">Основные формы и виды</td></tr>
<tr><td>Технологии модульного целевого подхода</td><td colspan="3">Формы проблемно-модульного, блочно-модульного, модульно-проективного, модульно-комплексного обучения</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Активные методы обучения</td><td rowspan="2">Неимитационные</td><td colspan="2">Имитационные</td></tr>
<tr><td>Неигровые</td><td>Игровые</td></tr>
<tr><td>Проблемные лекции, проблемно-активные практические занятия и семинары, тематические дискуссии и доклады, тренинги, конференции, олимпиады, практика</td><td>Анализ конкретных проблемных ситуаций, имитационное моделирование процессов

«Кейс-стади» (ситуационное обучение): кейсы гарвардского типа; кейс-истории; мини-кейсы</td><td>Деловые игры, имитационные игры, организационно-деятельностные игры, ролевые игры</td></tr>
<tr><td>Проектные технологии</td><td colspan="3">Исследовательский проект, информационный проект, творческий проект, ролевой (игровой) проект</td></tr>
<tr><td>Коммуникативные технологии</td><td colspan="3">Пресс-конференция, учебные дебаты, мозговой штурм, синектика, дискуссия</td></tr>
<tr><td>Информационные технологии</td><td colspan="3">Электронные учебники, электронные базы данных и библиотеки, обучающие и контролирующие программы, технологии мультимедиа и гипертекстовые технологии</td></tr>
<tr><td>Технологии научно- и учебно-исследовательской работы студентов</td><td colspan="3">Исследовательская практика, рефераты, эссе, курсовые работы, конференции, конкурсы студенческих работ, факультативы</td></tr>
<tr><td>Управляемая самостоятельная работа студентов</td><td colspan="3">Индивидуальные консультации, контрольные работы, тематическое тестирование, работа с литературой, рефераты, эссе, курсовая работа, учебно-методический комплекс</td></tr>
</table>

Учебная дисциплина в СМК БГУ (на примере инновационного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь»)

Автор статьи, являясь уполномоченным по качеству, рассматривает проблематику внедрения СМК на кафедре политологии БГУ с позиции ее главного звена – поставщика образования (профессорско-преподавательского состава) – в двух аспектах [4, с. 58–63]:

✓ в контексте взаимосвязи учебной дисциплины с ключевыми процессами и видами деятельности СМК БГУ, изложенными в стандартах университета, в рамках должностной инструкции доцента (на примере учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь»);

✓ в контексте ключевых взаимосвязей учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь» с дисциплинами, читаемыми на отделении политологии в соответствии с утвержденным рабочим учебным планом юридического факультета по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)» на 2010–2011 учебный год (рис. 4).

Доцент, согласно должностной инструкции доцента кафедры юридического факультета, обеспечивая включение тематики своего предмета (инновационного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь») в общую систему обучения и воспитания студентов на отделении политологии, в пределах своей компетенции исполняет Политику БГУ в области качества и участвует в реализации четырнадцати конкретных процессов СМК.

Смотрите на последних страницах

В качестве ключевых процессов и видов деятельности СМК БГУ, изложенных в стандартах университета, в контексте взаимосвязи с указанным учебным курсом можно выделить следующие: СТУ ОП 6.3-01-01-2010 – учебно-методическое обеспечение учебного процесса, СТУ ДП 7.4-02-01-2010 – взаимодействие с поставщиками (п. 6.4), СТУ ДП 7.2-01-01-2010 – маркетинг и взаимодействие с потребителями, СТУ ОП 7.5-01-01-2010 – подготовка специалистов на первой ступени высшего образования, СТУ ОП 7.5-05-01-2010 – научная и инновационная деятельность (пп. 6.1; 6.2; 6.3), СТУ ДП 7.2-02-01-2010 – международная деятельность (п. 6.4), СТУ ОП 7.5-07-01-2010 – идеологическая и воспитательная работа, СТУ ДП 8.2.4-01-01-2010 – мониторинг и оценка студентов (п. 6 и приложения), СТУ ДП 8.3-01-01-2010 – управление несоответствиями, СТУ ДП 8.5-01-01-2010 – корректирующие и предупреждающие действия.

Учебный курс «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь» органически связан с дисциплинами, читаемыми на отделении политологии юридического факультета в течение пяти лет подготовки политологов-специалистов на первой ступени высшего образования как профессорско-преподавательским составом кафедры политологии (на рис. 4 обозначены более жирным контуром), так и других кафедр юридического факультета. Например, прослеживается связь учебного курса с такими дисциплинами кафедры политологии, как «Введение в политическую теорию», «Основы идеологии белорусского государства», «Политическая идеология», «Методология политической науки», «Политические проблемы современной глобалистики», «Политическая психология», «Права человека», «Теория политики», «Теория принятия политических решений», «Политическая культура», «Организация избирательных кампаний», «Теория политических систем», «Правила парламентской процедуры», «Теория и практика оценки публичной политики», «Общественная политика».

Заключение

1. На современном этапе развития высшей школы в условиях внедрения в БГУ СМК образования инновационный процесс подготовки политологических кадров предполагает: трансформацию фундаментального методологического инструментария в прикладные методики политического исследования, учитывая сверхсложность и уникальность политических процессов; проецирование прикладных методик политического исследования на педагогическую практику учебных курсов с учетом их специфики; выбор приемлемой комбинации инновационных образовательных технологий, исходя из задач учебных курсов, специфики учебных модулей и ориентации на усиление роли управляемой самостоятельной работы студентов; развитие метапредметных компетенций по решению задач и ситуаций в контексте реальных социально-профессиональных проблем.

2. В рамках должностной инструкции доцента выявлены взаимосвязи учебного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь» с ключевыми процессами и видами деятельности СМК БГУ, изложенными в стандартах университета, что может представлять интерес для профессорско-преподавательского состава БГУ и других вузов страны.

3. Установлено, что в рамках СМК вуза качество учебного курса напрямую связано с тем, как он вписан в общую систему обучения и воспитания студентов и каков его вклад в процесс подготовки конкурентоспособных на рынке труда

специалистов. Данный подход можно распространить на любую другую учебную дисциплину.

4. Показано, что учебный курс связан с дисциплинами учебного плана юридического факультета по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)», что обеспечивает его включение в общую систему обучения и воспитания политологов-специалистов и является необходимым условием внедрения СМК на кафедре политологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильина, Е.М. На пути к информационному обществу: государственная политика информатизации в Республике Беларусь: моногр. / Е.М. Ильина. – Минск : РИВШ, 2010. – 182 с.

2. Ильина, Е.М. Государственная политика информатизации в Республике Беларусь : метод. указания по курсу : для студентов юрид. фак. спец. 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)» / Е.М. Ильина. – Минск : БГУ, 2010. – 67 с.

3. Ильина, Е.М. Теоретико-методологические основы политического процесса в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу / Е.М. Ильина // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. Науки : В 2 ч. Ч. 1 / РИВШ; под ред. В.Ф. Беркова. – Минск, 2010. – Вып. 9 (14). – С. 101–109.

4. Ильина, Е.М. Учебная дисциплина в системе менеджмента качества Белорусского государственного университета (на примере инновационного курса «Государственная политика информатизации в Республике Беларусь») / Е.М. Ильина // Вышэйш. шк. – 2010. – № 5 (79). – С. 58–63.

Ilyina E.M. **Scientific and Educational Aspects in a Quality Management System of Politological Personnel Education**

With increasing government order for the applied political knowledge in accordance with the strategy of comprehensive informatization the problem of improving of education quality of innovative specialists for the bodies of state authority and administration with professional qualification «politologist-lawyer» is updated. The article is dedicated to the actual problem of scientific and educational paradigms integration in a quality management system of politological personnel education in the context of a specific discipline (by the example of the interrelations of an innovative training course «The Public Policy of informatization in the Republic of Belarus», based on the competence approach and technology problem-modular training, with key processes and activities of quality management system of the Belarusian state university and other disciplines of the curriculum for a specialty 1-23 01 06 «Politology (in directions)»).

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.07.2011

УДК 323.2.01

Д.В. Белявцева

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРАНИЧЬЯ ВОСТОЧНОЙ/ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

В статье анализируются методологические подходы к интерпретации политических процессов, происходящих в Пограничье Восточной/Центральной Европы. Автор приходит к выводу, что в современных условиях для изучения формирующихся пространственных образований классические подходы политической науки необходимо дополнять концепциями, наработанными в социо-гуманитарном знании, в частности концепции «места» и «сетевого взаимодействия», а также контекстуальный подход. Они позволяют объяснять дуализм политических процессов, происходящих в Украине, Беларуси, Литве, и показать преимущества пограничных условий указанных стран. Исследователь сосредоточивается в первую очередь на потоках различной природы, проходящих через рассматриваемый регион. Подчеркивается, что взаимовлияние потоков создает новые пространственные конфигурации, отличные от географических. В частности, страны, расположенные на периферии центров принятия решений, активно включаются в социальную, экономическую и политическую кооперацию как с Европейским Союзом, Россией, так и между собой, что позволяет им реализовать и укрепить национальную идентичность и суверенитет.

Мы сформированы нашим прошлым,
но с нашей выгодной позиции в настоящем
мы постоянно придаем новую форму тому
прошлому, которое формирует нас
К. Хилл

Несовпадение темпов посткоммунистической трансформации, а зачастую и ее разнонаправленность в Украине, Беларуси, Польше и Литве (Пограничье Восточной/Центральной Европы) подталкивает исследователей к поиску новых методологических подходов к прочтению политического текста указанных стран. Следует также подчеркнуть, что уже не всегда срабатывают известные ссылки на общность исторического прошлого, ментальных карт, способов освоения пространства и т.д. В связи с этим, представляется, что перед исследователями стоят проблемы поиска конструктивных способов анализа политических процессов в указанном регионе, их рационализации, а также актуализации концепций, выработанных в смежных научных областях, в частности в политической географии, экономике. Тем более, что политические исследования производят и истолковывают информацию, имеющую выраженную пространственную, географическую составляющую. Ключевой вопрос здесь – в адекватных интерпретациях знаний о пространстве при анализе политических процессов и явлений, в поиске ориентированных на нужды политической науки методологических подходов и принципов. Однако было бы ошибочным обвинять исследователей в игнорировании географических знаний, однако, представляется, что сами эти знания нуждаются в новых коннотациях, поскольку анализировать феномен пограничья или формирующиеся трансграничные регионы, которые включают пространства национальных государств, в категориях эпохи модерна невозможно.

Необходимо заметить, что указанная проблема давно осознается мировой политической наукой. Тем не менее региональные, или (в данном контексте) пограничные, политические исследования, осуществляемые силами политологов, сравнительно молоды. Их формирование является следствием процессов специализации, фрагментации и гибридизации, которые происходят в различных областях знания и приводят к возрастанию количества субдисциплин, характеризующихся огромным творческим потенциалом. Специфика региональных политических исследований как субдисциплины заключается в том, что они вторгаются в сферы исследования различных наук: от антропологии до географии и экономики. Не составляет исключение и постсоветское пространство.

Таким образом, в рамках региональных/пограничных политических исследований актуальным представляется анализ выработанных в рамках социальных наук концепций и методологических подходов Определенным потенциалом, в частности, обладают концепции «места» и «сетевого взаимодействия» и так называемый контекстуальный подход.

Суть последнего составляют две главные идеи. Первая идея состоит в том, что именно место как первичная ячейка политического пространства служит ареной взаимодействия процессов, протекающих на разных уровнях – от глобального до регионального. Действующие там общественные институты способствуют формированию в сознании людей определенных представлений о мире, на которые они опираются, пытаясь приспособиться к внешним импульсам, исходящим от глобального, национального или регионального уровня.

Вторая идея заключается в том, что пространственное распределение политических процессов – от хода и итогов избирательных кампаний до всплесков национализма и особенностей муниципальной политики – можно объяснить эффектом места (или пространственным контекстом). Контекст – это отражение исторических, экономических и иных особенностей места и его взаимосвязей с миром (например, положения данного места в системах «центр – периферия» на разных уровнях: глобальном, национальном). Он также объясняет, каким образом пространство модифицирует политическую деятельность и, в частности, как оно опосредует воздействие более высоких территориальных уровней на региональный уровень – место.

На наш взгляд, нуждается в некотором пояснении понятие «место». В рамках региональных политических исследований под местом обычно понимается первичный уровень пространства, на котором начинают проявляться политические различия. В целом же с точки зрения масштаба территории принято выделять три уровня анализа политических процессов: локальный, государственный (национальный) и глобальный. Например, об этих уровнях говорит известный американский специалист в области региональных исследований П. Тейлор [1, с. 278]. Он считает, что локальный уровень включает чаще всего группу поселений, объединенных общими проблемами. Представляется, что, с точки зрения П. Тейлора, понятие «регион», подчеркивающее особенности модели жизнедеятельности населения на определенной территории в силу наличия ряда условий, в современных условиях как раз и описывает место.

В рамках подхода, предложенного Дж. Эгню, региональное пространство, преобразующее воздействие общенациональных факторов в соответствии с историей, социальными, экономическими, политическими особенностями и т.д., само выступает в качестве фактора, учитываемого при анализе [2, с. 129–146]. Тем не менее утверждение влияния контекста на политические процессы было бы не полным без выяснения

природы этого влияния. Р. Хакфельд и Дж. Спраг отмечали, что влияние контекста имеет информационно-сетевую природу [3–5] или, как считал М. Бернбанк, является результатом структурирования политической информации социальной средой в результате создания социальных сетей [6, с. 169].

Другими словами, современный потоковый мир постоянно усложняющихся социально-экономических отношений приобретает структуру, отличную от мира территориального. Реальность места постепенно заменяется сетевыми потоками (Э. Борт, Н. Эванс) [7, p. 9]. Эта тенденция ярко прослеживается на примере еврорегионов: их участниками являются не только субнациональные органы власти и управления, привязанные к определенной территории, но и различные профессиональные и деловые организации, образовательные учреждения и другие структуры, совокупностью своего потенциала создающие эффект сетевого взаимодействия.

Характеризуя «место», Р. Вильямс отмечал, что оно исчезло. Значение теперь имеют не поля, не горы, не деревни, а дорога. Не будет деревни как места самого по себе. Будет просто название, через которое проезжают, дома вдоль дороги. И там мы будем жить. Именно вдоль дороги. Иными словами, территория в прежнем своем понимании «заканчивается», понятие «место» обретает новый смысл. Идет локальная реорганизация пространства, реорганизация, суть которой в превращении мира выстроенных вдоль одномерной шкалы – от «развитых» до «отсталых» – мест в мир неповторимых пространственных ситуаций, образованных наложением глобальных потоков на местные/региональные особенности. Идет погружение «мира потоков» в «миры мест», сопровождающееся «истончением» (Р. Сэк), но не исчезновением, последних. Эти сдвиги со своей стороны вызывают реакцию – местную/региональную социально-политическую мобилизацию, формы которой ориентированы на логику развития конкретного места.

Последствия глобальной перестройки и местная локально-ориентированная среда переплетаются, накладываются друг на друга; влияние глобальных процессов опосредуется локальными/региональными факторами. Прекрасное подтверждение сказанному (и важное свидетельство размывания традиционной территориальности) видится в появлении «регионов-государств», пространственно локализованных зон массированных инвестиций, рассекающих национальные границы, логистических центров. Формирование новых трансграничных регионов на основе общих ценностей и смыслов приводит к возникновению так называемого «community of a-security», или «non-war community», – таких сообществ, которые цементируются не наличием внешних угроз и взаимозависимостью, стирающей грань между «своими и чужими», или пограничья.

Таким образом, изменяется угол зрения на происходящие в рамках определенных территорий политические процессы. Он предполагает изучение не только «мира мест», но и «мира потоков». В этом смысле особый интерес представляет проект, «дорога» Пограничья Восточной/Центральной Европы, где постепенно выстраивается система отношений, основанная не только на принципе общей идентичности и общей территориальности, но и общности потоков, которые не «истончают» места, а, скорее, их усиливают.

Интересны в этом смысле показатели торговых контактов Беларуси с Украиной, Польшей, Литвой и Россией, в частности, данные экспорта и импорта. Несмотря на известные ссылки на общность ценностей и ментальных традиций, экспорт за 2004–2010 гг. в отношениях с Россией упал с 47 % от общего объема до 36,8 %, а импорт с 68,2 % до 50,1 % соответственно. Некоторая неопределенность, существовавшая в

отношениях с Украиной, не помешала вырасти объему экспорта с 3,9 % до 8,9 %, а импорта с 3,3 % до 4,7 %. Сложности в отношениях с Польшей и Литвой тем не менее не способствовали падению анализируемых показателей. Еще более интересным выглядит тот факт, что в целом упал объем торговли с СНГ (экспорт с 53,1 % до 40 %, импорт с 72,2 % до 58,9 %), но сохранился с ЕС (экспорт за анализируемый период от 36,7 % до 36,2 %, импорт от 19,8 % до 18,2 %) [8]. То есть, несмотря на жесткость в отношении Беларуси, ЕС и даже США продолжают наращивать экономическое сотрудничество с Беларусью. Например, на территории Брестской области развивается итальянский промышленный округ с целью создания максимально благоприятных условий для привлечения инвестиций и реализации проектов на территории Беларуси. Кроме того, на уровне двусторонних отношений прорабатываются и уже находятся в стадии реализации проекты снижения стоимости виз и упрощения процедуры их получения для граждан Беларуси, Литвы и Польши, проживающих на приграничных территориях.

Таким образом, Пограничье Восточной/Центральной Европы выстраивается в том числе и взаимозависимостью общей территориальности, «миром потоков».

С точки зрения «мира потоков», на наш взгляд, следует оценивать и предлагаемые или уже осуществляемые проекты по строительству газопроводов Россией и Украиной совместно с другими странами по дну Балтийского и Черного морей, а также совместные логистические проекты между Литвой, Украиной и Беларусью. Именно попытка создать новые сетевые потоки и в последствии их контролировать подталкивают страны к подобным действиям. В любом случае «мир мест» в рамках данной территориальности постепенно замещается «миром потоков».

Интерес к подобного рода проектам обусловлен сущностью «мира потоков», проходящих через пограничье. Здесь конструируются особые зоны притяжения и напряжения, создается наибольшее число международных организаций, начинается бум институционального строительства, реализуется огромное количество проектов обустройства пограничья, что делает его, по сути, мостом, «контактным пространством». Важным в этой связи представляется уже не только, кто участвует в создании и контролирует эту «дорогу», «мир потоков», и насколько они соответствуют скрытому потенциалу пограничья, а также тот факт, где оно локализовано.

Таким образом, пограничье может содействовать укреплению границ в буквальном смысле слова, и строительству национальных государств, поддержанию национальной идентичности, поскольку создается оппонирующими политическими силами на стратегически значимом для них пространстве. Особенно это характерно для периферийных территорий, поскольку их будущее заключается в выборе между политической неопределенностью или потенциальными конфликтами. И в этом контексте пограничья пространственный фактор не только не исчезает, а наоборот усиливается. Похоже «исчезнувшая» территориальность возвращается. Иными словами, своеобразие (непохожесть) пространственных ситуаций и сама неравномерность территориального развития становится одним из важнейших ключей к адекватному анализу политических процессов любого масштаба.

Например, Пограничье Восточной/Центральной Европы, удаленное от глобальных центров принятия политических решений будет избегать превращения в социально-культурную и политическую периферию. Отсюда вполне объяснима двойственная позиция лидеров многих постсоветских республик (в частности, Украины, Литвы, Беларуси), которая выражается в стремлении использовать свое

«стыковочное» положение для извлечения тех или иных выгод то от России, то от Европы. Пограничье превращается во вполне территориально локализованную зону соприкосновения различных политических сил, «мир потоков» конкурирующих центров принятия политических решений.

Таким образом, складывающиеся новые пространственные конфигурации между странами отличны от географических. Более того, они отражают не только сущность основных проблем, стоящих между различными государствами, но и позволяют сделать менее заметными различия между ними. Подобная роль новых пространственных конфигураций никак не позволяет нам вольно обращаться с территориальным контекстом политического процесса и подталкивает к обновлению методологических подходов его анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосов, В.А. Геополитика и политическая география : учеб. для вузов /А.В. Колосов, Н.С. Мироненко. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

2. Agnew, J. Mapping politics: how context counts in electoral geography / J. Agnew // Political Geography. – 1996. – Vol. 15. – № 2. – P. 129–146.

3. Huckfeldt, R. Choice, social structure, and political information: The informational coercion of minorities / R. Huckfeldt, J. Sprague, // American Journal of Political Science. – 1988. – Vol. 32. – P. 467–482.

4. Huckfeldt, R. Citizens, contexts, and politics / R. Huckfeldt, J. Sprague // Political science: The state of the discipline II / Ed. by A. Finifter. – Washington (D.C.) : American Political Science Association, 1993. – P. 281–304.

5. Huckfeldt, R. Networks in context: The social flow of political information / R. Huckfeldt, J. Sprague, // The American Political Science Review. – 1987. – Vol. 93. – P. 1197–1216.

6. Burnbank, M.J. How do Contextual Effects Work? Developing a Theoretical Model / M.J. Burnbank // Spatial and Contextual Models in Political Research / Ed. M. Eagles, L. Taylor. – London, 1995. – P. 169.

7. Bort, E. Networking Europe: Understanding the Union From Below / E. Bort, N. Evans // Networking Europe. Essays on Regionalism and Social Democracy. Ed. by E. Bort, N. Evans. – Liverpool : University Press, 2000. – P. 30–55.

8. Беларусь в цифрах. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/ftrade1.php/. – Дата доступа : 15.06.2008.

Beliavtseva D.V. **Political Analysis of Border Zone of Eastern/Central Europe: Methodological Problems of Conceptualization of Space**

Methodological approaches to interpretation of modern political processes occurring in Eastern/Central Europe are analyzed in the article. The autor makes the conclusios, that in modern condi tious thalin order to study the forming spartlial formations it is necssany of add the concepts, creafed in socio-humanitariu to use the concepts created in socio-humanitarian knowledge, in particular the contextual approach, concepts of «place» and «network interaction». They allow to explain a duality of political processes occurring in mentioned region, and also to show advantages of boundary conditions of the given countries. The researcher concentrates, first of all, on the streams of the various nature passing through the interesting region. But this stream essence of regions creates new spatial configurations distinct from geographical. In particular, the countries which are on periphery of the world centers of making of political decisions join in active social, economic and political cooperation both with the European Union, and with Russia that allows them to realize and strengthen the national identity and independence.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.09.09

УДК 323.46

А.И. Лысюк

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье изучается воздействие культурной травмы на формирование института политического лидерства в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы. Выделяются и исследуются основные параметры культурной травмы и ее детерминирующие возможности относительно политического лидерства. Определяются основные способы ее преодоления. Выделяются основные типы, стили и патологии политического лидерства, порожденные культурной травмой. Отмечается, что ценностная консолидация посткоммунистических обществ на демократических началах естественным образом приводит к утверждению демократических форм политического лидерства.

Введение

Феномен политического лидерства испытывает на себе существенное воздействие широкого спектра социокультурных факторов [1]. Однако до настоящего времени практически неисследованной остается проблема детерминирующего влияния на него социальной (культурной) травмы, вызванной крахом коммунизма в Восточной и Центральной Европе. Сам же феномен травмы детально разработан и описан польским исследователем Петром Штомпкой, применительно к динамике социальных изменений в посткоммунистическом обществе [2; 3]. Культурная травма связана с резким и неожиданным разрушением доминировавших ранее ценностных систем, потерей устойчивых ценностных ориентаций, дезорганизацией, расколом, конфликтом внутри господствовавшей ранее культуры, охватившей ее ключевые компоненты – ценности, верования, нормы. В результате этого «происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение… Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает…» [2, с. 8, 10]. Некоторыми российскими и украинскими исследователями сделан анализ влияния отдельных аномических факторов на партийное и государственное лидерство [4; 5]. Однако сама аномия является только одним из компонентов культурной травмы, не исчерпывая ее содержания. Поэтому возникает необходимость дать целостный анализ воздействия культурной травмы на институт политического лидерства, формирующийся в посткоммунистическом обществе.

Культурная травма как источник политического лидерства

Прежде чем перейти к анализу воздействия «культурной травмы» на лидерство в постсоветских государствах, укажем на значимость в политических процессах национальной культурной традиции, обладающей огромной исторической инерцией, что не может не сказываться на системе государственного лидерства. По утверждению российского политического философа Б. Капустина, который солидаризируется с рядом исследователей, «с приходом современности традиции не только покорно не уступают ей место, но и вступают с ней в сложное взаимодействие, более того, именно они (а не имманентные законы модернизации) определяют ход эволюционных процессов» [6, с. 10]. Историческая политико-культурная традиция постоянно

воспроизводит идеальный и наиболее приемлемый для данного политического пространства образ власти и правителя, который может не соответствовать внешним политико-институциональным изменениям.

Таким образом, несмотря на динамизм общественных преобразований, быстрое и интенсивное становление новых социально-политических институтов, прежняя политическая культура, оставаясь наиболее ригидным и инерционным социальным элементом, сохраняет свое влияние на общество, что не может не приводить к власти на первой фазе транзита выходцев из партийной номенклатуры, заключающих в себе компоненты советской модели политического лидерства. По этой же причине «новые политические лидеры» в той или иной степени будут носителями «родимых пятен» прежней (советской) культурной системы, поскольку доминирующим культурным типом длительное время остается «советский человек». Отсюда эклектичность политической практики и идеологии государственных лидеров эпохи транзита, в которой причудливым образом соединяется «старое» и «новое». С одной стороны, например, в их риторике заметно обновление идеологического репертуара с акцентом на либеральные ценности. С другой – в коммуникациях с населением своих стран эти лидеры не могли не проявлять элементы патернализма.

Каким образом культурные травмы детерминируют политическое лидерство в посткоммунистических государствах? Во-первых, в этих государствах очевидна аномия культурных и социальных систем, которая характеризуется отсутствием в обществе ценностно-нормативной консолидации и порождающая своеобразный «культурный шок», ценностный и нормативный хаос. Как показывают, например, социологические опросы, в Украине более 80 % населения были подвержены состоянию аномической деморализованности [7, с. 11]. По мнению российских и белорусских социологов, нынешнее состояние обществ в России и Беларуси также является преимущественно аномическим. Постсоветская аномия не могла не сказаться на господствующих моделях политического лидерства, вызывая в них те или иные дисфункции и деструкции. Российский исследователь А. Пригожин детально описал содержание и типы подобных патологий [4, с. 27]. Кроме этого, создается социальный спрос на лидеров автократического толка, политических харизматиков, призванных выполнить важную социальную миссию по наведению социального порядка, что детерминировало, в частности, государственное лидерство А. Лукашенко.

Во-вторых, культурные травмы порождают политико-культурные расколы как между различными сообществами, так и на уровне субкультур политических элит и социальных масс. Зарождение в эпоху перестройки политического и идеологического плюрализма актуализировало и активизировало «культурные миры» различных социальных субъектов, каждому из которых изначально свойственна ориентация на конкретную модель политического лидерства. Линия раскола проходит не только между отдельными социальными группами, регионами, но и цивилизациями. Расколото и деформировано само сознание человека эпохи транзита. Складывается парадоксальная картина, описанная российскими социологами, но во многом типичная для Республики Беларусь и Украины: «Россияне в большинстве своем одновременно были убеждены в необходимости реформирования страны, продвижения ее по рыночному пути, не хотели возвращения к социализму и плановой экономике и считали важными многие демократические ценности, но все это мирно сосуществовало в их головах с идеей неприемлемости западного пути развития» [8, с. 35].

Однако в культурно расколотом обществе формируется нужда в лидере общенационального масштаба, снимающего культурные противоречия, интегрирующего политические субкультурные пласты, вырабатывающего общую волю, цели и смыслы, что жизненно необходимо в условиях утверждения государственного суверенитета и консолидации общества. В этой ситуации государственный лидер не только призван персонифицировать новое независимое государство, но и быть носителем новой ценностной парадигмы, «национальной идеи». Поэтому неслучайно стремление главы белорусского государства не только административно-политически «схватить», интегрировать общество, но и предложить ему общегосударственную идеологическую доктрину с претензией на универсальность и общеобязательность. В российском контексте, к примеру, артикуляция В. Путиным идеи возрождения «Великой Руси» существенно укрепила его политический авторитет в условиях столкновения между развивающейся культурой западного типа и «самодержавной политической культурой» (А. Липкин).

В-третьих, культурным травмам свойственен отчетливо выраженный синдром недоверия, порождающий в обществе низкий уровень социального капитала, общее разочарование в политике и политиках, политическую пассивность населения. Как следствие этого, в большинстве государств наблюдается низкий уровень доверия к большинству социальных и политических институтов, включая и институт политического лидерства.

Восстановление доверия в условиях транзита достигается двумя способами. С одной стороны, через рост авторитета харизматического лидера, как это произошло в постсоветской Беларуси, одним из последствий которого является повышение общего доверия к органам государственной власти. С другой стороны – посредством возрождения традиционного для данного государства, политико-культурной системы типа политического лидерства (авторитарное лидерство в Российской Федерации), что с необходимостью приводит к повышению авторитета власти и властвующих.

Низкий уровень социального капитала в Украине в определенной мере обусловлен тем, что не удалось найти оптимальную модель лидерства, соответствующую господствующим культурным парадигмам. Как следствие, уровень доверия к политикам и политическим институтам редко превышает 30 %. Это свидетельствует о высокой степени отчужденности всей системы государственной власти, политического класса от общества, что чревато реальными и потенциальными конфликтами.

В-четвертых, культурная травма сопровождается общим «упадком нравов», аморальностью политической практики, утверждением того, что некоторые авторы называют «циничной политической культурой», существующей «по ту сторону добра и зла». В постсоветских государствах процесс «этизации политики» не просто запаздывает, но можно даже говорить о ренессансе макиавеллизма. В частности, украинские исследователи указывают на архаичность, эгоистичность, алчность, отсутствие морального авторитета, непрофессионализм властвующей элиты, активно обсуждая вопрос на том, каким же образом можно подготовить новые политические кадры, соответствующие вызовам времени [9; 10].

Отсюда появление ряда политических лидеров, не скрывающих своей аллергии на нравственные нормы и принципы, выстраивающих политическую деятельность по законам шоу-индустрии и скандала, а их действиям присущи разрушительность, болезненная амбициозность, демагогия и популизм. В силу интеллектуальной и

культурной ущербности они не способны консолидировать усилия общества по созданию нового социального формата. Эталонным примером подобного политика является В. Жириновский, политическая практика которого не соответствует даже критериям обыденной морали.

Можно предположить наличие у лидеров «новых государств» позитивной моральной мотивации, выраженной в стремлении помочь нуждам бедствующего народа, как это было присуще, по утверждению Н. Бердяева, революционным лидерам пролетарского переворота в России. Однако в силу того, что подавляющее большинство из них допускает использование различных средств для достижения искомой благородной цели, вступает в действие закон «тирании средств», предполагающий, что «средства» сами формулируют и реализуют собственные цели, лишая, тем самым, политическую практику лидеров отчетливых нравственных ориентиров. Этому способствовало и то, что систему «новой власти» форматировали премущественно выходцы из старой номенклатуры (второй-третий эшелоны) с изначально приглушенным нравственным голосом.

Однако очевидно, что в ситуации деморализации политического пространства возникает социальная нужда в моральном общенациональном политическом лидерстве. Украинский исследователь Г. Зеленко отчетливо показала, что на определенном этапе демократического транзита (фаза демократизации) рождается спрос на «моральных лидеров», возглавивших антиавторитарные «бархатные революции», заключающих с последователями не только социальный, но и моральный контракт [11, с. 139].

В-пятых, культурная травма сопровождается кризисом различных форм социальной идентичности. Особой остротой обладает идентичность национальная, поскольку человеку, проживающему в условиях постсоветского транзита, зачастую трудно отнести себя к определенной национально-этнической группе. В его личности конкурируют сразу несколько из них: советская, европейская, этническая, локальная (местная) и др. Зачастую в зависимости от того, какая идентичность является доминирующей, решается вопрос в пользу выбора того или иного варианта транзита. Трудности, неопределенность национальной идентификации, приводят к власти политиков, для которых задачи национального возрождения не являлись приоритетными. Подобный уровень национального самосознания и его оторванность от европейских социальных корней становятся существенным барьером на пути формирования демократического типа лидера европейского образца, отягощая политическую деятельность В. Ющенко нерациональностью действий, Ю. Тимошенко – популизмом, В. Януковича – авторитаризмом.

Культурная травма приводит к разрушению не только культурной идентичности, но и социальной, связанной с упразднением прежних социальных статусов и ролей. В этих условиях идентичности как никогда неустойчивы, динамичны, контекстуальны, неоднозначны. Человек эпохи транзита не может точно и определенно отнести себя к какой-либо социальной общности, что естественным образом порождает чувство социальной слабости, растерянности и беспомощности. Этому же способствует и амбивалентность его чувств. Подобный внутренний дискомфорт преодолевается, в особенности, посредством обращения к фигуре сильного лидера.

В-шестых, культурная травма способствует возникновению мрачного взгляда на будущее и основана на «ностальгии по прошлому», в данном случае – советскому. Как следствие этого, рождается социальный спрос на лидеров коммунистического толка,

авторитарные модели управления, просоветскую риторику политических лидеров, что заметно на примере новейшей истории Украины, России и Беларуси.

Одновременно общее разочарование в неэффективной политике и политиках приводит к их отчуждению от значительной части граждан государства, к снижению политической активности в обществе, к ограничению электоральной поддержки государственных лидеров.

В-седьмых, культурная травма порождает двухполюсное, «манихейское» мировосприятие у основных политических акторов. В этом случае на первом этапе транзита (фаза либерализации) наблюдалось противопоставление коммунистической и антикоммунистической доктрин и практик. Доминанта антикоммунизма, утверждая переход к преимущественно плюралистическому мировосприятию, естественным образом сформировала социальный спрос на лидера консенсного, демократического типа, эталонным воплощением которого, например, в Беларуси стал С. Шушкевич.

В-восьмых, культурная травма в условиях транзита сопровождается слабой представленностью в сознании социальных масс, политической элиты демократических ценностей.

Украинские аналитики, ссылаясь на результаты эмпирических исследований, утверждают, что демократические ценности мало волнуют среднестатистического жителя Украины, что украинцы могут легко отказаться от демократических институтов и согласиться на нерепрессивный авторитаризм для «наведения порядка», повышения уровня жизни и социальных гарантий, поскольку в стране существует авторитарно-приспособленческий тип социального характера массы, предполагающий гипертрофическую роль властвующей элиты, лидеров. Как следствие этого, по заключению ряда экспертов, в Украине наблюдается пусть медленный, но, тем не менее, последовательный рост авторитарно-тоталитарных методов государственного управления [12].

Еще в большей степени отчуждение от демократических ценностей присуще Российской Федерации, что не может не рождать в системе политического лидерства тренд в сторону авторитаризма. Так, в одном из недавних опросов Левада-Центра на вопрос, насколько России подходит социальное устройство западного типа, 37 % ответили, что оно полностью противоречит русским обычаям, еще 30 % – что подходит лишь частично. Лишь 15 % думают, что западные модели могут быть как-либо приспособлены к российским условиям, и только 4 % полагают, что западная модель универсальна и ей должна следовать Россия [13, с. 102].

Подобная ситуация применительно к феномену политического лидерства способствует росту патерналистских настроений в обществе, в классическом варианте представленных в Беларуси. Даже в экономической сфере, как отмечает белорусский социолог Г. Соколова, «большинство белорусов строят неактивное экономическое поведение… Активный же тип экономического поведения реализуют менее 20 % белорусов» [14, с. 66, 68]. Все это способствует практически полному отсутствию реформистской или же революционной моделей демократического транзита, обусловленных давлением «снизу».

В-девятых, для системы политического лидерства в эту эпоху характерен синдром «временщичества», связанный с деформацией традиционных оснований организации власти и переходу к новому политическому порядку, следующему императиву – «после меня хоть потоп». В этой ситуации власть лишена своих исторических корней, предельно произвольна, полукриминальна, эгоистична,

подвержена клановости, изворотлива, оторвана от национальной почвы, не знает соображений меры и общественного блага. Подобный синдром продуцирует политическое лидерство, являющееся частью эрзац-элиты, тотально зависимое от политической конъюнктуры, ставящее во главу угла узкокорыстные интересы правящего сословия при игнорировании интересов общества как целого и используя при этом широкий спектр орудий имитации.

В-десятых, в силу «культурного хаоса» наблюдается определенная степень дерационализации политического лидерства, проявляющаяся в том, что важное место в политическом процессе начинают занимать иррациональные элементы: религиозные верования, мифологические сказания, бессознательные интенции и харизма и т.п.

Способы преодоления культурной травмы

Существует два основных способа преодоления культурной травмы в посткоммунистических государствах. Одним из них является феномен мировой социализации, предполагающий активную, зачастую некритичную ориентацию транзитного государства на определенные мировые политические модели. Для этой группы государств наиболее привлекательной является «модель» трансформацией общества на основе «западных образцов», используя режим «демократического прорыва», что продуцирует менеджерский тип политического лидерства, нацеленный на формирование консолидированной демократии. Именно этот вариант социальной модернизации первоначально выбрала суверенная Украина, однако не обнаружила в себе достаточно лидерских и политико-культурологических ресурсов для его осуществления.

Важным социализатором в рамках восточнославянской цивилизации выступает Россия, в целом «русский мир», исходящие из того, что российскому социуму по политико-культурным основаниям противопоказана западная демократическая модель политического лидерства. Для современной России органично авторитарное политическое лидерство, производное от исторической политической традиции и национального образа жизни. Данная модель лидерства является составной частью системы «русской власти», представленной «в самодержавии (от великокняжеского до президентского), в стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, привычке делать ставку на принуждение и насилие» [15, с. 8]. В силу этого, политический лидер в той или иной степени воспроизводит черты самодержца.

Подобная политико-культурная ситуация относительно лидерства приводит к двум последствиям. С одной стороны, появлению к сильных региональных лидеров. С другой стороны, по причине неопределенности общенациональной политической культуры, к слабому государственному лидерству в масштабах страны. В этих условиях государственный лидер может (и должен) заключать в своей деятельности императивы обеих культур, что продемонстрировало при всей своей противоречивости президентство Л. Кучмы. «На случай, если приходится выбирать между Востоком и Западом, между Россией и НАТО, между православием и католицизмом, между сербами и Косовом, в Украине есть два Леонида Кучмы. Иными словами, украинский президент расколот – подобно как расколота вся Украина на протяжении нескольких столетий своей истории» [16, с. 48]. В настоящее время в Украине лидерская позиция политико-культурного интегратора остается вакантной.

Второй способ преодоления культурной травмы – использование, если применять терминологию П. Штомпки, «фонда унаследованных культурных ресурсов».

Чем более укоренено общество в определенное цивилизационное пространство, тем больше они стремятся к заимствованию соответствующих ему моделей политического лидерства, особенно в условиях социальной аномии и политического кризиса. В тех ситуациях, когда в общественном сознании цивилизационная парадигма выступает определено и однозначно, актуализируется соответствующий ей образ политического лидера. Действительно, российский новый традиционализм, «самодержавная политическая культура» с неизбежностью формируют персонифицированную и никем не ограниченную власть лидера.

Заключение

Очевидно, таким образом, что культурная травма в посткоммунистических государствах, приведшая к дезорганизации господствующих в обществе ценностных систем, оказала существенное воздействие на формирование и функционирование института политического лидерства. С одной стороны, ее результатом стали те или иные патологии этого феномена. С другой стороны, появилось разнообразие и смешение его форм и стилей. С третьей – укрепление в ряде государств авторитарных и патерналистских тенденций. Ценностная консолидация посткоммунистических обществ на демократических началах естественным образом приводит к утверждению демократического лидерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лысюк, А.И. Социокультурная детерминации политического лидерства: содержание, способы, эволюция : моногр. / А.И. Лысюк. – Черновцы : Букрек, 2008. – 384 с.

2. Штомпка, П. Социальное изменение как травма. Статья первая / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.

3. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. Статья вторая / П. Штомка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

4. Пригожин, А.И. Патологии политического лидерства в России / А.И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 23–29.

5. Шайгородський, Ю. Роль міфологічної свідомості у розумінні політики / Ю. Шайгородський // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. Верасень – 2007. – С. 50–63.

6. Капустин, Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия / Б.Г. Капустин // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6–26.

7. Головаха, Е.И. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине / Е.И. Головаха, Н.В. Панина // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5–10.

8. Тихонова, Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 34–45.

9. Головатий, М. Політична еліта для сучасної України: регіональний і національний контекст / М. Головатый // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 42–47.

10. Михальченко, М. Пошук лідерів: чесних, талановитих, справедливих / М. Михальченко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 15–21.

11. Зеленко, Г. Контексти політичного лідерства на постсоціалістичному просторі / Г. Зеленко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С.136–146.

12. Бебик, В.М. До нарисів конституції третьої республіки / В.М. Бебик, В.В. Кобржицький, О.В. Охотникова // Стратегічні пріоритети. – 2008. – № 2 (7). – С. 105–109.

13. Седов, Л.А. Россия: культурно-генетическая среда / Л.А. Седов // Общественные науки и современность. – 2007. –№ 6. – С. 98–110.

14. Соколова, Г.Н. Трансформационные процессы как предмет социологического анализа / Г.Н. Соколова // Социология. – 2009. – № 3. – С. 57–69.

15. Слизовский, Д.Е. Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы / Д.Е. Слизовский, Н.В. Шуленина. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 645 с.

16. Гнатюк, О. Прощание с империей. Между Востоком и Западом / О. Гнатюк // Перекрестки. – 2005. – № 1–2. – С. 37–97.

Lysiuk A.I. **Cultural Trauma as a Source of Political Leadership in Post-Communist Society**

In the given article the influence of cultural trauma on the formation of a political leadership institution in post-Communist countries of Central and Eastern Europe is stadied. Singled out and studied are the main parameters of cultural trauma and its determining possibilities relative to political leadership. Defined are the main ways of its overcoming. Singled out are the main types, styles, and pathologies of political leadership spawned by a cultural trauma. It is mentioned that the value consolidation of post-Communist societies on democratic principles in a natural way leads to the adoption of democratic forms of political leadership.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.05.2011

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук

МЕСТО ТУРИЗМА В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема исследования туризма с точки зрения различных гуманитарных наук, отмечается относительное опоздание научной рефлексии от развития туризма как феномена социокультурной жизни. 70-е годы прошлого столетия явились периодом институализации социологии и антропологии туризма. Анализируются подходы к пониманию феномена туризма основателей социологии туризма как самостоятельной отрасли социологии, отмечается трансформация туризма, эволюция путешествий и их структурные преобразования, связанные с технологическим прогрессом и изменением стилей жизни. Ввиду наблюдающегося отсутствия единой точки зрения на туризм в рамках мультидисциплинарного подхода автор подчеркивает важность и необходимость интердисциплинарного подхода в современных исследованиях этого социокультурного феномена.

Становление и стремительное развитие туризма как феномена современной жизни не сопровождалось адекватной социологической, антропологической и философской рефлексией над феноменом путешествия и туризма. Гуманитарные науки лишь в последние десятилетия сосредоточились над этим феноменом. Так, например, редакторы относительно недавно возникшего, но самого престижного туристического научного журнала «Tourist Studies» считают, что развитие туризма опередило развитие сообщества исследователей этого феномена социальной жизни. Одним из последствий такого опоздания является, по их мнению, однобокая концентрация на экономической стороне туризма [1, с. 5–22]. С таким суждением можно согласиться в том смысле, что по-прежнему в отношении туризма доминирует экономический подход, трактовка как индустрии, а большинство научных работ просто ориентированы на оказание помощи в деле продаж туристических продуктов. С другой стороны, нельзя не заметить, что постепенно появляется все большее число публикаций, рассматривающих не только путешествие, но и туризм как социальный и культурный феномен.

Согласно Эрику Коэну, являющемуся одним из наиболее значительных социологов путешествия и туризма, первая статья, поднимающая проблемы туризма с точки зрения социальных наук, была опубликована в конце XIX века в 1899 году итальянцем Л. Бодиа. Первая социологическая статья, посвященная путешествиям, появилась спустя тридцать лет. Ее автором был известнейший классик немецкой социологии Леопольд фон Вайзе, выделивший три типа «пришельцев» («чужих») на основании отношений между пришельцами и аборигенами. Первый тип – это «пришелец, который появляется как начальник, как функционер какой-то власти, как завоеватель, как член или даже предводитель некой оккупационной силы». Второй тип – это «пришелец, не демонстрирующий ни дружелюбного, ни враждебного интереса к контактам с местным населением, не ищущий никакого сближения. В его случае речь идет, скорее, о случайном пребывании; он присутствует, не стараясь присутствовать. Он является настоящим проезжим, который не хочет быть гостем». Наконец, третий тип, выделенный фон Визе, – это «пришелец, который заинтересован в доступности контактов с местным населением; прибывая как торговец, исследователь, любитель путешествий, он в любом случае благодарен за оказанную благосклонность, он – настоящий гость. Этот тип или вызовет симпатию, или постарается ее завоевать, быть может, он попытается импонировать… или убеждать, подкупать или даже вводить в

заблуждение» [2]. Как отмечает исследователь, на низком уровне цивилизационного развития пришелец означает врага, а культ пришельца начинает развиваться лишь тогда, когда в результате контактов с пришельцами возникает экономическая польза или тогда, когда возникает любопытство местного населения.

Первая экономико-демографическая, а не краеведческо-географическая книга о туризме была опубликована в 1933 году в Англии [3]. Одной из первых социологических работ, посвященных туризму, были изданные в 1955 году «Печальные тропики», написанные известным французским этнографом и философом Клодом Леви-Строссом. Во вступлении к книге автор неожиданно заявил о том, что ненавидит путешествия и путешественников, но, тем не менее, намеривается написать о своих путешествиях. Ответ на вопрос, почему автор ненавидит путешествия, без которых были бы невозможны его научные занятия антропологией, содержит сюжеты, которые и в наши дни звучат в критике туризма. Во-первых, путешественник является не исследователем, а кем-то, кто из желания снять фильм или несколько интересных фотоснимков преодолевает огромные расстояния. Во-вторых, по мнению Леви-Стросса, типичные описания путешествий банальны, мелки, но, несмотря на это, вызывают непонятный интерес публики, для которой «фразы и банальности чудесным образом превращаются в сенсацию всего лишь потому, что их автор вместо того чтобы написать их на месте, освятил их, преодолев 20 000 километров» [4]. По признанию автора, он не понимает феномена популярности описания посещенных мест. Он считает, что это обожание является новым явлением для путешественников, у которых нет ничего подходящего в прошлом. В-третьих, современная западная цивилизация разрушает цели, дестинацию (туристическую территорию) путешественников. Даже мифическая страна антропологов – острова Полинезии – были «залиты бетоном… заменены в аэропорты, прочно поставленные на якоря в морских глубинах Юга» [4, с. 34]. Наконец, в-четвертых, Леви-Стросс противопоставляет «настоящее» путешествие путешествию «испорченному». По мнению ученого, настоящее путешествие – это путешествие в места, не тронутые цивилизацией.

Автор хотел бы жить именно в эпоху «не проклятую и неиспорченную цивилизацией», поскольку каждые пять лет происходит утрата какого-то обычая или праздника [4, с. 39]. При этом автор обращает внимание на следующий парадокс. Во времена, когда мир еще был очень разнородным, путешественники не обладали достаточными знаниями и познавательным интересом. Сейчас оказалось, что прогресс человеческого знания протекает параллельно процессу стирания культурного разнообразия. По мнению, Леви-Стросса, спустя несколько столетий путешественники будут оплакивать исчезновение того, что они еще могли видеть, но чего не могли понять. Сформулированный антропологом парадокс путешествий привлек внимание многих его последователей.

В 60-е годы XX столетия появляются две важные книги, посвященные путешествиям и туризму, при этом примечательно, что обе были посвящены противопоставлению путешествий в прошлом и настоящем. Автором первой социологической книги, полностью посвященной туризму, «Структурные преобразования в современном туризме», явился немецкий социолог Ганс Иоахим Кнебель. По мнению Кнебеля, турист – это человек, путешествующий во время отпуска с целью отдыха и получения удовольствия. Туризм характеризуется «давлением подвижности», наличием или отсутствием социальных контактов с местным населением, «удовлетворением потребности в комфорте с помощью средств,

полученных в месте постоянного проживания», а также «стремлением к комфорту и физической безопасности» [5, с. 6]. По мнению социолога, тот, кто рискует собственной жизнью, не является туристом. В основе путешествия, по Кнебелю, не лежит стремление к передвижению как нечто присущее человеку, архетипное наследие, доставшееся нам от наших далеких предков. Отстаивая эту точку зрения, исследователь подчеркивает, что в основном путешествуют жители больших городов, а не сельчане, являющиеся собственниками, обладающими достаточно внушительными денежными средствами.

Основываясь на известной концепции типов социального характера (локальный и космополитический) Дэвида Рисмана, а также на идеальных типах Макса Вебера, Кнебель выделил идеальные типы фаз в развитии путешествий. Первая фаза – это фаза путешествий, движимых традицией: Гранд Тур и выезды на воды. Вторая фаза – это путешествия, движимые изнутри, определяемые потребностями личности. Типичными для этой фазы являются романтические путешествия и культ природы. Третья фаза – это путешествия, движимые извне, эпоха туристических бюро Томаса Кука (основателя первого в мире туристического бюро) и путеводителей Бедекера (Бедекер – это название широко распространённых путеводителей по различным странам для путешественников и туристов, содержащих обширный фактический материал на немецком и других языках).

Отдельные главы монографии Кнебеля посвящены осмыслению перемен, произошедших с момента появления первых туристических бюро. По мнению автора, путешествия подверглись эволюции: они прошли долгий путь от семейных поездок до индивидуальных выездов, от контактов с чужими до контактов друг с другом, от общностей, пользующихся услугами туристических бюро, от туризма, ориентированного на пребывание в определенной, чаще всего курортной местности, до туризма странствующего, от путешествия как стремления к свободе до путешествия как добровольной несвободы, от непредвиденного к запрограммированному, от альпинистского клуба до клубов кемпинговых и любителей мотоспорта, от предпочитаемых блюд до подверженности диктату моды, от понимания до стереотипа, от мира как места опыта до мира, понимаемого как музей, от коммуникации, диалога до получения информации, от романтического чувства до чувства запрограммированного, от прогулок до совершения покупок, от впечатления до фотографического снимка, от письма к открытке, от путешествия в общем вагоне до путешествия в вагоне спальном, от искусства до китча и, наконец, от ночлежки до гостиницы.

В 1964 году американский историк культуры Даниэль Бурштайн в своей знаменитой книге «Изображение. Руководство по псевдособытиям в Америке» обратил внимание на туризм как на феномен, создающий псевдособытия [6]. Автор отметил, что современные американцы могут ощущать действительность не непосредственно, а лишь с помощью «псевдо-события», через действительность, искусственно сформированную СМИ. Туризм, по мнению Бурштайна, является самым лучшим примером этого феномена. Автор подверг критике современный туризм, противопоставив ему прежние путешествия, «утраченное искусство путешествия». Путешественник, выбираясь в дальний путь, предпринимал рискованное действие, довольно часто заканчивавшееся утратой жизни, а современный турист ищет комфорта, он живет в искусственном мире автострад, в снабженных кондиционерами отелях, в туристическом «коконе», «капсуле», которая изолирует его от действительности

посещаемого места, от аборигенов. Современный турист не стремится к знакомству с культурой посещаемой страны – ему нужны лишь искусственно смоделированные интеракции, «псевдо-события», созданные специально для туристического потребления. Ярким примером этого может служить музей восковых фигур мадам Тюсо. Путешественник в прошлом прилагал немалые усилия в пути, он стремился к познанию, в то время как турист является просто обыкновенным искателем удовольствий. Путешественник был активным, он выдвигался в путь с энтузиазмом, ища людей, приключений, ощущений. Турист, в свою очередь, пассивен, он надеется на то, что интересные вещи произойдут сами, он надеется на то, что все будет приготовлено для него и с расчетом на него.

Туризм, таким образом, предстает у Даниэля Бурштайна как деятельность поверхностная, заместительная, основанная на поиске и организации искусственных ощущений. Туризм – это демократизированное, а значит, стерилизованное путешествие. Туристическая индустрия приспосабливается к массовым потребностям. Изолированные от аборигенов массовые туристы в организованных группах находят удовольствие от ненатуральных, выдуманных достопримечательностей, совершенно игнорируя реальный мир. Туристические достопримечательности – это объекты, которые мало что значат в жизни людей, но хорошо продаются. В результате поставщики туристических услуг производят все больше таких достопримечательностей для наивных туристов. Таким образом, возникает замкнутый круг изоляции туристов от локальной общности. Следует отметить, что подобных взглядов на современный туризм придерживались многие социологи и философы культуры, в том числе Жак Бодрийяр в книге «Америка» и статье «Процессия симулякров», а также Умберто Эко в замечательной книге «Путешествия в гиперреальность» [7–9].

На рубеже 50–60 годов прошлого столетия, размышляя о судьбах культуры, заинтересовались проблемами туризма еще два выдающихся французских гуманиста. Так, Роланд Бафес подверг ироничной критике серию туристических путеводителей «Guidea Bleu». Бафес писал, что туристические путеводители сервируют нам идеологические мифы мещанства и сквозь их призму указывают читателям на то, что достойно посещения и осмотра. Так, например, альпийский миф, укорененный в швейцарско-протестантсткой морали, требует обращать внимание исключительно на горные пейзажи, преодоление которых требует возрождающегося морального усилия. Иные мещанские мифы требуют интересоваться «памятниками старины», а не повседневной реальной жизнью местных жителей: жители в лучшем случае оказываются низведенными до уровня «локальных типов». Что же касается памятников старины, то они имеют разную значимость: путеводители концентрируются на сакральных памятниках, причем исключительно христианских, совершенно минуя, например, влияние на испанскую архитектуру ислама. «Самым важным поставщиком для туризма является христианство, и путешествовать следует только для того, чтобы посещать церкви» [10, с. 58]. Бафес вменял авторам туристических путеводителей в вину также то, что они подвержены идеологическому влиянию, поскольку, например, отличаются симпатиями к режиму генерала Франко или антисоветизмом [11].

Эдгар Морен, французский философ и социолог, признанный международный авторитет в разработке общей теории систем и принципов познания сложного, также подверг критике современный массовый туризм за его поверхностность, потребительский характер, зависимость туриста от туристических бюро. Этот

замечательный специалист по кино сравнил туризм с фильмом: «Сходство между туризмом и фильмом подтверждается коллективными поездками в специальных автобусах: сидя в удобных креслах, зрители смотрят сквозь пластиковые стекла, отделяющие их от мира как мембрана и играющие ту же роль, что и экран телевизора или кино» [12].

Со времени первых книг Леви-Стросса, Бафеса, Эко, Морена и Бурштайна прошло много лет, в течение которых социологическая, антропологическая и философская рефлексия также прошла долгий путь. Начиная с 1970-х годов путешествия и туризм становятся предметом систематической рефлексии и исследований. В 1972 году в журнале «Social Research» (Социологические исследования) появляется статья Э. Коэна «О социологии международного туризма» [13, с. 39, 164–182]. В 1973 году появляется журнал «Annals of Tourism Research» (Летопись туристических исследований), в котором до настоящего времени публикуются очень важные и интересные с научной точки зрения теоретические статьи и результаты научных исследований. В 1976 году появилась на свет ставшая классической монография Дина МакКеннелла «Туризм. Новая теория праздного класса» [14]. Два года спустя появилась коллективная работая антропологов, посвященная проблемам туризма и ставшая классикой, «Hosts and Guests» («Хозяева и гости»). 70-е годы XX века стали периодом институализации социологии и антропологии туризма.

В последние десятилетия путешествие как предмет рефлексии выходит за рамки вышеупомянутых субдисциплин. Для постмодернистов туризм – это важная и заслуживающая исследования область жизни. Более того, образ «туриста» трактуется как метафора человека нашей эпохи или даже современной общественной жизни вообще [15]. Стандартным примером этого является широко известная концепция постсовременных типов личности Зигмунта Баумана: из четырех выделенных автором типов личности, характерных для нашей эпохи, три – это типы путешественников: любитель прогулок (знаменитый фланер Вальтера Бенджамина), «бродяга» и «турист» [16, с. 2, 7–31].

В настоящее время туризм по-прежнему является предметом интердисциплинарного научного интереса. Как важный феномен общественной жизни туризм изучают экономика, география, социология, антропология, психология, история, юриспруденция, управление, маркетинг, а в последние десятилетия даже философия. В большинстве развитых стран созданы и успешно работают исследовательские центры, кафедры, институты и даже вузы, занимающиеся теоретическими и дидактическими проблемами туризма. В некоторых западных вузах уже защищаются магистерские диссертации по туризму, существует также последипломное обучение по этой дисциплине (в последние два года также на базе БрГУ им. А.С. Пушкина). На научных конференциях, посвященных туризму, все чаще идет речь о «туристификации» мира. Исследователями предпринимаются попытки использования некоторых, в частности, социологических, теорий с целью изучения поведения туристов на рынке туристических услуг, проблем, возникающих в отношениях между туристами и жителями посещаемых ими туристических местностей, а также туризма как фактора социальных перемен. В то же время продолжаются дискуссии по проблеме выстраивания общей теории туризма (пока это представляется невозможным).

Прикладные науки занимаются различными аспектами туризма, ориентируясь

на потребности решения практических проблем, возникающих в ходе его стремительного развития.

Интересной концепцией развития научных исследований туризма является концепция «платформ», представленная Джафаром Джафари. Автор концепции выделяет следующие четыре платформы:

1) *защищающую,* направленную на интенсификацию экономических интересов;
2) *предостерегающую,* изучающую возможности социально-экономических потерь;
3) *адаптационную,* являющуюся «новой школой мышления», предполагающей развитие альтернативного туризма;
4) *информационную,* ориентированную на системное изучение туризма [17, с. 17–60].

В настоящее время осуществляются также мультидисциплинарные и сравнительные международные исследования туризма. При этом каждая из дисциплин, занимающихся туризмом, представляет, скорее частичную, нежели целостную точку зрения на данный феномен. Отсюда разнообразие дефиниций туризма, каждая из которых является истинной для той или иной дисциплины. Так, туризм – это услуга в маркетинге, индустрия в экономике, перемещение в географии и т.д. Именно поэтому, с нашей точки зрения, для получения наиболее полного понимания туризма необходим интегрированный подход, т.е. подход не только мульти-, но и интердисциплинарный.

В мультидисциплинарном исследовании каждая из задействованных дисциплин использует собственные понятия и методы исследований. Общим является лишь предмет исследования – туризм. При этом философские принципы, точка зрения на человека и общество исследователей могут значительно отличаться друг от друга. Отсюда полученные результаты могут интерпретироваться только в свете данной научной дисциплины. В таких исследованиях практически невозможно целостное сравнение, общий синтез может быть лишь поверхностным.

В интердисциплинарном исследовании данная проблема также исследуется с различных точек зрения, но такое исследование должно быть более однородным в смысле получения целостных выводов. В идеальной ситуации руководителю такого интердисциплинарного исследовательского проекта необходимо сформулировать основную тему и предложить теоретическую платформу исследования. При этом важно, чтобы все участники исследовательского проекта не только использовали одни и те же данные(насколько это возможно), но и тот же метаязык, т.е. одинаково или хотя бы приблизительно одинаково понимали в философском смысле суть человека и общества, ввиду того, что существует тесная зависимость между философским пониманием и способом формулирования темы, целей, задач и интерпретации результатов исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Franklin, A. The Trouble With Tourism And Travel Theory, Editorial, «Tourist Studies».
2. Wiese, J. von Fremdenferkher als zwischenmenschliche Beziehungen / J. Wiese // Archiv fur den Fremdenverkehr. – Berlin, 1933.
3. Ogilvi, F.M. The Tourist Movement. An Economic Study, Staples / F.M. Ogilvi. – London, 1933.
4. Levi-Strauss, C. Smutek tropików / C. Levi-Strauss. – Warszawa, 1964.

5. Knebel, H.J. Soziologische Strukturwandlungen im Modernen Tourismus, Ferdinand Enke / H.J. Knebel. – Stuttgard.
6. Boorstin, D. The image: A Guide to Pseudo-Events in America / D. Boorstin. – New York, 1964.
7. Baudrillard, J. Ameryka / J. Baudrillard. – Warszawa, 1998.
8. Baudrillard, J. Procesja symulakrów / J. Baudrillard // Postmodernizm. Anatologia przekładów. – Kraków, 1998.
9. Eco, U. Travals in Hype-Reality / U. Eco. – London.
10. Barthes, R. Mitologie / R. Barthes. – Warszawa.
11. Barthes, R. Imprerium znaków / R. Barthes. – Warszawa, 2000.
12. Morin, E. Duch czasu / E. Morin, Kraków, 1972.
13. Cohen, E. Towards a Sociology of International Tourism / E. Cohen, «Social Research».
14. MacCannell, Dean. Turysta. Nowa teoria klasy prożniączej / Dean MacCannell. – Warszawa : Wyd. Muza SA, 2005.
15. The Anthropology of Tourism Official Newsletter of the RC50 of the International Sociological Associationa.
16. Bauman, Z. Ponowoczesne wzory osobowe / Z. Bauman // Studia Socjologiczne.
17. Jafary, J. Sociocultural Dimensions of Tourism / J. Jafary // Tourism as a Factor of Change. – Wiedeń.

Yakovuk T.I. **The Place of Tourism in the System of Sociological Knowledge**

The article analyzes the problem of the research of tourism from the point of view of different humanitarian sciences, demonstrating a relative delay in the development of scientific reflection compared to the development of tourism itself as a phenomenon of the social and cultural life. The 1970s were the period of the institualization of sociology and anthropology of tourism. The author analyzes the approaches to the phenomenon of tourism formulated by the founders of the sociology of tourism as an independent branch of sociology, emphasizes the transformation of tourism, the evolution of travels and their structural changes, related to technological progress and changes in life-style. Due to the wide-spread absence of a single viewpoint upon tourism within the multi-disciplinary approach the author emphasizes the importance and necessity of inter-disciplinary approach in contemporary research of this social and cultural phenomenon.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.06.2011

УДК 316 (476)

Ю.М. Бубнов

МЕСТО БЕЛАРУСИ В МЕЖДУНАРОДНОМ РЕЙТИНГЕ КОРРУМПИРОВАННОСТИ

В статье представлена проблематика взяточничества в международном масштабе. Определено место белорусского общества на фоне мировых коррупционных процессов. Использованы результаты международных сравнительных исследований коррупции.

Коррупция является одной из проблем, приобретшей в глобализированном мире интернациональное значение. Взглянем на проблематику белорусского мздоимства в международном масштабе. Определим место нашего общества на фоне мировых коррупционных процессов. Для этого воспользуемся результатами международных сравнительных исследований коррупции. Самый популярный международный рейтинг коррумпированности составляет некоммерческая и неправительственная организация под названием «Транспаренси Интернэшнл» (Transparency International), что означает в переводе на русский язык «международная прозрачность». Эта организация создана в 1993 году бывшим служащим ООН, не пожелавшим мириться с коррупцией.

Эксперты этой организации исходят из следующего определения коррупции как злоупотребления государственной властью в целях получения личной выгоды, которое включает 1) взяточничество государственных должностных лиц; 2) плату за контракты на поставку товаров для государственных нужд; 3) растрату государственных денежных средств [1]. Сегодня Транспаренси Интернэшнл (ТИ) представляет собой авторитетную международную организацию, имеющую свои отделения в полутора сотне стран мира. К работе ТИ в этой области подключились многочисленные международные организации, научные учреждения. В частности, замеры коррупции в мире осуществляют и такие авторитетные международные организации, как Всемирный экономический форум (World Economic Forum), Служба Гэллапа (Gallup International), Консультация по политическим и экономическим рискам в Гонконге (Political and Economical Risk Consultancy, Hong Kong), Всемирный банк (World Bank), Базельский университет (University of Basel), Институт развития управления в Луизиане (Institute for Management Development, Lausanne), Отдел экономического анализа (Economist Intelligence Unite) [2].

Экспертами Транспаренси Интернэшнл наработаны методики, позволяющие проводить измерение уровня коррумпированности по различным показателям. Наиболее известным стал «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perceptions Index), на основе которого рассчитывается ежегодный рейтинг коррумпированности большинства стран мира. Сотрудники Транспаренси Интернэшнл очень ревностно относятся к своей репутации, поэтому они не включает в своей рейтинг те страны, где им доступны менее трёх надежных источников информации об уровне коррупции. Это делается для того, чтобы ненароком не занизить из-за недостоверной информации место страны в ранге. Для составления очередного рейтинга коррумпированности экспертами ТИ используются данные, полученные в течение трех лет, предшествующих публикации данных. Методика усреднения результатов нескольких опросов за последние три года позволяет снизить влияние субъективных факторов в виде предвыборных кампаний, как правило, приводящих к

всплеску коррупционных скандалов, а также возможных ошибок персонала при проведении опросов.

Помимо этого, уровень коррупции в конкретной стране оценивается с двух позиций: с точки зрения граждан этой страны (взгляд «изнутри») и с точки зрения иностранных граждан (взгляд «извне»). Это делается для того, чтобы нивелировать социально-нормативные особенности восприятия коррупции носителями различных культур. В каких-то обществах мздоимство стало настолько обычной социальной практикой, что её попросту перестают замечать, а в других странах малейшее отступление от должностной инструкции расценивается как коррупционное преступление. Мы получили бы превратное представление об уровнях коррумпированности в этих культурах, если бы исходили только из внутренних оценок жителей. Поэтому основой для формирования Индекса восприятия коррупции служат различные опросы граждан конкретной страны, включая местных предпринимателей, а также бизнесменов-иностранцев, постоянно работающих в ней, и экспертов-аналитиков. Такая разнообразная опросная база позволяет получить многостороннее представление о социальной практике мздоимства в стране и сравнивать уровень её коррумпированности с другими странами и регионами мира. Государства в ранговом списке Транспаренси Интернэшнл расставлены в соответствии с показателем Индекса восприятия коррупции каждой страны по десятибалльной шкале, где 10 баллов означают отсутствие коррупции, а 0 баллов – очень высокую степень коррупции.

Все эти методические приёмы повышают уровень доверия к результатам всемирной экспертизы коррупции, проводимой Транспаренси Интернэшнл. Этой независимой неправительственной организацией впервые был получен инструмент для объективного измерения такого латентного социального явления, каковым остаётся коррупция в форме взяточничества. Индекс восприятия коррупции впервые был опубликован в 1995 г. С тех пор за сравнительно короткий срок авторитет этой организации и её данных неизмеримо вырос. Ежегодные рейтинги Транспаренси Интернэшнл, составленные, в частности, на основе Индекса восприятия коррупции, сразу же попадают на первые страницы информационных агентств мира. Эти рейтинги дают возможность, опираясь на сопоставимые показатели, определить место страны в мировом сообществе по уровню её коррумпированности. А многолетняя база данных делает зримой тенденцию и динамику изменения коррупционной ситуации в стране. Сравнительный анализ конкретных показаний Индекса восприятия коррупции в различных странах мира позволяет условно классифицировать их на четыре категории:

1) наименее коррумпированные страны имеют от 10,0 до 7,0 баллов;

2) страны со средним уровнем коррупции получат от 7,0 до 4,8 баллов;

3) в странах, имеющих очень серьёзные проблемы с коррупцией, Индекс фиксирует от 4,0 до 3,8 баллов;

4) и, наконец, от 3,0 до 0 баллов имеют чрезвычайно коррумпированные страны.

В рейтинге Индекса восприятия коррупции, подготовленном экспертами Транспаренси Интернэшнл в 2009 году, Беларусь получила всего 2,4 балла. Это означает, что мы живём в стране с чрезвычайно высоким уровнем коррупции. Вряд ли граждан Беларуси может успокоить тот факт, что восточные и южные соседи – Россия и Украина – пали ещё ниже в коррупционную трясину. Антикоррупционным ориентиром должны стать хотя бы наши западные и северные соседки – Польша и Литва, которые оказались соответственно на 49 и 52 месте в мировом рейтинге.

Впрочем, и у них не всё в порядке с государственным аппаратом, если судить по степени удалённости от самых «чистых» стран мира. Первое место в рейтинге Транспаренси Интернэшнл 2010 года поделили между собой Дания, Новая Зеландия и Сингапур.

Итак, посмотрим, как изменялась международная репутация Беларуси на протяжении всей истории измерения Индекса восприятия коррупции, начиная с 1998 года, когда наша страна впервые появилась в этом рейтинге. На рисунке 1 приведена графическая проекция коррупционной ретроспективы Беларуси. Напомним, что самые «чистые» от коррупционной болезни страны находятся во главе списка, а заражённые мздоимством государства – в его конце.

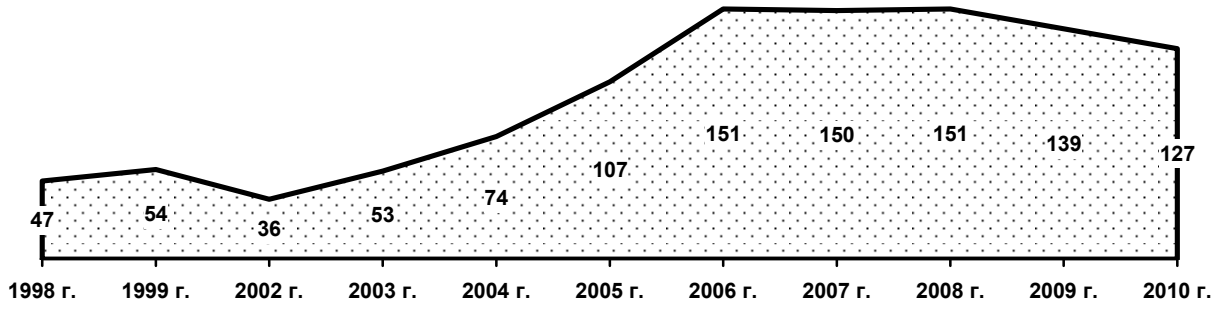

Рисунок 1 – Место Беларуси в международном рейтинге Транспаренси Интернэшнл, исчисленном на основе Индекса восприятия коррупции

Беларусь в последние годы оказывалась не на самом почётном месте в мировом рейтинге коррумпированных стран. Термометры Транспаренси Интернэшнл показывали повышение коррупционной температуры в нашей стране вплоть до 2008 года. Правда, симптомы коррупционной болезни несколько спали в течение двух последних лет. Однако пока неясно, насколько эта тенденция устойчива.

При рассмотрении рейтинговых данных Транспаренси Интернэшнл следует учитывать тот факт, что в разные годы обследовалось различное количество стран. Поэтому, строго говоря, анализ абсолютных значений, отражающих место страны в ранговом списке, не совсем корректен. Так, например, в 1998 году было обследовано 85 стран, а в 2010 году – уже 178. Понятно, что и показатели места страны в столь разных списках следует оценивать по-разному. Поэтому мы переведём абсолютные значения ранга Беларуси в относительный формат, приняв за 100 % общее количество обследованных стран. На рисунке 2 дан откорректированный график, отражающий относительное место нашей страны в мировом коррупционном рейтинге.

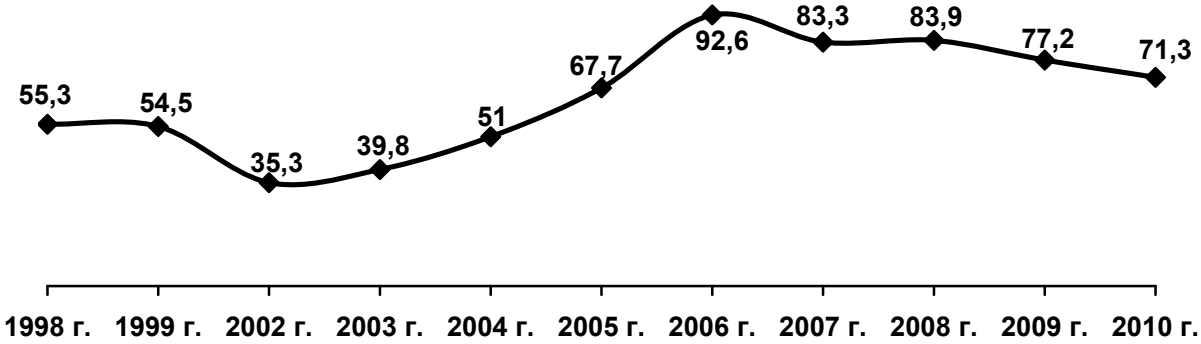

Рисунок 2 – Относительное место Беларуси в международном рейтинге Транспаренси Интернэшнл, %
(за 100 % принято общее количество обследованных стран)

К сожалению, международные индикаторы коррупции на белорусской земле и по относительным показателям почти зашкаливают. Если в конце прошлого века Беларусь находилась где-то в середине рейтинга, то через десятилетие она оказалась в его конце. Так, например, в 2006 году мы расположились почти в самом хвосте рейтинга, войдя в семь процентов самых коррумпированных стран мира. С тех пор ситуация несколько поправилась, но и по сей день мы входим в тридцать процентов наиболее заражённых коррупцией государств. Уже одно это должно обеспокоить как простых белорусов, так и руководителей государства. Столь низкая репутация страны просто недостойна белорусского народа. Однако вряд ли стоит обижаться на экспертов международной организации, показавших нам наши же собственные недостатки. Более того, их следует поблагодарить за то, что помогли увидеть масштабы коррупционной эпидемии, охватившей нашу страну, и сравнить отечественную ситуацию с мировыми тенденциями. Некоторый оптимизм может вселить разве что тот факт, что в течение последних лет, начиная с 2009 года, всё-таки наметилась положительная тенденция снижения уровня коррупционной опасности в Беларуси. Эта тенденция даёт определённую надежду белорусскому народу на излечение от застарелой болезни коррупции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Global Corruption Report 2001. Transparency International. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.globalcorruptionreport.org/gcr2001.shtml. – Дата доступа: 18.04.2011.
2. Номоконов, В.А. Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней : монография / Отв. ред. В.А. Номоконов. – Владивосток, 2004. – С. 8–12.

Bubnau Yuri. **The Place of Belarus in the International Corruption Rating**

The article presents the problems of bribery in international scale. The place of the Belarusian society against the backdrop of global corruption processes is definet. The results of international comparative researches of corruption were used.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.05.2011

УДК 338. 2

Л.П. Матюшков

ИННОВАЦИИ НА МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В статье рассмотрены особенности инновационного развития малых предприятий. Выявлены его отличительные черты с позиций значимости инноваций. Отмечается необходимость базировать их на непрерывное инновационное развитие, опираясь на процессный подход и исходя из постоянного улучшения как качества производства объектов, так и схем управления всем предприятием. Качество ставится во главу угла как базис, на котором строится как взаимодействие с более крупными предприятиями, так и борьба за покупателей и рынки сбыта. С точки зрения экономии затрат валюты, рекомендуется опираться прежде всего на местные источники сырья и комплектующих, энергоносители, сложившиеся товаропроводящие пути, упреждающую подготовку кадров, тесное взаимодействие с другими предприятиями региона, оценки и прогнозы, бенчмаркинг. Предлагается использовать методы маркеткостинга в планировании производства и выпуска продукции с заранее заданными маркетологами ограничениями на ее себестоимость, за снижение которой должны бороться все сотрудники предприятия и на всех этапах петли качества. Описаны желательные механизмы взаимодействия малых предприятий с более крупными и органами местного управления.

Введение

Инновационная деятельность на малых предприятиях весьма специфична. Развитие инновационной экономики в стране отчасти сдерживается многозначностью трактовки понятия «инновация» На сегодня существует несколько десятков его определений [1–7], каждое из которых характерно выделением разных аспектов с позиций прикладных результатов и определения объекта инновационной деятельности, исходя из последствий его влияния на мировую экономику, отрасль или отдельное предприятие. На наш взгляд, необходимо разграничение инноваций по масштабам их проявления, так как от этого зависит степень риска для предприятия и последующие его доходы.

Во главу угла, вероятно, нужно ставить экономическую значимость инновации и новизну используемых методов, которые должны обеспечить в течение их жизненного цикла не только окупаемость, но и доходность выше среднеотраслевой.

Для малых предприятий, где нет возможностей вести крупные исследования, характерен подход, когда внедряются «чужие» результаты (диффузия инноваций) без значительного риска, так как они уже прошли первичную проверку в различных инновационных подходах в организации производства. Улучшение организации производства наиболее привлекательно, так как часто требует меньших затрат.

Вторым направлением является работа с участием более сильного внешнего партнера (отечественного или зарубежного), который заинтересован в уменьшении себестоимости своей продукции за счет качественных и дешевых комплектующих и/или расширении рынков сбыта через совместные производства, а также сбыта продукции малого предприятия через свои товаропроводящие сети.

Третьим направлением следует считать опору на местную сырьевую зону, комплектующие отечественных предприятий и энергоносители, так как это один из главных компонентов устойчивости предприятия на рынке, когда зарубежные влияния на себестоимость продукции минимальны.

Четвертое направление связано с непрерывным совершенствованием системы управления качеством в соответствии со стандартами ИСО и стандартизацией на самом предприятии [3–5].

Пятое направление включает обоснованное привлечение инвестиций извне при вкладывании собственных средств, что повышает доверие инвесторов.

Шестое направление – укрепление имиджа у потребителей и связей с ними в первую очередь в собственном регионе [3; 5; 7].

Седьмое направление – использование в начальной стадии услуг бизнес-инкубаторов и технопарков.

В предлагаемой статье делается попытка конкретизировать эти механизмы для малых предприятий.

Основные особенности управления инновациями на малых предприятиях

Тщательная подготовка к выбору инноваций широко опирается на использование методов расслоения и комплексных оценок [2]. Каждый выпускаемый и предполагаемый к выпуску продукт (или оказание новой услуги) анализируется по всей цепочке петли качества для оценки производственных затрат по отдельным шагам процесса и влияния на них внутренней и внешней среды. Каждый шаг определяется на основе процессного подхода, что позволяет одновременно получить данные и для совершенствования системы управления качеством и облегчает путь к сертификации нового или модернизируемого объекта.

Особое внимание уделяется источникам энергии, сырья и комплектующих изделий как наибольшим факторам риска, которыми тяжело управлять на уровне малого предприятия, так как в любой момент изменение их стоимости в большую сторону может сделать производство нерентабельным. Поэтому желательно сводить их использование к минимуму и иметь возможность их диверсификации. Наличие в производственной цепи таких компонентов ведет к затратам валюты, которая часто в полной мере не возвращается при продаже части продукции даже за рубежом. Классическим примером потерь предприятия из-за наличия одного источника сырья (глины) за рубежом является фарфоровый завод в Гомельской области и многие другие производства из-за отсутствия альтернативы в выборе энергоносителей, сырья и комплектующих.

Суть проблемы состоит в том, что наличие указанных отрицательных факторов даже при небольшом количестве важных привозных комплектующих резко снижает прибавочную стоимость от собственного производства, поэтому очень важен критерий при выборе инноваций, их окупаемость и получение прибыли выше средней в отрасли.

При процессном подходе лучше выявляются и требования к кадрам для его реализации, что позволяет сформировать планы по их переподготовке, стажировке на аналогичных производствах, опережающему заказу молодых специалистов, приглашению консультантов, опытных работников и т.п.

Метод комплексной оценки может успешно использоваться при выборе нового оборудования для реализации компонент процесса, оценки позиций своего товара на рынке среди конкурирующих изделий (услуг), потенциальной готовности предприятия к внедрению инноваций по основным позициям: рынок, кадры, оборудование, требуемые инвестиции, эффективность и др.

Остановимся, кроме названных общих соображений, на особенностях реализации отдельных элементов подготовки инноваций на малых предприятиях в регионе.

Ввиду ограниченности средств на инновационное развитие малого предприятия и, как правило, отсутствие на нем научных подразделений хорошим источником

средств, для внедрения передовых технологий может явиться опора на получение объемного заказа от более крупного отечественного или зарубежного предприятия (или госзаказа), связанного с внедрением новшеств в производство на основе бизнес-плана, предлагаемого предприятием и оценок его возможностей в организации производства и наличия кадров с опытом работы по выпуску подобных объектов.

В этом случае более крупное предприятие может вместе с заказом передать и часть технологий, оборудования, права пользоваться товарным знаком и проводящими торговыми сетями. Смысл таких шагов для более крупного предприятия может иметь ряд причин: передать изготовление комплектующих хорошо зарекомендовавшему себя малому предприятию и не отвлекать силы на изготовление менее важных для себя компонентов, использование опытных рабочих малого предприятия и/или его сырьевой зоны для получения полуфабрикатов, укрепление своих рыночных позиций, улучшение качества своих более крупных изделий за счет сертифицированных компонентов, иметь ответственного дилера в данном регионе и обеспечивать сопровождение и ремонт сложной продукции и т.д.

В качестве примеров производства такой продукции могут быть: топливные элементы из отходов различных производств, комбикорма, масла и горючее из рапса, производство межкомнатных дверей, консервирование овощей и фруктов, деревянные строительные типовые конструкции, дачные домики, услуги в агротуризме и автосервисе и др.

Необходимость в кризисный период адекватно реагировать на быстрые изменения во внешней среде по отношению к малому предприятию требует оперативной корректировки отдельных компонентов производства и схем управления им.

Ярким примером может служить ряд фирм в городе Бресте, занимающихся услугами по установке окон, дверей, настилу полов. Резкая нехватка валюты в данный период снизила их возможности по увеличению прибыли и привела к удорожанию этих услуг для населения. Напрашивается переход к контактам с местными производителями аналогичной российской, немецкой и польской продукции, что снизит валютную составляющую услуги и может повысить ее качество. Для этой цели нужна и государственная поддержка для создания, например, в местных лесхозах предприятий по производству межкомнатных дверей и коробок для них, паркета, плинтусов и других сопутствующих элементов. В этом кроется и резерв снижения стоимости нового жилья и ремонта старого. В данном случае просматривается образование цепочек: лесхоз – малое предприятие – строительная фирма.

Для каждой фирмы важную роль играет отношение местной власти на той территории, где она функционирует: это доступ к государственным заказам, сырьевым ресурсам, улучшение и удешевление услуг, оказываемых населению, гибкое управление местной компонентой налогов. В частности, местные власти должны предоставлять льготы малым предприятиям за повышение комплексности услуги, например, сейчас не выгодно малому предприятию продать межкомнатную дверь и установить ее заказчику, одновременно установить окна и сделать откосы, так как такие операции удорожают услугу. Поэтому малая фирма исправно платит налоги за первую часть услуги, а для оказания ее второй части называет потребителю частное лицо, которое за второе действие налогов не платит (операция выполняется без договора).

Получение каких-то выгод малой фирмой от местной власти может породить и встречный ход в виде решения каких-то полезных задач для данной территории. Для

малого предприятия необходимо принятие системных решений для взаимодействия инновационной, маркетинговой и сбытовой деятельности одновременно.

Особенно сбытовая часть является ахиллесовой пятой многих предприятий: более крупные фирмы легко оттесняют малые предприятия с зарубежных рынков сбыта, благодаря тому, что они оперируют большими объемами товаров, имеют дилерские сети и сложившиеся товаропроводящие пути. Поэтому в налаживании системы сбыта и получении более быстрого эффекта от освоения новинок значительную роль может сыграть франчайзинг. Приобретение комплексной лицензии позволяет использовать товарный знак какого-либо успешного предприятия, его товаропроводящие пути, новые технологии и опыт работы в сложной конкурентной среде. Это, конечно, влечет за собой некоторое уменьшение прибыли, но позволяет получить на льготных условиях технологическую и сбытовую поддержку с приемлемой суммой платежей и в разумные сроки.

Положительную роль могут сыграть пробные эксплуатации товара [7], передаваемого потребителю по льготным ценам или по краткосрочному лизингу. Часто полезны и продажи образовательных услуг с обучением персонала заказчика.

Повышение качества – важный элемент эффективности инноваций

Конкурентоспособность каждого предприятия зависит в первую очередь от качества его продукции или услуг. Причем должна наблюдаться соизмеримость цены продукта с его качеством.

Конкуренция является очень чувствительным механизмом к изменениям ситуации на рынке. Она толкает предприятия к непрерывному совершенствованию, как самого продукта, так и путей его реализации часто с повышенной гарантией и послегарантийным обслуживанием, характерных для сложных изделий, льгот по платежам и т.п.

Особенность вступления Республики Беларусь на инновационный путь развития открытой экономики требует обеспечения качества во всех видах деятельности, начиная с маркетинговых процедур, обеспечивающих завоевание рынков сбыта на базе взаимовыгодного и равноправного партнерства, и кончая управлением каждым подпроцессом петли качества, отображающей современную модель непрерывного совершенствования качества. Успех применения такой модели целиком зависит от уровня подготовленности персонала и мотивации его действий, которые во многом определяются характером делегируемых управленческих полномочий, передаваемых владельцам подпроцессов, выделяемых ресурсов.

Реакция потребителя очень сильна на дефектную продукцию: он обычно редко хвастается хорошей покупкой, но зато о бракованной покупке в среднем могут узнать 19 других потребителей [5].

Современное качество товаров и услуг, как правило, зиждется на результатах интеллектуального труда и более высокопроизводительных технологиях. Однако игнорирование некоторых этапов петли качества или недостаточное внимание к некоторым из них часто приводит к рыночному успеху товаров и с менее низкими характеристиками по основному назначению из-за недостаточного внимания к срокам поставки, качественному гарантийному и послегарантийному обслуживанию, лучшему сервису в период выбора покупателем поставщика или фирмы и т.д.

В связи с этим возрастает роль, так называемого промышленного маркетинга, когда на этапе выбора товара покупатель может видеть свою будущую покупку в

действии с демонстрацией ее качественных преимуществ. Дегустации, проведенные для новых пищевых продуктов, а также демонстрации обуви и швейных изделий близки по духу к такого рода маркетингу. Борьба за потребителя вынуждает в условиях насыщенного рынка при выпуске модифицированной продукции с лучшим качеством одновременно повышать производительность труда и по возможности даже снижать себестоимость товара.

Конкурентная борьба в этом случае начинается с маркеткостинга, когда маркетологи перед разработчиком товара ставят ограничение на его будущую себестоимость, а перед остальными сотрудниками повышение эффективности работы на всех участках, включая и утилизацию товара. Сейчас такие требования важны не только для атомных химических и других производств. Уже становится нормой требовать от ряда фирм при ввозе продукции в другую страну создавать сеть нужной мощности для утилизации продуктов или же уплачивать экологический налог пропорционально количеству ввезенного товара. Аналогичные требования могут возникать по всей петле качества. В частности, современная продукция часто требует выполнения особых условий на ее хранение, упаковку, погрузку и транспортировку.

Ряд предприятий утилизацию рассматривают как важнейший участок борьбы за клиента: даются скидки на новый продукт при сдаче старого; ведут борьбу с восстановлением деталей их продукта ремонтными фирмами и т.п. Стали встречаться случаи ремонта магазинами и базами изделий, утративших свои свойства при хранении и продаже. Поэтому конкретное предприятие должно стремиться в своей работе как можно ближе удовлетворять требования стандарта ИСО 9ОО1: 2000, который охватывает все процессы на предприятии по обеспечению качества продукции от ее разработки до завершения эксплуатации.

При изложении процессного подхода почти во всех учебниках перечисляются основные элементы документированной процедуры на рассматриваемый элемент процесса и оговаривается (ответственность, его владельца, однако не упоминается одна из самых важнейших компонент – права владельца процесса. Ведь не может быть делегирования полномочий владельцу процесса только в виде голой ответственности.

Ввиду больших трудностей, возникающих при создании СМК из-за отсутствия квалифицированного персонала, особенно при описании процессов возникает потребность использовать в разумных пределах бенчмаркинг в зависимости от возможностей заимствовать опыт близкого оп характеру деятельности или более далекого предприятия. В этом случае бывает возможность на основе сбора информации, посещения выставок, анализа буклетов, сайтов предприятий и т.п. сравнить процессы на своем предприятии с подобными на успешном предприятии своей или даже другой отрасли. Цель бенчмаркинга – совершенствование процессов управления и технологий на собственном предприятии.

Особо можно выделить более легкий вариант бенчмаркинга – внутренний, когда лучший опыт изучается и распространяется у себя в организации. Для внешнего бенчмаркинга можно выделить два варианта:

1) конкурентный бенчмаркинг (сравнение с лучшими предприятиями своей отрасли в близком классе);

2) общий бенчмаркинг (сравнение с любыми лучшими предприятиями – новаторами близкими по классу).

Такой подход является первым шагом к переосмысливанию и перестройке процесса управления на собственном предприятии (реинжиниринг). Его последующим

шагом является пересмотр используемых методов обеспечения качества на рабочих местах.

Часть действий, направленных на улучшение качества, можно выполнить с помощью лиц, для которых такая работа обязательна, но их другая часть неизбежно связана с какими-то затратами на повышение качества. Условно эти затраты разделяют на две категории:

1) затраты (инвестиции) на предупреждение брака;

2) издержки на несоответствие (выявление и исправление брака).

Достоверное значение этих затрат зависит от качества системы учета на предприятии, но прежде всего изучаются затраты, связанные с устранением брака и отысканием «болевых» точек.

Полезно отдельно выделять анализ процессов на создание добавленной ценности при переработке исходного сырья и материалов за счет внесения новых качеств в продукцию: расширение функциональных возможностей, повышение эстетичности и т.п. Это создает предпосылки для повышения цены продукции.

При выборе варианта совершенствования продукции может оказаться полезной ее комплексная оценка качества [2]. В частности, метод радарных диаграмм облегчает переход к анализу затрат на улучшение основных показателей изделия путем их дифференциации на основе метода расслоения и создать на этой основе покомпонентный анализ затрат на показатели качества. Одновременно это облегчает и выполнение пошаговой стратегии предприятия: стать лучшим в своем регионе, стране, мире.

Заключение

Предложенные в данной статье подходы к совершенствованию управления малым предприятием естественно не могут в полном объеме использоваться для каждой инновации. Однако они нацеливают на поиск конкретных управленческих действий при инновационном развитии малого предприятия в долгосрочной перспективе с учетом имеющихся возможностей и их наращивания.

Нами специально не выделялись инновации более высокого класса, базирующиеся на научных результатах, полученных в конкретном регионе, так как изложенные подходы верны и для них, но с перспективой более широкого внедрения в стране и за рубежом со значительной прибылью. В частности, в Брестском регионе такие перспективы открываются для внедрения специальных нейросетей для диагностики в медицине, управлении роботами (научная школа В.А. Головко); элементов строительных конструкций (научная школа В.И. Драгана); измерения уровня управляемости предприятий (научная школа О.А. Высоцкого) и некоторые другие. В данном случае есть уже известные в стране результаты с хорошими отзывами о них, но пока не нашлось энтузиастов, желающих создать соответствующие малые предприятия для их широкого внедрения. Требуется специальный анализ ситуации, что необходимо сделать, чтобы такого рода предприятия были созданы.

Автор надеется, что изложенные подходы окажутся полезными как исследователям, так и менеджерам-практикам, использующим инновации в хозяйственной деятельности предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медынский, В.Г. Инновационный менеджмент : учебник / В.Г. Медынский. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 295 с.
2. Матюшков, Л.П. Диаграммный метод оценки сложных однородных объектов / Л.П. Матюшков, М.Н. Григорович // Вестнік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. гуман. і грамад. навук. – 2009. – № 1(36). – С. 136–142.
3. Просветов, Г.Н. Управление инновациями, задачи и решения : учеб.-практ. пособие / Г.Н. Просветов. – М. : Альфа-Пресс, 2010. – 208 с.
4. Матюшков, Л.П. Проблемы развития инновационной экономики / Л.П. Матюшков // Сб. мат. межвузовской науч.-практ. конф., Брест, 25.11.2010. – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2010. – С. 3–6.
5. Коноплев, С.П. Управление инновациями / С.П. Коноплев – М., 2010. – 205 с.
6. Межгосударственный стандарт. ГОСТ 31279–2004. Инновационная деятельность. Термины и определения. (СТБ). – Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2005. – 11 с.
7. Поведение потребителей : учеб. пособие / Т.Н. Байбардина и др. – Минск : Изд-во Гревцова, 2010. – 176 с.

Matsiushkou L.P. **Innovation at Small Enterprises**

The features of the development of innovative small businesses are described. Distinctive features in terms of value innovation are revealed. It is proposed to use marketing techniques in production planning and product marketing with pre-determined limits on production costs. We describe the desirable mechanisms of interaction of small businesses with larger local authorities.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.06.2011

УДК 33 (091)

Т.С. Сілюк

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЕ РАЗВІЦЦЁ ІВАЦЭВІЧЧЫНЫ Ў СКЛАДЗЕ ІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ (1921–1939 гг.)

У артыкуле на аснове архіўных матэрыялаў разглядаюцца асноўныя напрамкі рэалізацыі аграрнай рэформы польскага ўрада на Івацэвіцкіх землях у 1921–1939 гг.: парцэляцыя, камасацыя, хутарызацыя, ваеннае асадніцтва і ліквідацыя сервітутаў. Асвятляюцца спосабы крэдытнай дапамогі пры камасацыі і хутарызацыі. Таксама характарызуецца стан і асаблівасці развіцця сельскай гаспадаркі, прамысловасці і гандлю Івацэвіччыны.

Уводзіны

У выніку савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. Беларусь была падзелена на дзве часткі. Заходнія землі яе былі далучаны да буржуазна-памешчыцкай Польшчы. Паводле Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г., да Польшчы адышлі Гродзенская губерня, часткі Віленскай і Мінскай губерні. Івацэвіцкія землі цалкам папалі пад польскую юрысдыкцыю. На гэтых землях устанавілася польская буржуазна-памешчыцкая ўлада, быў уведзены прыняты ў Польшчы адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел – ваяводствы, паветы, гміны.

Рэгіён быў адарваны ад сістэмы расійскіх эканамічных, вытворчых адносін, усерасійскага рынку і міжрэгіянальнага падзелу вытворчасці. Эканамічная палітыка правячых колаў была скіравана на тое, каб пакінуць «усходнія крэсы» (ускраіны) у становішчы аграрна-сыравіннага прыдатку больш развітых прамысловых раёнаў карэннай Польшчы. Карыстаючыся таннай сыравінай і рабочай сілай ва ўмовах аграрнанга перанасялення і масавага беспрацоўя, польскія капіталісты асуджалі край на адсталасць і галечу.

Значная частка насельніцтва Івацэвіччыны ў 1921–1939 гг. жыла ў вёсцы і толькі 15 % ад агульнай колькасці – у горадзе. Асноўнымі групамі вясковага насельніцтва былі памешчыкі і сяляне. Сістэма землекарыстання і земляўладання ў рэгіёне склалася не адразу. Па дадзеных польскай афіцыяльнай статыстыкі, у 1921 г. землі былі размеркаваны наступным чынам: дзяржаве належала 10,8 % ад усёй зямлі, царкве – 0,3 %, прыватным уласнікам (буйным і дробным) – 88,4 %, іншым – 0,5 %. З усіх відаў уласнасці дамінуючае становішча займала прыватнае землеўладанне, якое і вызначала характар аграрных адносін.

Парцэляцыя

Улады ІІ Рэчы Паспалітай жадалі аздаравіць польскую эканоміку, і, захапіўшы тэрыторыю Заходняй Беларусі, распаўсюдзілі на яе тэрыторыю закон ад 10 ліпеня 1919 г. «Устава сейму аб умовах зямельнай рэформы». Галоўным напрамкам аграрнай рэформы была *парцэляцыя* і продаж часткі памешчыцкіх і дзяржаўных зямель дробнымі ўчасткамі (парцэламі) ад 2 да 20 га праз дзяржаўныя банкі.

Закон устанаўліваў максімальную колькасць зямлі, якой мог валодаць адзін гаспадар. Лішкі належалі прымусоваму адчужэнню з аплатай іх кошту і парцэляцыі. У цэнтральных раёнах Польшчы максімальны надзел мог быць не болей 180 га, у прыгарадных і прамысловых зонах – 60 га, у Заходняй Беларусі – 400 га. Такія вялікія

плошчы на «ўсходніх крэсах» былі ўстаноўлены для таго, каб захаваць эканамічнае панаванне і палітычны ўплыў польскіх памешчыкаў на беларускае насельніцтва.

Закон абараняў інтарэсы памешчыкаў, паколькі былі ўстаноўлены высокія выкупныя цэны на адчужаемую пад парцэляцыю зямлю. На 1 красавіка 1930 г. кошт зямлі (у залежнасці ад адлегласці ад горада), складаў: ворная зямля ад 120 да 2 700 злотых за 1 га; лугі – 120–2 250 злотых; паша – 90–600 злотых за 1 га. Устанаўліваліся і надбаўкі на якасць, ступень апрацоўкі зямлі, меліярацыйныя работы, наяўнасць пасеваў, крыніц вады і інш.

На Івацэвіччыне зямля парцэлявалася ў маёнтках Серадава, Коланск, Бараны, Плянта-Гацкая, Амельна-Тэадорава, Вядатупіцы, Целяханы (урочышча «Пусткі») Блоты-Вядатупічскія Косаўскага павета, маёнтках Малая Рудня і Шнуры Альбянскія Косаўскай гміны. У маёнтку Обрава гміны Святая Воля было выдзелена на парцэляцыю каля 8 811 га зямлі [6]. У 1924 г. парцэляцыя праходзіла ў маёнтках Альба і Навіны-Упірава. У маёнтку Гошчава з 3 603 га зямлі парцэлявана было толькі 10 га, у маёнтку Івацэвічы з 2 790 га – 20 га, у Целяханах з 57 800 га – 20 га [7, арк. 10].

У 1931 г. адбылася парцэляцыя зямель маёнка Мачты Косаўскай гміны Косаўскага павету. Было выдзелена 3 парцэлы: Андрэю Гардзеніку – 3,75 га за 732 злотых, Уладзіміру Банасевічу – 3,75 га за 735 злотых, Яну Юрашэвічу – 3,9 га за 776 злотых. У 1932 г. з зямель дзяржаўнага маёнтка Обрава было выдзелена 35 парцэляў памерам ад 2 да 5 га.

Значная колькасць зямель 3 і 4 класа (320,78 га) была парцэлявана ў 1935 г. у дзяржаўным маёнтку Косаў. Парцэлы набылі: Лунь Сяргей – 1,32 га за 190 злотых, Галабурда Мікалай – 6,5 га за 480 злотых, Гоган Тэадор – 1,05 га за 180 злотых, Мажэйка Тэадор – 5,78 га за 470 злотых і інш. [8, арк. 32].

Парцэляцыя не магла быць праведзена без абавязковай крэдытнай дапамогі. Але доўгатэрміновыя крэдыты банкі сялянам не выдавалі наогул, а кароткатэрміновыя (на 3 месяцы) выдаваліся пад 14,5 %, пры пераафармленні на год – пад 28 %. Немагчымасць атрымання дзяржаўных крэдытаў вымушала сялян звяртацца да ліхвяроў, якія бралі не менш за 60 % гадавых. Таму распарцэляваную зямлю часцей куплялі заможныя людзі, прычым, як правіла, польскай нацыянальнасці. Пад прыкрыццём парцэляцыі памешчыкі распрадавалі свае горшыя землі па спекулятыўна высокіх цэнах.

У Косаўскім павеце ў 1932 г. налічвалася 10 маёнткаў з плошчай зямлі болей за 100 га, 619 гаспадарак мелі надзелы па 15–60 га, 6 486 гаспадарак – па 5–15 га, а 8 120 гаспадарак – меней за 5 га [11, арк. 3].

Камасацыя і хутарызацыя

Ворная зямля ў Заходняй Беларусі была размеркавана нераўнамерна. У Палескім ваяводстве, напрыклад, плошча ворных зямель складала 42,5 %, а на Івацэвіччыне яна не перавышала 11 %. Там было шмат зямлі, якая наогул не апрацоўвалася (балоты, пустэчы). У буйных гаспадарках пусткі маглі складаць да 78–79% усёй зямельнай плошчы. На Івацэвіччыне, як было сказана вышэй, было мала буйных зямельных участкаў, затое шырока была распаўсюджана цераспалосіца, землі былі раскіданы «ў шахматным парадку». Прычым на Палессі разрозненасць зямель дасягала 63 %, у той час як у Польшчы яна складала 46,8 %. Цераспалосіца замаруджвала хуткае і эфектыўнае развіццё сельскай гаспадаркі. Таму асноўнай мэтай мясцовай улады было садзейнічанне аб'яднанню зямель праз *камасацыю і хутарызацыю,* якія б сталі асновай

рацыянальнага размяшчэння ворных зямель і лугоў. Камасацыя – гэта працэс ліквідацыі цераспалосіцы праз звядзенне сялянскіх зямель у адзін участак з наступным выхадам на хутары.

У Палескім ваяводстве камасацыя і рассяленне на хутары пачаліся ў 1927 г. Планы па хутарызацыі былі грандыёзныя. Напрыклад, на 1937–1938 гг. было запланавана на Івацэвіччыне правесці камасацыю зямель і выселіць на хутары 81 гаспадарку з в. Азярцо, 119 гаспадарак – з в. Горталь, 86 – з в. Даргужы, 154 – з в. Скураты, 384 – з вёсак Вулька і Соміна, 149 – з в. Краглевічы, 78 – з в. Карочын, 90 – з в. Ябланка, 205 – з в. Заполле [3, арк. 1–10]. Але дадзеныя планы былі выкананы толькі на 10–20 %, паколькі правядзенне рэформы патрабавала значных грашовых сродкаў, а абсалютная большасць кандыдатаў на высяленне не мелі грошай для перасялення. А патрэбна было не толькі перавезці або пабудаваць хату, але і ўзвесці ўсе гаспадарчыя пабудовы. Такая перспектыва вельмі палохала сялян.

Нягледзячы на гэта, хутарызацыя на Івацэвіччыне закранула многія вёскі: Целяханы, Альшаніцу, Краглевічы, Краі, Даргужы, Долгу, Скураты, Гутку, Вялікую Гаць, Рэчкі, Сакоўцы, Любішчыцы, Мілейкі, Старажоўшчыну, Азарычы, Вядатупічыцы, Святую Волю, Заполле, Горталь, прыватныя маёнткі Целяханы і Навіны-Упірава і інш. З в. Краі выселілася на хутары 149 гаспадарак, з в. Целяханы – 180, з в. Скураты – 73, з в. Гутка – 47, з в. Соміна – 81, з в. Воля – 40, з в. Волька – 203 [9, арк. 35–58].

Камасацыя і хутарызацыя ажыццяўляліся вельмі марудна і па прычыне недахопу ў Зямельнага аддзела кваліфікаваных работнікаў для правядзення землямерных і меліярацыйных работ (былі толькі 1 інжынер і 2 тэхнікі).

Для сялян існавалі 2 спосабы атрымання крэдытнай дапамогі пры камасацыі і хутарызацыі:

1. Неільготны крэдыт ад Палескага зямельнага аддзела, які прызначаўся на перанос ці будаўніцтва пабудоў на аб'яднаныя ўчасткі (1 200–2 500 злотых); на меліярацыйныя работы (600–800 злотых); на набыццё зямлі для павелічэння ўчастка, на тэхнічныя і юрыдычныя дакументы. Агульная сума крэдыта на набыццё зямлі на 1 гаспадарку складала ½ кошту ўсёй зямлі. Крэдыты выдаваліся пад іпатэчны абавязак да 15 год, а на тэхнічныя работы – да 4 гады пад 4 % гадавых.

2. Ільготнае крэдытаванне з дзяржаўнага бюджэту і з прыбыткаў Дзяржаўнага сельскагаспадарчага банка. Крэдыт выдаваўся на 5, 15, 25, 35 гадоў пад 4 % гадавых, прычым на працягу першых 3 гадоў (а зрэдку і 5) не налічваліся працэнты.

Аднак большасць сялян не маглі карыстацца прапанаванымі крэдытамі. Таму Зямельны аддзел Палескага ваяводства хадайнічаў перад Міністэрствам сельскай гаспадаркі аб ліквідацыі ці скарачэнні аплаты за камасацыю зямель з тых вёсак, якія не маглі панесці такія расходы, нават нягледзячы на крэдыты. У 1934 г. удзельнікі хутарызацыі ў в. Целяханы і в. Альшаніца былі вызвалены ад уплаты дзяржаўнага зямельнага падатку на 2 гады. У 1938 г. поўнасцю былі вызвалены ад уплаты дзяржаўнага падатку за хутарызацыю жыхары вёскі Скураты, Каротчын, Дубітава, Горталь, Даргужы, Ябланка, Старажоўшчына, Заполле [10, арк. 77].

Ваеннае асадніцтва

Дапаўненнем да ўстановы аб аграрнай рэформе быў закон ад 17 снежня 1920 г. *аб ваенным асадніцтве*, якое павінна было выканаць ролю правадніка польскіх ідэй на далучаных тэрыторыях. Утвараўся асобны фонд з зямельных плошчаў Заходняй

Беларусі, на якіх намячалася рассяліць былых вайскоўцаў, т.зв. ваенных асаднікаў, каб замацаваць акупаваныя землі. Удзельнікі савецка-польскай вайны мелі права бясплатна атрымаць ва ўласнасць да 45 га зямлі. Асаднік павінен быў пасяліцца на сваёй парцэле на працягу года і ў трохгадовы тэрмін асабіста рацыянальна апрацоўваць яе, выплачваць камунальны падатак, ахоўваць і ўтрымліваць у належным стане за ўласны кошт меліярацыйную сістэму, якая знаходзілася на яго ўчастку. У выпадку невыканання гэтых умоў асаднік страчваў зямельны надзел. Асаднікі надзяляліся зямлёй у адпаведнасці з воінскім званнем: палкоўнік мог атрымаць 30 га, капітан – 20, паручнік – 15, радавы – 9–10 га зямлі. Аплата за зямлю павінна была ажыццяўляцца на працягу 30 гадоў штогод, пачынаючы з пятага года пасля атрымання зямлі. Дзяржава аказвала дапамогу асаднікам натурай (давала драўніну, коней, кароў, свіней) або грашыма для абзавядзення гаспадаркай.

Асадніцтва існавала і на Івацэвіцкіх землях. Напрыклад, у дзяржаўным маёнтку Сянкевічы сямі асаднікам было бясплатна выдзелена 12 надзелаў зямлі ад 21–24 га. Акрамя таго, асаднікі атрымалі грашовую дапамогу ад 230 да 800 злотых і ад 40 да 80 м^3 будаўнічага дрэва. У маёнтку Серадава асады па 17–26 га атрымалі 9 чалавек. 27 асаднікаў атрымалі зямлю ў дзяржаўным маёнтку Станевічы Целяханскай гміны Косаўскага павета ў 1934 г., яшчэ 24 чалавекі – у 1935 г. У 1932 г. 13 асад было выдзелена ў маёнтку Косаў. У 1932 г. 15 чалавек атрымалі асады ў маёнтку Альба (па 19–27 га), 8 чалавек – у маёнтку Бараны (па 22–28 га), 4 – у маёнтку Альшаніца (па 27–29 га), 8 – у маёнтку Руда (па 19–25 га) [5, арк. 34–41].

З цягам часу ваеннае асадніцтва паступова замяняла цывільнае. Гэта форма была больш дапушчальнай, таму што цывільныя каланісты не выклікалі такога лютага супраціўлення з боку мясцовага насельніцтва.

Ліквідацыя сервітутаў

Адным з напрамкаў польскай аграрнай рэформы была *ліквідацыя сервітутаў.* Як і цераспалосіца, сервітуты адносіліся да феадальных пережыткаў і таму падлягалі скасаванню. *Сервітут* у землекарыстанні – гэта права на сумеснае карыстанне пэўным зямельным надзелам (часцей выганам, кустоўем), якія знаходзіліся ў сумесным карыстанні сялян і памешчыкаў. Тэрыторыя сервітутаў павінна была быць юрыдычна аформлена, але часцей за ўсё афіцыйных дакументаў на права карыстання гэтымі землямі ў сялян не было.

Сервітуты (пераважна лясы) былі шырока распаўсюджаны на Івацэвіччыне. У Косаўскім павеце мелася 255 га лясоў з сервітутамі, з іх: прыватных лясоў з сервітутамі – 48 га, дзяржаўных лясоў з сервітутамі – 207 га. Акрамя таго, у в. Гутка 228 га зямель адносіліся да сервітутаў, у в. Краі – 680 га, у прыватным маёнтку Целяханы – 1287 га, у маёнтку Навіны-Упірава – 220 га, у в. Соміна – 433 га, у в. Волька – 1117 га [9, арк. 58]. У сярэднім на 1 гаспадарку прыпадала 9,25 га сервітутаў. Аднак фактычна іх было значна больш, паколькі пасля Першай Сусветнай вайны людзі самавольна карысталіся зямлёй і лясны мі масівамі.

У 30-я гады XX ст. масава праводзілася ліквідацыя сервітутаў на Івацэвіччыне. У Косаве падлягалі ліквідацыі 54 участкі. У 1928–1930 гг. сервітуты былі адабраны ў жыхароў вёскі Гошчава і маёнтка Серадава, у 1934–1939 гг. у сялян вёсак Гутка, Волька, Соміна, маёнтка Целяханы, у 1937–1938 гг. – у Обрава, у 1938 г. – у в. Краі [9, арк. 58]. Вельмі часта замест адабраных сервітутаў сялянам давалі іншыя ўчасткі зямлі. Так, жыхары вёскі Белавічы Косаўскага павета замест адабранага ўрочышча ў 2 000 га атрымалі іншы ўчастак у 225 га, г.зн. у 9 разоў меншы і, акрамя таго, аддалены.

У выніку гэтых махінацый сяляне не маглі ім карыстацца, і зямля адышла да памешчыка. У гэтым жа самым павеце такія дзеянні былі праведзены з жыхарамі вёсак Хрышчановічы і Квасевічы [4, арк. 47].

Сельская гаспадарка

Да польскай акупацыі сельская гаспадарка Івацэвіччыны вялася даволі інтэнсіўна. Была ярка выражана яе спецыялізацыя на вытворчасці збожжавых культур, мяса і малака. Памешчыкі і заможныя гаспадары паступова ўводзілі перадавую агратэхніку. Але Першая сусветная вайна аказала вялікі ўплыў на сельскую гаспадарку. Ваенныя дзеянні прывялі да таго, што 64 % жыхароў сталі весці натуральную гаспадарку пры дапамозе прымітыўных сельскагаспадарчых прылад. Сялянскія гаспадаркі пакутавалі ад нястачы жывёлы: каля 29 % гаспадарак не мелі коней, у 58,8 % – было па 1 кані, 15,7 % – былі бескароўнымі, 51,1 % – мелі 1 карову.

Вялікай праблемай для селяніна былі падаткі. Падатковая сістэма была створана так, што дробныя гаспадаркі плацілі падатак большы, чым буйныя. Сяляне, ва ўласнасці якіх былі надзелы да 5 га, плацілі 2,38 злотых з 1 га зямлі, у той жа час уладальнікі буйных латыфундый – толькі 1,01 злотых, а астатнія гаспадаркі з зямельнай плошчай ад 15 да 50 га – 1,89 злотых. Асноўнымі падаткамі былі дзяржаўны зямельны з дадаткам камунальным і на аплату дарог. Прычым першы залежаў ад памераў і якасці зямлі. Напрыклад, у 1938 г. сяляне з в. Гошчава Бандарык Андрэй з 6,56 га зямлі заплаціў дзяржаўны зямельны падатак з дадаткам камунальным у памеры 21,09 злотых, Еўтух Тэадор – з 3,28 га 15,47 злотых, Еўтух Канстанцін – з 5,47 га 25,80 злотых, Еўтух Адам – з 2,74 га 13,69 злотых [1].

Асноўнымі сельскагаспадарчымі культурамі на Івацэвіцкіх землях у польскі перыяд былі пшаніца, жыта і бульба (займалі каля 70 % пасяўных плошчаў). Урадлівасць знізілася ў параўнанні з даваеннай: пшаніцы – на 12%, жыта – на 9,2 %, бульбы – на 32 % з га. Скараціўся памер пасяўных плошчаў. Напрыклад, у 1925 г. пшаніцай было засеяна 28 % зямельных плошчаў, тады як у 1913 г. – 33,6 %. Пасевы льну і іншых тэхнічных культур былі нязначнымі, а тытунь наогул было забаронена вырошчваць. Аднак тэхнічны прагрэс паступова пранікаў у сельскую гаспадарку. У некаторых вёсках дзейнічалі станцыі па ачыстцы насення: у Косаве, Заполлі, Бусяжы, Волі, Любішчыцах, Міневічах, Святой Волі, Глінна, Коланску, Целяханах, Варанілавічах, Горталі (усяго ў 22 вёсках). У 1931 г. яны ачысцілі 758,2 т насення. У Заполлі на станцыі былі веялка, сячкарня, малацілка, у Варанілавічах – веялка і 3 культыватары, на некоторых былі жнейкі, у Міневічах, Косаве і Бусяжы – млынкі [11, арк. 27].

Жывёлагадоўля прагрэсавала ў гаспадарках заможных сялян і памешчыцкіх маёнтках і насіла мяса-малочны характар. На Івацэвіччыне існавалі кааператывы вытворцаў малака. У Целяханах у такім кааператыве налічвалася 17 членаў, якія абслугоўвалі 23 каровы, у Калонску – 98 членаў (294 каровы), у Косаве – 40 кааператараў (90 кароў). Мясцовая мясная прадукцыя свінагадоўлі вызначалася высокай якасцю і экалагічнымі ўмовамі вытворчасці. Для абслугоўвання жывёлагадоўлі на Івацэвіцкіх землях існавала ветэрынарная служба. У некаторых вёсках дзейнічалі ветэрынарныя амбулаторыі, якія абслугоўвалі навакольныя вёскі. У Косаве за год было абслужана 1 026 розных жывёл, у Целяханскай амбулаторыі вылечылі 494 жывёлы, у Святой Волі – 499 жывёл, у Івацэвічах – 839 жывёл (коней, кароў, авечак, свіней, птушак; найчасцей кароў).

Сельскагаспадарчыя гурткі і выставы

На Івацэвіччыне былі шырока распаўсюджаны сельскагаспадарчыя гурткі, якія супрацоўнічалі з органамі ўлады, садзейнічалі стварэнню пунктаў арэнды сельскагаспадарчых машын і інвентара, гандлёва-збытавых арганізацый. Такія гурткі дзейнічалі ў многіх вёсках Косаўскага павета: у в. Любішчыцы (10 членаў), в. Руда (12), в. Альба (18), м. Косаў (14), в. Гошчава (14), в. Бусяж (33), в. Міхновічы (38), в. Заполле (20), в. Святая Воля (24), в. Глінна (25), в. Целяханы (25), в. Амельна. Гурткі арганізоўвалі паказальныя палі, якіх ў Косаўскім павеце было 1,85 га, пункты ачысткі насення, стымулявалі развядзенне кветак на насенне (гэтым відам дзейнасці займаліся 54 чалавекі). Пад патранатам Палескага павятовага таварыства зямельных арганізацый існавалі і гурткі сельскай моладзі: у в. Серадава (11 членаў), м. Косава (18), в. Заполле (25), в. Альба (14), в. Бараны (23), в. Коланск-Амельна (18), м. Целяханы (15), в. Глінна (21).

Сельскагаспадарчыя гурткі займаліся асветніцкай працай сярод мясцовага вясковага насельніцтва, арганізоўвалі гутаркі і курсы па сельскагаспадарчай тэматыцы, конкурсы па вырошчванню буракоў, азімых, капусты, кукурузы, а потым праводзілі паказальныя выставы па выніках конкурсаў. Напрыклад, такія паказы прайшлі ў Косаве 25 кастрычніка 1931 г., у Целяханах – 31 кастрычніка 1931 г. 113 чалавек прадставілі на гэтых выставах свае сельскагаспадарчыя экспанаты, 84 з іх былі ўзнагароджаны за свае дасягненні. У дапамогу сельскім вытворцам дзейнічалі крэдытна-ашчадныя касы ў Івацэвічах, Косаве, Целяханах, Святой Волі. Іх абаротны капітал складаў 174 600 злотых [2, арк. 3–5].

Для стымулявання развіцця сельскай гаспадаркі і ўкаранення перадавых метадаў гаспадарання конкурсы і выставы праводзіліся і па ініцыятыве мясцовых улад. Конкурсы па вырошчванні буракоў адбыліся ў Альбе, Бусяжы, Выганашчах, Святой Волі, Лазоўцах; морквы – у Альбе; капусты – у Лазоўцах. У Косаве ўзялі ўдзел у конкурсе 84 чалавекі, у Целяханах – 38. Пераможцамі сталі 36 чалавек, якія прадэманстравалі надзвычай высокую ўраджайнасць выгадаваных культур: буракоў – 1 059 ц/га, морквы – 390 ц/га, капусты – 430 ц/га. Для удзельнікаў конкурсаў былі арганізаваны асветніцкія курсы: 12 сакавіка 1933 г. – у Целяханах, 20 сакавіка – у Косава. У іх узялі ўдзел 25 чалавек. Выкладалі на дадзеных курсах аграрныя інструктары і навукоўцы з Кракава і Варшавы. Пасля заканчэння курсаў былі праведзены экзамены і ўзнагароджаны пераможцы конкурсаў. У якасці ўзнагарод уручалі косы, сярпы, акучнікі, кнігі на сельскагаспадачую тэматыку. Вышэйшых узнагарод было 2: бібліятэчкі па 50 сельскагаспадарчых кніг на сумму 145 злотых кожная [11, арк. 30].

Прамысловасць і промыслы

Прамысловасць на Івацэвіччыне ў 1921–1939 гг. была развіта даволі слаба, акрамя дрэваапрацоўваючых фабрык, і ў асноўным была накіравана на задавальненне мясцовых патрэб. Буйных прадпрыемстваў не было, толькі невялікія рамесныя майстэрні. У Косаўскім павеце налічвалася 27 цагельняў, 6 смалярняў, мноства млыноў (16 паравых, 26 ветраных, 3 турбінныя), 8 гарбарняў, 13 бойняў. У Косаве ў 1932 г. працавала друкарня, будаўнічае бюро, цагельня [11, арк. 4, 59–60]. У Целяханах існавалі лясныя промыслы, на якія наймаліся жыхары навакольных вёсак. Заробак рабочых у дзень складаў ад 2,30 да 3 злотых. Падаходны падатак налічваўся ў памеры 6,6 %.

Івацэвіччына, як вядома, багатая на рэкі і азёры, таму там здаўна развіваліся рыбаводства і рыбалоўства. Прыватныя рыбныя абводы ў 1932–1939 гг. існавалі ва ўрочышчы Мерачоўшчына, на азёрах Вулька, Бабровіцкім і Выганашчанскім, на Агінскім канале. На рацэ Грыўда дзейнічалі 6 рыбных абводаў. Рыбакі атрымлівалі ад мясцовых улад (ад павятовага старасты) спецыяльныя «рыбацкія карты» – дазволы на ажыццяўленне сваёй дзейнасці. Каб арганізаваць рацыянальнае выкарыстанне водных багацця краю, рыбакі аб'ядноўваліся ў прафесіянальныя суполкі. Напрыклад, у 1932–1935 гг. у Івацэвічах (ва урочышчы Белы Двор) на дабравольнай аснове было ўтворана і існавала таварыства рыбакоў, у якое ўваходзіла 13 чалавек. Таварыства атрымала дазвол на ажыццяўленне рыбалоўства на 518 га азёр.

1 лютага 1939 г. рыбакі азёр Бабровічы, Выганашчы, Вулькаўскае, Гутка (уласнасць К.В. Пуслоўскага) утварылі «Кола рыбакоў у Бабровічах і Выганашчах» з мэтай добрай арганізацыі рыбалоўства, абароны інтарэсаў рыбакоў, кантролю за рацыянальным гаспадараннем на азёрах, барацьбы з грабежніцкімі спосабамі рыбалоўства. На прыватных азёрах Пуслоўскага кожны рыбак павінен быў плаціць 30 грошай за 1 кг вылаўленай рыбы. 6 сакавіка 1939 г. прадстаўнікі «Кола рыбакоў» бралі ўдзел з сходзе вытворцаў стаўковай рыбы ў Варшаве, а 31 сакавіка 1939 г. у рыбацкіх курсах у Слоніме [12, арк. 64–76].

Гандаль

Івацэвіччына ў часы панскай Польшчы не з'яўлялася значным цэнтрам гандлю. Мясцовы гандаль развіваўся вельмі марудна. З гэтай тэрыторыі экспартавалі дрэва і піламатэрыялы, збожжа, жывёлу, мяса, сена, масла, яйкі, скуры і інш. Імпартавалі пераважна прамысловыя тавары, а са збожжавых – манныя крупы і проса. На прамысловыя тавары шырокага ўжытку былі ўстаноўлены вельмі высокія цэны, затое былі нізкія цэны на сельскагаспадарчыя прадукты. Напрыклад, 10 кВт электраэнергіі каштавалі 7,3 злотага, 1 л газы каштаваў 35 грошаў. У той жа час 100 кг збожжа каштавала ў сярэднім 12 злотых, рабочы конь – 150–200 злотых, а дойная карова – 100–120 злотых. Для актывізацыі гандлю ў 1922 г. быў арганізаваны Саюз купцоў ў Варшаве, які ў 1930-я гг. меў свае аддзелы ў Целяханах (25 членаў) і ў Косаве (178 членаў). Дзейнасць саюза купцоў была накіравана на ўкараненне новых метадаў гандлю, на інфармаванне членаў аб актуальных падатковых і адміністрацыйных новаўвядзеннях, на падтрыманне кантактаў з іншымі купецкімі аб'яднаннямі.

Заключэнне

Сельская гаспадарка Івацэвіччыны ў 1921–1939 гг. увогуле захоўвала рысы аграрнай і тэхнічнай адсталасці, насіла экстэнсіўны характар. Значныя поспехі ў сельскагаспадарчай вытворчасці мелі буйныя памешчыкі і заможныя сяляне, а 74 % гаспадарак жылі ў пастаянным пошуку сродкаў існавання. Паступова з развіццём збожжавай і мяса-малочнай вытворчасці селянін усё больш уцягваўся ў таварна-грашовыя адносіны. Прамысловасць і гандаль былі развіты слаба ў параўнанні з ранейшым перыядам і былі арыентаваны пераважна на мясцовы рынак.

Польскі ўрад на землях Заходняй Беларусі распачаў аграрную рэформу з мэтай паляпшэння становішча простага селяніна, укаранення перадавых метадаў апрацоўкі глебы і павышэння ўрадлівасці зямель. Асноўнымі напрамкамі аграранай рэформы былі камасацыя, хутарызацыя, насаджэнне ваеннага асадніцтва, ліквідацыя сервітутаў. У выніку камасацыі свае зямельныя надзелы павялічылі толькі заможныя сяляне, а пры

выхадзе на хутары яны інтэнсіфікавалі гаспадарку, скарацілі транспартныя расходы, звязаныя з перамяшчэннем прылад працы і ўгнаенняў. Перасяленне на хутары для бядняцкай гаспадаркі звычайна заканчвалася эканамічнай катастрофай. Грабежніцкая ліквідацыя сервітутаў таксама спрыяла пагаршэнню і без таго цяжкага стану сялян. Скасаванне шматвекавых устояў грамадства несла селяніну далейшае збядненне і галечу, вяла да яшчэ больш глыбокай дыферэнцыяцыі вёскі, паглыблення крызісных з'яў унутры грамадства.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Падаткі за 1938 г. у в. Гошчава Косаўскага павета // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДзАБВ). – Фонд 318. – Воп. 1. – Спр. 3.
2. Палескае павятовае таварыства зямельных арганізацый і гурткоў за 1931–1932 гг. // ДзАБВ. – Фонд 263. – Воп. 1. – Спр. 67.
3. План работ па хутарызацыі зямель у Косаўскім і Кобрынскім паветах на 1937–1938 гг. // ДзАБВ. – Фонд 1. – Воп. 6. – Спр. 2025.
4. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 200 с.
5. Спісы ваенных асаднікаў з пазначэннем зямельных надзелаў у Косаўскім павеце 1932 г. // ДзАБВ. – Фонд Р–60. – Воп. 2. – Спр. 38.
6. Спісы зямель, якія падлягаюць парцэляцыі і хутарызацыі ў Палескім ваяводстве // ДзАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 542.
7. Спісы маёнткаў Івацэвіцкага павета за 1927 г. // ДзАБВ. – Фонд 60. – Воп. 7. – Спр. 574.
8. Справа аб парцэляцыі зямельных участкаў у маёнтку Косаў Косаўскага павета 1935–1939 гг. // ДзАБВ. – Фонд 1. – Воп. 7. – Спр. 1 173.
9. Справа аб хутарызыцыі вёсак Краі, Гутка, Волька, Соміна, маёнтка Целяханы Косаўскага павета 1934–1939 гг. // ДзАБВ. – Фонд 1. – Воп. 6. – Спр. 2 300.
10. Справа аб хутарызацыі зямель в. Вулька і в. Соміна Целяханскай гміны, Косаўскага павета 1934–1939 гг. // ДзАБВ. – Фонд 1. – Воп. 6. – Спр. 2 999.
11. Справаздача Косаўскага павятовага камунальнага саюза аб дзейнасці і выкананні бюджэта за 1932–1933 гг. // ДзАБВ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 1 030.
12. Фінансавыя справаздачы аб ахове рыбалоўства і перапіска сельскагаспадарчай палаты і павятовых староста па пытаннях рыбалоўства 1938–1939 гг. // ДзАБВ. – Фонд 1. – Воп. 7. – Спр. 299.

Silyuk T. S. **Social-economic Development of Ivatsevitchi Region in the Composition of II Rech Pospolita (1921–1939)**

The main directions of realization of agrarian reform of Polish government on Ivatsevichi lands in 1921–1939: parcelation, kamasation, khutorization, the settling of Polish soldiers and the liquidation of servitude on the base of archival documents are considered in the article. The means of credit assistance within the process of kamasation and khutorization are shown. The state and peculiarities of farm development, industry and trade in Ivatsevichi are characterized.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.04.2011

УДК 339.5(470+571)

Ю.А. Максимов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОСОВРЕМЕНЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются основные нормативные акты, регулирующие внешнюю торговлю в Российской Федерации, изменения национального законодательства в связи с созданием Таможенного союза и направления развития таможенного регулирования внешнеторговой деятельности в современных условиях

Международная торговля товарами представляет старейшую и важнейшую сферу международного бизнеса, в которой постоянно совершаются коммерческие сделки. К основным коммерческим сделкам, оформляемым контрактами купли-продажи или контрактами на безвалютной основе (при равноценном, сбалансированном обмене товарами), относятся экспортные, импортные, реэкспортные и реимпортные сделки [1]. Традиционной и наиболее развитой формой международных экономических отношений является внешняя торговля. На долю торговли приходится около 80 % всего объема международных экономических отношений.

Особое место в экономике Российской Федерации занимает международная торговля, что обусловлено не столько попытками вступления в международные торговые организации и союзы, сколько направленностью развития экономики России на обеспечение международного рынка сырьевыми товарами и внутреннего рынка товарами конечного потребления. Поиск своей ниши в системе международной торговли независимой Россией происходит достаточно сложно, противоречиво и во многом стихийно. Либерализация внешнеэкономической деятельности способствует процессу открытия российской экономики мировому рынку. Россия всё больше включается в систему международного разделения труда. При этом ход этого включения имеет как позитивные, так и негативные аспекты. В Российской Федерации особое значение внешняя торговля имеет еще так как за счет доходов, полученных от внешнеэкономической деятельности происходит формирование почти 35 % доходов федерального бюджета, что, по сути, означает особое влияние любых изменений правового регулирования внешней торговли на финансы страны. А это свидетельствует об уязвимость финансовой системы и как следствие снижении показателей экономической безопасности Российской Федерации. Так, учитывая уязвимость безопасности страны от внешнеторговых факторов, президентом РФ 30 января 2010 г. был принят Указ № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», в котором впервые были определены критерии продовольственной безопасности, т.е. был предпринят первый шаг по формированию конкретных показателей уровня экономической безопасности в условиях формирования международных торговых интеграционных объединений. Для современной международной специализации России помимо нефти и газа становится характерной и продукция некоторых других отраслей промышленности, отличающихся, как правило, низкой технологичностью и экологичностью. В их числе черная и цветная металлургия, базовая химия, целлюлозно-бумажная промышленность. По данным таможенной статистики, в 2010 году внешнеторговый оборот России

составил 625,4 млрд. долларов США (с учетом данных о торговле с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан) и по сравнению с 2009 годом возрос на 33,3 %, в том числе, со странами дальнего зарубежья – 534,1 млрд. долларов США (рост 33,4 %), со странами СНГ – 91,3 млрд. долларов США (рост 33,0 %). Сальдо торгового баланса сложилось положительное в размере 167,5 млрд. долларов США, что на 33,2 млрд. долларов США больше, чем 2009 году. При этом в торговле со странами дальнего зарубежья сальдо равнялось 139,4 млрд. долларов США (рост на 30,1 млрд. долларов США), со странами СНГ – 28,1 млрд. долл. США (рост на 3,1 млрд.долларов США) [2]. Экспорт России в 2010 году составил 396,4 млрд. долларов США и по сравнению с 2009 годом увеличился на 31,4 %, в том числе в страны дальнего зарубежья – 336,7 млрд. долларов США (рост на 32,1 %), в страны СНГ – 59,7 млрд. долларов США (рост на 27,4 %). Увеличение стоимостного объема экспорта в 2010 году по сравнению с 2009 годом было обусловлено как ростом средних цен экспортируемых Россией товаров, так и увеличением физических объемов их поставок. Индекс средних цен экспорта за этот период составил 119,8 %, а индекс физического объема экспорта – 110,0 %. Основу российского экспорта в 2010 году в страны дальнего зарубежья составили топливно-энергетические товары, удельный вес которых в товарной структуре экспорта в эти страны составил 70,8 % (в 2009 году – 69,6 %). По сравнению с 2009 годом стоимостный объем этих товаров увеличился на 34,4 %. В общем объеме экспорта в страны дальнего зарубежья основной стоимостный объем (52,4 %) среди товаров топливно-энергетического комплекса занимала нефть сырая, физические объемы поставок которой возросли по сравнению с 2009 годом на 6,1 %, а стоимостные объемы – на 40,7 % [3]. Указывая на объективную необходимость всемерного участия России в системе МРТ, следует помнить, что включение в этот процесс отнюдь не самоцель. Основным (но не единственным) условием вовлечения России в современное международное разделение труда является то, насколько это участие отвечает национальным интересам России, ее экономической безопасности.

Основной регламент, регулирующий ВТД РФ, – Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», где определены цели ВТП:

1. Защита экономического суверенитета.
2. Обеспечение экономической безопасности.
3. Стимулирование развития национальной экономики.
4. Обеспечение условий эффективной интеграции РФ в МЭ.

Для этого следует придерживаться основополагающих принципов:

1) единства внешнеторговой политики с внешней политикой РФ;

2)·единства системы регулирования внешней торговли и контроля за ее осуществлением;

3)·единства политики экспортного контроля для достижения целей внешнеторговой политики и неуклонного выполнения международных обязательств в части недопущения вывоза оружия массового уничтожения и др. видов оружия;

4) единства таможенной территории страны с Приоритетом экономических мер регулирования перед административными;

5) равенства участников внешней торговли и их недискриминации;

6)·исключения вмешательства государства во внешнюю торговлю [4].

На сегодняшний день для России необходима политика обдуманного разумного протекционизма, особенно если учитывать, что формирование Таможенного союза

ЕврАзЭС происходило в сжатые сроки и все правовые нормы, регулирующие его деятельность, требуют серьезной доработки. Всё это потребует времени и скрупулезной работы экономистов и юристов. Для сравнения: нормативно-правовая база Евросоюза готовилась более 20 лет, так как регулирование мировых товаропотоков – задача крайне сложная и противоречивая.

Предстоящее вступление России в ВТО также накладывает свой отпечаток на формирование правовой базы страны и её партнеров по международной торговле. Так, страны-участницы обязаны привести свое законодательство в полное соответствие с нормами ГАТТ 1994 г. [5].

Выделяются три составляющие современных национальных торгово-политических систем:

1) опора на законоположения, определяющие конкретные полномочия исполнительной власти, права и обязанности хозяйственных субъектов в сфере внешнеэкономической деятельности;

2) унификация и гармонизация инструментов национального регулирования с принципами, нормами и практикой ВТО;

3) комплексный характер применения мер государственного регулирования и управления внешней торговлей, в том числе экономических средств в форме таможенных пошлин, налогов, субсидий и т.п., административных мер в форме запретов и ограничений, лицензирования и квотирования, «добровольных ограничений» экспорта и др.

К подобным мерам надо также отнести унификацию технических средств (барьеров) регулирования внешней торговли, т.е. технических норм, стандартов, методов соответствия, сертификации, санитарно-ветеринарных, экологических норм и норм здравоохранения. Особое место в системе государственного регулирования внешней торговли занимают экономические инструменты, которые напрямую не относятся к тарифному, нетарифному регулированию, но которые оказывают прямое воздействие на структуру и содержание внешнеторговой составляющей экономики. К этим инструментам следует отнести средства валютно-финансового регулирования в форме валютных курсов, учетной банковской ставки, кредитования и гарантирования экспортных операций и др., а также меры государственной поддержки национальных производителей от несправедливой (нечестной) иностранной конкуренции и содействие национальным производителям и экспортерам в повышении их конкурентоспособности на мировом рынке [6]. На мировой экономической арене Россия сегодня выступает как правопреемник СССР, который, хотя и не входил в рейтинговые оценки конкурентоспособности стран мира, однако в 1980-е гг. по отдельным позициям имел конкурентные преимущества. Эти преимущества определялись:

1) крупными запасами минерального сырья и топливно-энергетических ресурсов, цены на которые внутри страны были намного ниже мировых;

2) значительным научно-техническим потенциалом;

3) высоким общеобразовательным уровнем населения и квалификационной рабочей силой при относительно низком уровне оплаты труда;

4) достаточно развитой транспортной системой связи, особенно в Европейской части страны;

5) управляемой (в рамках централизованного планирования) экономикой;

6) потенциально емким внутренним рынком при хроническом дефиците товаров и услуг и значительном отложенном платежном спросе населения.

Современное положение России в международной торговле явно диссонирует со сложившимися направлениями и тенденциями в международном разделении труда подавляющего большинства стран. Обладая уникальными природными ресурсами, крупным производственным, научным и кадровым потенциалом, Россия до сих пор довольствуется положением страны топливно-сырьевой специализации. До 90 % ее экспорта составляют энергоносители, сырье и полуфабрикаты, а доля в мировой торговле не превышает 1,5 %. Для внешнеторгового оборота России последних лет характерно постоянное, почти двукратное превышение экспорта над импортом. Улучшение международной специализации России было бы возможно по следующим основным направлениям. Во-первых, это серьезная диверсификация существующего экспорта за счет повышения степени обработки выпускаемой продукции, расширения номенклатуры основных товарных групп экспорта, более активного вовлечения во внешнеэкономическую деятельность новых регионов страны. Это, пожалуй, наименее затратный путь. Другим путем является всемерное расширение отечественного высокотехнологичного экспорта, в том числе продукции электротехники, электроники, научного приборостроения, спецтехники и вооружения, товаров и услуг атомной и авиаракетной отраслей. Потенциальные возможности выхода на внешний рынок для этих отраслей предоставляет бурно развивающаяся в мире технологическая и производственная кооперация. Трудностями на этом пути сегодня выступают сравнительно низкое качество отечественной продукции, отсутствие выхода на потребительский рынок многих видов специальной техники и услуг, нарушение ранее сложившихся связей между наукой и производством, его в основном устаревшая технологическая база [7]. Для создания эффективной системы государственного развития внешней торговли Российской Федерации необходимо создание сбалансированной структуры нормативно-правового регулирования внешнеторговых отношений. В настоящее время всю совокупность правового регулирования можно представить в виде схемы (рисунок). В общем случае система правового регулирования внешней торговли как в Российской Федерации, так и в странах–участницах Таможенного союза ЕврАзЭС является по сути трехуровневой. Верхний уровень занимают нормативные акты ООН и других международных организаций, регулирующих международную торговлю. Второй уровень – это собственно нормативно-правовые акты, в том числе принятые с участием Российской Федерации в рамках Таможенного союза ЕврАзЭС и регулирующие торговые отношения между странами-участницами. Низшим, но наиболее важным для оптимизации уровнем являются законы и подзаконные нормативно-правовые акты Российской Федерации и сопряженные с ними в рамках взаимодействия законы и другие нормативные акты Республики Беларусь и Казахстана. При определении международных актов, регулирующих внешнюю торговлю, следует указать, что важнейшим универсальным договором в области международного торгового права выступает Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров [8]. Названный документ разрешает ряд вопросов, имеющих принципиальное значение в сфере международного коммерческого оборота. К числу не менее важных международных документов следует отнести также Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.); Гаагскую Конвенцию, отменяющую требование легализации иностранных официальных документов (Гаага,

1961 г.); Конвенцию об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 1974 г.).

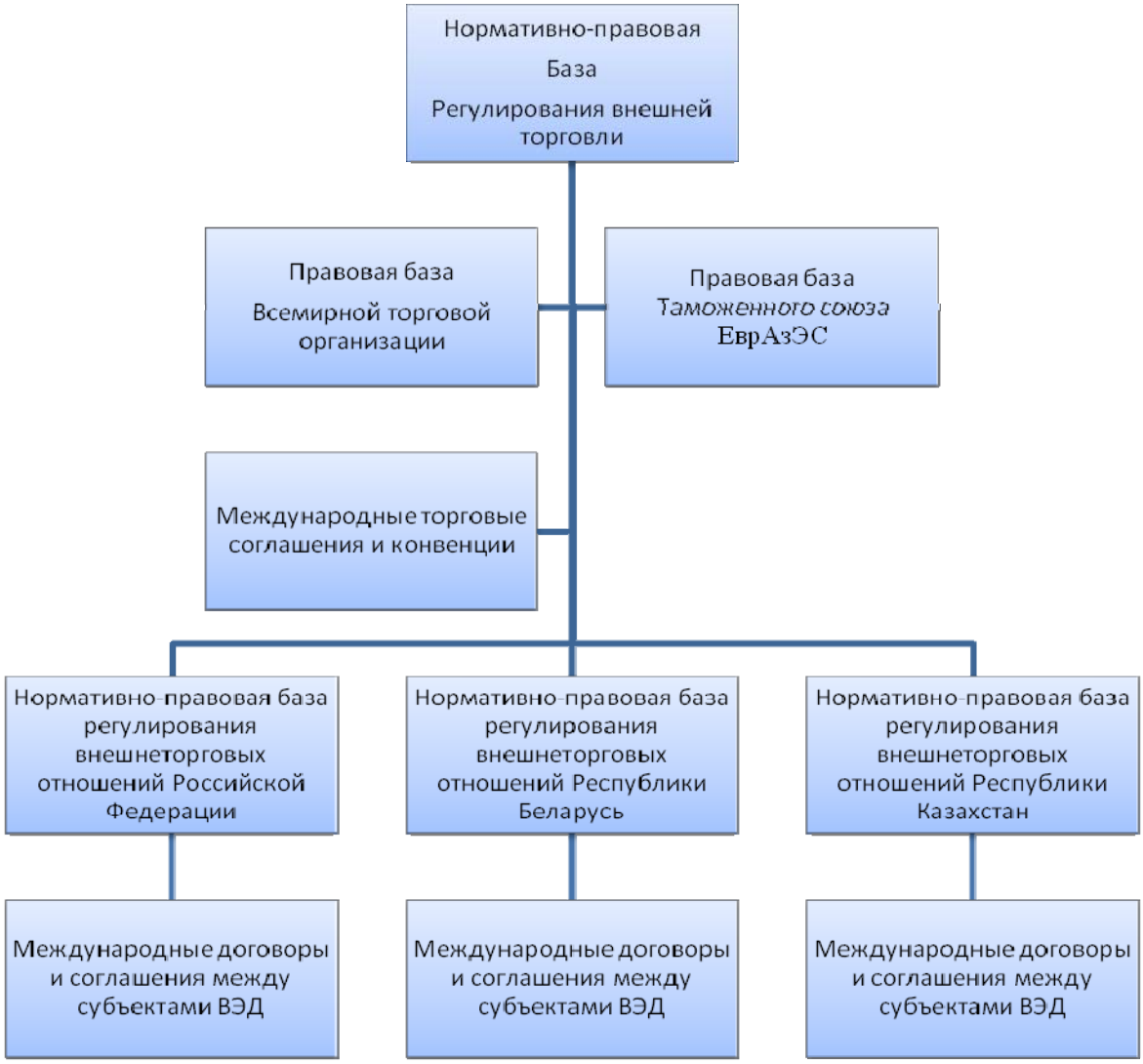

Рисунок – Система нормативно-правового регулирования внешней торговли

В сфере унификации правового регулирования международных перевозок ЮНИСТРАЛ также приняты два акта, имеющих важное значение для международного экономического сотрудничества: Конвенция ООН о морской перевозке грузов (Гамбург, 1978 г.) и Конвенция ООН об ответственности операторов транспортных терминалов (Вена, 1991 г.). Одновременно с международной унификацией норм, относящихся к международным коммерческим договорам, которая неизбежно принимает форму юридически обязательных документов, все большее значение приобретает разработка документов, носящих рекомендательный характер и обладающих в этой связи гибкостью и адаптированностью [9]. Кроме указанных актов, имеющих статус конвенций, важную роль в сфере регулирования внешнеторговых отношений играют принципы международных коммерческих договоров, одобренные УНИДРУА (Международным институтом по унификации частного права) в 1994 году.

К числу важных унифицированных правил следует отнести, например, следующие: Унифицированные правила для договорных гарантий 1978 г.; Правила регулирования договорных отношений 1979 г.; Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов в редакции 1993 г.; Унифицированные правила по инкассо в редакции 1995 г. Унификация правовых форм может осуществляться и без заключения международного договора. Возможен путь, при котором совместными усилиями нескольких государств создается проект типового закона. По этому пути идет, к примеру, Всемирная организация интеллектуальной собственности, создавая типовые законы в сфере охраны промышленной собственности для развивающихся стран [10]. В условиях интеграции международной торговли следует отметить, что существует подуровень международных правовых актов, в который входят акты, принятые наиболее крупным субъектом, регулирующим правоотношения в сфере внешней торговли, – Всемирной торговой организацией. Механизм многостороннего регулирования мировой торговли со стороны ВТО состоит из комплекса мер, зафиксированных в целом ряде многосторонних соглашений: Соглашение о таможенной стоимости товаров [11], Антидемпинговый кодекс [12], Соглашение о субсидиях и компенсационных мерах [13], Конвенция Киото об упрощении и гармонизации таможенных процедур [14], Кодекс по техническим барьерам в торговле [15], Кодекс по импортному лицензированию [16] и др. Эти соглашения уже создали достаточно жесткую систему мер таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, заменившую более 2 000 двусторонних прежних соглашений стран в этой области. Организационно-правовой механизм ВТО состоит из трех частей: ГАТТ в редакции 1994 г. [17], на который приходится 4/5 всех документов ВТО; Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС); Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [18], а также многие другие нормативные акты, которые предусматривают обязательность их выполнения странами – участниками ВТО. Вторым уровнем правового регулирования внешнеторговой деятельности в условиях регионализации внешней торговли является нормативная база созданного интеграционного объединения – Таможенного союза ЕврАзЭС. Основным документом Таможенного союза является Таможенный кодекс ТС, ст. 1 которого устанавливает, что таможенное регулирование в таможенном союзе в рамках Евразийского экономического сообщества – правовое регулирование отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу таможенного союза, их перевозкой по единой таможенной территории таможенного союза под таможенным контролем, временным хранением, таможенным декларированием, выпуском и использованием в соответствии с таможенными процедурами, проведением таможенного контроля, уплатой таможенных платежей, а также властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения указанными товарами. Таможенное регулирование в таможенном союзе осуществляется в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза, а в части, не урегулированной таким законодательством, до установления соответствующих правоотношений на уровне таможенного законодательства таможенного союза, – в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза [19]. Например, в РФ взамен Таможенного кодекса РФ, почти утратившего силу, действует Федеральный закон «О таможенном регулировании в РФ». В настоящее время также принят Единый таможенный тариф – свод ставок таможенных пошлин, применяемых к товарам, ввозимым на единую таможенную

территорию из третьих стран, систематизированный в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности таможенного союза (ТН ВЭД ТС) [20]. Ряд международных договоров в рамках Таможенного союза Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан уже вступил в силу. В частности, с 01.01.2010 г. вступили в силу Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран [21], Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран [22], Соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами [23]. Несмотря на создание единого Таможенного союза, в государствах, вошедших в него, сохранились свои национальные законодательства, которые в настоящее время активно приводятся в соответствие с нормами Таможенного союза. Третий уровень регулирования внешней торговли сосредоточен в нормативно-правовых актах стран – участниц Таможенного союза ЕврАзЭС. Так, государственное регулирование внешнеторговой деятельности в Российской Федерации основывается на Конституции и осуществляется в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации [24].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в ведении Российской Федерации находятся:

1) внешняя политика и международные отношения (пункт «к» ст. 71),

2) внешнеэкономические отношения (пункт «л» ст. 71),

3) определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества (пункт «м» ст. 71).

В развитие упомянутых положений Конституции РФ к настоящему времени создана достаточно развитая законодательная база, регулирующая внешнеэкономическую деятельность. Она включает в себя следующие федеральные законы:

1. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 08.12.2010) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».
2. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 25.12.2009) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».
4. Закон РФ от 21.05.1993 № 5003-1 (ред. от 08.12.2010) «О таможенном тарифе».
5. Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».
6. Постановление Правительства РФ от 29.09.2010 № 771 (ред. от 03.06.2011) «О порядке ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации» (вместе с «Правилами ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации»).
7. Постановление Правительства РФ от 30.12.2008 № 1079 (ред. от 30.05.2011) «О совершенствовании государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в отношении отдельных видов товаров и технологий в целях обеспечения национальной безопасности».
8. Постановление Правительства РФ от 17.05.1996 № 612 «О некоторых мерах по реализации Федерального закона», «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» и т.д.

Ряд важных положений, регламентирующих вопросы осуществления внешнеэкономической деятельности, содержится также в Законе Российской Федерации от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О валютном регулировании и валютном контроле». В развитие положений упомянутых законов принято большое число нормативных актов Банка России, Правительства РФ, федеральных министерств и ведомств. Центральное место в системе федерального законодательства, регулирующего внешнеэкономическую деятельность, занимает Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», который носит рамочный характер. Он устанавливает основные принципы государственного регулирования внешнеторговой деятельности в Российской Федерации (ст. 4) и внешнеторговой политики Российской Федерации (ст. 5), порядок ее осуществления российскими и иностранными лицами, права, обязанности и ответственность органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности. Законом также определены российские и иностранные участники внешнеторговой деятельности (ст. 10), основные положения государственного регулирования внешнеторговой деятельности и др. вопросы [25]. Кроме того, многие законодательные положения, касающиеся государственного регулирования внешнеторговой деятельности, рассредоточены по различным федеральным законам, предмет которых связан с внешнеторговой проблематикой прямо или опосредованно. Такие нормы можно отыскать, в Налоговом [26] и Гражданском кодексах РФ [27], Федеральных законах «О валютном регулировании и валютном контроле» [28], «О торгово-промышленных палатах в РФ» [29]. Подавляющей частью подзаконных актов, регулирующих внешнеторговую деятельность, являются нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти. Нормотворчество такого рода закреплено за рядом федеральных органов, в том числе за Министерством экономического развития России, полномочия которого детализированы в Положении о Министерстве экономического развития [30]. Следует отметить также, что впредь до отмены или принятия новых нормативных правовых актов продолжают действовать документы, принятые федеральными органами исполнительной власти, которые в ходе административной реформы утратили нормотворческие полномочия в этой сфере. Поэтому в системе действующих источников права, регулирующих внешнеторговую деятельность, присутствуют, наряду с нормативными правовыми актами Министерства экономического развития РФ, акты Федеральной таможенной службы РФ, Комитета по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами РФ и другие. Формирование нормативно-правовой базы внешнеторговой деятельности происходит при участии иных органов отраслевого управления. Акты соответствующих министерств регулируют отдельные аспекты внешнеэкономической деятельности (Министерство сельского хозяйства РФ, Министерство финансов РФ, Министерство здравоохранения и социального развития РФ) [31]. В целях оптимизации правового регулирования внешней торговли в Российской Федерации необходимо приведение всех уровней нормативного регулирования к единым принципам и совершенствование системы законодательства РФ с учетом международных норм, регулирующих внешнюю торговлю. Особое внимание необходимо уделять уровню обеспечения экономической безопасности страны с учетом влияния на ее показатели инструментов государственного регулирования международной торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мировая экономика и международный бизнес : учебник / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Полякова и д-ра экон. наук, проф. Р.К. Щенина. – 5-е изд. – М. : КНОРУС, 2008. – С. 567.
2. Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.customs.ru/ru/stats/stats/trfgoods/popup.php?id286=750.
3. Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.customs.ru/ru/stats/stats/trfgoods/popup.php?id286=750.
4. Сахаров, Н. Внешняя торговля России и особенности ее внешнеторговой политики на современном этапе / Н. Сахаров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sakharov.ru/text.php.
5. Мировая экономика и международный бизнес : учебник / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Полякова и д-ра экон. наук, проф. Р.К. Щенина. – 5-е изд. – М. : КНОРУС, 2008. – С. –562.
6. Мировая экономика и международный бизнес : учебник /под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Полякова и д-ра экон. наук, проф. Р.К. Щенина. – 5-е изд. – М. : КНОРУС, 2008. – С. 562–563.
7. Мировая экономика и международный бизнес : учебник / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Полякова и д-ра экон. наук, проф. Р.К. Щенина. – 5-е изд. – М. : КНОРУС, 2008. – С. – 566.
8. Лазарев, А.А. Регулирование вопросов существенных условий в конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. // Адвокат. – 2005. – № 11. – С. 17.
9. Богуславский, М.М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1998. – С. 128.; Звеков, В.П. Международное частное право : курс лекций / В.П. Звеков. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999 – С. 180.
10. Розенберг, М.Г. Международные договора и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда / М.Г. Розенберг. – 2-ое изд. – М. : Юрайт, 2000. – С. 73.
11. Соглашение о применении статьи VII ГАТТ-1994 ВТО (Agreement on Implementation of Article VII of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994).
12. Антидемпинговый кодекс. Соглашение о применении статьи VI ГАТТ–1994 ВТО. – Антидемпинговый кодекс (Antidumping Codex).
13. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам ВТО (Agreement on Subsidies and Countervailing Measures).
14. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Брюссельского Протокола 1999 года (Модернизированная Конвенция Киото).
15. Соглашение по техническим барьерам в торговле ВТО (Agreement on Technical Barriers to Trade).
16. Соглашение по процедурам лицензирования импорта (т.н. Кодекс по импортному лицензированию) (с 1994 г. в составе Марракешского пакета).
17. Генеральное соглашение о тарифах и торговле.
18. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), или Соглашение ТРИПС (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, TRIPS).

19. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17 с последними изменениями и дополнениями от 16.04.2010 г. // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6 615.

20. Единый таможенный тариф таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и РФ (ЕТТ), утв. Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 г. N 18, Решением Комиссии Таможенного союза от 27.11.2009 г. № 130 с последними изменениями и дополнениями от 07.04.2011 г. // Российская газета. – 2009. – № 227/1.

21. Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран от 25.01.2008 г. // ИПС КонсультантПлюс.

22. Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран от 09.06.2009 г. // ИПС КонсультантПлюс.

23. Соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами от 09.06.2009 г. // ИПС КонсультантПлюс.

24. Ст.3. Федерального закона от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 08.12.2010) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

25. Федеральное законодательство: состояние и проблемы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wbase.duma.gov.ru:8080/law?doc&nd=981600386&nh=1&part=7.

26. Налоговый кодекс РФ, часть первая в редакции Федерального закона № 146-ФЗ от 31.07.1998г. с последними изменениями и дополнениями от 17.03.2009 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

27. Гражданский кодекс РФ, часть первая в редакции Федерального закона № 51-ФЗ от 30.11.1994 г. с последними изменениями и дополнениями от 07.02.2011 г. № 4-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

28. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» № 173-ФЗ от 10.12.2003 г. с последними изменениями и дополнениями от 07.02.2011г. № 8-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

29. Федеральный закон «О торгово-промышленных палатах в РФ» № 5340-1 от 07.07.1993 г. с последними изменениями и дополнениями от 23.07.2008 г. № 160-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1309.

30. Постановление Правительства РФ «О Министерстве экономического развития РФ» № 437 от 05.06.2008 г. с последними изменениями и дополнениями от 16.04.2011 г. // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2867.

31. Арбекова, А.В. Административно-правовое регулирование внешнеторговой (экспортной) деятельности в России / А.В. Арбекова // Административное право и процесс. – 2010. – № 1.

Maksimov Y.A. **State Regulation of Foreigh Trade in Russian Federation in Modern Conditios**

In the article the author considers the basic statutory acts regulating foreign trade in the Russian Federation, changes of national legislation in connection with the creation of the Customs union and a direction of development of customs regulation of the foreign trade activity in modern conditions

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.06.2011

УДК 343.11(470+571)

Е.А. Зайцева

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОВЕРОЧНЫХ СУДЕБНЫХ СТАДИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье показана значимость Федерального закона № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. для формирования единообразной практики апелляционного и кассационного производства по уголовным делам, раскрываются некоторые проблемы нормативной регламентации исследования доказательств кассационным судом в современных условиях; ведется дискуссия по этим вопросам с профессором В.М. Быковым.

Модернизация системы пересмотра судебных решений в уголовном процессе – один из важнейших компонентов проводимой в Российской Федерации правовой реформы. Изменения порядка апелляционного, кассационного и надзорного производства, несомненно, вызывают интерес у практиков и ученых-процессуалистов. В рамках данной статьи хотелось бы кратко проанализировать комментарии к новому Федеральному закону № 433-ФЗ в части реформирования апелляции и кассации и высказать ряд своих соображений по поводу нового порядка пересмотра судебных решений в уголовном процессе. В № 2 за 2011 г. журнала «Российская юстиция» профессором В.М. Быковым дается критическая оценка вводимой системы пересмотра не вступивших и вступивших в силу судебных решений [1, с. 38–41]. По мнению уважаемого профессора, «распространение апелляционного порядка проверки на все судебные решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, в настоящее время не соответствует требованиям новых Федеральных законов РФ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», так как практически удваивает время на рассмотрение каждого уголовного дела до вынесения по нему окончательного решения» [1, с. 39]. Полагаем, вряд ли корректно говорить в данном случае о несоответствии Федерального закона № 433-ФЗ вышеуказанным нормативным актам, т.к. данный закон направлен на реализацию в действующем уголовно-процессуальном законодательстве идей Концепции судебной реформы в части усовершенствования системы пересмотра судебных решений [2]. Существующий ныне порядок ставит в заведомо неравное положение участников судопроизводства по делам, рассматриваемым мировыми судьями, и делам, отнесенным к компетенции федеральных судей, т.к. у первых имеется дополнительная возможность отстоять свою позицию в суде за счет двухступенчатой системы обжалования не вступивших в силу судебных решений: сначала в апелляционном режиме, а затем – в кассационном. Современный тип кассации, от которого в связи с началом действия новых установлений отказывается российский законодатель, изжил себя, как наследие не столь далекого советского прошлого. Кассация в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве (в том числе во многих странах СНГ) строится по иным традиционным принципам, определяющим ее правовую сущность как способа пересмотра вступивших в силу судебных решений по формальным основаниям. Модернизированная система

пересмотра судебных решений, делающая доступным апелляционный режим обжалования для участников судопроизводства по всем уголовным делам независимо от того, мировым или федеральным судьей разрешалось дело по существу, является более демократичной, соответствующей конституционному принципу равенства граждан перед законом и судом. Что касается соблюдения разумных сроков судопроизводства при введении апелляции по любым категориям уголовных дел, то, как представляется, это более экономичный путь достижения назначения уголовного судопроизводства, чем существующий ныне порядок. Новая процедура позволяет исправить судебные ошибки путем непосредственного их устранения апелляционной инстанцией с вынесением апелляционного приговора без применяющегося сейчас возвращения дела в суд первой или апелляционной инстанции из кассационных судов (п. 3 ч. 1 ст. 378 УПК РФ – а это порядок более сложный и «многоступенчатый», чем предлагаемый Федеральным законом № 433-ФЗ). Относительно же отдельных «негативных» аспектов новой апелляции в контексте комментариев профессора В.М. Быкова следует отметить, что ряд «серьезных недостатков», выделяемых уважаемым автором, вызывает возражения и желание подискутировать. В частности, не соответствует правовым реалиям, вытекающим из буквального толкования ч. 4 ст. 365 УПК РФ и ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ), утверждение уважаемого профессора о том, что «апелляционный суд вынужден полностью повторить все судебное разбирательство по уголовному делу. Это связано с большими материальными и временными затратами» [1, с. 39]. Ныне действующий порядок предоставляет апелляционной инстанции возможность повторно не выслушивать свидетелей, допрошенных в суде первой инстанции (они допрашиваются в суде апелляционной инстанции, если их вызов суд признал необходимым). Пореформенные процедуры, предусмотренный ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ), также предусматривают избирательный подход к исследованию доказательств: с согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционные жалобу, представление без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции. Причем новая процедура в большей степени предоставляют апелляционному суду свободу выбора сокращенного судебного следствия по сравнению с процедурой, регламентированной ч. 4 ст. 365 УПК РФ, которая упоминает лишь сокращение проверки показаний свидетелей.

Кроме того, полагаем, не совсем корректно утверждение о том, что «суд кассационной инстанции лишен возможности непосредственно исследовать все доказательства, представленные в суд сторонами» [1, с. 39]. Буквальное толкование ч. 4 ст. 377 УПК РФ, а также анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2009 г. № 12 приводит нас к противоположному умозаключению: в системе действующего нормативного регулирования суд кассационной инстанции наделен правом непосредственного исследования доказательств, как имеющихся в деле, исследованных ранее судом первой инстанции, так и дополнительных материалов, представленных сторонами. К дополнительным материалам закон предъявляет особые условия, связанные с порядком их получения и пределами использования (части 6, 7 ст. 377 УПК РФ). Вопрос о непосредственном исследовании доказательств в суде кассационной инстанции был предметом пристального внимания Пленума Верховного Суда РФ, начиная с 2004 г. Причем следует подчеркнуть, что позиции по этому принципиальному моменту Пленум в различных своих постановлениях формулировал неоднозначно. Так, несмотря на высокую оценку нормативных установлений ч. 4 ст. 377

УПК РФ в Научно-практическом пособии по применению УПК РФ, подготовленном под редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, где акцентируются элементы апелляции в кассационном производстве[1], совершенно иная интерпретация комментируемых положений дается Пленумом Верховного Суда РФ в п. 25 Постановления № 1 от 5 марта 2004 г.:

«В соответствии с частью 4 статьи 377 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке суд вправе по ходатайству стороны непосредственно исследовать доказательства в соответствии с требованиями главы 37 УПК РФ. Под таким исследованием следует понимать проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, получивших оценку суда первой инстанции (оглашение показаний свидетелей, потерпевшего, заключения эксперта и т.п.)… Ведение протокола судебного заседания в суде кассационной инстанции законом не предусмотрено» [4]. Такой порядок «непосредственного исследования доказательств» в изложении Пленума ВС РФ ограничивает применение норм главы 37 УПК РФ в кассационном производстве. Он не намного отличается от прежней процедуры рассмотрения дела в кассационной инстанции, предусмотренной еще ст. 338 УПК РСФСР: в ходе доклада одного из членов суда также могли оглашаться некоторые письменные доказательства, на которые в своих жалобах ссылались участники кассационного производства или прокурор при обосновании своего протеста. Заслушивание показаний, а не их оглашение, заслушивание заключения эксперта, а не его оглашение – вот в чем принципиальная разница непосредственного исследования доказательств (ч. 1 ст. 240 УПК РФ) от заочного их обсуждения в интерпретации Пленума Верховного Суда РФ. Такое толкование ч. 4 ст. 377 УПК РФ в Постановлении № 1 от 5 марта 2004 г. было осуществлено вопреки реальному замыслу законодателя, стремившегося создать дополнительные гарантии участникам уголовного судопроизводства в суде кассационной инстанции. Однако в дальнейшем Пленум ВС РФ еще более категорично выразил свое отрицательное отношение к непосредственному исследованию доказательств в кассационном суде в Постановлении № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций»:

«14. Разъяснить судам, что применительно к части 4 статьи 377 УПК РФ под исследованием доказательств судом кассационной инстанции следует понимать проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, исследованных судом первой инстанции. В связи с этим суд кассационной инстанции не вправе проводить допрос свидетелей, назначать судебные экспертизы и т.п.» [5]. Это разъяснение Пленума ВС РФ не только не соответствует реальному смыслу комментируемой в Постановлении № 28 уголовно-процессуальной нормы, но и не учитывает правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно непосредственного исследования доказательств и возможности ведения протокола судебного заседания в суде кассационной инстанции [6]. Полагаем, что в разрешении принципиального вопроса о возможностях кассационного суда непосредственно исследовать доказательства по правилам главы 37 УПК РФ Пленум ВС РФ вышел за рамки своих полномочий,

[1] «Это выражается в том, что при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке суд вправе по ходатайству стороны непосредственно исследовать доказательства в соответствии с требованиями главы 37 УПК, регламентирующей порядок исследования доказательств. УПК допускает такой порядок только при наличии двух условий: по ходатайству стороны (сторон) и если сочтет это необходимым, удовлетворив заявленное ходатайство» [3].

исказив существо комментируемых им законодательных установлений. Вероятно, именно поэтому через полгода после вынесения Постановления № 28 от 23 декабря 2009 г., Пленум 30 июня 2009 г. издал новое Постановление № 12, которое было специально посвящено исключению из текста Постановления № 28 первого абзаца п. 14, запрещавшего непосредственное исследование доказательств в кассационной инстанции [7]. Это решение Пленума фактически означает признание права на существование апелляционного режима исследования доказательств при рассмотрении дела кассационным судом. Несмотря на изменение позиции Пленума ВС РФ по данному вопросу, на практике судьи кассационных инстанций не спешат реализовать возможности, предоставляемые ч. 4 ст. 377 УПК РФ. Хотя, как представляется, законодатель прилагает все усилия для того, чтобы указанная норма из декларативного установления превратилась в действенное предписание. Об этом свидетельствует принятие 3 мая 2011 г. Федерального закона № 95-ФЗ «О внесении изменений в статьи 377 и 407 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», предусматривающего обязательность ведения протокола судебного заседания в кассационной (и надзорной) инстанции [8]. Справедливости ради нужно подчеркнуть, что проект данного Федерального закона был внесен в Государственную Думу по инициативе Пленума ВС РФ в декабре 2009 г. [9]. Следует отметить, что положениям о непосредственном исследовании доказательств в суде кассационной инстанции, закрепленным в ч. 4 ст. 377 УПК РФ, осталось действовать не так долго – в связи со вступлением в силу норм Федерального закона № 433-ФЗ с 1 января 2013 г. будет установлена иная процедура рассмотрения дел в кассационных судах. Однако даже в трансформированном кассационном производстве нашлось место для реализации идеи о ведении протокола заседания кассационного суда (ч. 10 ст. 401.13 УПК РФ[2]). Что же касается предложения профессора В. М. Быкова в части введения во второй инстанции предварительного слушания для рассмотрения коллегией судей вопроса об определении порядка пересмотра не вступившего в силу решения, «исходя из основания жалоб сторон», «необходимости в повторной проверке и в исследовании всех доказательств, в том числе и представленных сторонами новых доказательств, непосредственно в новом судебном разбирательстве» [1, с. 40], то этот путь нам представляется несколько усложненным. Ошибки, допущенные в таком предварительном слушании по вопросу об определении процедуры пересмотра, должны тогда тоже устраняться либо в апелляционном, либо в кассационном порядке, что чревато затягиванием сроков принятия окончательного решения по делу. Предварительное слушание в таком режиме производства дополняет судебную процедуру в разрешении дела лишним этапом. С учетом низкой процессуальной дисциплины сторон по явке в судебные заседания подобные нововведения могут еще больше удлинить сроки рассмотрения уголовного дела.

Итак, подводя итог нашей дискуссии, следует подчеркнуть, что опыт ряда стран ближнего зарубежья, длительное время использующих иную систему пересмотра судебных решений, при которой действует апелляционный режим производства по пересмотру не вступивших в силу судебных решений по любым уголовным делам, а кассационный порядок применяется по вступившим в силу судебным актам, показывает эффективность данной системы, демонстрирует особую роль вышестоящих

[2] В редакции Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. Сходная норма сформулирована и для надзорного производства (ч. 9 ст. 412.10 УПК РФ).

судебных инстанций в обеспечении вступления в силу и исполнения только законных, обоснованных и справедливых судебных решений. Относительно недостатков модернизированной российской процедуры в редакции Федерального закона № 433-ФЗ можно будет говорить только после конкретной реализации этой системы норм судебными органами и формирования новой правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков, В.М. Каким быть суду второй инстанции в уголовном судопроизводстве? / В.М. Быков // Российская юстиция. – 2011. – № 2.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992.
3. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. док. юрид. наук, проф., Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. Норма, 2004 г. 13. Апелляционное и кассационное обжалование судебных решений, не вступивших в законную силу // СПС «КонсультантПлюс», 2011.
4. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5.
5. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 28 от 23 декабря 2008 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 3.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бровченко Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 377 и 388 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. N 336-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. –№ 1.
7. О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций»: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 12 от 30 июня 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. –2009. – № 9.
8. О внесении изменений в статьи 377 и 407 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации: Федеральный закон от 3 мая 2011 г. № 95-ФЗ // Рос. газета. – 2011 г. – 6 мая. – № 97.
9. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Рос. Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в статьи 377 и 407 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 3 декабря 2009 г. № 26. // СПС «КонсультантПлюс», 2011.

Zaitseva E.A. **About Modernization of Revision Judicial Stages in Russian Criminal Procedure**

The Importance of federal law No. 433-FZ from December 29, 2010 for formation of uniform practice of appeals and cassation proceedings on criminal cases is shown in this article. Some problems of normative regulation of the direct examination of evidence by cassation court in modern conditions are revealed; discussion on these questions with professor V.M. Bykov is conducted as well.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.06.2011

УДК 343.14(470+571)

В.Л. Будников

НЕДОПУСТИМО ПРИЗНАВАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕДОПУСТИМЫМИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ

Предусмотренная законом возможность исключения отдельных доказательств на предварительном слушании по уголовному делу нарушает принцип равноправия сторон в уголовном процессе, давая одной из них недопустимые привилегии в доказывании.

В соответствии с положениями ст. 234 и 235 УПК РФ суд вправе признать недопустимыми те доказательства, в отношении которых об этом заявлено соответствующее ходатайство стороны. Основанием для принятия такого решения могут послужить сведения о незаконности производства следственного действия, истребования материалов, а также формирования доказательства. Многие учёные и практики позитивно оценивают возможность коррекции имеющихся в уголовном деле совокупностей доказательств. «Неординарность предварительного слушания, − отмечает В.Ю. Миронов, − проявляется в легитимной возможности подвергнуть сомнению и устранить из совокупности доказательств, используемых сторонами для обоснования собственных доводов, любые сведения» [1].

Подобные нормативные преференции свидетельствуют о благоприятствовании закона одной из сторон уголовного процесса. Как правило, правовую «фору» получает сторона защиты. Причин здесь несколько. Основная заключается в том, что практически весь доказательственный материал по уголовному делу собирает и формирует сторона обвинения в лице её публичных участников: следователя, дознавателя, прокурора. Стороне защиты достаётся роль практически пассивного наблюдателя происходящего предварительного расследования. Во многом такое положение имеет место вследствие того, что именно на публичных субъектов уголовного преследования закон возложил обязанность доказывания в досудебном производстве. Защитник подозреваемого и обвиняемого, а тем более сами эти представляемые лица, даже если и собирают определённую фактическую информацию об обстоятельствах исследуемого уголовно-правового события, как правило, не в состоянии полноценно использовать её в доказывании их наличия или отсутствия.

Монополия государственных органов и должностных лиц в сфере досудебного уголовного производства, несмотря на существенно расширенные правовые возможности того же защитника в сфере доказывания (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), по-прежнему остаётся главной доминантой в деятельности по предварительному расследованию преступлений. Сторона защиты всё так же является не равноправным субъектом в состязательном уголовном процессе, а «просителем» о совершении определённых процессуальных действий или принятии процессуальных решений, причём не только перед судом, что представляется вполне естественным и разумным, но и перед своим процессуальным оппонентом, имеющим равные с нею права, – стороной обвинения. В досудебном производстве сторона защиты во многих случаях лишь «досаждает» органу предварительного расследования и прокурору своими просьбами и жалобами.

Несмотря на определённое значение подобных обращений в защите и восстановлении прав и свобод представителей стороны защиты, они не способны в

современных условиях выступать в качестве действенных правовых средств уголовно-процессуального доказывания, поскольку их справедливое и законное разрешение закон оставляет на усмотрение стороны обвинения. Очевидно, именно поэтому ходатайства и жалобы лиц, привлечённых к уголовной ответственности, и их защитников остаются в своей основной массе неудовлетворёнными (по моим данным, лишь 16,4 % жалоб и 23,8 % ходатайств разрешаются в стадии предварительного расследования в пользу заявителей). Это приводит к тому, что многие процессуальные обращения возобновляются в суде, в который поступает уголовное дело с обвинительным заключением или обвинительным актом. В результате сторона защиты вновь напоминает просителя, правда, здесь уже законодатель создаёт ей определённые условия, благоприятствующие рассмотрению приносимых ходатайств и жалоб. Если бы защитник обладал реальной процессуальной дееспособностью в сфере доказывания в досудебном уголовном производстве в рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а собранные им фактические сведения об обстоятельствах исследуемого уголовно-правового события признавались безусловными доказательствами по делу, вряд ли российский уголовный процесс продолжал нуждаться в следователе или прокуроре как арбитрах доказательственной деятельности стороны защиты.

Защитник, на мой взгляд, должен иметь реальную возможность для реализации своих правовых полномочий по доказыванию в стадии предварительного расследования. Не допуская защитника к реальному и полноценному доказыванию наличия или отсутствия обстоятельств по уголовному делу, законодатель пытается сделать «хорошую мину» при плохой игре – создать видимость учёта интересов стороны защиты посредством предоставления ей нормативной возможности ходатайствовать об исключении собранных органом уголовного преследования доказательств из общей совокупности ввиду их возможной недопустимости. Это правило можно было бы признать формальной правовой гарантией, если сторона обвинения наделялась бы подобным правом о признании защитительных доказательств недопустимыми. Но, учитывая, что подобная возможность окончательно «утвердит» защитника как полноценного субъекта доказывания (наряду со следователем или дознавателем), законодатель не стал завершать конструирование правовой нормы (ст. 235 УПК РФ) с учётом положения о равных правах этих представителей сторон в осуществлении доказывания.

Но даже наличие рассматриваемой правовой нормы в действующей редакции не даёт оснований утверждать об её соответствии существующим принципам доказывания в уголовном судопроизводстве. Это выражается, прежде всего, в наличии у суда нормативной возможности произвольно изменять имеющиеся совокупности уголовных доказательств, отражённые в обвинительном заключении или обвинительном акте. При этом необходимо иметь в виду, что указанные доказательственные совокупности – это не просто общее количество доказательств, имеющихся в материалах уголовного дела, без учёта их информационной направленности, как считают некоторые учёные [2], а сформированные определёнными субъектами доказывания группы однородных уголовных доказательств. При этом их однородность определяется прежде всего нормативным свойством относимости каждого из находящихся в подобной группе доказательства – направленности информационного содержания доказательства на установление наличия или отсутствие устанавливаемого в процессе доказывания обстоятельства (ст. 73 УПК РФ).

Однородность доказательств должна, на мой взгляд, определяться не просто фактом их нахождения в материалах уголовного дела, а совпадением вектора содержащихся в каждом доказательстве фактических сведений. Вряд ли возможно считать однородными доказательствами те, которые имеют противоположную информационную направленность по отношению друг к другу. Скажем, прямое обвинительное доказательство ни при каких условиях не способно образовать однородную совокупность с прямым оправдательным доказательством, и наоборот, поскольку их относимость взаимно противоположна. Не учитывать этого нельзя. Следователь при составлении обвинительного заключения формирует совокупности доказательств в соответствии с требованиями ст. 220 УПК РФ именно по такому критерию: отдельно совокупность обвинительных доказательств и отдельно – защитительных (оправдательных), то есть тех, на которые ссылается в обоснование своих процессуальных выводов сторона защиты. Искусственное, то есть не имеющее под собой объективного основания, изъятие судом отдельного доказательства из имеющейся совокупности способно нивелировать всю доказательственную деятельность той или иной стороны и привести её к совершенно противоположному процессуальному результату, нежели тот, который предполагался в начале процесса доказывания. Как правило, в силу названных выше причин изменяются практически только обвинительные совокупности доказательств.

По этому поводу М. Жук отмечает, что «по определённым уголовным делам при признании лишь одного, но основного доказательства недопустимым утрачивается возможность вынесения обвинительного приговора (например, протокола осмотра места происшествия по делам о дорожно-транспортных происшествиях со смертельным исходом, когда при абсолютно противоречивых показаниях сторон этот протокол со схемами и фототаблицами является единственным объективным доказательством вины той или иной стороны в ДТП)» [3]. Кроме того, учитывая существующую объективную взаимосвязь доказательств, находящихся в однородной совокупности, исключение хотя бы одного из них может привести к возникновению своеобразного эффекта «домино», который вынуждает суд признавать недопустимыми вторичные доказательства, образованные на основе исключённого из совокупности. «Так, – отмечает С.В. Некрасов, – незаконное изъятие предмета, затем признанного вещественным доказательством, по которому, в свою очередь, производилось экспертное исследование, побуждает суд признавать юридически неправомерным исследование и протокола следственного действия, во время которого производилось изъятие, и постановления о приобщении предмета в качестве вещественного доказательства к материалам дела, и самого предмета, и заключения экспертизы» [4].

Аналогичный пример можно привести из современной судебной практики. Так, Фроловский районный суд Волгоградской области в мае 2011 г. рассмотрел ходатайство стороны защиты об исключении пистолета ПМ, являющегося вещественным доказательством, из списка обвинительных доказательств в связи с отсутствием у него свойства допустимости, поскольку по другому приговору этого же суда, вступившему на момент производства предварительного следствия по данному уголовному делу в законную силу, указанный пистолет должен был быть уничтожен. Суд отказался признать это вещественное доказательство недопустимым по второму уголовному делу, однако после окончания судебного следствия государственный обвинитель вынужден был сам признать в обвинительной речи недопустимость данного доказательства. Подобная ситуация представляется вполне логичной,

поскольку на предварительном слушании суд не имел возможности провести подробный анализ доказательства, об исключении которого ходатайствовала защита. Однако в процессе судебного следствия недопустимость пистолета ПМ, дважды признававшегося судом вещественным доказательством по разным уголовным делам при отсутствии какой-либо объективной связи между ними, была однозначно установлена, вследствие чего государственный обвинитель сам отказался от его использования в доказывании, а суд в приговоре подтвердил этот факт. Исключая в стадии назначения судебного заседания по ходатайству одной стороны негодное доказательство, суд преждевременно и, по большому счёту, необоснованно и неразумно разрушает сформированную другой стороной доказательственную цепь посредством произвольного изъятия из неё составных звеньев. Осуществление подобных операций находится, на мой взгляд, в прямом противоречии с положениями ст. 15 УПК РФ о равноправии сторон и равноудалённости суда от них. Исследование как отдельных уголовных доказательств, так и их совокупностей должно происходить в полноценном судебном заседании в условиях отсутствия процессуальной «форы» у какой-либо стороны.

Суд не вправе помогать одним участникам уголовного процесса за счёт необоснованного ущемления прав и законных интересов других. Он может исключить отдельное доказательство или образованную им доказательственную цепочку лишь в том случае, если такое решение принимается на основании всесторонней проверки и оценки представленных сторонами совокупностей доказательств. Всесторонность подобной проверки означает полное и всеобъемлющее исследование судом при участии обеих сторон всех нормативных свойств каждого единичного доказательства, установления существующей между однородными доказательствами объективной взаимосвязи. Признание определённого доказательства в суде негодным средством доказывания возможно лишь на заключительном этапе доказывания, после того, как проверены представленные сторонами доказательства. Это решение суда возможно только тогда, когда он смог проверить и оценить доказательства сторон, а также те, которые были сформированы им в процессе судебного следствия по уголовному делу. Подобной возможности у суда на предварительном слушании нет, поскольку качественная и всесторонняя проверка доказательств на этом этапе уголовного судопроизводства законом просто не предусмотрена.

В связи с изложенным полагаю, что российскому законодателю было бы целесообразным исключить статью 235 УПК РФ в полном объёме, а также предусмотреть взамен имеющегося в ч. 5 ст. 234 УПК РФ положение, запрещающее суду рассматривать на предварительном слушании вопрос об исключении доказательств. Это позволит не превращать предварительное слушание в некий суррогат судебного разбирательства, а также предотвратит нарушение принципа равноправия сторон при этом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов, В.Ю. Оценка доказательств при проведении предварительного слушания / В.Ю. Миронов // Российский судья. – 2007. – № 1. – С. 10.

2. Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. – М., 2008. – С. 117.

3. Жук, М. Последствия признания судом доказательств по уголовному делу недопустимыми / М. Жук // Законность. – 2007. – № 7. – С. 39.

4. Некрасов, С.В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве / С.В. Некрасов. – М., 2005. – С. 123.

5. Угол. дело № 1-109/2011 // Архив Фроловского районного суда Волгоград. обл. за 2011 г.

Budnikov V.L. **Is Inadmissible to Recognize Proofs Inadmissible at Preliminary Hearing**

The possibility of an exception of separate proofs provided by the law at preliminary hearing on criminal case breaks a principle of equality of the parties in criminal trial, creating one of them inadmissible privileges in averment.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.07.2011

УДК 343. 163(470+571)

Л.В. Попова

СОВРЕМЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПОВ ЕДИНСТВА И ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье на примере прокуратуры Российской Федерации рассматриваются принципы организации и деятельности органов прокуратуры, которые являются основополагающими и руководящими положениями, определяющие наиболее значительные черты и признаки всей многогранной деятельности органов прокуратуры и основные требования, предъявляемые к ней.

В самой основе образования органов российской прокуратуры лежит идея о необходимости обеспечения задачи единства понимания и применения законов по всей стране. Законность должна быть единой, потому что в системе организационных связей структуры государства законы выполняют роль так называемых «кровеносных сосудов». Их основная функция состоит в регулировании общественных отношений, сохранении при этом организационного единства государства и обеспечении баланса интересов государства и личности. «Законодательное закрепление принципов определят их правовую основу и подчёркивает обязательность соблюдения каждым прокурором и иным прокурорским работником» [1].

Принцип единства системы имеет решающее значение для организации органов прокуратуры Российской Федерации и для выполнения стоящих перед ними задач по реализации функций прокурорского надзора и иной предусмотренной законом деятельности.

Органы исполнительной власти государства в лице его должностных лиц, а также граждане, и лица без гражданства, проживающие на территории этого государства, должны быть равны перед законом. Это прежде всего означает, что законы едины для всех, а кроме того, у закона нет и не должно быть альтернативы. Поскольку значение закона столь велико, для реализации этой идеи важно не только её провозгласить, но и создать механизм единого соблюдения прав и обязанностей в государстве. Все организационные элементы такого механизма должны быть в единой системе. Поэтому очень важно, чтобы органы прокуратуры Российской Федерации были единой организационной системой, которая, в свою очередь, является эффективным гарантом обеспечения единства понимания и применения законов в государстве. Принцип единства системы органов прокуратуры Российской Федерации обеспечивается различными способами.

Прежде всего, этот принцип организационного строения органов прокуратуры Российской Федерации прямо закреплён в Конституции Российской Федерации и в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Так, в соответствии со ст. 129 Конституции Российской Федерации и ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации является единой федеральной централизованной системой территориальных, военных и специализированных (транспортных, природоохранных и др.) с их подчинённием единому центру – Генеральной прокуратуре Российской Федерации в лице Генерального прокурора Российской Федерации, осуществляющих от имени

Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [2].

Данный принцип выражается «в единообразных формах организации и деятельности всех прокурорских органов, в единстве целей и общих задач осуществления надзора в стране, а также полномочий прокуроров по выявлению правонарушений и реагированию на них. Прокурорский надзор осуществляется на основе единого для всех звеньев прокуратуры законодательства… Принцип единства прокурорского надзора реализуется в единоличном разрешении прокурором всех вопросов, связанных с прокурорским надзором» [3].

Особое значение для сохранения единства системы органов прокуратуры Российской Федерации имеет требование п. 3 ст. 11 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», запрещающей создание и деятельность на территории Российской Федерации иных органов с функциями, дублирующими функции прокуратуры, но при этом не входящих в единую систему прокуратуры Российской Федерации.

Единство системы органов прокуратуры Российской Федерации обеспечивается в первую очередь требованием закона о недопустимости вмешательства в осуществление прокурорского надзора федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц с целью повлиять на принимаемые прокуратурой решения или воспрепятствовать в какой-либо форме их деятельности.

Единство системы органов прокуратуры Российской Федерации обеспечивает и исключительная компетенция Генерального прокурора Российской Федерации как главы данного ведомства. Под компетенцией в данном случае понимается принадлежащий исключительно Генеральному прокурору Российской Федерации комплекс прав, обязанностей и ответственности.

В статье 129 Конституции Российской Федерации указано, что нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации. Все прокуроры назначаются приказами Генерального прокурора Российской Федерации. Об этом же говорится в статьях 1, 4, 11, 13, 17 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Только Генеральный прокурор Российской Федерации имеет право принятия решений об образовании, реорганизации и упразднении органов прокуратуры, определении их статуса и компетенции. В пределах имеющейся штатной численности и фонда оплаты труда Генеральный прокурор Российской Федерации устанавливает штаты и структуру Генеральной прокуратуры Российской Федерации, определяет полномочия структурных подразделений, устанавливает штатную численность и структуру подчинённых органов и учреждений прокуратуры [4].

Генеральный прокурор Российской Федерации издаёт обязательные для исполнения всеми работниками органов и учреждений прокуратуры приказы, указания, распоряжения, положения и инструкции, регулирующие вопросы организации и деятельности системы прокуратуры Российской Федерации [5].

В то же время Генеральный прокурор Российской Федерации также несёт и ответственность за выполнение задач, возложенных на органы прокуратуры Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Фактически такие же права, обязанности, ответственность имеют и все нижестоящие прокуроры, однако в

объёме и пределах возглавляемых ими органов прокуратуры. Такое распределение компетенций позволяет сохранять и укреплять единство всей системы органов прокуратуры Российской Федерации.

Не менее важными обстоятельствами, позволяющими эффективно реализовать организационный принцип единства системы органов прокуратуры Российской Федерации, являются единые для всех должностных лиц, подразделений и органов прокуратуры цели, задачи, направления деятельности и полномочия. В соответствии с ними органы прокуратуры любого звена обязаны обеспечить единство понимания и применения федеральных законов на территории Российской Федерации. Их задачами являются выявление нарушений законов, реагирование на эти нарушения и восстановление нарушенных установленных законом прав и интересов граждан и государства. В соответствии с этими задачами все органы прокуратуры действуют строго на определённых в статье 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» направлениях деятельности, используя при этом единые полномочия.

Принцип централизации системы органов прокуратуры также является одним из важных принципов, в соответствии с которым все нижестоящие органы и подразделения прокуратуры, а также должностные лица подчиняются вышестоящим органам, подразделениям и должностным лицам органов прокуратуры, а все прокуроры – Генеральному прокурору Российской Федерации, возглавляющему всю систему органов прокуратуры. Таким образом, назначение и подчинённость прокуроров происходит только по вертикали.

Централизация органов прокуратуры вызвана необходимостью обеспечения единой законности на всей территории нашего государства. Именно рассматриваемый принцип обеспечивает единство прокурорской практики, которая направляется, согласовывается и координируется Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Принцип централизации служит и обеспечению единства законности и единству прокурорского надзора, обеспечивает удобство и простоту управления всеми составляющими систему органов прокуратуры элементами, а также оперативность в реализации задач организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Анализируемый принцип законодательно закреплён в ст. 129 Конституции Российской Федерации и в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также реально обеспечивается закреплённой в законе системой норм, предусматривающих права, обязанности и ответственность прокуроров.

Принципы единства и централизации системы органов прокуратуры очень тесно связаны друг с другом и не могут быть реализованы индивидуально. При этом принцип централизации в большей мере относится к организационным вопросам построения структуры управления в органах прокуратуры, а принцип единства – к вопросам деятельности.

Вместе с тем следует отметить, что усиление централизации влечёт свёртывание инициативы подчинённых, что может отрицательно сказываться на результативности их деятельности. С другой стороны, в практике организации управления органами прокуратуры принцип централизации постоянно подвергается проверке на прочность. В этом смысле необходимо учитывать, что составляющие организационную систему элементы имеют различной силы собственную энергию в виде своих целей, задач, ресурсов, и эти обстоятельства, в свою очередь, могут становиться препятствием для реализации принципа централизации.

Многие руководители прокуратур субъектов Российской Федерации постоянно изыскивают возможности усилить свою собственную роль в решении организационных вопросов, отнесённых к компетенции Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Но усиление роли отдельных элементов системы, как известно, способствует децентрализации, и в рассматриваемом случае инициирование самостоятельности опасно распадом централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации. В связи с эти очень важно найти баланс интересов всех составляющих структуру органов прокуратуры элементов и в то же время сохранить централизованную систему, поскольку только реализация этого принципа позволяет решить задачу единства законности в стране.

Как некоторое посягательство на принцип централизации следует рассматривать положение статьи 13 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которым прокуроры субъектов Федерации назначаются на должность Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Это означает, что при принятии решения о назначении на должность прокурора округа, области, края, республики предварительно должен решаться вопрос о согласии с назначением конкретного лица на должность в органах власти субъекта Федерации. Следует признать, что это обстоятельство является серьёзным препятствием для проведения прокурором субъекта Российской Федерации единой правовой политики Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В заключение хотелось бы отметить, что отдельно взятый принцип не оказывает никакого регулирующего воздействия на организацию и деятельность органов прокуратуры. О влиянии принципов на построение технологии прокурорского надзора можно говорить только в том случае, если рассматривать каждый принцип во взаимодействии с другими основополагающими началами в рамках всей системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокурорский надзор : курс лекций и практикум / под ред. д-ра. юрид. наук, проф. Винокурова Ю.Е. – 5-е изд., перераб и доп – М. : Изд-во «Экзамен», 2003. – С. 37.

2. Конституция Российской Федерации. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. – С. 29.; Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (по состоянию на 01.01.2011.). – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 2011. – С. 6.

3. Прокурорский надзор : курс лекций и практикум / под ред. д-ра. юрид. наук, проф. Ю.Е. Винокурова. – 5-е изд., перераб и доп – М. : Изд-во «Экзамен», 2003. – С. 39.

4. Приказ Генерального прокурора РФ № 73 от 21 апреля 2008 г. «О распространении полномочий Северо-Западной транспортной прокуратуры на территорию Калининградской области и частичном изменении структуры и штатной численности прокуратуры Калининградской области и Северо-Западной транспортной прокуратуры» // Архив Калининградской транспортной прокуратуры. Дело «Приказы Генерального прокурора Российской Федерации. 2008 год».

5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 137 от 06.09.2007 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС КонсультантПлюс; Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 341 от 23.10.2009. «О взаимодействии органов

прокуратуры со средствами массовой информации» // Информационный бюллетень прокуратуры Калининград. области. – 2008. № 10. – С. 99–102.; Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Утверждено Указом Президента Российской Федерации № 567 от 18 апреля 1996 года // СПС КонсультантПлюс; Инструкция «О порядке рассмотрения обращений и приёма граждан в системе прокуратуры Российской Федерации». Утверждена приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 200 от 17.12.2007 // Законность. – 2008. – № 4. – С. 46–61.

Popova L.V. **Modern Bases of Principles of Unity and Centralisation of Offuof Public Proseutor System in Russian Federation**

Principles of the organisation and activity of bodies of of Public Prosecutor Office are the basic and supervising positions which define the most considerable lines and signs of all many-sided activity of bodies of Public Prosecutor Office and the basic demands made to it, are considered in the article.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.06.2011

УДК 343.953–055.2

Н.А. Соловьева

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье обосновывается необходимость расширения криминалистического изучения на междисциплинарной основе личности женщин, совершивших насильственные преступления. Показана роль психологического статуса женщин, его влияние на формирование и протекание следственной ситуации. Раскрывается содержание психологического статуса через разноуровневые его составляющие. Действие конфликтогенных факторов на процесс расследования насильственных преступлений также рассматривается через призму психологического статуса обвиняемой, влияния его особенностей на взаимодействие или противодействие женщин в ходе предварительного расследования.

Среди насильственных преступлений, совершаемых женщинами, доминируют убийства (носящие ситуационный характер в сфере семейных, межличностных отношений), детоубийства, умышленные причинения вреда здоровью (на почве личностно-бытовых, общественно-бытовых отношений, криминальных конфликтов), грабежи, разбои, сопряженные с насилием, хулиганство. Насильственная женская преступность характеризуется постоянно возрастающей долей умышленных преступлений, появлением организованных преступных сообществ, профессионализмом, увеличением числа преступлений, совершенных с особой жестокостью и цинизмом [9, с. 14]. Отмечается увеличение числа женщин при совершении таких «нетрадиционных» для них преступлений, как убийства из хулиганских или корыстных побуждений, убийства в ходе разбойного нападения [12, с. 16–18]. Следует отметить и сформировавшуюся тенденцию совершения насильственных преступлений молодыми девушками в отношении одноклассников, коллег по работе и т.д. «Современная женская преступность перестала быть семейной, стала более унифицированной, более похожей на мужскую» [2, с. 31]. В связи с этим актуальной становится и проблема маскулинности женщин, как одного из факторов их преступного поведения. Маскулинность (от лат. *masculinus* – мужской) – комплекс телесных, психических и поведенческих особенностей, рассматриваемых как мужские. В исследованиях, посвященных маскулинности, подчеркивается влияние ролевых стереотипов на мотивационно-потребностную сферу [22, с. 105]. В научной литературе приводятся данные, согласно которым высокомаскулинные женщины характеризуются трудностями в установлении и поддержании межличностных контактов, агрессивностью; низкомаскулинные – беспомощностью, пассивностью, пугливостью, изолированностью, одиночеством, склонностью к депрессии, низкой самооценкой, нерешительностью в вопросах карьеры [1, с. 186]. Вместе с тем в юридической литературе данные факторы не нашли должного освещения. Однако очевидно, что они имеют важное криминалистическое значение и могут быть рассмотрены применительно к психологическому статусу личности женщин, совершивших насильственные преступления. Недостаточно разработанными остаются и проблемы взаимосвязи девиантной активности, психической патологии и особенностей криминальной агрессии женщин [4, с. 21]. В медицине, психологии, психиатрии, социологии, криминологии и ряде других наук достигнуты определенные результаты в

гендерных исследованиях, получивших широкое распространение и ставших весьма востребованными в том числе и в следственной практике [3; 6; 8; 11; 12; 18; 31; 52]. Вместе с тем остается немало резервов для дальнейшего криминалистического изучения личности женщины-преступницы, обусловленных возможностями адаптации явлений и понятий, разработанных и используемых в рамках других наук, к сфере юридической деятельности. Анализ специальной литературы позволяет найти немало точек соприкосновения, одну из которых мы видим в рассмотрении психологического статуса женщин, совершивших насильственные преступления, и его влияния на формирование и содержание следственной ситуации. Согласно научным исследованиям, структура следственной ситуации включает: 1) элементы информационного характера (доказательственная и ориентирующая информация о событии преступления и его участниках); 2) элементы процессуально-тактического характера (состояние производства по уголовному делу, проведение конкретных следственных и иных действий и т.п.); 3) элементы материального и организационно-технического характера (наличие научно-технических средств, возможности криминалистических и иных экспертных исследований, взаимодействие между службами органов внутренних дел и т.д.); 4) элементы психологического характера (личные качества участников уголовного судопроизводства, характер отношений между ними и т.д.) [33, с. 12]. Четвертый компонент следственной ситуации сформулирован недостаточно четко и определенно. Вместе с тем содержание любого компонента должно быть конкретно, для того, чтобы иметь практическое значение. Представляется целесообразным заменить его понятием *психологический статус личности*, четко определив содержание и показав, какие именно элементы психологического характера являются криминалистически значимыми. Это также позволит распространить использование психологического статуса личности как конкретно-определенной категории и на другие криминалистические структуры. Кроме того, необходимо учитывать, что психологический статус оказывает большое влияние на возникновение и эскалацию конфликтогенных факторов, лежащих в основе конфликтных следственных ситуаций. В литературе выделяют четыре группы таких причинных факторов: объективные, субъективные, организационно-управленческие и комплексные (объективно-субъективные). Особое внимание уделяется временному фактору и субъективным причинам [14, с. 38]. Значение психологического статуса обвиняемой в связи с этим, безусловно, важно для диагностики и предупреждения конфликтных ситуаций. Понятие «психологический статус» используется в разных отраслях знания. В медицине под ним понимается общая характеристика психологической сферы больных, связанная с их диагнозом [36, с. 7]. В психопатологическом контексте понятие психологического статуса близко к тому, которое употребляется в медицине [28, с. 159]. В нейропсихологии говорят даже о психологическом статусе обычном и глубинном, видимо, понимая его не просто как состояние психики в данный момент, но и как характеристику устойчивую и «укорененную» [42, с. 112]. Не является новым понятие «психологический статус» и в общей психологии, хотя употребляется нечасто. Исследователи по-разному трактуют его. Так, В.А. Ганзен усматривает в психологическом статусе результат перечисления свойств общечеловеческих типов [16, с. 3]. Другие считают, что «психологический статус человека определяется темпераментом» [48, с. 8]. Таким образом, понятие «психологический статус» можно считать общеупотребительным в сфере наук о человеке. Вместе с тем оно редко в какой либо области раскрывается по существу. Там

же, где определение дается, выявляются различные в объеме и трактовке составляющие содержания понятия «психологический статус» [38, с. 281]. Предметное поле нашего исследования также не является исключением. В юридической науке не встречается устоявшегося представления о психологическом статусе личности обвиняемого, в целом, и психологическом статусе обвиняемой, в частности. Вместе с тем необходимость в его определении назрела. Существующие концепции личности преступника дают представления лишь об отдельных элементах этой структуры: психических процессах, состояниях или свойствах, особенностях их проявления в тех или иных ситуациях. Определение же понятия психологического статуса женщин, совершивших насильственные преступления, позволит создать целостное представление о личности обвиняемой, глубже понять влияние тех или иных особенностей на систему криминалистических значимых категорий, таких, например, как следственная ситуация, следственные действия, криминалистическая характеристика, тактический риск. Психологический статус является относительно устойчивой характеристикой личности и потому дает представление о ней как до, во время, так и после совершения преступления. Кроме того, знания о психологическом статусе могут успешно использоваться в профилактических целях. Попытка сформулировать психологической статус женщины, совершившей насильственное преступление, представляется целесообразной по нескольким позициям. Во-первых, данное понятие будет аккумулировать те психофизиологические и личностные особенности обвиняемой, которые влияют на ее преступное поведение. Во-вторых, позволит определить скрытые мотивы совершения насильственных преступлений женщинами, важные с точки зрения установления обстоятельств совершения преступления, а также преодоления противодействия расследованию. В-третьих, даст возможность определить алгоритм следственных действий, необходимых для установления мотива насильственного преступления. В-четвертых, поможет установить характер и направления поиска материалов, необходимых для направления на судебно-психологическую экспертизу, и соответственно сформулировать вопросы эксперту. В-пятых, пересмотреть перечень психических расстройств, не исключающих вменяемости, но учитываемых судом при назначении наказания (ст. 22 УК РФ), которые должны быть установлены в ходе предварительного расследования и которые могут быть включены в психологический статус личности. В-шестых, позволит минимизировать тактический риск, обусловленный особенностями данного статуса. И, наконец, определение психологического статуса женщины, совершившей насильственное преступление, позволит составить её обобщенный психологический портрет и дать классификацию женщин, совершивших насильственные преступления, на основе обобщенного представления о её психологическом статусе. Учитывая целесообразность включения психологического статуса в систему криминалистически значимой информации, следует определить его содержание, предусмотрев такую конструкцию, элементы которой могли бы успешно использоваться для решения практических задач расследования насильственных преступлений, совершенных женщинами. Исходя из семантики слова «статус» (лат. *status* – положение, состояние) [45, с. 467], можно определить психологический статус как актуальное состояние его психики, целостный результат, интегральный эффект совокупной деятельности психических функций, сохраняющий свою относительную устойчивость в течение определенного времени в данных условиях. В структуре психологического статуса в научной литературе выделяют три уровня: психофизиологический, психический и

личностный. Каждый уровень может быть представлен разными параметрами, т.е. параметры психологического статуса также будут разноуровневыми [38, с. 282]. Параметры первого уровня психологического статуса характеризуют состояние подсистем (сфер) психики, находящихся на границе с биологическим уровнем системной организации человека. Этот уровень психологического статуса Н.М. Сараева определяет как психофизиологический [38, с. 283]. Среди подсистем данного уровня есть такие, которые являются базисными для других, в определенном отношении обеспечивающими их функционирование. Вместе с тем, автором не дается четкого определения психофизиологического статуса. Подчеркивается лишь его близость к биологическому уровню, и связь с умственной работоспособностью. Не ясен также критерий разграничения психического и личностного уровня. Вместе с тем возможность перенесения такой модели психологического статуса с определенными коррективами в криминалистическую область имеется, и обусловлена она логикой построения данной системы – от общего к частному, что само по себе не вызывает возражений. Таким образом, чтобы определить содержание психологического статуса женщин, совершивших насильственные преступления, необходимо обозначить те параметры, которые будут включаться в различные его уровни. Полагаем, что структура психологического статуса должна включать те особенности психической деятельности, которые являются относительно *постоянными* (константными, стабильными), чтобы дать представление не только о криминальном и посткриминальном поведении женщины, но и предкриминальном, и *динамические*, подверженные определенным, в том числе и существенным изменениям. Поэтому предлагаем вместо трехуровневой структуры психологического статуса, предложенной Н.М. Сараевой, использовать двухуровневую, исходя из деления качеств личности на первичные и вторичные. Первичные качества образовывают так называемый стабильный (или константный) уровень, связанный с генетическими особенностями и свойствами нервной системы, определяющими ее темперамент, способности, интеллектуальные и волевые свойства. Вторичные качества личности могут быть объединены в подвижный, динамический уровень, обусловленный изменениями, происходящими с возрастом, опытом, накоплением профессиональных навыков, заболеваниями и т.п. Такая структура позволяет выявить те особенности личности, которые характеризуют ее в течение всей жизни, и те, которые обусловлены ситуативными воздействиями. Благодаря этому знанию, можно нивелировать тактический риск в ходе расследования, снизить количество тактических ошибок в проведении отдельных процессуальных действий. В содержание константного уровня следует включить темперамент, способности, психофизиологический статус. В содержание динамического – личностную тревожность, выученную беспомощность, кумулятивный аффект, фрустрацию, эмоциональную напряженность, эмоционально-личностные свойства, агрессивность, мотивацию преступного поведения, маскулинность, психические расстройства, не исключающие вменяемости. Судебно-психологическая экспертиза может установить индивидуальные особенности психики: уровень абсолютной и разностной сенсорной чувствительности, особенности цветоощущения, объем восприятия, особенности восприятия времени, движения и пространственных качеств предметов (пропорции частей предметов, их пространственную ориентацию, размеры, форму, удаленность, особенности рельефа и т.п.). Судебно-психологическая экспертиза назначается для выявления способности лица правильно воспринимать существенные для дела обстоятельства и давать о них

правильные показания. Следователь, судья должны знать возможности судебно-психологической экспертизы в этой области. Знание составляющих константного уровня психологического статуса женщины позволит правильно сформулировать вопросы, ставящиеся следователем на разрешение судебно-психологической, судебно-психиатрической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Прежде всего должны быть поставлены вопросы, связанные с выявлением у лиц конкретных психических аномалий, существенных для уголовного дела (например, имеются ли у данного лица резко выраженные отклонения в восприятии и понимании определенных явлений, обладает ли лицо повышенной внушаемостью, может ли его слабое умственное развитие быть причиной искажения передаваемой им информации и т.п.). Практически у всех насильственных преступников с психическими аномалиями имеют место нарушения интеллектуальной сферы, что не может не сказаться на деятельности при принятии решений. В первую очередь затрудняется способность к рациональному познанию, мышление приобретает черты ригидности, уменьшаются критические и прогностические способности, любая новая ситуация сопровождается дезадаптацией индивида [8, с. 29]. Широкий диапазон индивидуальных различий имеют также память, мышление и воображение человека, его внушаемость, склонность к фантазированию. Люди с повышенной внушаемостью склонны к ложному узнаванию, различным внушаемым дополнениям к своим представлениям. Самостоятельную группу образуют ситуативные убийства, умысел на совершение которых тесно связан с определенными свойствами личности преступника, его особым психофизиологическим либо психическим состоянием. Часто такие преступления кажутся безмотивными, поражают несоответствием незначительности повода и результата содеянного. Выделение константного уровня психического статуса женщин, совершивших насильственные преступления, позволяет обратить внимание следователя на необходимость установление составляющих данного уровня, на полноту и всесторонность материалов для соответствующих экспертиз (судебно-психологической, психофизиологической), а также нивелировать или уменьшить противодействие со стороны женщины, обвиняемой в совершении насильственного преступления, отталкиваясь от выявленных особенностей. Параметры второго подвижного (или динамического) уровня психологического статуса отражают те состояния женщины, которые формируются при воздействии психотравмирующих факторов и являются потенциально опасными для нарастания агрессии. К ним, на наш взгляд, следует отнести послеродовые и родовые психозы, пред- и постклимактерические и климактерические периоды, ПМС и обусловленные ими особенности протекания психический процессов и состояний, синдром «опустевшего гнезда», которые являются базой для возникновения определенных состояний, пребывая в которых, женщина совершает насильственные преступления, а также личностную тревожность, выученную беспомощность, кумулятивный аффект, фрустрацию, эмоциональную напряженность. Подобные состояния затрудняют адекватное решение внутри- и межличностных конфликтов, препятствуют отбору и закреплению конкретных стратегий поведения и обусловленных ими (или обусловливающих их) личных свойств [23, с. 56] Основные параметры состояния внутриличностного конфликта, по Н.У. Заиченко: своеобразие структурного содержания; направленность и уровень активности субъекта; степень психоэмоциональной напряженности и степень включенности сознания в процесс разрешения внутренних проблем и противоречий развития [17; 23]. Одним из

проявлений внутриличностного конфликта, имеющее криминалистическое значение, является состояние выученной беспомощности. Описанный в специальной литературе феномен «выученная беспомощность» был впервые установлен Мартином Селигманом в 1964 году [47, с. 183]. Позже, в 1976 году, за теорию выученной беспомощности Мартин Селигман получил премию Американской психологической ассоциации. Такая высокая оценка результатов исследований Селигмана не удивляет, поскольку в той или иной степени чувство беспомощности (как и ощущение неуверенности, беззащитности) знакомо любому человеку. Каждый хоть раз в жизни испытывал состояние, когда не мог выйти из гнетущего переживания («я никогда не смогу справиться», «это бесполезно, все равно ничего хорошего не выйдет») ,или когда не удавалось прекратить неэффективные действия, или, напротив, инициировать то, что является жизненно важным («знаю, что не эффективно так себя вести, но ничего не могу с собой поделать», «мне лень, не могу себя заставить», «я слишком молод/болен и т.п. для этого» и т.д.). Во всех таких ситуациях действует один и тот же механизм выученной беспомощности [47, с. 180–186]. Он, в свою очередь, связан с личностной тревожностью. Последняя, как известно, является негативной личностной чертой и неблагоприятно сказывается на жизнедеятельности человека, снижает уровень умственной работоспособности, вызывает неуверенность в своих силах, является условием формирования отрицательного статуса личности и конфликтных отношений, создает предпосылки для агрессивного поведения. Тревожность может повышать импульсивную активность, способствовать предвидению возможной опасности, а может порождать ощущение неуверенности и беспомощности [46, с. 18]. Таким образом, психологический статус личности женщин позволит выявить и оценить индивидуально-психологические особенности, являющиеся собирательным экспертным понятием, поскольку последние включают такие общепсихологические категории, как ценности личности, направленность, социальные установки, особенности мотивационной, волевой, эмоциональной сфер, черты личности, характер, темперамент, уровень психического развития, когнитивные особенности, стереотипы поведения и эмоционального реагирования, и т.п. [40, с. 82]. Эмоционально-волевая сфера отличается выраженными искажениями. Имеют место так называемые нарушения эмоционального реагирования [8, с. 30]. Эмоциональное реагирование – острые эмоциональные реакции, возникающие в ответ на различные ситуации. В отличие от изменений настроения эмоциональные формы реагирования кратковременны и не всегда соответствуют основному фону настроения [26, с. 103; 40, с. 235]. «Женской психологии свойственно такое качество, как стремление обращать на себя внимание. Демонстративность присуща и преступницам, однако у них она, определяя главным образом агрессивные преступные проявления, выполняет функцию самоутверждения. Потребность в самоутверждении, являясь одним из самых мощных стимулов человеческих поступков, становится у преступниц навязчивой, застревающей, существенно влияя на весь их образ жизни» [10, с. 358–359]. В научной литературе описаны различные типы женщин, склонных к криминальной агрессии, в том числе и истероидный (демонстративный, гистрионический) [3, с. 117–135; 26, с. 151]. Для женщин с указанным типом личности характерны следующие качества: лживость и фантазерство, склонность к рисовке и позерству, наигранно-преувеличенная экспрессия эмоций, чрезмерная драматизация событий [27, с. 33]. Для личностей истероидно-неустойчивого типа характерна постоянная гедонистическая установка – непрерывная повышенная тяга к удовольствиям, развлечениям, праздности, безделью. Они стремятся

уклониться от любого труда, от исполнения обязанностей и долга. Живут сегодняшним днем, никаких долгосрочных целей перед собой не ставят. Любые упорные занятия их отталкивают [27, с. 34]. Учитывая, что описанные характерологические аномалии (речь идет о психопатиях) являются не психическими заболеваниями, а патологическими состояниями, то при их анализе возникает необходимость оценки глубины, стойкости личностных расстройств; их компенсации-декомпенсации; развития каких-либо вторичных болезненных состояний в рамках имеющейся первичной личностной патологии. Таким образом, расстройства личности, с одной стороны, отличаются определенной стабильностью и выраженностью патологических свойств, с другой – известной подвижностью, динамичностью. Все это и определяет специфику их судебно-психиатрической оценки. [18, с. 156], а также лежит в основе предложенной структуры психологического статуса личности. П.П. Баранов, В.И. Курбатов подчеркивают, что «свойственная женщинам-преступницам, в основном совершившим насильственные преступления против личности, ригидность (застреваемость и стойкость психотравмирующих переживаний, нередко достигающих аффективного уровня), а также высокая импульсивность, неспособность адекватно воспринимать и оценивать возникающие жизненные трудности побуждает их в состоянии фрустрации к необдуманному, дезорганизованному, часто преступному поведению. В отличие от преступников-мужчин женщинам-преступницам, как правило, свойственно чувство вины, беспокойство за свое будущее. Также для них характерны повышенная тревожность, эмоциональная ранимость. Преступному поведению женщин в целом присуща импульсивность, мужскому – логичность» [10, с. 359]. По данным экспертов ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, насильственные преступления совершались женщинами в конкретных конфликтных ситуациях. Состояние в период деликта определялось эмоциональным напряжением, злобой, оскорбленным самолюбием, а не психопатологическими переживаниями [18, с. 164–165]. В научной литературе отмечается, что психологический статус связан с формированием мотивационной иерархии личности [49]. Внутренняя деятельность любой, даже самой примитивной человеческой психики, слабо поддается исследованию правовыми средствами. Видимо, это и служит основной причиной того, что известная практика насчитывает множество случаев, когда имеет место заметная натяжка в определении мотива совершения преступления, либо мотив, обозначенный в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, имеет мало общего с теми внутренними причинами, на которые ссылается сам обвиняемый [13, с. 18–23]. В силу изложенного, определение содержания психологического статуса личности в целом, и женщины, обвиняемой в совершении насильственного преступления, в частности, приобретает важное криминалистическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heibrun, A.B. Measurement of masculine and feminine sex-role identities as independent dimensions / A.B. Heibrun // J. of Consulting and Clin. Psychol. – 1976. – V. 44. – P. 183–190.

2. Альперн, Л.И. Сон и явь женской тюрьмы / Л.И. Альперн – СПб. : Алетейя, 2004. – 446 с.

3. Антонов, И.А. Актуальные проблемы женской насильственной преступности : монография / И.А. Антонов [и др.]. – СПб., 2008. – 164 с.

4. Антонян, Ю.М. Об истоках формирования личности преступника / Ю.М. Антонян // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных: сб. науч. трудов НИИ МВД СССР. – М., 1990. – С. 16–32.

5. Антонян, Ю.М. Преступность среди женщин / Ю.М. Антонян – М. : Российское право, 1992. – 252 с.

6. Антонян, Ю.М. Мотивация поведения осужденных / Ю.М. Антонян, Е.Н. Колышницына. – М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2009. – 143 с.

7. Антонян, Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян. В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. – СПб., 2004. – 366 с.

8. Бакин, А.А. Когнитивное звено в преступном поведении лиц, склонных к криминальному насилию / А.А. Бакин // Российский следователь. – 2009. – № 14. – С. 28–30.

9. Бакин, А.А. Женская насильственная преступность: история и современность / А.А. Бакин [и др.]. – СПб., 2008. – 340 с.

10. Баранов, П.П. Юридическая психология: учеб. пособие; под общ. ред. А.Н. Ерыгина. – М. : ЦОКР МВД России, 2006. – 480 с.

11. Бартол, К. Психология криминального поведения. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с

12. Бахтина, Л.М. Особенности преступных проявлений у женщин // Налоги. – 2009. – № 25. – С. 16–18.

13. Бубон, К.В. Размышления о мотиве преступления и об истине как конечной цели правосудия // Адвокат. – 2009. – № 1. – С. 18–23.

14. Вахмянина, Н.Б. Предупреждение и разрешение конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2009. – 238 с. (Электронная версия: www.susu.ac.ru).

15. Волкова, Т.Н. Особенности женской преступности в России (криминологический анализ): учеб. пособие / Т.Н. Волкова – М. : МЮИ МВД России, 1998. – 194 с.

16. Ганзен, В.А. Системные описания в психологии / В.А. Газен. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 176 с.

17. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб. : Питер, 2000. – 544 с.

18. Дмитриева, Т.Б. Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами / Т.Б. Дмитриева [и др.]. – М., 2003. – 248 с.

19. Думанская, Е.И. Природа мотивации поведения преступника: биологический подход / Е.И. Думанская // Рос. Юрид. журн. – 2010. – № 10. – С. 103–106.

20. Дэкерс, Л. Мотивация. Теория и практика: расширенный курс / Л. Дэкерс. – М., 2007. – 208 с.

21. Еникеев, М.И. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве / М.И. Еникеев // Юрид. психология. – 2009. – № 1. – С. 24–27.

22. Ениколопов, С.Н. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии / С.Н. Ениколопов, Н.В. Дворянчиков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 3. – С. 100–115.

23. Заиченко, Н.У. Методы профилактики и разрешения конфликтных ситуаций в образовательной среде : учеб.-метод. пособие / Н.У. Заиченко. – М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2007. – Ч. 2. – 84 с.

24. Казакова, Е.Н. Психологические аспекты изучения мотивации агрессивного поведения женщин, осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. психол. наук / Е.Н. Казакова. – Рязань, 1999. – 220 с.

25. Капинус, О.С. Убийства: мотивы и цели / О.С. Капинус. – М., 2004. – 313 с.

26. Коркина, М.В. Психиатрия: учебник / М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина, А.Е. Личко – М., 1995. – 608 с.

27. Кутина, В.П. Влияние эмоциональных состояний на криминальную агрессию женщин / В.П. Кутина // Медицинское право. – 2009. – № 4(28). – С. 31–34.

28. Лебединский, В.В. Нарушения психического развития у детей: учеб. пособие / В.В. Лебединский. – М. : МГУ, 1985. – 148 с.

29. Мальцев, М.М. Опасные действия психически больных / М.М. Мальцев, В.П. Котов. – М. : «Медицина», 1995. – 256 с.

30. Марютина, Т.М. Введение в психофизиологию / Т.М. Марютина, О.Ю. Ермолаев. – 4-е изд., испр. – М. : МПСИ : Флинта, 2004. – 399 с.

31. Паршиков, В.И. Специфические закономерности ситуативных убийств и их значение для выявления преступника / В.И. Паршиков // Российский следователь. – 2007. – № 10.

32. Подольный, Н.А. Особенности судебной психофизиологической экспертизы / Н.А. Подольный // Эксперт-криминалист. – 2010. – № 2. – С. 23–26.

33. Подопригора, А.А. Типичные следственные ситуации и программы действий следователя (дознавателя) на первоначальном этапе расследования / А.А. Подопригора // Российский следователь. – 2008. – № 19. – С. 9–13.

34. Ратинова, Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных действий: автореф. … дис. канд. психол. наук / Н.А. Ратинова. – М., 1998. – 18 с.

35. Ребров, А.П. Особенности психологического статуса больных бронхиальной астмой / А.П. Ребров, Н.А. Кароли // Аллергология. – 2002. – № 2. – С. 2–9.

36. Ридли, М. Геном: автобиография вида в 23 главах / М. Ридли. – М., 2008. – 39 с.

37. Руководство по судебной психиатрии / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. – М., 2004. – С. 235.

38. Сараева, Н.М. Психологический статус человека как предмет исследования при анализе состояния психики людей в регионе экологического неблагополучия / Н.М. Сараева // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 11 (62). – С. 279–285.

39. Сафуанов, Ф.С. Психологическая типология криминальной агрессии / Ф.С. Сафуанов // Психологический журнал. – 1999. – № 6. – С. 24–35.

40. Сафуанов, Ф.С. Психология криминальной агрессии / Ф.С. Сафуанов. – М. : Смысл, 2003. – 300 с.

41. Сафуанов, Ф.С. Социально-психологический анализ индуцированных психических расстройств в судебно-психиатрической практике / Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 1995. – № 4 – С. 192–202.

42. Семенович, А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учеб. пособие / А.В. Семенович. – М. : Генезис, 2005. – 319 с.

43. Семернева, Н.К. Вопросы квалификации умышленных убийств: учеб. пособие / Н.К. Семернева. – Свердловск, 1984. – 80 с.

44. Середа, Е.В. Применение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин: история и современность : монография / Е.В. Середа. – М. : ВНИИ МВД России, 1999. – 84 с.

45. Словарь иностранных слов и выражений / Автор-сост. Е.С. Зенович. – М. : ООО «Агентство «КРПФ «Олимп»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 668 с.

46. Смирнов, Ю.А. Стиль жизни у лиц с разным уровнем личностной тревожности: автореф. … дис. канд. психолог. наук / Ю.А. Смирнов. – М., 2007. – 23 с.

47. Солнцева, Н.В. Феномен выученной беспомощности: причины формирования и пути преодоления / Н.В. Солнцева // Мат. Науч.-практ. заочной конф. «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей»; под ред. В.Н. Панферова [и др.]. – СПб. : Изд-во НИИР, 2011. – С. 180–186.

48. Тарова, Л.С. Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды: учеб. пособие / Л.С. Тарова [и др.]. – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2004. – Ч. 1. – 64 с.

49. Филатова, О.А. Мотивационные стратегии личности при редукции мотивации самоактуализации / О.А. Филатова // Системная психология и социология. – 2010. – № 2. – Т.1. – С. 171–173.

50. Шемякина, О.О. Влияние внутриличностных конфликтов на проявление девиантного поведения на этапе юношеского развития личности / О.О. Шемякина // Юридическая психология. – 2010. – № 1. – С. 26–28.

51. Шостакович, Б.В. Психические расстройства и преступность / Б.В. Шостакович // Механизмы человеческой агрессии : сб. науч. трудов. – М., 2000. – С. 150.

52. Щербакова, Л.М. Особенности преступлений, совершаемых женщинами. Региональный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.М. Щербакова. – Ставрополь, 1999. – 21 с.

***Solovyeva Natalya*. Forensic Value of the Psychological Status of Women Committed Violent Crimes**

The necessity of broadening interdisciplinary study of female personalities committed violent crimes has been established in this article. The role of women's psychological status, its influence on conditioning and passing investigatory situation has been shown. The content of psychological status is disclosed through its multilevel constituents. The influence of contentious factors on violent crime's detection is examined in the light of psychological status of female defendant, influence of its peculiarities on cooperation and counteraction during pre-trial investigation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.06.2011

УДК 343

С.М. Храмов

ЗАРОЖДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПНОСТИ И ЛАТЕНТНОЙ ЕЕ ЧАСТИ В XVII–XVIII ВВ.

Статья посвящена зарождению европейского учения о преступности и латентной ее части в XVII–XVIII вв. С использованием имеющихся научных источников определяется возможность изучения латентной преступности в рассматриваемый период. Прослеживается генезис философско-правовых представлений выдающихся европейских просветителей Нового времени о преступности. Отмечается, что наибольший вклад в формирование отрасли научного знания, изучающей различные проявления преступности, внесли Т. Гоббс, Ш. Монтескьё и Ч. Беккариа.

Введение

Борьба с преступностью остается одной из самых актуальных проблем современности. Немаловажную роль в противодействии криминалитету играют прикладные научные исследования, истоки которых уходят в далекое прошлое. Первые упоминания о преступности деяний и их безусловном порицании встречаются еще в Библии. Например, в книге пророка Исайи (5: 23) имеются такие строки: «Князья твои законопреступники и сообщники воров, все они любят подарки и гонятся за мздою», «Горе тем, которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного» [1, с. 65]. Однако период зарождения и начальная стадия формирования обособленного учения о преступности остается малоисследованным.

Изучая вопросы латентной преступности, авторы в основном ссылаются на работы, написанные в XX – начале XXI вв. [2]. Вместе с тем данная проблематика волновала умы европейских ученых уже более 300 лет назад. Их теоретического исследования до сих пор представляют определенный научный интерес. В этой связи уместно привести мнение Н.С. Таганцева о том, что теоретик, изучающий право, а в особенности законодатель, его реформирующий, не должен отрекаться «без нужды и повода от наследия предков» [3, с. 22].

Учение о преступности с самого зарождения «имело интегрированный характер» [4, с. 6], т.е. систематизация знаний о преступлении осуществлялась на основе господствующих в юриспруденции научных подходов, среди которых превалировал естественно-правовой. Само по себе историко-правовое обследование зарождения научных представлений о преступности неизбежно позволяет обнаружить недостатки и противоречия существовавших учений. Но их основная ценность заключается в том, что пройдя проверку временем, они доказали свою жизнеспособность и состоятельность.

Определение возможности изучения латентной преступности в XVII–XVIII вв.

400 лет назад представления о преступности, в том числе и латентной, формировалось по мере развития не только юридической, но и философской, философско-правовой, психологической, социологической и других наук. Спецификой рассматриваемого периода являлось то, что латентная преступность объективно существовала, но само явление отдельному анализу не подвергалось. В данном контексте понятие латентной преступности первоначально было имплицитно общему понятию преступности.

Сложность в научно-правовом исследовании существовавших воззрений заключается в том, что не все письменные источники дошли до нашего времени. Например, начиная с 1725 г. в Петербургской Академии наук на кафедре правоведения вопросы, связанные с преступностью, изучали профессора Бакенштейн, Гросс, Штрубе де Пирмонт и Федорович. К сожалению, работы этих ученых не сохранились, да и фамилии самих ученых мы знаем только из источников XIX века [5, с. 281].

В 1755 году был открыт Московский университет. С первых дней в университете преподавал право доктор Венского университета Филипп Дильтей (ум. в 1781 г.). Первым русским профессором права стал ученик Дильтея Семен Ефимович Десницкий (ум. в 1789 г.). Десницкий занимался не только вопросами, связанными с преступностью, но и другими юридическими проблемами (государственное, римское, гражданское право). Не случайно выдающийся ученый Н.С. Таганцев с уважением называл его отцом русской юриспруденции [3, с. 25].

Становление и развитие учения о преступности шло параллельно с постепенным признанием в европейских государствах общечеловеческих ценностей, которые чрезвычайно важны для правовой науки и практики как во внутреннем, так и в международном аспектах. Ведь именно эти ценности способствуют формированию нравственной системы права поскольку выкристаллизовывают во всей полноте такие категории, как совесть, справедливость, честь, достоинство, милосердие. Основы современного учения о преступности и ее латентных проявлениях заложили такие крупные мыслители Нового времени, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза. Нормы права дедуцировались этими авторами не непосредственно из божественной воли, а из общего «естественного закона». По их мнению, склонность к преступлению была изначально заложена в человеческой природе.

Решение проблемы преступности виделось в реализации идеи гуманизации общественной жизни. Гуманное отношение к человеку прежде всего представлялось в том, чтобы создать ему человеческие условия жизни, чтобы он смог проявить свои сущностные силы, чтобы ощущал себя полноправным членом общества.

Сохранившееся правовое наследие перечисленных авторов позволяет сформулировать гипотезу о том, что по настоящее время не утеряна возможность теоретического изучения представлений о преступности и латентной ее части, господствовавших в европейских странах в XVII–XVIII вв.

Криминологические воззрения европейских просветителей Нового времени

Говоря о представителях Нового времени, выделим прежде всего англичанина Томаса Гоббса и француза Шарля Луи Монтескьё, внесших наиболее значительный вклад в развитие криминологической науки. Многие идеи, высказанные этими учеными, актуальны по сей день.

Правовые исследования английского философа Томаса Гоббса (1588–1679) являются образцом востребованного обществом прикладного научного мышления. Его основные взгляды о преступности изложены в сочинении, именуемом «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» [6].

Т. Гоббс определял преступление как «грех, заключающийся в совершении делом и словом того, что запрещено законом, или в неисполнении того, что он повелевает» [6, с. 226]. Из этого определения следовало, что всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление. Там, где прекращается право, нет и преступлений. Английский

ученый достаточно определенно сформулировал принцип, обсуждение которого до сих пор неизбежно приводит к правовым дискуссиям: «Незнание гражданского закона иногда может служить оправданием» [6, с. 227]. Далее Т. Гоббс уточняет: «Если гражданский закон объявлен в стране не в столь ясной форме, чтобы каждый при желании мог знать его, или сам поступок не противоречит естественному закону, незнание гражданского закона является достаточным оправданием. В других случаях незнание гражданского закона не служит оправданием» [6, с. 227–228].

Аналогичный подход, принятый через несколько столетий в качестве одного из основных принципов уголовного права, высказывался Т. Гоббсом и по поводу взаимосвязи преступного деяния и наказания. «Незнание наказания там, где закон объявлен, никому не служит оправданием. Ибо, нарушая закон, который при отсутствии страха наказания был бы не законом, а пустым словом, человек тем самым приемлет наказание, хотя он не знает, каково оно, так как всякий добровольно совершающий какое-нибудь действие приемлет и все заведомо вытекающие из этого действия последствия» [6, с. 228].

В сочинении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Т. Гоббс разделял преступления на различные категории в зависимости от степени их общественной опасности и тяжести наступивших последствий. Он также рассуждает по поводу безнаказанности [6, с. 236]. В дальнейшем это позволило криминологам сформулировать важнейший постулат о том, что безнаказанность порождает новые преступления. Это же тем более справедливо для латентной части преступности.

Т. Гоббс неоднократно подчеркивал, что человек становится склонным к общественной жизни не по природе, но вследствие воспитания. Налицо излишняя категоричность величайшего гуманиста XVII в., поскольку «никакая гуманизации общественных порядков и институтов не уничтожает противоречий между обществом и человеком, между большинством и меньшинством» [7, с. 118]. Одним из проявлений этого противоречия являлось и является наличие преступности, включая латентную ее часть.

Еще один видный просветитель Нового времени – французский философ и правовед Шарль Луи Монтескьё (1689–1755) – в своем труде «О духе законов» [8] рассмотрел уголовные законы в их соотношении с государственным устройством.

По мнению Монтексьё, от качества уголовных законов, которым он придавал чрезвычайно важное значение, напрямую зависит свобода и безопасность граждан. Потому этими законами человечество должно интересоваться всего более. Всякое наказание, которое не вызывается необходимостью, согласно Монтескьё, есть не что иное, как тирания. В этой мысли, как и в той, что предупреждение преступлений важнее их наказаний и что для этого следует заботиться «об утверждении благонравия», можно видеть первую теоретическую предпосылку построения стройной системы государственной борьбы с преступностью и противодействия ей. Действительно, развивать и «прививать» к общественной жизни «здоровые нравы», или, как еще иначе выражается Монтескьё, «благонравие», предназначенное устроить и направлять эту жизнь, – все это в сущности равнозначно содействию в устранении нарушений режима законности и правопорядка в обществе. Наилучшие же средства достижения этой цели, как справедливо утверждал Монтескьё, – это широкие меры предупреждения, сводящиеся к упорядочению условий общественной жизни.

Монтексьё понимал, что бороться с преступностью во всем многообразии ее проявления невозможно одними только превентивными мерами, какими бы

эффективными они ни были. Должна быть разработана четкая система уголовных наказаний за совершенные преступления. Наказание, по мнению Монтескьё, не должно быть произвольно; оно должно соответствовать собственной природе совершенного преступления. При этом он подчеркивал, что в правовой теории не следует смешивать области «божеских законов» и законов человеческих. Последние не должны порождать того, что, по самому существу, относится к области первых, т.е. моральных требований и императивов. Это одно из важнейших положений учения Монтескьё. Оно обосновывает свободу совести и убеждений человека. Если вспомнить, что гуманистические идеи высказывались в эпоху чрезмерно жесткого насилия, особенно в области веры и духовной жизни вообще, то становится понятной исключительная значимость положения Монтексьё о свободе совести и убеждений.

Монтескьё в своем учении делил все преступления на четыре категории:

1) преступления против религии,
2) преступления против нравов,
3) преступления против спокойствия,
4) преступления против безопасности.

Исходя из положения, что любое наказание должно соответствовать преступлению, должно вытекать из самой его сущности, Монтескьё утверждал, что оскорбления религии должны повлечь за собой только утрату тех возможностей, которые предоставляет религия: исключение из общества верующих, удаление из храма и т.д., но не более того.

За преступления против нравов или нравственности он рекомендовал назначать наказания исправительного характера, соответствующие природе преступлений: денежные наказания, которые должны соизмеряться с состоянием виновного и соединяться с «бесчестьем», чтобы быть чувствительными и для богатых (публичное посрамление, исключение из общества, удаление из города).

Преступления против спокойствия граждан должны вызывать ссылку и различные меры исправительного характера. И только одни преступления против безопасности должны были, по замыслу Монтескьё, сопровождаться суровыми карами. Доказывая, что жестокость наказаний огрубляет и ожесточает нравы общества, настаивая на мысли, что большая свобода связывается в государстве и с более мягкими наказаниями, потому что если общество пребывает в состоянии благополучия, то нет нужды в качественном или количественном увеличении кар, Монтескьё в то же время не отрицал смертной казни. Он допускал ее применение к наиболее опасным преступлениям, нарушающим безопасность: к тяжким государственным, к убийствам и покушениям на них.

«В умеренных государствах, – писал он, – любовь к родине, стыд и страх порицания представляют собой сдерживающие мотивы, которые могут воспрепятствовать совершению многих преступлений. Наибольшим наказанием дурного деяния будет в них изобличение в этом деянии. Гражданские законы в них будут более легко исправлять и не будут нуждаться в особой силе. В таких государствах способный законодатель будет менее заботиться о наказании преступлений, нежели о их предупреждении. Он будет более стремиться воздействовать на нравы, нежели назначать применение страданий. Было бы легко доказать, что во всех или почти во всех государствах Европы наказания уменьшались или увеличивались, по мере большего или меньшего приближения к свободе. Опыт показывает, что в странах, где наказания мягки, граждане устрашаются ими настолько,

насколько они устрашаются в других странах наказаниями суровыми. Не должно вести людей исключительными путями. Надо бережно относиться к средствам, которые природа предоставляет нам для их руководства. Пусть исследуют причины каждой распущенности и тогда увидят, что она кроется в безнаказанности преступлений, а не в мягкости наказаний» [8, с. 201].

Критикуя основы феодального законодательства и абсолютистских представлений о праве, Монтескьё выступал против имевшего в то время место чрезмерного расширения понятия «оскорбления величества», т.е. оскорбления монарха, и признает верхом произвола подведение нескромных слов, для которых достаточно простого исправительного наказания, под это понятие. Такое подведение, влекущее за собой смертную казнь, несовместимо, по мнению Монтескьё, с действительной свободой общества и человека. При этом Монтескьё вообще предостерегал против назначения одинаковых наказаний за различные по тяжести преступления, потому что тем самым преступник может побуждаться к совершению более тяжких преступлений.

Критики по-разному оценивали сочинение Монтескьё «О духе законов». В частности, обращалось внимание на то, что «Монтескьё принадлежит к числу тех многих авторов, которых каждый как будто знает, но которых очень немногие читают» [9, с. 136]. «Всякий, имеющий очи, чтобы видеть, – писал К. Ильберт, – может сразу усмотреть, что предметом сочинения были различные законы, обычаи и нравы народов мира» [9, с. 156]. Руссо, высоко оценивая талант Монтескьё, отмечал, что «он ограничился изучением современного права существующих правительств… Однако… дабы составить верное представление о том, что существует, надобно знать, что должно быть» [10, с. 339–340]. В 1900 г. М.М. Ковалевский указывал: «Дух законов» в строгом смысле слова не более как трактат по сравнительной истории права» [11, с. 1]. Современные исследователи обращают внимание на то, что учение «о позитивных законах – это центральная тема труда «О духе законов» [12, с. 263]. Французский исследователь творчества Монтескьё Л. Альтюссер еще более решительно утверждал, что он разрывает без сожаления с теоретиками естественного права. Против такой оценки взглядов Монтескьё в отечественной литературе выступает Н.М. Азаркин, который, хотя и с оговорками, считает эти взгляды естественно-правовыми [13, с. 77].

Несмотря на различные точки зрения, можно однозначно утверждать, что исследования Монтескьё в области права оказали чрезвычайно сильное влияние на современников. Труды Монтескьё ознаменовали собой важный этап в эволюции правовых понятий и создали теоретические предпосылки для развития криминологической науки, изучающей преступность, в том числе латентную ее часть.

Представления о преступности, господствовавшие во второй половине XVIII в.

Не менее важными для становления учения о преступности и латентной ее части явились криминологические взгляды сторонника прогрессивно-гуманистического направления в праве итальянского юриста Чезаре Беккариа (1738–1794), изложенные в его широко известной работе «О преступлениях и наказаниях» (1764) [14].

Беккариа был убежден, что любой человек, наделенный разумом и волей, в раной мере способен совершить преступления или воздержаться от него. Все зависит от сделанного им выбора, который, в свою очередь, определяется тем, насколько данный индивид усвоил твердые правила поведения, вырабатываемые в процессе воспитания. Чтобы удержать человека от преступления, надо противопоставить ему наказание, соответствующее по своей тяжести преступлению. Уголовные наказания, согласно

убеждениям Беккариа, непосредственно поражая чувства и длительно запечатлеваясь в уме, уравновешивают силу впечатлений, порождаемых той или иной страстью, противостоящей общественному благу.

Беккариа настаивал на том, чтобы законы были доступны и понятны народу, чтобы каждый сам мог судить о последствиях, которые могут вызывать его собственные действия для его свободы и его благ, иначе он будет находиться в зависимости от небольшого числа людей – хранителей и истолкователей законов.

Принципиальная позиция Беккариа состояла в том, что «истинным мерилом преступлений является вред, наносимый ими обществу» [14, с. 226]. Вместе с тем он последовательно выступая против пыток и жестоких казней. Беккариа отмечал, что страны и века, где и когда применялись наиболее жестокие мучения, были в то же время странами и эпохами наиболее ужасных преступлений. Тот же дух жестокости, который диктовал кровожадные законы законодателю, влагал и кинжал в руки убийцы и отцеубийцы. По мере того, как мучения становятся более жестоки, душа, будучи подобна жидкостям, которые всегда устанавливаются на уровне окружающих предметов, ожесточается возобновляющимся зрелищем варварства. Привыкают к ужасающим мучениям и, после сотни лет увеличивающейся жестокости, страсти, всегда деятельные, менее сдерживаются колесом и виселицею, нежели прежде они сдерживались тюрьмой.

Беккария был убежденным противником применения в качестве уголовного наказания смертной казни. Возможность смертной казни он допускал только в двух исключительных случаях: во время анархии и тогда, когда продолжение существования того или другого гражданина, несмотря на лишение его свободы, все-таки может произвести опасную революцию. При спокойном же господстве законов лишение жизни гражданина не может быть необходимо, в том числе и в качестве средства превенции преступлений.

Свое убеждение относительно недопустимости применения смертной казни за совершение преступлений Беккариа аргументировал тем, что смертная казнь никогда не удерживала злодеев, решившихся вредить. Жестокость наказания производит на человека меньшее впечатление, нежели его продолжительность. Чем более скоро наказание будет сопровождать преступление, тем оно будет более справедливо и полезно. Не жестокость мучений более надежно предупреждает преступления, а неизбежность наказания, утверждал Беккария.

Многие передовые идеи Беккария были подвергнуты критике его современниками. Например, один из крупных защитников старого порядка в уголовной литературе Жусс писал: «Эта книга содержит в себе систему самых опасных новых идей, усвоение коих может привести только к ниспровержению существующего порядка в образованных нациях; эта книга нападает на религию, нравы, на самые священные обязанности» [3, с. 101]. Геттингенский профессор Клапрот по поводу труда Беккариа говорил, что итальянский маркиз недостаточно знаком с уголовным правом, чтобы о нем сколько-нибудь основательно рассуждать. Доминиканский монах из монастыря Валламбрез Виценцо Факиней де Корфри признавал сочинение Беккариа ужасным, ядовитым, проникнутым пагубной распущенностью, постыдным, нечестивым.

На все эти нападки, дышавшие неудержимой злобой, Беккария отвечал спокойно и с достоинством. Он заверил своих многочисленных критиков, что не будет переходить на личности.

Еще одним видным европейским ученым, чьи работы повлияли на развитие учения о преступности, является немецкий правовед Даниэль Неттельбладт (1719–1791). Он одним из первых поставил вопрос о необходимости разграничения между философией и правом. Учебник Д. Неттельбладта по естественному праву пользовался широкой популярностью среди студентов того времени (русский перевод «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, принаравленное к употреблению основания положительной юриспруденции». – М., 1770). Данный учебник являлся базовым при преподавании Ф. Дильтеем права в Московском университете. С 1775 г. Д. Неттельбладт возглавил юридический факультет в Университете Халле, где ранее долгое время являлся профессором права. Д.А. Безбородов утверждает, что «Д. Неттельбладт в своих учениях о праве был до известной степени только систематизатором догмы действовавшего в его время в Европе права» [15, с. 154]. Вместе с тем его влияние на отечественную уголовно-правовую и криминологическую мысль трудно переоценить.

Заключение

Правовые исследования выдающихся просветителей Нового времени способствовали зарождению в XVII–XVIII вв. и дальнейшему становлению учения о преступности и латентной ее части. Дошедшие до нас научные взгляды и суждения виднейших европейских мыслителей Т. Гоббса, Ш. Монтескьё, Ч. Беккариа и некоторых других ученых рассмотренного периода сыграли существенную роль в формировании научного знания о преступности. Общее в их правовой концепции было то, что преступные склонности индивида объяснялись прежде всего его внутренними качествами. В целом XVII–XVIII вв. в истории зарождения европейского учения о преступности являются эпохой, когда были разработаны фундаментальные понятия криминологии, хотя сам термин «криминология» был введен значительно позже. Именно в этот период стало складываться осознание необходимости теоретического изучения всех проявлений преступности, в том числе латентной ее части.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мысловский, Е. Истина и справедливость / Е. Мысловский // Чистые руки. – 2000. – № 4. – С. 65–71.

2. Иншаков, С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : моногр. / С.М. Иншаков [и др.] ; под ред. С.М. Иншакова. – М. : ЮНИТИ, 2011. – 840 с.

3. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : Часть общая. Лекции. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб. : Гос. тип., 1902. – 823 с.

4. Кузнецов, А.П. Актуальные проблемы совершенствования качества подготовки юристов в современных условиях // А.П. Кузнецов, Н.Н. Маршакова // Юридическое образование и наука. – 2007. – № 4. – С. 6–14.

5. Коркунов, Н.М. История философии права. Пособие к лекциям / Н.М. Коркунов – 6-е изд. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 508 с.

6. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Соч. в 2 т. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – 643 с.

7. Гобозов, И.А. Введение в философию истории / И.А. Гобозов. – М. : Ассоциация «гуманитарное знание» ; Теис, 1993. – 307 с.

8. Монтескьё, Ш.Л. Избранные произведения / Ш.Л. Монтескьё / под общ. ред. М.П. Баскина. – М. : Гослитиздат, 1955. – 800 с.

9. Ильберт, К. Монтескье / К. Ильберт // Журнал министерства юстиции. – 1904. – № 7. – С. 136 – 156.

10. Руссо, Ж.Ж. Сочинения / Ж.Ж. Руссо. – Калининград : Янтарный сказ, 2001. – 416 с.

11. Монтескьё, Ш.Л. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. / Ш.Л. Монтескьё / пер. под ред. А.Г. Горнфельд / вступ. ст. М.М. Ковалевский. – СПб. : Изд-во Л.Ф. Пантелеев, 1900. – 800 с.

12. Козлихин, И.Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта : курс лекций / И.Ю. Козлихин. – СПб. : Юрид. центр Пресс. 2001. – 384 с.

13. Азаркин, Н.М. Монтескье / Н.М. Азаркин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 126 с.

14. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 462 с.

15. Безбородов, Д.А. О формировании института совместного преступного деяния в российском уголовном праве XVIII века / Д.А. Безбородов // Журнал рос. права. – 2006. – № 3. – С. 152–158.

Chramov S.M. **Origins of European Stuby on Crime and its Latent Part in the XVII –XVIII Centuries**

The article is devoted to the emergence of European studies of crime and latent criminality in XVII–XVIII centuries. With the use of available scientific sources is determined by the possibility of studying delinquency in the period under review. The genesis of philosophical and legal views of prominent European philosophers of the New Time on crime. It is noted that the greatest contribution to the formation of branches of scientific knowledge, the study ing various manifestations of crime, have made T. Hobbes, S. Montekse and C. Beccaria.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.03.2011

УДК 343.1

Р.Г. Зорин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА РАСПОЗНАНИЯ ДИАПАЗОНА И ДИНАМИКИ СУЩЕСТВЕННЫХ НАРУШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье рассматриваются проблемы распознания существенных нарушений в уголовном судопроизводстве. Исследуются закономерности диапазона и динамики воздействия существенных нарушений и их негативных правовых последствий в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Определены причины и условия, влияющие на формирование динамики существенных уголовно- процессуальных нарушений, а также меры, направленные на их устранение.

Латентные и явные существенные нарушения – это потенциальная опасность уголовно-процессуальных правоотношений. Исключить фактор подобной потенциальной опасности, как известно, не представляется возможным. Фактически любое существенное уголовно-процессуальное нарушение по форме или содержанию влечет за собой негативные правовые последствия для принятия законных и обоснованных уголовно-процессуальных решений (основных, факультативных, итоговых) и влияет на процессуальное положение субъекта уголовного процесса. Проблемы распознания существенных и иных нарушений уголовно-процессуальных норм закона исследовались в научных трудах Р.С. Белкина, Г.А. Василевича, Л.А. Воскобитовой, Ю.М. Грошевого, И.В. Данько, Г.А. Ерофеева, В.В. Зажицкого, К.Б. Калиновского, Л.Д. Калинкиной, Н.М. Кипниса, П.А. Лупинской, В.П. Маслова, Т.А. Москвитиной, Т.Г. Морщаковой, Я.О. Мотовиловкера, И.Д. Перлова, И.Л. Петрухина, О.П. Темушкина и других. Проблемы диапазона и динамики негативного воздействия существенных уголовно-процессуальных нарушений являются мало изученными. Существенное уголовно-процессуальное нарушение представляет собой уникальное явление в сфере уголовно-процессуальных правоотношений, требующее его научного исследования с точки зрения закономерностей формирования нарушений и их негативных правовых последствий. Распознание диапазона и динамики существенных нарушений является необходимым для осуществления их правовой оценки в уголовном процессе. Всякое существенное нарушение по своей природе является универсальным и поэтому носит эксклюзивный и динамический характер. Ибо каждый случай допущения существенных нарушений представляет собой комплекс проблем, затрагивающих реализацию законных прав и интересов личности и государства в уголовном процессе, реализацию целей и задач уголовного процесса. Всякое нарушение влечет за собой ряд негативных правовых последствий, обладающих индивидуальным характером. Именно поэтому допущение существенных нарушений влечет за собой наступление новых правоотношений, их изменение, прекращение. Не существует тождественных существенных уголовно-процессуальных нарушений, так как даже один и тот же механизм их возникновения несет собой ряд условий, присущих именно им и способствующих их формированию, возникновению, развитию, преобразованию. Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона в соответствии со ст. 391 УПК Республики Беларусь признаются такие нарушения, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников уголовного процесса при судебном рассмотрении уголовного дела или иным путем помешали суду всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и повлияли или могли

повлиять на постановление законного и обоснованного приговора. Данное определение, как нам представляется, имеет ряд недостатков. Во-первых, нарушения которые могут или могли помешать суду постановить законный и обоснованный приговор в действительности этим не исчерпываются. Подобные нарушения могут или могли помешать не только суду при постановлении итогового решения (приговора), но и другим компетентным должностным лицам, ведущим уголовный процесс (прокурору, следователю, органу дознания) принимать иные процессуальные решения итогового либо промежуточного характера. Во-вторых, допущение существенных нарушений негативно влияет или может повлиять не только на постановление законного обоснованного приговора, но и на вынесение иных итоговых и промежуточных уголовно-процессуальных решений, таких, например, как постановление о прекращении уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела. Перечисленные уголовно-процессуальные решения принимаются на досудебных стадиях, однако их значимость от этого не снижается. К иным значимым уголовно-процессуальным решениям, думается, стоит отнести постановление о приостановлении уголовного дела. Это не итоговое процессуальное решение, но в связи с его принятием оно повлечет за собой негативные правовые последствия латентного характера. Диапазон негативного правового воздействия существенных нарушений представляет собой комплекс условий, оснований, мероприятий и рассматривается как механизм, обладающий качественными и количественными характеристиками.

Уникальность любого существенного нарушения обусловлена рядом причин и условий, среди которых необходимо выделить:

1) заинтересованность недобросовестного субъекта неправомерного воздействия (отправитель, субъект-инициатор допущения нарушения);

2) адресат неправомерного воздействия (абсолютно-определенный, относительно-определенный, неопределенный), т.е. личность субъекта уголовного процесса, интересы которой нарушены;

3) специфический характер процессуально-следственной ситуации;

4) комплекс причинно-следственных связей, присущих исследуемым нарушениям;

5) негативные правовые последствия в результате допущения существенных нарушений;

6) ситуативный и скрытый (латентный) характер неправомерного воздействия, присущий процессу формирования ряда существенных нарушений;

7) прогнозируемый/непрогнозируемый характер нарушений;

8) подлежащие/неподлежащие устранению нарушения и их негативные правовые последствия;

9) ситуационный характер складывающихся уголовно-процессуальных правоотношений в условиях противодействия, состязательности;

10) комплекс негативных правовых воздействий (последствий) в результате допущения нарушений, носящих латентный характер;

11) неопределенность во времени, в пространстве и по адресату воздействия наступления негативных правовых последствий в результате допущения нарушений;

12) ситуационный характер возникающих условий, способствующих формированию существенных нарушений;

13) ситуационный характер развития, изменения уголовно-процессуальных отношений в результате допущения существенных нарушений и их негативных правовых последствий.

Диапазон существенных нарушений представляет собой комплекс потенциальных угроз, адресованных комплексу гарантий прав личности и государства в уголовном процессе, а также и в целом механизму правового регулирования реализации целей и задач уголовного судопроизводства. Причем данные угрозы носят как явный, так и латентный характер. Поэтому наступление негативных правовых последствий может выступать как оконченное нарушение (выраженное в действии-бездействии), и наступление негативных правовых последствий носит гипотетический характер, либо их наступление неизбежно. Диапазон негативного воздействия существенных нарушений устанавливается следующим образом:

1) по кругу отстаиваемых законных прав и интересов личности и государства в уголовном процессе;

2) по кругу принимаемых процессуальных промежуточных и итоговых решений;

3) по кругу решаемых задач уголовного процесса;

4) по кругу субъектов, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных право-отношений;

5) по кругу процессуальных следственных и иных уголовно-процессуальных действий;

6) по кругу средств и способов решения процессуальных и криминалистических задач;

7) нарушения, приводящие к негативным правовым последствиям различным по степени интенсивности их воздействия;

8) по степени устойчивости воздействия нарушения.

По диапазону воздействия существенное нарушение выражается в незамедлительном наступлении его негативных правовых последствий, а также и наступлении отдаленных тех же последствий, распространение которых прослеживается в рамках процессуального, непроцессуального, процессуально-следственного действия, в рамках одного следственного действия или их совокупности, в отношении одного субъекта или их ряда. Динамика силы воздействия уголовно-процессуальных нарушений зависит от ряда факторов:

1) заинтересованность должностных лиц, ведущих уголовный процесс;

2) некомпетентность должностных лиц, ведущих уголовный процесс;

3) степень интенсивности различных форм недобросовестного противодействия сторон защиты и обвинения, а также иных лиц с противоположнми интересами;

4) характер состязательной деятельности сторон, осуществляемой в условиях конструктивного/деструктивного конфликта;

5) допущение ошибок организационного, процессуального, криминалистического, психологического характера;

6) несвоевременность выявления и установления процессуальных нарушений;

7) лжесвидетельство (оговор/самооговор), шантаж и угрозы со стороны недобросовестных заинтересованных в исходе уголовного дела лиц.

Исследование правовой природы существенных уголовно-процессуальных нарушений находится в прямой взаимосвязи и взаимозависимости с исследованием закономерностей возникновения причин и условий, способствующих их возникновению развитию преобразованию, исчезновению. Прогнозирование возникновения, развития, преобразования существенных нарушений и их негативных правовых последствий занимает значимое место в познавательной деятельности субъектов, связанной с правовой оценкой нарушений. Не все закономерности, причины

и условия возникновения, развития, преобразования существенного нарушения лежат на поверхности процесса познания, не все они доступны для их выявления субъектами уголовного процесса, в том числе профессиональными его участниками. Данная проблема нуждается в научном исследовании со стороны процессуалистов и криминалистов, ибо содержание нарушения носит уголовно-процессуальный, криминалистический, организационный и психологический характер. Так, установление необратимого характера наступления негативных правовых последствий в результате факта совершения существенного уголовно-процессуального нарушения является одним из условий как прогнозной деятельности субъекта доказывания, так и деятельности, направленной на устранение подобных неправомерных последствий. «Прогноз всегда включает в принципиально новое знание, так как предполагает возможность непредвиденных изменений хода эволюции исследуемой системы. Новое знание, вырабатываемое в прогнозе имеет вероятностный характер в отличие от естественнонаучного предсказания, допускающего широкий диапазон возможных ответов от однозначного до статистического. Прогноз является оценочным знанием, так как суть его состоит не просто в утверждении, что какое либо событие возможно в будущем, но и в сравнительной оценке того, какова вероятность его наступления или его ненаступления» [1, с. 20].

Правовая оценка существенных нарушений и их негативных правовых последствий осуществляется посредством разрешения следующих вопросов:

1) установление субъекта нарушения (профессиональный или непрофессиональный участник уголовного процесса, заинтересованный или незаинтересованный);

2) установление адресата воздействия (уголовно-процессуальные решения, законные права и интересы участников уголовного процесса);

3) установление формы вины в деятельности лиц, допустивших существенное нарушение (умысел, неосторожность);

4) установление способов и средств, выявленных при нарушении (непосредственно/опосредованно);

5) установление носителя нарушений;

6) установление причинно-следственных и пространственн-временных связей в механизме возникновения, формирования и преобразования существенного нарушения;

7) установление характера и размера вреда, причиненного в результате допущения нарушений;

8) установление, являются ли нарушения и их негативные правовые последствия подлежащими либо неподлежащими устранению;

9) установление факта наступления негативных правовых последствий существенных уголовно-процессуальных нарушений;

10) установление причин и условий, способствующих допущению существенных нарушений, и их негативных правовых последствий;

11) заявление жалоб, ходатайств участниками уголовного процесса в связи с допущением существенных уголовно-процессуальных нарушений;

12) акты прокурорского реагирования (представление, постановление, указание) об устранении существенных нарушений, другие.

Необходимо установить, как и каким образом отразились негативные правовые последствия существенных нарушений на принятии итоговых и промежуточных уголовно-процессуальных решений, как негативные правовые последствия повлияли

или могли повлиять на процесс достижения задач уголовного процесса, на интенсивность предварительного расследования, своевременности принятия процессуальных, тактических решений, а также на производство следственных и иных уголовно-процессуальных действий.

«Существенное нарушение по способам его выражения целесообразно классифицировать на преднамеренное–непреднамеренное, выраженное в виде действия–бездействиях, явное–латентное, безусловное–условное, устранимое–невосполнимое, выражается устно–письменно» [2, с. 50]. Существенное нарушение – это упорядоченная система взаимодействующих и взаимозависимых элементов, участвующих в процессе (механизме) их возникновения, развития, изменения, преобразования, исчезновения, и выступающая в виде действий/бездействий, влекущих наступление негативных правовых последствий (отдаленных/приближенных) путем стеснения или лишения законных прав и интересов личности и государства, в свою очередь негативно влияющих (на ход и исход уголовного процесса) на постановление законного приговора, а также на принятие иных итоговых, а также любых промежуточных процессуальных решений в уголовном судопроизводстве. Представляется важным исследовать закономерности преобразования существенного уголовно-процессуального нарушения из одного качественного состояния в другое как в процессе его возникновения, формирования, так и в наступлении его негативных правовых последствий. Необходимым также является установление момента возникновения обратимости/необратимости наступления негативных правовых последствий в результате допущения и совершения существенного уголовно-процессуального нарушения, самой возможности их наступления.

Установление диапазона, динамики воздействия нарушений и их негативных правовых последствий способствует определению средств и способов их выявления, а также разработке мер предупредительного характера в целях обеспечения законности хода уголовного процесса. Исследование закономерностей проявления нарушений в уголовном процессе, закономерностей их выявления, сокрытия позволит участвовать субъектам доказывания более прогнозируемо и качественно. От этого в конечном итоге зависит эффективность достижения целей и задач уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лезгина, М.Л. Детерминация прогнозирования / М.Л. Лезгина. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. – С. 20.

2. Зорин, Р.Г. Распознание существенных нарушений в уголовном судопроизводстве / Р.Г. Зорин // Проблемы экспертизы в медицине. – Ижевск. – 2010. – № 1–2. – С. 50–51.

Zorin R.G. **Relevent Problems of Recodnition of the Range and Dynamics of Considerable Violance in Criminal Processing**

The problems of considerable violations' recognition in criminal proceedings are viewed in the article. The author investigates regularities of the dynamics and range of considerable violations' influence and its law consequences in criminal proceedings. Also are determined the reasons and conditions which contribute to forming of considerable violations', as well as measures directed on removal of them.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.06.2011

УДК 340.11

К.В. Бугаев

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ КРИМИНАЛИСТИКИ КАК НАУЧНОЙ ОБЛАСТИ

Изучение гендерных различий и соответствующей специфики предметной области в сравнении с иными дисциплинами позволит показать интересы и амбиции ученых, их научные роли в зависимости от половой принадлежности. В статье проведен анализ методами наукометрии советской и российской криминалистики посредством изучения некоторых параметров выходных данных авторефератов диссертаций и сравнении этих данных с данными других научных областей. Наблюдается тенденция возрастания роли женщин в науке, однако процент женщин, в дальнейшем защищающих докторские диссертации в целом снижается.

Анализ любой предметной области представляет интерес с точки зрения изучения её нынешнего состояния и определения тенденций развития. Так, например, изучение гендерных различий и соответствующей специфики предмета в сравнении с иными дисциплинами позволит показать интересы и амбиции ученых, их научные роли в зависимости от половой принадлежности.

Проведем такое исследование для советской и российской криминалистики методами наукометрии, в частности, посредством изучения некоторых параметров выходных данных авторефератов диссертаций (АРД) и сравнения этих данных как с данными близких научных областей (уголовным процессом, уголовным правом, криминологией), так и с более отдаленными дисциплинами (медициной, техническими науками, искусствоведением). Полагаем, что такой сравнительный анализ позволит более непредвзято взглянуть на положение дел в изучаемой предметной области. Для целей исследования был произведен отбор данных об авторефератах диссертаций в каталогах Российской Государственной библиотеки с 1983–86 и по 2010 гг. (таблица 1).

Таблица 1 – Количество АРД, отобранных для исследования (по сост. на 12.2010)

Дисциплина; код	Количество АРД, ед.
Криминалистика. 12.00.09 (далее – КТ)	1 737
Уголовный процесс. 12.00.09 (УПр)	1 549
Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. 12.00.08 (УПиК)	4 220
Техника. Строительные материалы и изделия. 05.23.05 (Тхн)	2 045
Медицина. Инфекционные болезни. 14.00.10 (Мдц)	1 274
Искусствоведение. Музыкальное искусство. 17.00.02 (Иск)	1 767

Исходя из обозначенного эмпирического материала изучим гендерные различия в данных предметных областях.

Таблица 2 – Доля мужчин от общего количества лиц, защитивших диссертации, %

Дисциплина	Дисперсия выборки	Медиана	Среднее значение	Эксцесс	Асимметрия относительно среднего	Корреляция исследуемых данных по КТ с	Производная функции линии тренда (угловой коэффициент)
КТ	0,017	0,687	0,703	2,668	– 0,343	–	– 0,004
УПр	0,012	0,649	0,647	3,983	0,954	– 0,442	– 0,008
УПиК	0,011	0,712	0,674	– 0,856	– 0,371	0,693	– 0,009
Тхн	0,019	0,698	0,678	0,232	– 0,229	0,009	– 0,013
Мдц	0,016	0,389	0,356	1,321	– 0,791	0,158	– 0,014
Иск	0,008	0,278	0,285	0,335	0,326	0,266	– 0,007

Покажем графически динамику изменения доли мужчин от общего количества лиц, защитивших диссертации.

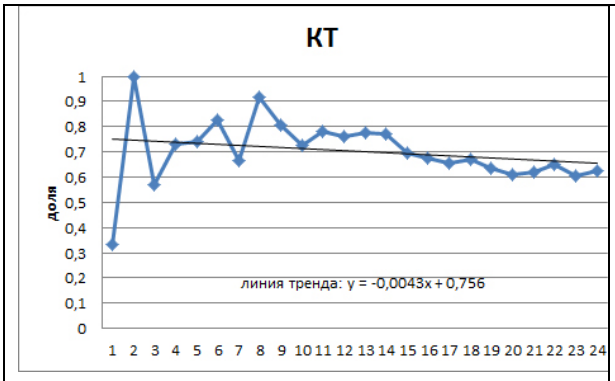

График 1 – Динамикаизменений количества доли мужчин от общего количества лиц, защитивших диссертации по криминалистике

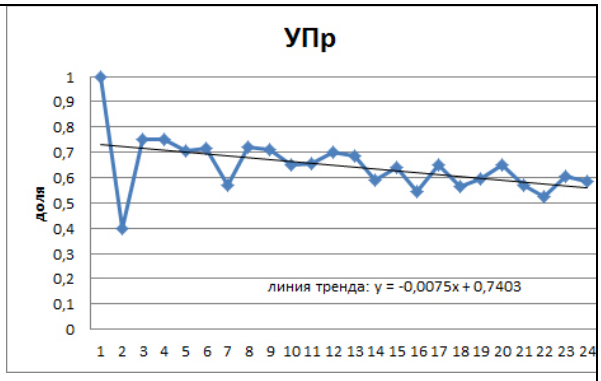

График 2 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества лиц, защитивших диссертации по уголовному процессу

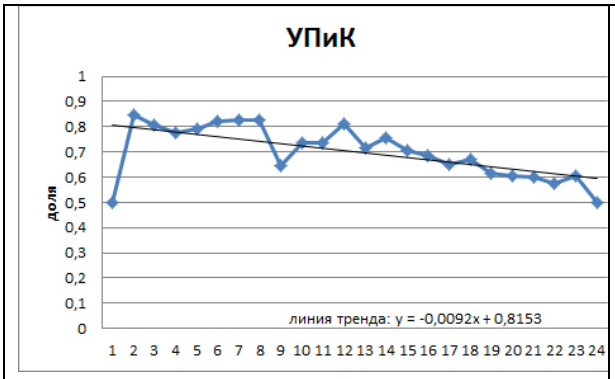

График 3 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества лиц, защитивших диссертации по уголовному праву, криминологии и уголовно-исполнительному праву

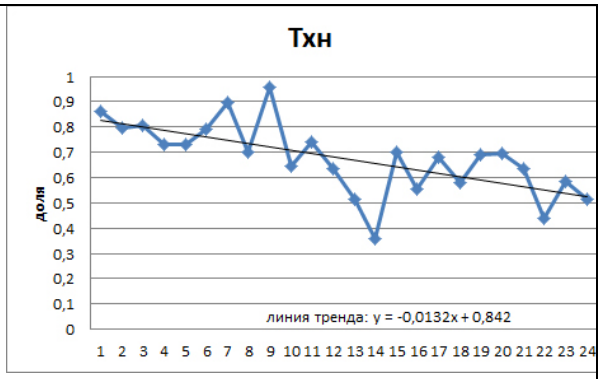

График 4 – Динамика изменений количества доли мужчин из общего количества лиц, защитивших диссертации по технике

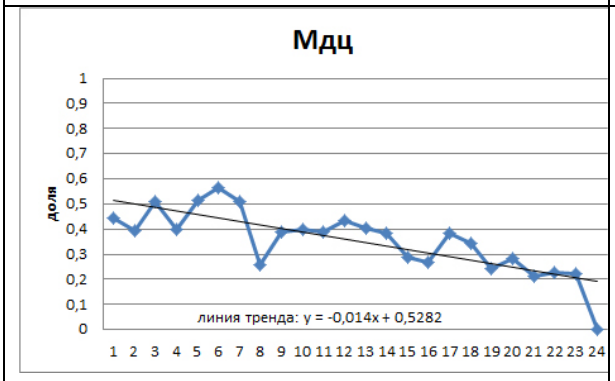

График 5 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества лиц, защитивших диссертации по медицине

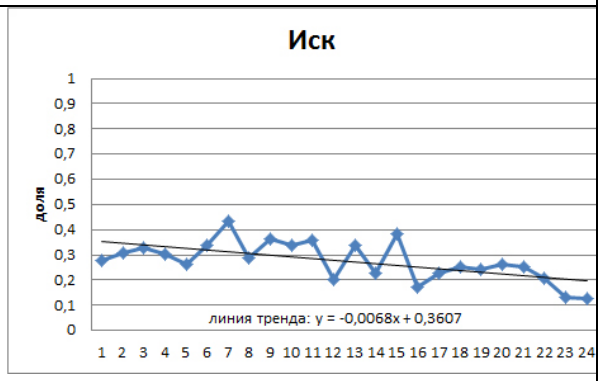

График 6 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества лиц, защитивших диссертации по искусствоведению

Примечание: прямой линией на графиках обозначены линии тренда.

Выводы по данной части работы: для всех изучаемых дисциплин наблюдается устойчивая тенденция снижения доли ученых-мужчин (и, соответственно, повышение участия в развитии науки женщин). Однако, как мы видим из показателей производной функции линии тренда в юридических науках (и при этом особенно в криминалистике), данная тенденция менее выражена, чем в технике, медицине и искусствоведении. При этом, как видно из графиков 1–6, во всех исследуемых юридических науках, а также в технике доля мужчин сохраняется 50–60 % от общего числа ученых. В медицине же и в искусствоведении этот процент существенно ниже и составляет в последние годы 10–20 % (что, видимо, уже является дисбалансом). Причины этого явления, мы полагаем, следует искать скорее в области психологии и социологии, чем юриспруденции. Однако общая тенденция возрастания роли женщин в науке несомненна.

Изучим научные амбиции в зависимости от гендерных различий. Так, интересно исследовать в данном ключе тенденции защит докторских диссертаций.

Таблица 3 – Доля мужчин от общего количества докторов наук

Дисциплина	Дисперсия выборки	Медиана	Среднее значение	Эксцесс	Асимметрия относительно среднего	Корреляция исследуемых данных по КТ с…	Производная функции линии тренда (угловой коэффициент)
КТ	0,100	1,000	0,705	1,091	– 1,312	–	0,020
УПр	0,089	0,500	0,636	0,597	– 1,049	0,698	0,013
УПиК	0,023	1,000	0,818	– 0,197	– 0,498	– 0,086	– 0,010
Тхн	0,017	1,000	0,836	0,282	– 0,582	– 0,146	– 0,012
Мдц	0,064	0,500	0,492	– 0,075	– 0,472	– 0,292	– 0,016
Иск	0,056	0,250	0,456	– 0,057	0,574	– 0,162	– 0,020

Покажем графически динамику изменения доли мужчин от общего количества докторов наук.

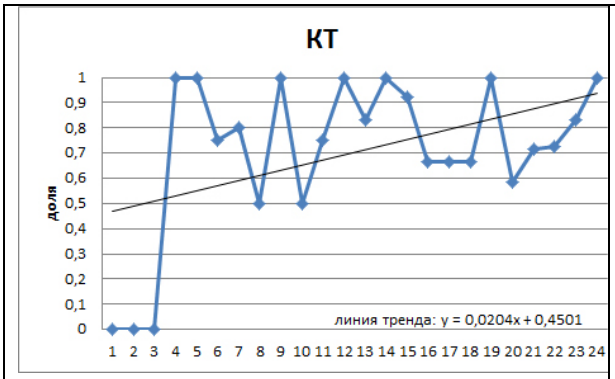

График 7 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества докторов наук по криминалистике

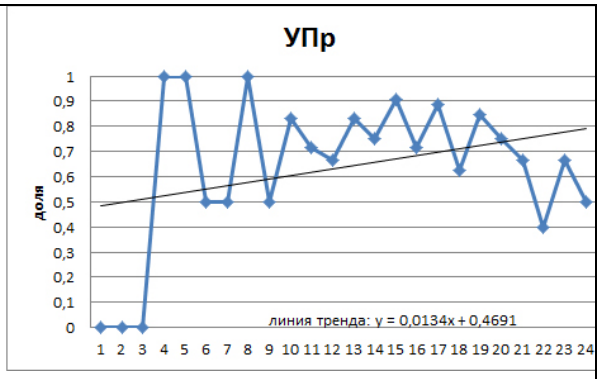

График 8 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества докторов наук по уголовному процессу

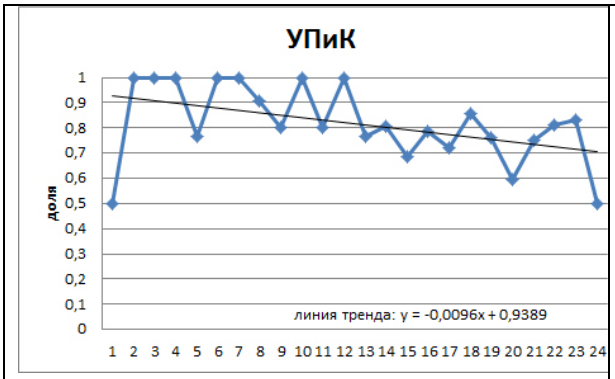

График 9 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества докторов наук по уголовному праву, криминологии, уголовно-исполнительному праву

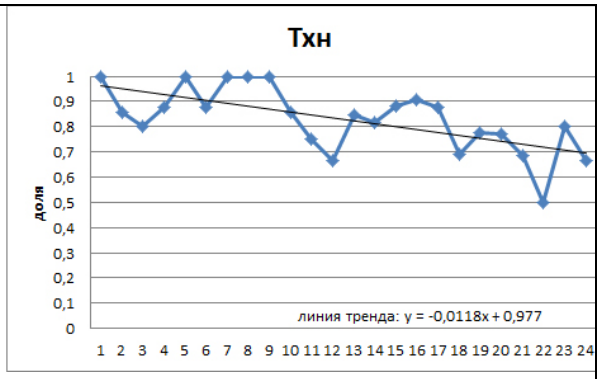

График 10 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества докторов наук по технике

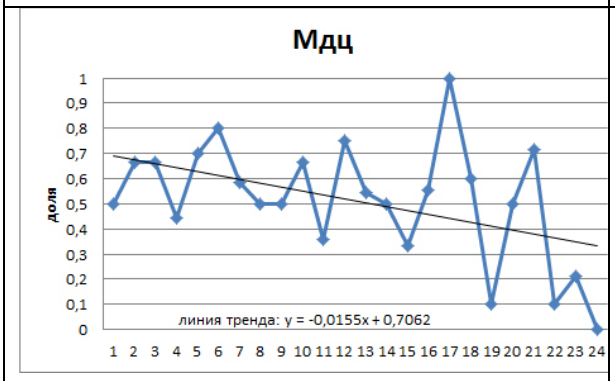

График 11 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества докторов наук по медицине

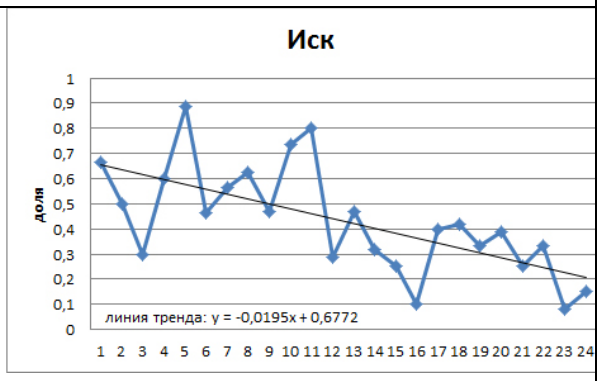

График 12 – Динамика изменений количества доли мужчин от общего количества докторов наук по искусствоведению

Примечание: прямой линией на графиках обозначены линии тренда.

Выводы по данной части: мы наблюдаем тенденцию возрастания количества женщин – докторов наук почти во всех дисциплинах, кроме криминалистики и уголовного процесса, где превалирует тенденция роста количества мужчин – докторов наук (в криминалистике процент мужчин среди лиц с данной ученой степенью вообще наибольший из всех исследуемых дисциплин и составляет в последние годы более 90 %). Из графика 7 видно, что это является резкой гендерной диспропорцией; наименьшая доля мужчин – докторов наук в медицине (чуть более 30 %) и в искусствоведении (около 20 %).

Далее изучим, какой процент ученых высшей квалификации (доктора наук) наличествует в гендерной картине предметных областей (таблицы 4, 5; графики 13–24).

Таблица 4 – Доля докторов наук от общего количества мужчин

Дисциплина	Дисперсия выборки	Медиана	Среднее значение	Эксцесс	Асимметрия относительно среднего	Корреляция исследуемых данных по КТ с…	Производная функции линии тренда (угловой коэффициент)
КТ	0,005	0,093	0,101	– 0,127	0,571	–	0,000
УПр	0,010	0,113	0,131	– 0,691	0,603	0,425	– 0,002
УПиК	0,009	0,123	0,148	0,330	1,002	0,002	– 0,010
Тхн	0,010	0,123	0,148	6,326	2,020	0,124	0,004
Мдц	0,015	0,200	0,211	– 0,583	0,078	0,037	– 0,003
Иск	0,016	0,238	0,235	– 0,752	0,089	0,138	– 0,007

Покажем графически динамику изменения доли докторов наук от общего количества мужчин.

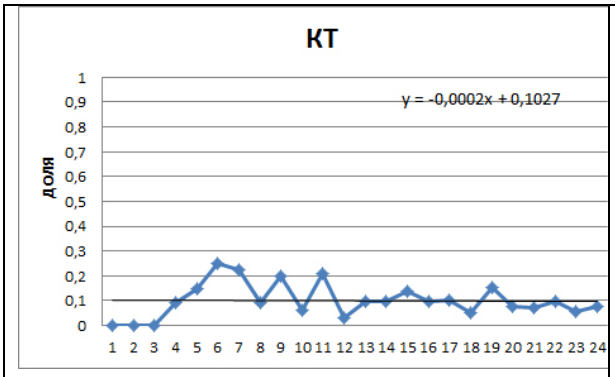

График 13 – Динамика изменений количества доли докторов наук по криминалистике от общего количества мужчин

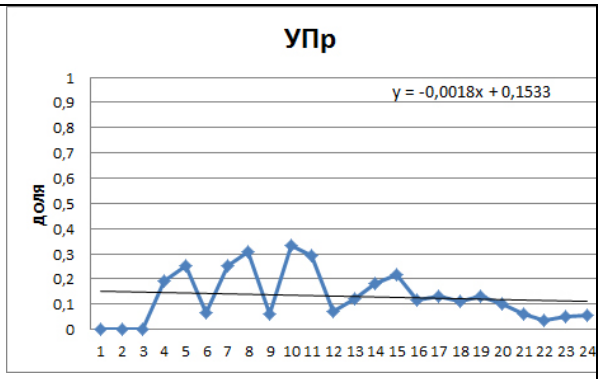

График 14 – Динамика изменений количества доли докторов наук по уголовному процессу из общего количества мужчин.

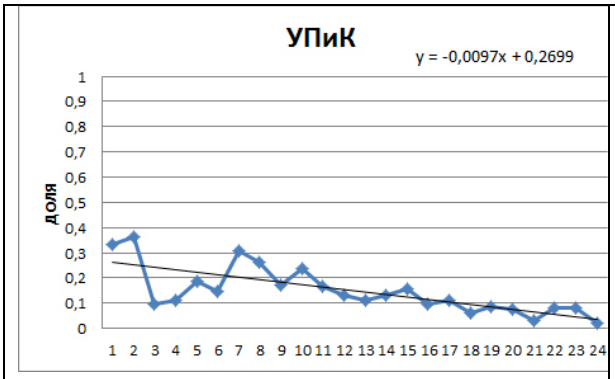

График 15 – Динамика изменений количества доли докторов наук по уголовному праву, криминологии, уголовно-исполнительному праву от общего количества мужчин

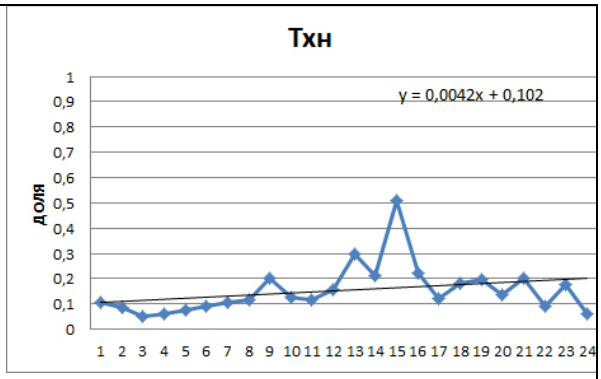

График 16 – Динамика изменений количества доли докторов наук по технике от общего количества мужчин

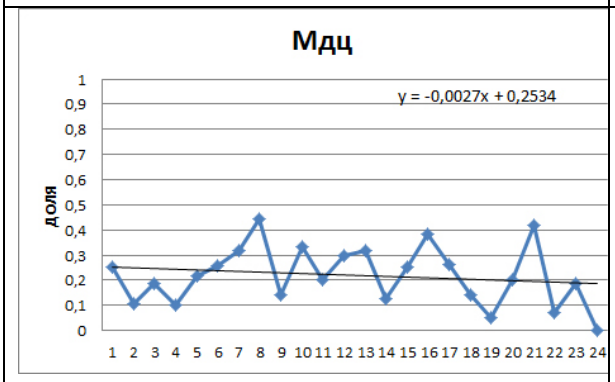

График 17 – Динамика изменений количества доли докторов наук по медицине от общего количества мужчин

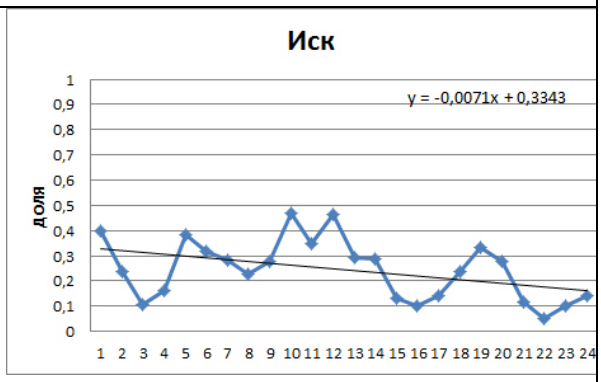

График 18 – Динамика изменений количества доли докторов наук по искусствоведению от общего количества мужчин

Примечание: прямой линией на графиках обозначены линии тренда.

Выводы по данной части: для криминалистики видно, что примерно каждый десятый мужчина становится доктором наук, причем данная тенденция практически не меняется за весь период наших наблюдений. Чтобы ответить на вопрос, чем является данное обстоятельство: приятной стабильностью или показателем определенного застоя предметной области, – необходимы, видимо, дополнительные исследования. В остальных дисциплинах наблюдается некоторое снижение научных амбиций мужчин (кроме техники, где мы наблюдаем небольшой рост).

Таблица 5 – Доля докторов наук от общего количества женщин

Дисциплина	Дисперсия выборки	Медиана	Среднее значение	Эксцесс	Асимметрия относительно среднего	Корреляция исследуемых данных по КТ с…	Производная функции линии тренда (угловой коэффициент)
КТ	0,046	0,036	0,104	14,411	3,598	–	– 0,005
УПр	0,006	0,056	0,079	3,191	1,641	0,030	– 0,002
УПиК	0,007	0,034	0,066	3,904	1,851	0,058	– 0,003
Тхн	0,003	0,050	0,058	– 0,566	0,679	– 0,217	0,004
Мдц	0,005	0,097	0,111	– 0,945	0,178	0,169	– 0,001
Иск	0,006	0,123	0,130	– 0,660	0,145	– 0,244	0,003

Покажем графически динамику изменения доли докторов наук от общего количества женщин.

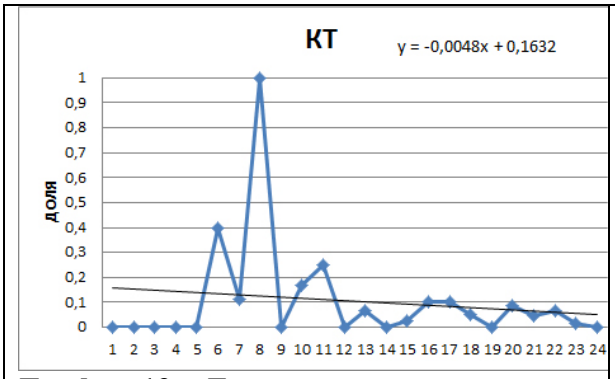

График 19 – Динамика изменений доли докторов наук по криминалистике от общего количества женщин

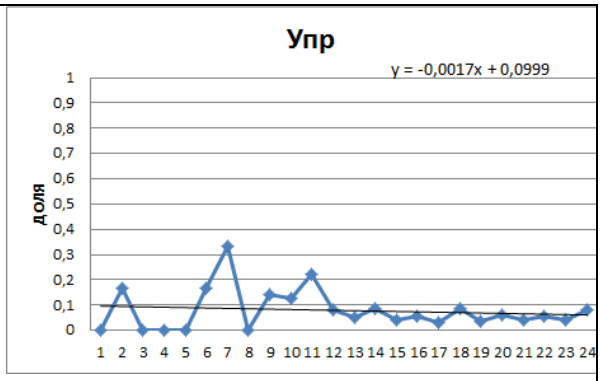

График 20 – Динамика изменений доли докторов наук по уголовному процессу от общего количества женщин

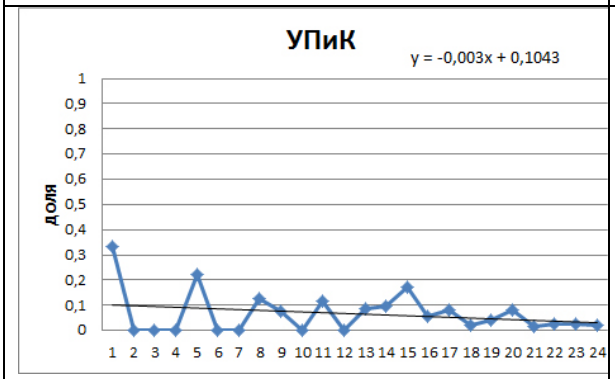

График 21 – Динамика изменений доли докторов наук по уголовному праву, криминологии, уголовно-исполнительному праву от общего количества женщин

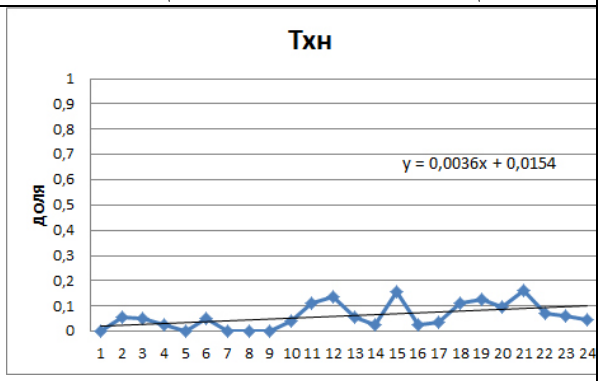

График 22 – Динамика изменений доли докторов наук по технике от общего количества женщин

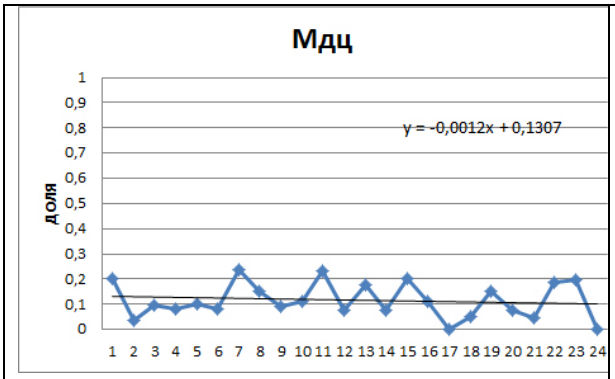

График 23 – Динамика изменений доли докторов наук по медицине от общего количества женщин

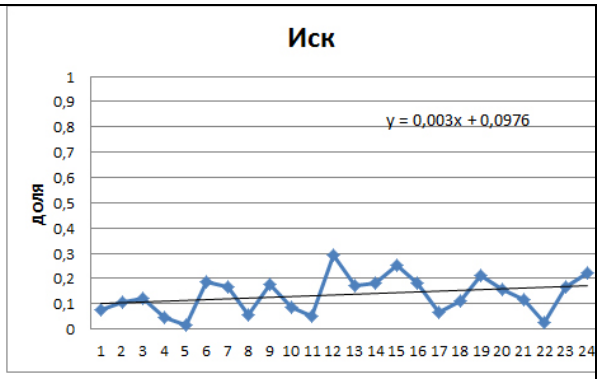

График 24 – Динамика изменений доли докторов наук по искусствоведению от общего количества женщин

Примечание: прямой линией на графиках обозначены линии тренда.

Выводы по данной части работы: практически во всех дисциплинах мы, к сожалению, наблюдаем в целом снижение научных амбиций женщин (кроме техники и искусствоведения, где имеется некоторый рост). Для криминалистики, в частности, доля женщин, успешно развивших свои научные интересы (и, соответственно, защитивших докторскую диссертацию), в последние годы менее 10 % и продолжает снижаться.

Таким образом, результаты наших исследований позволяют утверждать:

1. Для всех изучаемых дисциплин наблюдается устойчивая тенденция снижения доли ученых-мужчин (и, соответственно, повышение участия в развитии науки женщин). Однако, как мы видим из показателей производной функции линии тренда в юридических науках (и особенно в криминалистике), данная тенденция менее выражена, чем в технике, медицине и искусствоведении. При этом доля мужчин сохраняется на уровне 50–60 % от общего числа ученых. В медицине же и в искусствоведении этот процент существенно ниже и составляет в последние годы 10–20 %, что видимо является дисбалансом.

2. Наблюдается тенденция возрастания количества женщин – докторов наук почти во всех дисциплинах, кроме криминалистики и уголовного процесса, где превалирует тенденция роста количества докторов наук – мужчин (в криминалистике процент мужчин среди лиц с данной ученой степенью вообще наибольший среди всех исследуемых дисциплин и составил в последние годы более 90 %; очевидно, что это является резкой гендерной диспропорцией).

3. Для криминалистики видно, что примерно каждый десятый мужчина становится доктором наук, причем данная тенденция практически не меняется за весь период наших наблюдений. В остальных изучаемых дисциплинах наблюдается некоторое снижение научных амбиций мужчин (кроме техники, где мы наблюдаем небольшой рост).

4. Практически во всех дисциплинах мы наблюдаем снижение научных амбиций женщин (кроме техники и искусствоведения, где имеется некоторый рост). Для криминалистики доля женщин, защитивших докторскую диссертацию, в последние годы менее 10 %.

Примененные нами методы исследования, разумеется, требуют уточнения и корректировки, и наши выводы не претендуют на всеобщий и исчерпывающий

характер. Однако мы надеемся, что наши скромные усилия подтолкнут заинтересованных специалистов к исследованию предметных областей юриспруденции наукометрическими методами.

Bugaev K.V. **Gender Analysis of Criminalistics as Suentific Sphere**

Studying of gender distinctions and specificity of a science in comparison with other disciplines will allow to show interests and ambitions of scientists, their scientific roles depending on a sex. The analysis by Scientometric methods the Soviet and Russian criminalistics by means of studying of some parameters of author's abstracts of dissertations and comparison of this data with given other scientific areas is carried out.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 08.06.2011

УДК 343.115

В.В. Конин

СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ УЧАСТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается суд с участием присяжных заседателей как один из институтов гражданского общества, позволяющий в определенной мере установить контроль над принятием решения профессиональным судьей в уголовном судопроизводстве. Расширение подсудности суда с участием присяжных заседателей и введение его в районный (городской) суд позволит, пусть и опосредованно, установить контроль общества над предварительным следствием районного (городского) уровня.

Ключевые слова: институты гражданского общества, суд с участием присяжных заседателей, уголовное судопроизводство, право граждан участвовать в осуществлении правосудия.

Суд присяжных заседателей появился в России в результате судебной реформы 1864 года, которая была задумана и началась в период царствования Александра II. При вступлении на престол в манифесте от 19 марта 1857 года он провозгласил свое желание следующими словами: «Да правда и милость царствуют в судах». В указе Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 года говорилось о намерении «возродить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных… возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность». При этом судебная реформа не только опиралась на исторический опыт России, но и учитывала законодательный опыт других европейских государств, где существовал суд с участием присяжных заседателей.

Поскольку наш интерес лежит в плоскости изучения влияния институтов гражданского общества на принятие судом решения при осуществлении правосудия в рамках уголовного судопроизводства, считаем, что проведение Судебной реформы 1864 года, когда в Российской империи был введен суд с участием присяжных заседателей, явилось отправной точкой для создания одного из институтов гражданского общества, который в определенной мере стал контролировать от имени общества судебную власть при вынесении решений.

Полагаем необходимым напомнить, что в дореформенном суде судья не обязан был иметь юридического образования. Знание законов возлагалось на секретаря суда, поскольку именно он был обязан разъяснять суду соответствующие статьи закона при рассмотрении дела. Разбирательство дел проводилось формально, по документам, представленным в суд сторонами (по гражданскому делу) или полицией (по уголовному делу). Дела предварительно изучались в канцелярии суда, и секретарь готовил для судьи краткий анализ дела, ссылки на статьи закона, подлежащие применению, т.е., по сути, готовил проект решения суда. Рассмотрение дел было закрытым, потерпевший, подсудимый и свидетели в суд не вызывались, окончательное решение по уголовному делу суд принимал на основании представленных полицией протоколов допросов. Практиковалась теория формальных доказательств. Такая же картина наблюдалась и по гражданским делам.

Введение в России суда с участием присяжных заседателей все изменило коренным образом. Спустя 53 года, в результате октябрьских событий 1917 года, Устав

уголовного судопроизводства прекратил свое действие, соответственно, прекратили свою деятельность суды с участием присяжных заседателей.

Однако институт, схожий с ранее действовавшим судом присяжных был в определенной мере сохранен. Так, принятый 30 ноября 1918 года Декрет ВЦИК «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» в статье 1 устанавливал, что в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики учреждается единый Народный Суд в составе одного постоянного Народного Судьи и двух или шести очередных Судей Народных Заседателей. Статья 7 устанавливала, что «Народный Суд действует в составе постоянного Народного Судьи и шести очередных Народных Заседателей при рассмотрении уголовных дел: о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, подделке денежных знаков и документов, взяточничестве и спекуляции монопольными и нормированными продуктами потребления».

Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 года, вводя в действие «Положение о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», вновь подтвердил положение о шести народных заседателях. Принятый в 1922 году УПК РСФСР закрепил положение о шести народных заседателях, установив в части 2 статьи 26: «Преступления, предусмотренные ст.ст.142–150, 160–162, 166–171, 183 и 197 Уголовного кодекса, рассматриваются исключительно в составе народного судьи и шести народных заседателей». Слово «исключительно» в тексте закона свидетельствовало о том, такая форма судопроизводства являлась обязательной вне зависимости от желания подсудимого. Тем самым, законодатель предпринял попытку сохранить, хотя и в усеченном виде, дух и традиции суда с участием присяжных заседателей, который гарантировал повышенную защиту личности перед действовавшими в то время многочисленными судебными органами.

Однако УПК РСФСР 1923 года уже не предусматривал рассмотрение уголовных дел в расширенной коллегии народных заседателей при рассмотрении некоторых преступлений. Можно предположить, что в условиях, когда права личности практически ничего не значили и все решала «революционная целесообразность» и «классовое происхождение», а решения судов не должны были противоречить «революціонной совести и революціонному правосознанію» [1], расширенная коллегия народных заседателей не всегда принимала решения, на которые рассчитывала власть. Все это привело к тому, что в результате пересмотра уголовно-процессуального закона расширенная коллегия народных заседателей перестала существовать. И это при том, что в своей основе новый УПК РСФСР 1923 года практически дословно повторил УПК РСФСР 1922 года, за некоторыми незначительными исключениями. В результате власть получила послушный суд, в деятельности которого исключалась любая непредсказуемость при вынесении решения. О подлинной независимости суда речь уже не шла. Наиболее показательным в этом плане является мнение наркома юстиции РСФСР (а затем и СССР) Н.В. Крыленко, высказанное им в переиздании «Советского правосудия» в 1937 году: «Независимость судей не есть независимость их от политики государственной власти. Такой независимости, которая бы позволила им не считаться ни с чем, кроме своего усмотрения, нам не нужно» [2].

Как нам представляется, одной из основных целей формируемых в настоящее время в Российской Федерации институтов гражданского общества является стремление установить действенный гражданский контроль над органами власти, с тем

чтобы не допустить возврата к прошлому, когда те или иные решения принимались небольшой группой лиц. Зачастую эти решения были недостаточно просчитанные и принимались на основе господствовавшей идеологии, но так или иначе они повлияли на жизнь всего общества. Второй целью институтов гражданского общества является воспитательная и просветительская деятельность, которая заключается в том, чтобы пробудить гражданскую активность населения и направить ее на решение как политических, так и социально-экономических проблем.

На сегодняшний день наиболее известны такие институты гражданского общества, как Общественная палата Российской Федерации, правозащитные организации, в том числе и профессиональная адвокатура, Федерация независимых профсоюзов, различные общественные объединения предпринимателей (например, Российский Союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата Российской Федерации и др.), Ассоциация юристов России и ряд других. Однако из всех вышеперечисленных институтов в уголовном судопроизводстве на постоянной основе участвует лишь только адвокатура, как один из профессиональных правозащитных институтов, чья деятельность направлена на защиту прав и интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства (как привлекаемых к уголовной ответственности, так и потерпевших от преступления).

Вместе с тем полагаем, что институты гражданского общества должны в достаточной мере присутствовать и в уголовном судопроизводстве, как одной из сфер деятельности органов исполнительной и судебной власти, ошибки которой порождают самые тяжелые последствия не только для конкретной личности, но и для всего общества в целом, поскольку влекут за собой падание авторитета правоохранительных органов и судебной власти. Задача институтов гражданского общества в данном случае заключается в том, чтобы своим участием минимизировать количество ошибок, допускаемых при осуществлении уголовного преследования и правосудия.

Итак, деятельность каких институтов гражданского общества возможна в уголовном судопроизводстве? По этому вопросу существуют различные позиции. Так, например, по мнению Н.А. Босхамджиевой и Е.А. Кашкиной, это в первую очередь деятельность общественных объединений правоохранительной направленности в лице добровольных народных дружин, казачьих народных дружин, общественных пунктов охраны общественного порядка, студенческих отрядов, общественных инспекций по предупреждению правонарушений несовершеннолетних и др. [3].

Достаточно интересным, но вместе с тем и спорным является мнение И.А. Андреевой, которая пришла к выводу о том, что современная полиция также является одной из составных частей современного гражданского общества, представляя собой своеобразный, специфический институт, имеющий определенную автономию [4]. На наш взгляд, спорность данного утверждения заключается в том, что одним из главных отличий институтов гражданского общества является их независимость от органов государственной власти. Только будучи независимым, можно создать систему действенного контроля. Между тем современная полиция является одним из органов исполнительной власти, который содержится исключительно из бюджета органов исполнительной власти (федерального либо местного). Мы не можем отрицать того, что во многих современных демократических государствах полиция, несомненно, имела отношение к становлению и развитию институтов гражданского общества, но сама она никак не относится к указанным институтам.

В то же время, на наш взгляд, одним из институтов гражданского общества, деятельность которого непосредственно связанна с уголовным судопроизводством, является суд с участием присяжных заседателей. Именно посредством этого института реализуются закрепленные в Конституции России принципы, выступающие одновременно как гарантия дополнительной защиты лица от незаконного обвинения и осуждения, так и предоставляющие право гражданам, как членам общества, участвовать в осуществлении правосудия.

Посредством реализации права граждан участвовать в осуществлении правосудия в судебную власть вносится не только достаточно активный элемент народовластия, но и определенным образом ставится под контроль общества сам процесс осуществления правосудия. Главное отличие института присяжных заседателей от ранее существовавшего института народных заседателей в том, что институт народных заседателей олицетворял собой безмолвных и декоративных представителей народа, полностью зависимых от мнения профессионального судьи, и за годы своего существования полностью дискредитировал себя, в то время как институт присяжных заседателей, будучи независимым от мнения профессионального судьи, председательствующего в процессе, выносят свои решения, руководствуясь своим правосознанием и своей совестью. На наш взгляд, одним из главных компонентов независимости присяжных заседателей является то, что профессиональный судья не имеет доступа в совещательную комнату к присяжным заседателям.

Воспитательное значение суда с участием присяжных заседателей, на наш взгляд, заключается в следующем: присяжные заседатели, признавая подсудимого виновным в совершении преступления, тем самым, от имени общества, членами которого они являются, осуждают преступление, как противоправное поведение, не принимаемое обществом, и, соответственно, запрещенное законом. Лицо, чья виновность в совершении преступления признанна доказанной на основании вердикта присяжных заседателей, также понимает, что его осудил не столько профессиональный суд, доверие к которому в настоящее время достаточно невысоко, а общество, членом которого он является и которому, совершая преступление, он себя противопоставил. Справедливо отметили В.А. Волгин и Ю.Л. Трапезникова, рассматривая участие судьи в процессе с присяжными заседателями: «Раньше подсудимый в председательствующем видел второго обвинителя, теперь же судья выступает в роли беспристрастного служителя Закона, и от него требуется только контроль за соблюдением норм процессуального права и строгого принципа состязательности сторон. Суд присяжных исключает возможность воздействия на профессионального судью, так как не он решает вопрос о виновности подсудимого в совершении преступления. Профессиональный судья лишь обязан руководствоваться вердиктом присяжных, вынесенному ими без участия судьи в условиях тайны совещательной комнаты… Таким образом, участие присяжных заседателей содействует качеству предварительного следствия, более тщательной подготовки государственных обвинителей к участию в разбирательстве дел» [5]. Особую ценность этого высказывания придает то, что оно исходит от судьи Камчатского областного суда, достаточно хорошо знакомого с судом с участием присяжных заседателей.

Вместе с тем, оправдывая подсудимого, присяжные заседатели от имени общества дают соответствующую оценку деятельности правоохранительных органов по производству предварительного расследования, собиранию и оценке доказательств, и предоставлению их суду.

Тем самым, как уже не раз признавалось практическими работниками, суды с участием присяжных заседателей заставляют органы предварительно следствия более тщательно расследовать уголовные дела, которые в перспективе могут быть рассмотрены в суде с участием присяжных заседателей, что само по себе уже вынуждает следователя исключить из собранной доказательственной базы доказательства, вызывающие сомнения либо полученные с нарушением закона. В то же время в уголовных делах, рассматриваемых районными (городскими) судами, таких доказательств, достаточно много, и при дефиците обвинительных доказательств, отвечающих требованиям относимости, допустимости, достоверности, прокурора и суд достаточно активно оперируют этими «доказательствами» виновности подсудимого.

Принимая во внимание все положительные качества суда с участием присяжных заседателей, которые, несомненно, перевешивают присущие этому институту недостатки, на наш взгляд, необходимо расширить подсудность суда с участием присяжных заседателей и ввести его в районный (городской) суд. Возможно, это будут усеченные составы в количестве 6 человек, как, например, по УПК РСФСР 1922 года, которые будут рассматривать уголовные дела о преступлениях средней тяжести и тяжких преступлениях. Но неизменным должно быть одно обязательное условие: профессиональный судья не должен иметь доступа в совещательную комнату к присяжным заседателям. Тем самым мы сохраним независимость присяжных заседателей от доминирующего мнения профессионального судьи.

Введение в районный суд присяжных заседателей позволит решить еще одну, на наш взгляд, достаточно важную задачу: установление опосредованного общественного контроля за предварительным следствием. Система МВД РФ, куда входят следователи СК при МВД РФ, расследующие основную массу уголовных дел, является по своей сути закрытой системой. Контроль общества за предварительным следствием, пусть даже и на самом конечном этапе – судебном разбирательстве, позволит в определенной мере, пусть даже и опосредованно, но все же поставить под общественный контроль достаточно болезненную проблемы раскрытия преступлений; доказывания виновности лица, в отношении которого выдвинут обвинительный тезис посредством сбора доказательств, отвечающих требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Именно это, на наш взгляд, является самой болевой точкой в работе следственных подразделений. Незнание следователями тактических приемов, применение которых необходимо при производстве тех или иных следственных действий в ходе расследования преступлений, слабое владение техникой расследования, гонка за показателями, элементы коррупции – все это привело к тому, что следственные подразделения на сегодняшний день фактически не соответствуют тем требованиям, которые к ним предъявляются обществом, а в суд направляются уголовные дела, расследованные на достаточно низком профессиональном уровне.

Введение присяжных заседателей в районный (городской) суд в обязательном порядке заставит предварительное следствие районного (городского) уровня повысить свой профессиональный уровень, который, надо признать, на сегодняшний день достаточно невысокий. На наш взгляд, повышение профессионального уровня предварительного следствия районного (городского) уровня пойдет на пользу всему обществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пункт 5 Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 года «О суде» // СПС КонсультантПлюс.

2. Кодинцев, А.Я. Высшие органы юстиции СССР и социалистическая законность в 30-х годах XX века // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 7.

3. Босхамджиева, Н.А. Административно-правовое регулирование взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества в сфере предупреждения правонарушений / Н.А. Босхамджиева, Е.В. Кашкина // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 9.

4. Андреева, И.А. Создание институциональной полиции как составная часть модернизации общества / И.А. Андреева // Российская юстиция. – 2011. – № 1. – С. 65 – 68.

5. Волгин, В.А. «Наказать нельзя помиловать». Где поставить запятую, решают присяжные заседатели / В.А. Волгин, Ю.Л. Трапезникова // Юрид. вестник. – 2004 г. – № 3.

Konin V. **Court With Participation of Jury as one of Forms of the Participation of the Civil Society in Criminal Legal Proceedings**

In the article the author considers court with participation of jury as one of the instituti of the civil society, allowing in a certain measure to establish the control over decision-making by the professional judge in criminal legal proceedings. Expansion of jurisdiction of court with participation of jury and its introduction in regional (city) court will allow, Say indirelty, to establish the society control over preliminary investigation of regional (city) level.

Keywords: institutes of a civil society, court with participation of jurymen, criminal legal proceedings, the right of citizens to participate in justice realisation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.06.2011

УДК 343.982.34(477)

М.А. Михайлов

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА СТРАН СНГ В РАЗРАБОТКЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ В УКРАИНЕ

Ввиду отсутствия в Украине закона, в полной мере регулирующего дактилоскопическую регистрацию, анализируется зарубежный опыт такого регулирования, проводится сравнительно-правовой анализ Законов стран СНГ, регламентирующих эту деятельность. Дается понятие оборота дактилоскопической информации, подчеркивается неизбежность повсеместного внедрения этого метода и возникающая в связи с этим необходимость строго соблюдения прав человека.

С момента внедрения в криминалистическую практику идентификации человека по его пальцевым узорам возникла необходимость регламентации получения образцов для такого отождествления. И если технически эта процедура разработана достаточно давно и детально (хотя и продолжает совершенствоваться с развитием научно-технического прогресса), то правовые аспекты такой деятельности обратили на себя внимание лишь в последние годы. После первых успешных случаев дактилоскопической идентификации зародилась идея создания определенных массивов отпечатков пальцев для решения задач криминалистической регистрации и постоянного использования. Такие массивы постоянно росли, и мировая практика знает пример попытки всеобщей дактилоскопической регистрации населения (Аргентина, провинция Буэнос-Айрес 1911, Закон № 8129) [1, с. 91]. Однако в те годы законодательное закрепление всеобщего дактилоскопирования к успеху не привело, и правовые акты, регулирующие эту деятельность, были отменены. Возможности дактилоскопической регистрации в эпоху ручной обработки данных сдерживались несовершенством классификации и систематизации папиллярных узоров. Десятипальцевый метод регистрации позволял использовать накопленные массивы для установления личности только при наличии всех (или почти всех) десяти пальцевых узоров. Это значительно сужало возможности установления личности и сводило основную работу ручных дактилоскопических картотек лишь к установлению личности трупов преступников или иных маргинальных лиц, чьи отпечатки пальцев ранее были внесены в картотеку. Техническая революция конца XX века и внедрение высоких технологий в различные сферы человеческой деятельности значительно изменили нашу жизнь, облегчив решение тех или иных задач. Не будет преувеличением сказать, что компьютерная обработка дактилоскопических данных произвела настоящий прорыв в криминалистической регистрации и использовании ее возможностей для установления личности человека по пальцевым узорам. Путем использования быстродействующей компьютерной техники и совершенного программного обеспечения стали возможным создание и эффективная эксплуатация многотысячных и даже миллионных баз данных (электронная дактилоскопическая база данных Индии уже превысила 30 млн. единиц). Соблазн воплощения в жизнь идеи всеобщего дактилоскопирования населения вновь захватил не только ученых и практиков, но и законодателей. В большинстве стран СНГ уже приняты и действуют законы, регламентирующие государственную дактилоскопическую регистрацию. К сожалению, Украина еще не входит в число этих

государств, и проблема правового регулирования этой деятельности для нас по-прежнему актуальна.

18 июня 1999 года народными депутатами С.И. Синенко и Н.А. Кириченко был представлен проект Закона Украины «О дактилоскопии», статьи 5 и 7 которого предусматривали, что в целях создания правовых условий для оптимального установления гражданско-правового состояния лица проводится дактилоскопирование всех граждан Украины и лиц, находящихся на ее территории более одного месяца. И хотя этот законопроект так и не был принят, он в какой-то мере обозначил проблему правового регулирования получения, сосредоточения, хранения и использования дактилоскопических данных в целях идентификации личности [2].

Проблема правового обеспечения этой деятельности в той или иной степени затрагивалась в работах Р.С. Белкина, В.П. Бахина, В.К. Лисиченко, Н.И. Клименко, Е. Лапина, М. Мельничука, В.В. Бирюкова, Н.А. Сергатого. Однако спектр мнений ученых чрезвычайно широк: от сокращения уже существующего сегодня круга субъектов, подлежащих дактилоскопированию, до всеобщей дактилоскопической регистрации населения. Следует отметить, что в Советском Союзе дактилоскопирование регламентировалось ведомственными документами МВД, в основу которых легли положения Циркуляра Главного тюремного управления МВД Российской империи 1906 года, обязывавшего подвергать дактилоскопированию «обвиняемых в преступлениях, влекущих наказание, соединенное с лишением всех прав состояния, принужденных к ссылке, каторге и поселению, обвиняемых в бродяжничестве и попрошайничестве» [3, с. 2–3]. Согласно ведомственной инструкции советской милиции, обязательной дактилоскопической регистрации подлежали лица, задержанные по подозрению в совершении преступления, осужденные к лишению свободы, задержанные в специальные приемники-распределители за занятие бродяжничеством и попрошайничеством, а также неопознанные трупы.

Однако после появления автоматизированных дактилоскопических информационных систем, позволяющих делать выборку из объемных массивов, возникла необходимость в наполнении этих бах данных. Была активизирована деятельность по дактилоскопической регистрации, которая нередко принимала «повальный» характер. Круг дактилоскопируемых был значительно расширен без законных на то оснований. Он определялся формулировкой «лица, представляющие оперативный интерес», которая законодательными актами не предусматривалась. Появились и первые иски, оспоривающие внесение дактилоскопических данных того или иного лица в электронные массивы. Поэтому возникла необходимость в специальном и достаточно детальном правовом регулировании этой деятельности. Первой из стран СНГ специальный закон «О государственной дактилоскопической регистрации» в июле 1998 года приняла Российская Федерация [4]. Несмотря на то, что закон существенно расширял круг лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации и вводил в действие т.н. добровольную регистрацию, заметного беспокойства у депутатов при обсуждении законопроекта не отмечалось. После выступления представителя МВД, сообщившего статистику преступности, иммиграции в страну, а также факты обнаружения неопознанных трупов и сославшегося на западный опыт, депутаты, наоборот, предложили использовать дактилоскопические данные даже вне рамок МВД [5].

Используя российский опыт, и другие государства СНГ приняли законы, регулирующие оборот дактилоскопической информации на своей территории.

В сентябре 1999 г. это было сделано в республике Таджикистан [6], в феврале 2000 г. в Азербайджанской Республике [7], в декабре 2002 г. в Республике Молдова [8], в ноябре 2003 г. в Республике Беларусь [9], в ноябре 2004 г. в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) [10], а в августе 2006 года в Республике Абхазия [11]. И, хотя эта деятельность в законодательных актах этих государств трактуется не идентично, мы попытались сформулировать ее обобщенное понятие.

На наш взгляд, оборот дактилоскопической информации – это процесс получения, учета, систематизации, хранения, использования и уничтожения данных об узорах пальцев рук человека в целях его идентификации специально уполномоченными на это государственными органами. Сравнительный анализ этих законодательных актов свидетельствует о том, что разные государства неодинаково определили ключевые составляющие оборота дактилоскопической информации, такие как круг субъектов обязательной регистрации, сроки хранения сведений и даже цели их использования.

Самый узкий круг лиц, подлежащих «принудительной» регистрации определен азербайджанским законодателем (ст. 8). Теперь помимо подозреваемых, обвиняемых и осужденных в него входят лишь лица, выдворяемые из страны, беженцы и иностранцы, ходатайствующие о предоставлении убежища. Такая регистрация может применяться и к лицам, не способным по состоянию здоровья или в связи с возрастом сообщить информацию о себе, если установить личность другими способами не представляется возможным. По-прежнему все неопознанные трупы должны пройти «принудительную» дактилоскопическую регистрацию (ч. 2 ст. 8).

Законодатели других стран дополняют перечень субъектов обязательной регистрации представителями опасных профессий: все призываемые на военную службу, а также проходящие службу в силовых структурах, налоговой службе, службе судебных приставов, таможенных органах, органах госохраны, уголовно-исполнительной системы, а также профессиональные спасатели, экипажи воздушных судов (ст. 9 Федерального Закона РФ); служащие прокуратуры (п.«g» ч. 1 ст. 10 Закона Республики Молдова); призванные на альтернативную службу, работающие в инспекции охраны животного и растительного мира, органах финансового расследования Комитета госконтроля, на опасных производственных объектах, члены экипажей морских и речных судов (ст. 7 Закона Республики Беларусь); штабах гражданской защиты (ст. 9 Закона ПМР). Определение конкретного перечня должностей, относящихся к опасным профессиям, передано Правительствам. Помимо вышеуказанных лиц основанием для обязательной дактилоскопической регистрации может стать владение источником повышенной опасности, таким как огнестрельное оружие (ч. 3 ст. Закона Республики Таджикистан); холодное и газовое оружие (п. «к» ст. 9 Закона ПМР); автомототранспортные средства (ч. 3 ст. 10 Закона Республики Молдова), а также выезд за рубеж в целях трудоустройства (ч. 4 ст. 10 Закона Республики Молдова).

Отдельные страны расширили круг, подлежащих дактилоскопической регистрации правонарушителей административно арестованными (п. 6 ст. 10 Закона Республики Молдова; п. 1.8. ст. 7 Закона Республики Беларусь; п. 3 ст. 9 Закона ПМР); лицами, состоящими на профилактических учетах в ОВД, в отношении которых применены принудительные меры безопасности и лечения (п. 1.8. ст. 7 Закона Республики Беларусь; п. «з» ст. 9 Закона ПМР); иностранцами, незаконно находящихся на территории страны а также лицами, совершившими любое административное

правонарушение, если установить их личность другим способом невозможно (п. «к» и «ж» ст. 9 Федерального закона РФ). Отмечается и повсеместное исключение из числа дактилоскопируемых лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством. Таджикистан счел возможным избавить от этой процедуры и неосторожных преступников (ст. 6). Дальше всех в расширении круга лиц, подлежащих обязательному дактилоскопированию пошла Республика Абхазия. Еще в 2006 г. там вступил в силу закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Республике Абхазия», согласно которому дактилоскопической регистрации подвергаются все граждане республики при получении паспорта, за исключением лиц, достигших 55 летнего возраста (ст. 7). К сожалению, у нас нет данных об эффективности результатов принятия такого Закона, но это один из регионов бывшего СССР, где создана реальная законодательная предпосылка для внедрения всеобщей дактилоскопической регистрации населения.

Что касается Украины, то в законопроекте от 2001 г. в сравнении с прежним, упомянутым выше проектом Закона «О дактилоскопии», речь уже не идет о всеобъемлющей регистрации, а повторяются положения законодательств соседних стран СНГ: преступники, представители опасных профессией, беженцы, неизвестные больные и неизвестные дети (ст. 11–15, законопроекта) [12]. Новациями отечественного законопроекта следует считать дактилоскопическую проверку кандидатов на выборах (ст. 22 законопроекта) и разрешение на использование дактилоскопической информации в банках и других коммерческих структурах в целях безопасности (ст. 23 законопроекта). Этот проект так и не был принят Верховной Радой [13], и до настоящего времени в нашей стране дактилоскопирование регулируется лишь Законом «О милиции» [14]. В странах Запада уже оценили возможности дактилоскопической регистрации и ее роль в противодействии преступности и в частности терроризму. Несмотря на протесты поборников прав человека, даже в государствах, считающих себя эталоном демократии, сочли необходимым признать, что дактилоскопирование обязательно при выдаче виз на въезд в страну, причем если ранее для этого требовалось получение узоров лишь двух пальцев, то теперь всех десяти [15]. А в Евросоюзе существует директива, согласно которой дактилоскопическая информация всех граждан будет содержаться в их идентификационных документах (в электронном виде), а значит и в специальной базе данных. Регламентирован также и обмен между государствами электронной информацией из дактилоскопических баз данных (пока в режиме «да/нет»). То есть инициатор запроса информируется только о наличии в базе сведений о личности, а все дальнейшие процедуры проходят в рамках договоров о правовой помощи [16]. Что касается вопроса о месте и продолжительности хранения дактилоскопической информации, то законодатели стран СНГ также взяли за основу российский опыт. Хранение основных массивов данных предполагается осуществлять там, где они сейчас и находятся, т.е. в подразделениях МВД. Сроки хранения дактилоскопической информации о лице определены вплоть до достижения им 80-летнего возраста. Для представителей опасных профессий основанием для уничтожения данных может служить также и смерть лица. Дактилоскопические данные должны быть уничтожены в случае прекращения дела в отношении подозреваемого или обвиняемого либо в случае оправдания лица судом в течение 30 суток после вынесения решения (ст. 15 Федерального Закона), а Беларуси не позднее одного года (ст. 15 Закона). Информация, полученная в ходе добровольной дактилоскопической регистрации, уничтожается по заявлению этого лица, либо его законных

представителей. Пальцевые узоры неопознанного трупа хранятся вплоть до установления личности, но не более 10 лет (ст. 13 Закона РФ). Белорусский законодатель срок хранения не ограничивает. Относительно т.н. добровольной дактилоскопической регистрации следует отметить, что ее функционирование, на наш взгляд, целесообразно лишь на переходном этапе. В ходе дискуссии в прямом эфире, организованной нашим университетом посредством телемоста с учеными и практиками Крыма, Луганска и Омска, наши российские коллеги сообщили, что только за девять месяцев 46 тыс. жителей Омска и области обратились в милицию с пожеланием пройти добровольную дактилоскопическую регистрацию, аргументируя свое решение получением возможности быстрой идентификации в случае какой-либо трагедии [17, с. 407]. Признаемся, что в это верится с трудом. Думается, что в ряде случаев это решение было им все-таки навязано. Ведь для целей идентификации можно пройти дактилоскопирование в частном порядке и хранить дактокарту у родственников. Одним из доводов противников широкого внедрения дактилоскопической регистрации является ненадежная охрана дактилоскопической информации в экспертных подразделениях МВД, а значит возможность ее фальсификации и использования в противоправных целях. Мы ознакомились с технологиями копирования пальцевых узоров и возможности неконтролируемого использования этих копий [17, с. 408]. Экспериментально нам удалось изготовить слепки с копиями пальцевых узоров и преодолеть защиту электронных дактилоскопических сканеров. Это подтверждает необходимость серьезной защиты дактилоскопической информации (как технической, так и правовой), но не может служить аргументом для полного отказа от дактилоскопической регистрации. Конечно же, разрешить общий доступ к базе данных дактилоскопической информации, позволяющий идентифицировать сотрудников специальных подразделений милиции, службы безопасности или разведки, было бы неразумно, но и необоснованное дробление массивов по разным ведомствам существенно снизило бы эффективность дактилоскопической регистрации. Идеальным является создание единого центра дактилоскопической информации, но это предложение требует тщательного финансового анализа. Думается, что и сроки хранения дактилоскопической информации, а также требования к ее уничтожению также напрямую связаны с серьезными расходами. Чем чаще придется уничтожать эти сведения и вновь пополнять базу, тем дороже это обойдется. Немаловажным фактором, сдерживающим распространение дактилоскопической регистрации, является и техника ее проведения. Думается, что используемые уже более века приспособления, такие как стекло, типографская краска и бланк дактокарты, устарели и требуют повсеместной замены на бескрасковый «живой сканер», уже широко применяемый за рубежом.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что развитие научно-технического прогресса дает возможность быстрого и простого отождествления личности в повседневной жизни. В целях противодействия преступности и такому опасному ее проявлению, как терроризм, государства вынуждены прибегать к повсеместному внедрению дактилоскопической регистрации. Однако эта задача должна решаться в рамках соблюдения прав человека, без вмешательства в его личную жизнь с соблюдением гарантий охраны конфиденциальной информации. Дактилоскопическую регистрацию необходимо не навязывать административными мерами, а предлагать как выгодную альтернативу при разрешении каких-либо юридических вопросов. Показателен опыт западных стран в облегчении визового режима для лиц с биометрическими паспортами, содержащими дактилоскопические данные. Необходимо

изучение опыта получения такой информации от граждан при выдаче лицензий и разрешений на право пользования источниками повышенной опасности (оружие, транспортные средства), при страховании (жизни, имущества), при получении кредитов и осуществлении крупных сделок. Распространение в быту устройств, использующих дактилоскопическую информацию (замки, датчики доступа к электронным устройствам, банковским счетам, контроль служащих, студентов и т.п.) также позволит, на наш взгляд, снизить настороженность и критическое отношение к дактилоскопической регистрации.

Опыт организации и проведения дактилоскопической регистрации может быть использован и в ходе аналогичной деятельности по внедрению в жизнь новых технологий идентификации личности, таких как отождествление по внешности, строению радужной оболочки глаза или молекулы ДНК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торвальд, Ю. Сто лет криминалистики (пути развития криминалистики) / Ю. Торвальд; пер. с нем. М.Б. Колдаевой; под ред. Н.С. Алексеева. – М. : Прогресс, 1975.

2. Проект Закону України «Про дактилоскопію» 3365 від 18.06.1999 // Верховна Рада України [Электронный ресурс]. – Режим доступу : http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=6306.

3. Хазиев, Ш. Из истории отечественной дактилоскопии / Ш. Хазиев // Бюлл. Рос. отделения Междунар. ассоциации по идентификации. –1996. – № 2.

4. Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Портал «Юридическая Россия». – Режим доступа : http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1267265.

5. Стенограмма заседания государственной Думы РФ от 17.12.1997 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы РФ». – Режим доступа : http://www.cir.ru/docs/duma/302/372515?QueryID=3031050&HighlightQuery=3031050.

6. Закон Республики Таджикистан «О государственной дактилоскопической регистрации» № 830 от 3 сентября 1999 г. [Электронный ресурс] // База данных Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=2250.

7. Закон Азербайджанской Республики от 22 февраля 2000 года № 816-IГ «О государственной дактилоскопической регистрации в Азербайджанской Республике» [Электронный ресурс] //База данных Законодательство стран СНГ. – Режим доступа : http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=2636.

8. Закон Республики Молдова от 19 декабря 2002 года № 1549-XV «О государственной дактилоскопической регистрации» [Электронный ресурс] // База данных Законодательство стран СНГ. – Режим доступа : http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=5111.

9. Закон Республики Беларусь от 04.11.2003 236-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 12.11.2003, 124, 2/985.

10. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 5 ноября 2004 г. № 489-З-III «О государственной дактилоскопической регистрации в Приднестровской Молдавской Республике» [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

http://pravo.ictcorp.biz/go.php?searchname=&searchnumber=&searchdate1=&searchdate2=&searchtext=%E4%E0%EA%F2&ViewScopeSelect=sep&view=&AuthScopeSelect=sep&auth=&page=0.

11. 14 тысяч жителей Абхазии получили национальные паспорта. Опубликовано 18:01 23.08.2006 [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Regnum». – Режим доступа : http://www.regnum.ru/news/693339.html?forprint.

12. Проект Закону України «Про дактилоскопію» 8113 від 20.09.2001 [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. Офіційний Веб-сайт. – Режим доступу : http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=10986.

13. Проект Постанови «Про проекти Законів «Про ідентифікацію особи і про дактилоскопію» 3363/П від 25.09.2000 [Электронный ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступу : http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=9053.

14. Закон України «Про міліцію» // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). – 1991. – № 4. – С.20.

15. Американские власти ужесточают правила въезда для лиц, в первый раз посещающих Соединенные Штаты. Новости дня. 14.07.2005. [Электронный ресурс] // Радио Свобода. – Режим доступа: http://archive.svoboda.org/hotnews/2005/07/14/1.asp.

16. Германия и Австрия приступили к электронному обмену данными об отпечатках пальцев [Электронный ресурс] // Российский биометрический портал. – Режим доступа : http://www.biometrics.ru/print.asp?nItemID=2306.

17. Михайлов, М.А. Международная конференция-телемост «Всеобщее дактилоскопирование населения: утопия или перспектива ближайшего будущего» позволила обменяться мнениями ученым и практикам из Симферополя, Луганска и Омска. // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Юрид. науки». – Т. 21(60). – №2. – С. 406–408.

Mickhailov M.A. **Possibilities of Using of CIS Countries in the Elaboration of Legal Ensuring of Dactyloscopic Registration in the Ukraine**

Due to the absence of the law in the Ukraine, completely regulating dactyloscopic registration, foreign experience of such regulation is analyzed and comparative- legislative analysis of the Laws of CIS countries regulating this activity is done. The notion of dactyloscopic information turnover is given in the article. The inevitability of occurring everywhere of this method and the arising necessity of strictly keeping of human rights is emphasized.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.06.2011

УДК 316.334.4

С.А. Трахимёнок

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: НОРМОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Статья посвящена общетеоретической проблеме оценки эффективности действующих и вновь принимаемых правовых норм в процессе их реализации. Вместе с тем эта проблема не только теоретическая, ее разрешение имеет и непосредственно практическое значение. Нормотворчество рассматривается в контексте правовой идеологии и правовой психологии современного общества, а само право – как подсистема более широкой системы социального управления. Приводится обоснованный вывод о том, что процесс нормотворчества должен содержать стадию контроля эффективности применения принимаемых правовых норм, результаты которого должны побуждать законодателя к их совершенствованию.

Социология вообще и социология права в частности в своем арсенале имеет ряд методов и методик, с помощью которых может осуществляться контроль за результатами правового регулирования. К таковым, в частности, относятся наблюдение, опрос, выборочное обследование, социологические эксперименты, и, конечно, контент-анализ – метод, предполагающий извлечение социологической информации из документальных источников с целью ее последующего исследования. Если вместо документов на бумажных носителях мы в качестве объектов исследования возьмем ряд криминальных сериалов, которые сняты кинематографистами России за последние пятнадцать лет, то можем придти к любопытным выводам.

На экранах телевизоров часто повторяется сериал «Глухарь», в котором герой (следователь милиции) постоянно нарушает закон, берет взятки, злоупотребляет служебным положением, в служебное время занимается решением личных проблем. Однако зрители продолжают любить и сериал, и его героя. Впрочем, феномен этот известен еще с кинофильма «Место встречи изменить нельзя», где обаяние актера В. Высоцкого полностью заслонило нарушения законности его персонажем. Сюда же можно отнести сериалы «Улицы разбитых фонарей», «Менты», потому что зрители видят, что сотрудники «убойного отдела» такие же люди и живут от зарплаты до зарплаты. Что закон не дает им возможности наказать преступников, и они вынуждены бороться с преступностью, «сдавая» одних правонарушителей другим и таким образом реализуя лагерный афоризм советских времен согласно которой «вор вора бьет – сокращает преступность». Создается впечатление, что все правое регулирование, в том числе и в сфере противодействия преступности, существует в некоем идеальном обществе, а в обществе реальном его попросту нет. И все нормы, принимаемые думами, большими и маленькими, палатами верхними и нижними, принимаются для того, чтобы тешить этим самих разработчиков, а в реальной жизни все происходит иначе.

Феномен, о котором идет речь, носит названия недействия, или частичного действия, права, и относится к проблеме эффективности правового регулирования. Как ни странно, но этой проблеме в настоящее время не уделяется не то что должного, а вообще никакого внимания. Последней работой на эту тему значится статья В.В. Кузнецова «Понятие эффективности правовой нормы»[1], написанная в 1977 году. В ней автор, в частности, определяет эффективность как «реальную возможность

наступления положительных результатов при регулировании нормой общественных отношений». Причем автор не согласен с точкой зрения ряда ученых, в частности О.В. Смирнова, о том, что таковыми могут быть последствия регулирования отношений правовой нормой, поскольку они «социальная действительность, но не сама норма» [2]. Правда, автор «мельчит» проблему, сводя ее к одному из аспектов правового регулирования, в частности, прибыльности. Для иллюстрации своих выводов он приводит пример с двумя вариантами правого регулирования транспортировки скота на Слонимском мясокомбинате. С позиций экономии средств выгодным является транспортировка животных специализированными машинами мясокомбината, что уменьшает затраты на перевозку на 44 % по сравнению с перевозкой транспортными средствами производителей продукции животноводства.

Разумеется, теоретически, исходя из «возможности наступления положительных результатов», можно рассчитать эффективность правовой нормы. Но это в том случае, если мы имеем дело с количественными показателями, которые, ко всему, могут иметь денежное выражение. А как быть, если таких эквивалентов нет и не может быть? Иной расчет возможен только при отслеживании последствий правового регулирования и последующей коррекции (совершенствования) нормы. Однако в процедуре принятия нормативных актов такие расчеты, в частности в Беларуси, не заложены (ст.ст. 7, 47–49 Закона «О нормативных правовых актах») [3].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что с тех времен, когда государство начало пользоваться правом для регулирования общественных отношений, оно стало ограничивать мотивационную сферу человека, заставляя его действовать в рамках правовых предписаний. Однако при этом выяснилось, что сама норма права, предписывая тот или иной вариант поведения, никоим образом не воздействует на выбор этого варианта поведения субъектом правоотношений. Выбор определяет отношение к данной норме конкретного субъекта права. А это отношение формируется задолго до того, как человек узнает, что такое право. В данном случае возникают вопросы: какие факторы социальной среды формируют это отношение и способствуют они или препятствуют достижению целей правового регулирования? Что должен соблюдать законодатель при издании законов, чтобы его предписания не остались на бумаге? То есть что должен законодатель принимать в расчет, утверждая ту или иную норму. Ответы на данные вопросы проясняют причины того, почему проблемы эффективности правовых предписаний и их критериев, исследовались в семидесятые годы прошлого века [4–6]. Именно в это время был пик формирования советской системы права, после чего она была сначала дискредитирована в глазах социума, а затем разрушена.

Новое право стало формироваться в условиях совершенно иной по ценностям парадигмы общественного развития. Причем процесс этот осуществляется на основе теоретических конструкций, или, иначе, конструкций правовой идеологии, идеи которой чаще всего возникали на совершенно иной цивилизационной почве. И привносились на советское и постсоветское пространство в процессе так называемой цивилизационной конкуренции. Поскольку указанные идеи брались в западных цивилизациях, то и процесс этот получил название вестернизации. Начался он в период так называемой перестройки, а закончился спустя десять лет после развала СССР.

Разумеется, если в основу системы права положены умозрительные конструкции, не имеющие отношения к почве, на которой осуществляется правовое регулирование, ждать реализации правовых норм в жизни не представляется

возможным. Однако не только это являться основным препятствием достижения целей правового регулирования. Сюда же следует отнести факторы правовой психологии. Здесь следует отметить, что правовая психология – явление гораздо более сложное, чем правовая идеология. Последняя выглядит редуцированно, формируется в рамках юридических научных дисциплин и постоянно транслируется одним поколением юристов другому в стенах высших учебных заведений. Содержание правовой идеологии обуславливается уровнем социально-экономического развития; авторитетом систем государственной власти, социальной структурой общества и национальными традициями. Структура ее более однородна по сравнению с правовой психологией еще и потому, что идеологию определяют формы коллективного сознания, а правовую психологию – индивидуального создания, явления более разнородного, включающего в себя чувства, оценки, переживания по поводу права и всего, что связано со сферой правового регулирования. Кроме того, причиной столь сложной структуры может быть и то, что правовая психология возникает не в рамках деятельности научных школ, а под непосредственным воздействием условий повседневной жизни, и реакция конкретного человека объясняется не только его индивидуальными психоэмоциональными свойствами, но и воздействием мнения окружения.

В идеале процесс нормотворчества, принятия норм должен содержать стадию контроля за эффективностью их применения, цель которой заключается в оценке степени достижения результатов правового регулирования. Данная стадия должно побуждать законодателя к совершенствованию нормы, если цели правового регулирования по тем или иным причинам не достигаются. Общеизвестно, что право реализуется тогда, когда требования правовых норм воплощаются в общественных отношениях. Реализация правовых норм - это такое поведение субъектов права, которое полностью согласуется с предписаниями правовых норм и исходит из них, то есть представляет собой практическую деятельность по приобретению, использованию прав и выполнению юридических обязанностей. Реализация права составляет непосредственный результат правового регулирования, конкретное его проявление. А сам результат может проявиться только в случаях:

а) реального доведения правовых норм и предписаний до сведения субъектов правоотношений;

б) наличия в правовых нормах социально полезных целей;

в) культивирования правом социально полезных образцов поведения;

г) социально-правового контроля.

При этом законодатель должен учитывать особенности социальной среды, в частности факторов, находящихся вне правового регулирования, но являющихся окружением отношений, урегулированных правом, и социальные факторы, органически включенные в сам процесс правового регулирования. Право в данном случае рассматривается как подсистема более широкой системы - системы социального управления. А, следовательно, процесс правового воздействия проходит те же этапы, что и любой управленческий цикл:

а) постановка целей,

б) формулирование задач,

в) действия по их решению,

г) достижение результата.

Оценку достижения цели, то есть получение определенного результата, позволяют фиксировать средства контроля. Он должен осуществляется на протяжении всего времени

реализации решения. После определения степени эффективности решения вырабатываются рекомендации, направленные на его совершенствование корректировку.

В рамках психологического аспекта данной проблемы необходимо получить ответ на вопрос, каким образом право влияет на формирование таких мотивов поведения, которые бы обеспечили соответствие поступков личности моделям предписываемого или дозволяемого поведения, установленных в соответствующих правовых нормах. Так, обеспечение пассивных форм поведения (воздержание от определенных действий) достигается главным образом стимулированием сдерживающих мотивов. Обеспечение активных форм поведения (совершение положительных действий) достигается стимулированием побудительных мотивов.

Ряд ученых, в частности, И.С. Бурикова, А.И. Юрьев, Е.В. Тимошина полагают, и с этим трудно не согласиться, что «сфера государственного правового регулирования не является областью, где позволительно действовать методом проб и ошибок, постоянно изменяя «неудачные» законы теми, которые лишь могут показаться более удачными» [7]. И хотя указанные авторы не делают вывода, он напрашивается сам собой: постоянная корректировка законов снижает авторитет государства и права в глазах населения. Тогда какими же критериями эффективности действия права должен пользоваться законодатель? Названные ученые предлагают считать, что психологические приемы внедрения инноваций или нововведений в организационную сферу вполне уместны в сфере правового регулирования, поскольку «изменения в области законодательства также влияют на человека, сталкивающегося с ними, как и нововведения в его должностных инструкциях на работе» [7]. Таким образом, он должен эти изменения знать и координировать свое поведение в соответствие с ними, поскольку за нарушение их его ждут известные последствия в форме санкций. Но и в первом, и во втором случаях и государство, как и предприятие, должны учитывать. психологические факторы, обеспечивающие успешность внедрения этих изменений. Традиционно их можно условно разделить на две группы.

1. Объективные факторы среды. К данной группе факторов относятся:

а) инновационная политика государства (организации), так как любые принципиально новые введения могут быть успешны только при непрерывном реагировании на изменения в окружающей среде;

б) экономическое состояние, которое может выступать в качестве сдерживающего или ускоряющего фактора в зависимости от типа реформы;

в) особенности конкретной среды. Это самая широкая по своему объему группа факторов, включающая в себя содержание деятельности людей, которых будет касаться данное нововведение, и разнообразную информацию об условиях жизни, труда и т.д.

2. Субъективные факторы среды.

Данная группа факторов является непосредственным объектом изучения психологии и социологии. Сюда относятся:

а) пол и возраст;

б) иные личностные качества;

в) образовательный уровень;

г) степень брайан уошин и т.д.

Перечисленные факторы являются весьма условными, но все же они первых шаг к исследованию причин эффективного или неэффективного правового регулирования общественных отношений. К его необходимости нас подталкивает то, что отношение к праву и явлениям в сфере правового регулирования со стороны социума требует

корректировки принятых вариантов правового регулирования. Сигналы этого содержатся в одобрении представителями социума вариантов незаконного поведения, которые простроены драматургами в сюжетах криминальных телесериалов.

Таким образом, несмотря на то что в законотворчестве доминируют правовые идеи, в частности, установления и функционирования демократических процедур, обеспечения прав и свобод граждан, связанности государства правом на деле их реализация сталкивается со значительными препятствиями, если законодатель не учитывает факторов правовой психологии. А сама правовая психология, не поднимаясь до уровня теоретического обобщения и не обладая способностью глубоко анализировать суть правовых явлений, является главным фактором, без учета которого невозможна реализация правовых идей. Отсюда именно правовая психология является начальной формой правовой идеологии, той почвой, на которой должна вырастать национальная правовая идеология, опирающаяся на специфику отношения к праву большинства населения. И, возвращаясь к контент-анализу криминальных сериалов: поддержка и одобрение зрителем вариантов поведения, которые являются противозаконными, сигнал к коррекции законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов, В.В. Понятие эффективности правовой нормы / В.В. Кузнецов. // Мат. науч. конф. «Правовое регулирование общественных отношений» / Ин-т гос-ва и права. – М., 1977. – С. 88–89.

2. Смирнов, О.В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии / О.В. Смирнов. – М., 1968. – С. 30.

3. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 10 января 2000 года с последующими изменениями дополнениями / Эталон Беларуси / Национальный центр правовой информации.

4. Злобин, Г.А. Об изучении эффективности уголовного наказания в связи в связи с задачей ликвидации преступности в СССР / Г.А. Злобин / Проблемы советского права в период развернутого строительства коммунизма: мат. науч. конф. – Л., 1963. – С. 58.

5. Мамутов, В.К. Эффективность экономических санкций в управлении производством / В.К. Мамутов, Г.А. Знаменский // Хозяйственно-правовые проблемы управления промышленностью. – Донецк, 1972. – С. 30.

6. Пашков, А.С. Эффективность правового регулирования и методы его выявления / А.С. Пашков, Д.М. Чечот // Сов. гос-во и право. – 1965. – № 8. – С. 3.

7. Бурикова, И.С. Психологические проблемы эффективности действия права / И.С. Бурикова, А.И. Юрьев, Е.В. Тимошина. – Режим доступа: http://www.cspdom.ru/public-analit/ppsyhology/82-psy-factors-of-law.

Trakhimenok S. **Post-soviet area: Rule-making and Law Enforcement in the Context of Civilizational Values**

The article is devoted to general theoretic problem of affectivity evaluation of functioning and newly adopted legal norms in the process of their realization and usage. At the same time this problem is not only theoretical; its solution has direct practical meaning. Rule-making is considered in the context of judicial ideology and judicial psychology of modern society, and law itself is considered as a subsystem of wider system of social management; well-founded conclusion about the fact that the process of rule-making should contain the stage of affectivity control of the use of adopted legal norms, which results should induce a lawmaker to their perfection is given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.07.2011

УДК 94 (477.82-2) ”14/15”:339.174

А.В. Бортникова

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ЯРМАРОК В Г. ЛУЦКЕ (КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XVII ВВ.)

На основе анализа документов верховной и местных властей изучается проблема организации ярмарок в городе Луцке в конце XV– начале XVII вв. Предметом исследования стало определение времени, сроков проведения, ассортимента, объема товарооборота, посещаемость луцких ярмарок.

Введение

О динамичном социально-экономическом развитии города Луцка в XV–XVII вв. свидетельствуют многочисленные исторические источники. Среди них распорядительные документы верховной власти, акты Литовской метрики, публично-правовые материалы, прежде всего, луцкие гродские и замковые книги. Со времен Киевской Руси г. Луцк был центром международной торговли. Сфера торгово-экономических связей не ограничивалась внутренними потребностями города, где происходили регулярные ярмарки и торги, а простиралась за территорию Великого княжества Литовского (ВКЛ). На ярмарках в Луцке, как и в других городах, с древних времен торговали солью, воском, волами, конями, зерном, рыбой, мясом, мехами, медом, хмелем, овощами и др. [1, с. 76–78]. В Луцк прибывали иноземные купцы, а луцкие торговцы уже в XV в. отправлялись с товарами в Люблин и Гданьск. Современные украинские исследователи единодушны во мнении о том, что Луцк занимал ведущее место в торговле с западными и северными землями ВКЛ. Это происходило благодаря существующему восточному транзиту, который проходил через Луцк на запад, в Польшу и европейские страны, а также на север, в Белоруссию и Литву. Местные волынские купцы через Луцк поддерживали торговые связи также с Киевом, галицкими городами и Львовом [2, с. 37–38]. Целью статьи является попытка восстановления картины организации и проведения луцких ярмарок с конца XV– до начала XVII вв. На основе исторических источников ставится задача выяснения времени проведения, сроков, посещаемости, товарооборота луцких ярмарок.

Специальных статей по данной проблематике нет. Те работы, которые удалось разыскать, представляют собой исследования по истории торговли и регулирования таможенной системы на Волыни, центром которой был город Луцк [3]. Исследования основываются на использовании разнообразных источников. Интерес к распорядительным документам верховной власти («привилеям», «листам»), а также к местным, в частности луцким и владимирским гродским книгам, регламентирующим процессы развития торговли в регионе, остается неизменно актуальным.

Развитию торговли в городах ВКЛ благоприятствовала организация городского управления на магдебургском праве. В XV в. Луцк совершенствовал систему управления, основанную на нормах этого права. Привилей 31 июля 1497 г. великого князя литовского Александра (1461–1506) свидетельствует о большом внимании к проблеме упорядочения городской жизни, организации в ней торговли. Составной частью привилея стало предписание о проведении в городе трех ярмарок в году [4, с. 12–17]. Их следовало организовывать «согласно обычая»: первую – перед воскресеньем, ближайшим к празднику Вознесения Господнего; вторую – перед

праздником святого Михаила; третью – накануне праздника святой Агнессы. В Великом княжестве Литовском ярмарки проводились накануне, после либо начинались в дни религиозных праздников. Сроки их проведения в городах были разными, они длились, как правило, от 1 дня до 2–4 недель. Привилей 1497 г. отмечал, что каждая ярмарка в Луцке должна длиться неделю и организовываться в следующем порядке: две их них – на православные праздники, третья – на католический праздник.

В городах ВКЛ с магдебургским правом существовал традиционный порядок проведения ярмарок – от двух до трех в течение года. априлеем на магдебургское право Полоцку от 7 октября 1498 г. великий князь литовский Александр разрешил проведение в городе три раза в году двухнедельных ярмарок [5, с. 155]. Город Киев, согласно привилея Жигимонта I Старого от 29 марта 1514 г., имел право проведения двух ежегодных ярмарок [6, с. 56].

Привилей городу Луцку 1497 г. указывал не только время и сроки проведения ярмарок, но и состав их участников. На ярмарках Луцка разрешалось торговать всем купцам, как местным, так и прибывшим в город. Кроме этих ярмарок «никто из купцов без согласия радцев не имел права продавать или покупать в этом городе». В основном речь шла об оптовой торговле, а розничная разрешалась по особому распоряжению местных властей. Устанавливался также одноразовый объем оптовой покупки воска (не менее 4 каменей воска) для иноземных купцов. Это был характерный для магдебургского права запрет розничной торговли для иноземцев – в пользу своего купечества. Так верховная власть поддерживала местных купцов. Исключение составляли торговцы из Вильнюса и Тракая, которые имели такое льготное право в ВКЛ «по особенному разрешению наших предшественников» [7, с. 14]. Привилей предусматривал систему мер по организации торговли в городе. Так, в Луцке разрешалось иметь свои весы (важницу), возле которых следовало соорудить воскобойню. На «отливках-кругах» из воска производителям предписывалось ставить свой знак. Луцкая воскобойня не подчинялась войту. В городе устанавливалась единая мера весов. Ответственность за соблюдением весовых мер возлагалась на войта. Все торговые операции должны были проводиться в городе по образцу города Вильно [8, с. 72–119].

В XVI в. в Луцке в основном сохранялся существующий порядок организации ярмарок, что подтверждается содержанием последующих документов верховной власти. В грамоте Жигимонта-Августа от 29 декабря 1552 г., изданной с целью улучшения хозяйственных «добр», расширения вольностей подданных, кроме других, решался вопрос проведения ярмарок и торгов [9, 22–23]. Документ подтверждал традицию проведения в Луцке трех ярмарок в году. Первую – в день святого Ильи; вторую – святого Семена; третью – на праздник трех королей. Как и ранее, первые две из них должны были проводиться на русские праздники, а третья – на римский. Срок их проведения устанавливался в две недели [10, с. 22].

Итак, принципиальных отличий в организации ярмарок на протяжение полувека не обнаруживается. Во времена Жигимонта-Августа, как и в конце XV в., в Луцке проводились все те же три ярмарки. Но изменились обозначенные документом праздники, во время которых должны были проводиться ярмарки, а также сроки их проведения. Если, согласно привилея на магдебургское право 1497 г. каждая ярмарка длилась неделю, то с 1552 г. на ее проведение отводилось уже две недели. На ярмарках в Луцке разрешалось свободно торговать как местным купцам, так и приезжим. Все они освобождались от уплаты мыта.

Источники середины XVI в. свидетельствуют, что Луцк был одним из центров внутренней и международной торговли ВКЛ. Грамота Жигимонта-Августа от 29 марта 1558 г. сообщала, что на луцких ярмарках торговали турецкие, валашские, армянские, польские и другие купцы [11, с. 24]. В документе особенно подчеркивалось, чтобы в Луцке они торговали оптом, а не в розницу, как на весы, так и «на локоть» (ткани). Отдельные детали проведения ярмарок вырисовываются из местных актовых документов. Так, в этом же году в сообщении вижа луцкого замкового уряда Петра Герецкого, фигурируют луцкий мытник, писарь луцкой коморы Давид Маркович и армянский купец Александр Скиндер, который якобы не уплатил мыта за шафран. Кроме шафрана в акте упоминался чамлит (мягкое легкое ворсистое сукно), которым армянский купец рассчитался с мытником: «далъ *е*му штуку чамлиту» [12].

Город владел так называемым «правом склада» товаров («*в* Л*уц*ку склады издавна бывали усякимъ купцомъ замо*р*скимъ») [13, с. 41]. В связи с этим верховная власть обязывала иностранных и чужеземных купцов транспортировать свои товары через Луцк. Распространенным товаром была соль. В луцкие городские книги 60-х годов XVI в. внесены многочисленные судебные деда, приговоры, в которых сообщалось о прибытии в город с этим товаром купцов из Петркова, городов ВКЛ, в частности Бреста, Пинска, Киева, а также Львова [14]. Проведению регулярных ярмарок в Луцке, как и в других городах Волынской земли, мешали частые эпидемии. Заявление от 25 ноября 1568 г. кременецкого мытника Маэра Мошиевича свидетельствует о том, что прасолы с солью и заграничные купцы с товарами на торги и ярмарки в Волынскую землю не едут из-за «поветр*ея* морового» [15, с. 128].

В Луцке существовали специфические правила торговли, зафиксированные в привилеях на магдебургское право городу. Среди них – использование «луцкой меры». Расписка ключника и городничего Александра Жоравницкого свидетельствует о получении денег за проданную рожь луцкому еврею Еську Мошиевичу. Объем продажи составил 500 мац ржи «меры Луцкой» [16].

Многочисленные акты, посвященные деятельности луцкой мытной коморы, содержат сведения о товарах, которые проходили через Луцк. В листе 1563 г. подскарбия Великого княжества Литовского Остафия Воловича к луцким мытникам обнаруживаем указание о размере мытных сборов с некоторых групп товаров [17, с. 102–104]. Среди них были спиртные напитки и пряности: вино «р*ын*ское», пиво «гда*н*ское», водка («горе*л*ка»), перец, имбирь («и*н*бер»), гвоздика, калган («кгга*л*кган»), шафран, сахар («цукор»). Товары из кож животных: лосей, медведей, зубров, оленей, серны и др. Список включал мелкие товары («дробны*х* речей крамны*х* и купе*ц*ки*х*»): оливки, краски, овощи, шелковые изделия («едвабны*х* речей»), парча («злотоглав»). «Косматые товары» были представлены мехами из соболя, куницы, рыси, лисицы, волков, белок, «сиберок», «росо*м*ак». Ассортимент сукон впечатляет своим разнообразием: сукно «люнское» (лондонское), сукно «по*р*порыяну» (турецкое), сукно «мыши*н*ское», сукно «цвиковъское» (два последних – изготовленные в Германии). Все перечисленные изделия и товары косвенно указывают на торговлю ними на ярмарках города.

Уяснить объемы товарооборота в Луцке позволяет также «устава» Жигимонта-Августа купцам и мытникам ВКЛ. Документ был записан в луцкие гродские книги 1569 г. Разнообразным есть перечень разрешенных для торговли товаров в Луцке и Волынской земле. Действие уставы распространялось на города и замки Волыни.

Кроме этого, документ регулировал установленные мыта на товары, купленные у подданных «его королевское милости» [18].

Привилей Стефана Батория от 22 октября 1576 г. подтверждал городу Луцку магдебургское право, а луцким мещанам – их права и вольности [19, с. 25–27]. Документ давал представление об уровне социально-экономического развития города. Польский король и великий князь литовский констатировал, что мещане исполняют разные повинности в пользу города, активно привлекаются к городскому производству, торговле, развивают собственные промыслы. Подчеркивалось, что в Луцк на ярмарки прибывают иностранные и чужеземные купцы, а это, в свою очередь, требует регулирования отношений между ними и луцкими купцами, а также мещанами.

Среди иноземных купцов, которые бывали на ярмарках Луцка, на особом положении находились торговцы солью («прасолы»), поскольку у них, как подчеркивалось в документе, луцкие мещане, «согласно своих давних вольностей», покупали соль оптом. С этого прасолы платили в скарб «соляное». По давнему обычаю и примеру других королевских городов (Вильна и Киева) в Луцке должны были и в будущем торговать солью, не учреждая никаких иных повинностей. От этой деятельности необходимо было оплачивать в государственную казну только соляное.

Актовые записи 70-х годов XVI в. содержат дела, тексты которых обогащает наши представления о порядках, существующих на ярмарках в Луцке. Например, каменец-подольский купец-мещанин сообщал о том, что Матвей Елович-Малинский не выкупил у него в определенный срок своей заставы (платья) за «турецкого» коня, проданного ему на ярмарке в Луцке. Следующая запись согласуется с действующими в городе нормами магдебургского права. Луцкие мещане, во главе с магистратом, отстаивали свое право на сбор мыта в городе. 14 сентября 1573 г. возный докладывал о недопущении луцким бурмистром Ермолою Чижем к сбору установленного мыта с купцов, которые прибыли на ярмарку в Луцк [20]. Во время проведения ярмарки в следующем году фиксируется жалоба пинского еврея Еськовича, который приехал с товаром на ярмарку и был ограблен панами Яном и Андреем Монтолтами. По поручению луцкого лентвойта, возный провел дознание по этой жалобе [21]. В сентябре 1574 г. пинские мещане, которые прибыли в Луцк на ярмарку, жаловались на ограбление, которое произошло по их словам, по приказу луцкого войта Остафия Малинского [22]. Луцкая ярмарка упоминается в жалобе ловицкого купца Симона Вурменина. Последний жаловался на писаря владимирской мытницы. Речь в жалобе шла о незаконном собирании последним мыта деньгами и сафьянами на дороге из Лович в Луцк [23].

Во время ярмарок для обслуживания населения и торговцев была создана соответствующая инфраструктура, которая включала места складирования и продажи товара, таможни, места по организациии системы мер и весов, охраны порядка, обеспечения решения спорных вопросов и т.д. Источники свидетельствуют, что торговые учреждения в Луцке нередко были объектами нападений и грабежей. Например, 18 сентября 1581 г. пинский мещанин Григорий Дроздович жаловался на берестецкого урядника Андрея Таргонского о том, что во время ярмарки в Луцке последний напал на лавку жалобщика и ограбил у него «два постава» сукна. Возный сообщал, что он вместе с потерпевшим Дроздовичем был у луцкого войта и тот подтвердил факт доставки ему указанного сукна Андреем Таргонским, в результате чего Дроздович «приручил» войту это сукно в 500 коп грошей [24]. Акты фиксируют утвердившийся в городе порядок обращения пострадавших к представителям

городских властей. Луцкий войт отвечал за решение подобных дел. Свидетельством этого есть жалоба бурмистра, радцев, лавников и всех мещан г. Луцка от 8 сентября 1581 г. на лентвойта Якуба Климашевского [25]. Как сообщает документ, во время ярмарок в Луцке лентвойт лично, без местного уряда в своем доме судил мещан и приезжих купцов, брал с них пересуды и незаконные мыта и другие поборы, вопреки привилегиям и вольностям города. Якуб Климашевский собирал поборы в местах, отведенных для хранения товаров. Такими местами назывались следующие коморы: городские ратушные, коморы для гостей и приезжих купцов, для отдельных людей («люде*и* пе*ш*ихъ»), коморы в домах мещан («коморъ домовыхъ мещанскихъ»), а также места-укрытия на рынке («местъ ташныхъ»).

Из письменного донесения возного о произведенном им дознании по этому делу и представленному подробному реестру всех незаконных поборов, осуществленных Якубом Климашевским, представляется возможным дополнить историю проведения ярмарки в Луцке в 1581 г. Ярмарку посетили «гости и купцы» из Кременца, Львова, Кракова, Люблина, Белза, Пинска, Голоб, Острога, Каменца, Ковеля, Владимира. Их товары подверглись ограблению луцким лентвойтом. Реестр награбленного включал меховые изделия («кожухъ барани*и*», «бланъ заячи*и*»), суконные («сермяги») и пряности: перец, имбирь. Как правило, пряностями расплачивались за торговое место на ярмарке. Так, аптекарь Валентий за место торговли на ярмарке заплатил фунт перца («Вале*нти и* аптека*р* о*т* мистца фун*т* перцу да*л*»). Документ позволяет локализовать место проведения луцких ярмарок. В 1581 г. место организации луцкой ярмарки определялось территорией, близлежащей «у аптекаря». Мещане-ремесленники торговали на этой ярмарке поясами. Этими изделиями и деньгами они также расплатились с лентвойтом Климашевским.

Как видно из документов, датируемых 1592 г., злоупотребление властью со стороны местных чиновников было распространенным явлением. Купцы могилевские, слуцкие, витебские, виленские, пинские и минские обратились в луцкий господарский замковый уряд, к подстаростию Щасному Галезскому с жалобой на «державцу мыт Волынской земли» Яна Харлинского о незаконном собирании мыт с их товаров, привезенных на луцкую ярмарку [26, с. 226–227]. Купцы выражали недовольство нарушением королевских вольностей, предоставленных этому городу на проведение ярмарок. Волынский мытник незаконно собирал деньгами и товарами так называемое «волынское мыто». Среди товаров, отчужденных у могилевского купца, были верхняя одежда («опене*ч*»), толстые кожи («юх*т*») в сумме 150 грошей литовских. Два витебских купца сообщали, что в нарушение своих прав и вольностей они вынуждены были отдать беличью шубу, заячий мех («хутро заячее») и «г*р*ше*и* готовы*х* золоты*и*».

В этом же 1592 г. луцкая ярмарка, как и ранее, началась в праздник святого Семена «свята русъкого», т.е. 1 сентября. По инициативе львовских купцов на луцком гродском уряде были незаконно арестованы товары купцов из Кракова. Такими действиями львовские купцы стремились не допустить к торговле в Луцке краковских купцов: «абы е*с*мо, на я*рм*а*р*ку Луцкомъ не торговали». Событие стало исключением из правил, поскольку, как отмечалось в акте, «на я*рм*а*р*ку Луцкомъ во*л*ны*м* того никгды не бывало» [27, с. 226–227]. После разбирательства и вмешательства луцких урядников, старосты и подстаростия, арест на упоминаемые товары был снят («съ того аре*с*ту во*л*ны*х* учинили»). За незаконные действия львовские купцы возмещали потерпевшим 10 тысяч золотых польских. Этот факт указывает на высокий уровень

конкуренции между представителями торговых слоев двух крупных городов, на борьбу за рынки сбыта товаров.

Распространенным явлением тех лет были разбойные нападения и грабежи людей, которые занимались торговлей. Не стал исключением и Луцк, о чем свидетельствует жалоба двух краковских купцов-евреев Зрайла и Изаиаша Изаиашевичей, внесенная во Владимирские гродские книги 1599 года [28]. Источник сообщает о нападении на дороге под Владимиром двух неизвестных на краковских купцов-евреев, которые возвращались с луцкой ярмарки. Грабители отобрали драгоценности и ювелирные изделия. Поскольку грабеж состоялся у лиц, которые возвращались из Луцка, можно предположить, что этими товарами они торговали на луцкой ярмарке. Перечень награбленного поражает: два сундука с драгоценностями («скрынек две»). В одном из них находились камни: четыре рубиновых, два изумрудных, несколько жемчугов. В ином – пять бриллиантов, три драгоценных жемчуга. Среди награбленного (здесь – «клеиноты») зафиксировано: несколько чешских бриллиантов; женский браслет («манеле») с восемью рубинами и шестнадцатью жемчугами; десять колец с дорогими бриллиантами, рубинами и изумрудами; четыре перстня, один с жемчугом, два с еврейскими гербами, а четвертый обручальный; пять пар серебряных браслетов; четыре серебряных позолоченных ложки; две серебряные ложки; серебряный позолоченный кубок с крышкой; старые дорогие изделия из драгоценных камней («пунталов старых»); денег («готовых пенезеи») двести шестьдесят золотых польских; несколько лотов жемчуга; семьдесят соболей; постав дорогой ткани («мухояру бурнатного»).

Яркой иллюстрацией порядка и процедуры проведения луцких ярмарок начала XVII столетия есть жалоба луцких мещан на луцкого старосту Николая Семашка, записанная во Владимирские гродские книги 1608 года [29, с. 245–247]. В ней сообщалось о незаконном сборе «нового» мыта с иноземных купцов, которые привозили товары на луцкую ярмарку. Ассортимент привозимых товаров был традиционным, дополнение его в этом документе просматривается лишь указанием на торговлю конями и волами, торговля которыми была развитой на Волыни. Документ воссоздает картину проведения ярмарки по установленным и подтвержденным королями и великими князьями правилам. Ярмарка длилась две недели, начиная с 1 сентября православного праздника святого Семена. Ее участниками были купцы «з розных краюв», то есть львовские, армянские, люблинские, купцы с других городов Речи Посполитой («з розных местъ коронныхъ»): Пинска, Могилева, Киева, Острога.

Ярмарка открылась в полдень. О ее открытии звоном на ратуше оповещал бургграбий и наместник луцкого подстаростия Адам Ольшамовский («в звонок ратушныи о године полуднево на ярмарокъ зазвонено»). Согласно древнему обычаю («з стародавного звычаю»), ярмарка открылась в среду по римскому календарю 10 сентября 1608 г. Купцы въезжали в город чрез замковые башни («до места в брамы купцы уеждчали почали»). В Луцком замке было три башни: «над рекою Стыром» (Стыровая), «Новая брама» (или Въездная), «Святого крыжа» (или Владыческая). За въезд гайдуки от красенских бояр собирали с каждого коня и купца по три гроша польских, такую же оплату брали за въезд на мост через Глушец. После окончания ярмарки при выезде с города вновь собирали «по три грошеи полских от каждого коня у кождого купца брали».

8 июня 1618 года Луцким гродским судом была принята устава цен для торговли на рынках городов Волынского воеводства, а также в главном его городе Луцке.

Ответственность за соблюдение установленных мер и цен возлагалась на волынского подвоеводу Войтеха Милачевского [30, с. 263–265]. Перечень товаров оставался стабильным.

Заключение

Многообразные документы свидетельствуют о том, что Луцк был одним из центров внутренней и внешней торговли. Как и в других городах ВКЛ и Речи Посполитой, здесь основной формой торговли были ярмарки, которые проводились регулярно. Источники позволяют реконструировать порядок их организации и проведения. Последние устанавливались верховной властью распорядительными документами в виде «привилеев» и «листов». Периодичность проведения луцких ярмарок стабильна – три в году. Время и сроки их проведения сохранялись до XVII в. Две из них организовывались на православные праздники, одна – на католический. В середине XVI в. время проведения ярмарок было перенесено на другие праздники. Присутствие «торговых людей» на луцких ярмарках довольно представительное: их посещали чужеземные и иностранные купцы из Речи Посполитой, ВКЛ, Валахии, Галицких земель. Ассортимент товаров на ярмарках города также достаточно разнообразен: на внутреннем рынке преобладали соль, воск, скот, рыба, сукно, зерно, мед, кожи, и др. Из города вывозили меха, збрую, скот, коней, мед, медь, серебро. Таким образом, на внутреннем и внешнем рынках Луцка преобладали товары местного сельскохозяйственного и ремесленного производства, а также товары первой необходимости. Не редкостью была торговля драгоценными товарами, предметами роскоши и пряностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витяг з твору Михайла Литвина «Про звичаї татар, литовців і московитів» [1550 р.] // Торгівля на Україні XVI – середина XVII століття. Волинь і Наддніпрянщина. – К. : Наук. думка, 1990. – С. 76–78.

2. Сидоренко, О.Ф. Київське право складу: до питання про правові основи розвитку торгівлі у середньовічній Україні (IX – половина XVII ст.) / О.Ф. Сидоренко // Середньовічна Україна. Зб. наук. праць. Вип.1. – К. : Наук. думка, 1994. – С. 37–38.

3. Боряк, Г.В. Торговельні шляхи на Волині в першій половині XVI ст. / Г.В. Боряк // Минуле і сучасні Волині: Тези доповідей і повідомлень Волинської регіональной історико-краєзнавчої конф. 26–28 вересня 1985 р. – Луцьк : Вежа, 1985. – С. 168–172; Бортнікова, А.В. «Вирок» Казимира Ягелончика 1480 р. як джерело з історії митної політики на Волині / А.В. Бортнікова // Наук. вісник Волинського нац. ун-ту ім. Лесі Українки.– № 1. Істор. науки. – Луцьк, 2010. – С. 17–22; Жеребцова, Л. Волинь у торгових комунікаціях середини XII – поч. XVII ст.: деякі аспекти регламентації торгівлі / Л. Жеребцова // Україн. істор. зб. – К., 2005. – Вип. 8. – С. 75–83; Жеребцова, Л. Формування митної системи на українських землях Великого князівства Литовського: джерела і методи дослідження: дис. … канд. іст. наук / Л. Жеребцова. – Дніпропетровськ, 2008. – 205 с.

4. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссиею для разбора древних актов, учрежденной при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (АЮЗР). Ч. 5. Акты о городах (1432–1798). – Т. 1. – Киев : Унив. тип., 1869. – С. 12–17.

5. Полоцкие грамоты XIII–XVI вв.: в 5 т. / Изд. А. Л. Хорошкевич. – М., 1977–1985. – Т. 2. – С. 155.

6. Білоус, Н. Київ наприкінці XV – у перш. пол. XVII ст. Міська влада і самоврядування / Н. Білоус. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – С. 56.
7. АЮЗР. Ч. 5. – Т. 1. – С.14.
8. Bardach, J. O dawnej i niedawnej Litwie/ J. Bardach. – Poznań : Wyd-wo nauk. Un-tu im. Adama Mickiewicza, 1998. – S. 72–119.
9. АЮЗР. Ч. 5. – Т. 1. – С. 22–23.
10. АЮЗР. Ч. 5. – Т. 1. – С. 22.
11. АЮЗР. Ч. 5. – Т. 1. – С. 24.
12. Центральний державний історичний архів України (ЦДІАУК). – Фонд 25: Луцький гродський суд. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 577.
13. Витяг зі статейного списку посольства вел. кн. Івана Васильовича до вел кн. Олександра з розясненням причин затримки в м. Києві посольства до Москви і купців турецького султана Баязета II. № 25. 1496 р. [Москва] // Торгівля на Україні XVI – сер. XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина. – С. 41.
14. Луцкая гродская, записовая, поточная и декретовая книга 1564 года. – № 2038. – С.11, 16; Опись книги Луцкой гродской записовой и поточной 1578 г. № 2052. – С. 6 // ЦДІАУК. – Ф. 25. Оп. 1. – Д. 480. Л. 64об., 105; Спр. 480. – Л. 231, Л. 241.
15. Торгівля на Україні XVI – сер. XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина. – С. 128.
16. Луцкая гродская, записавая, поточная, и декретовая 1571 года № 2045. – С. 55 // ЦДІАУК. – Фонд 25. – Оп.1. – Д. 534. – Л. 446об.
17. Торгівля на Україні XVI – сер. XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина. – С. 103–104.
18. ЦДІАУК. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 670об–673.
19. АЮЗР. Ч .5. – Т. 1. – С. 25–27 .
20. Опись актовой книги Киевского центрального архива № 2047. Луцкая гродская, записовая, поточная и декретовая книга 1573 г. / Сост. О.И. Левицкий. – С. 48.; (ориг. ЦДИАУК. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 535. – Л. 369об, 371).
21. ЦДІАУК. – Фонд 25. – Оп. 1. Д. 535. – Л. 321об, 322.
22. ЦДІАУК. –Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 535. – Л. 335.
23. ЦДІАУК. – Фонд 28. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 190–190об.
24. Опись актовой книги Киевского центрального архива № 2059. Луцкая гродская поточная и записовая книга 1581 г. / Сост. М.Н. Ясинский. – С. 12.; (ориг. ЦДИАУК. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 535. – Л. 115об, 116.
25. ЦДІАУК. – Фонд 25.– Оп. 1.– Д. 25. – Л. 88–93об.
26. Торгівля на Україні XVI – сер. XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина. – С. 226–227.
27. Торгівля на Україні XVI – сер. XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина. – С. 226–227.
28. ЦДІАУК. – Фонд. 28. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 513об.–515.
29. Торгівля на Україні XVI – сер. XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина. – С. 245–247.
30. –Торгівля на Україні XVI – сер. XVII ст. Волинь і Наддніпрянщина.– С. 263–265.

Bortnikova F.V. **Arraugement and Organizinp Fairs in Lutsk (the end of XV-beginning of XVII centuries)**

Based on the documents of the supreme power the problem of organizing trade fairs in the Lutsk town is studied from the end of XV – beginning of XVII centuries. In order to determine the time, duration terms, attendance of Lutsk fairs, as well as determining the volume of trade, different kinds of archive documents are analyzed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.03.2011

УДК 930

І.І. Шаўчук

З ГІСТОРЫІ СТВАРЭННЯ БЕЛАРУСКАЙ САВЕЦКАЙ ЭНЦЫКЛАПЕДЫІ

У артыкуле на падставе апублікаваных і не ўведзеных у навуковы абарот архіўных матэрыялаў разглядаецца важнае, з пункту гледжання развіцця навукі і культуры БССР, пытанне аб незавершаных спробах выдання нацыянальнай універсальнай энцыклапедыі. Упершыню прычынамі няўдач вызначаюцца не толькі і не столькі палітычныя рэпрэсіі, пачатак Вялікай Айчыннай вайны, колькі іншыя фактары, перадусім мэтазгоднасць (матываваная эканамічнымі і палітычнымі прычынамі) яе з'яўлення ў рэаліях 1930-х гадоў.

Сёння і навукоўцам і грамадскасці добра вядомы плён працы выдавецтва «Беларуская энцыклапедыя». Ёй ужо да другой паловы 1990-х гадоў было здзейснена больш за 500 выданняў. Сярод іх – 18-томная «Беларуская энцыклапедыя», 6-томная «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», 2-томнае «Вялікае княства Літоўскае», энцыклапедычны даведнік «Беларусь», «Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі» і многае іншае.

Разам з тым, калі нехта зацікавіцца гісторыяй стварэння рэдакцыі Беларускай энцыклапедыі, папярэдніцай якой была «Беларуская Савецкая энцыклапедыя» (БСЭ, БелСЭ), то паўсюдна можа сустрэць вельмі сціслую інфармацыю, якая прыводзіцца ў адпаведных публікацыях. Яна зводзіцца, як правіла, да наступнага: «Выдавецтва Беларуская савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі» створана ў студзені 1967 г. як галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі Акадэміі навук БССР на правах навукова-даследчага інстытута. У сістэме дзяржкамвыдата са студзеня 1975 г. У 1980 г.пераўтворана ў выдавецтва, якое захавала функцыйную структуру і статус навуковай установы; ёй нададзена імя заснавальніка і першага галоўнага рэдактара энцыклапедыі народнага паэта Беларусі акадэміка АН БССР П.У. Броўкі» [1]. Некалькі пашырана, але зноў жа з 1967 г., яна акрэсліваецца і ў артыкуле І.П. Хаўратовіча [2], і ў найноўшых выданнях.

Тым не менш згадкі пра даваенныя спробы стварэння нацыянальнай энцыклапедыі ў навуковай літаратуры сустракаюцца. У.М. Міхнюк у 1985 г. адзначаў, што падрыхтоўчая праца па стварэнні БелСЭ разгарнулася з 1932 г. у адпаведнасці з пастановай аб'яднанага пленума ЦК і ЦКК КП(б)Б. Ён пісаў пра меркаваны аб'ём ў 10 тамоў, пра выпуск «праекта слоўніка па гісторыі Беларусі, гісторыі Расіі, усеагульнай гісторыі». Прычынай спынення працы па выданні энцыклапедыі даследчык лічыў, аднак, пачатак Вялікай Айчыннай вайны [3, с. 70]. Памылковая выснова тлумачыцца, відавочна, часам напісання згаданай працы, калі аўтар не мог, ведаючы архіўны матэрыял (а, як вынікае з манаграфіі, ён яго ведаў), з прычынаў палітычнага характару апублікаваць матывацыю закрыцця рэдакцыі БСЭ, выкладзеную ў рашэннях ЦК КП(б)Б. Разам з тым амаль праз дваццаць пяць гадоў пасля У.М. Міхнюка У. Саламаха ў інтэрв'ю газеце «Звязда» сцвярджае: «Крыўдна, што па розных прычынах, адна з іх вайна…» планы па рэалізацыі БСЭ не ажыццявіліся [4].

Большая ўвага даваенным спробам стварэння нацыянальнай энцыклапедыі нададзена газетным артыкулам у «Советской Белоруссии», які пабачыў свет у 2002 г. Ён утрымлівае значны фактычны матэрыял, а таму добра аргументаваны і цікавы сваёй

фактурай. Гэта не здзіўляе, таму што сааўтарам тут выступае кіраўнік Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь В.Д. Селяменеў [5]. З.В. Шыбека [6, с. 291], магчыма, выкарыстоўваючы даныя гэтага артыкула, і М.П. Касцюк [7, с. 340], грунтуючыся на яго інфармацыі, у сваіх публікацыях таксама надалі некаторую ўвагу дадзенаму аспекту гісторыі навуковага будаўніцтва ў БССР у 1930-я гады.

Калі З.В. Шыбека толькі канстатуе спыненне падрыхтоўкі да друку «10-томнай Беларускай энцыклапедыі (без слова «савецкай» – І.Ш.), якая папулярызавала… «ворагаў народа», то М.П. Касцюк у пятым томе «Гісторыі Беларусі» падрабязней спыняецца на даваенных спробах стварэння БелСЭ. Дарэчы, і газетную, і апошнія дзве публікацыі, незалежна ад іх аб'ёму, аб'ядноўвае аднолькавы падыход у вызначэнні прычын спынення працы па рэалізацыі дадзенага выдання. Усе яны такой прычынай бачаць выключна палітычныя рэпрэсіі ў дачыненні да навукоўцаў увогуле і да супрацоўнікаў рэдакцыі Беларускай савецкай энцыклапедыі ў прыватнасці.

Нам падобнае тлумачэнне не падаецца вычарпальным. Таму, улічваючы напрацоўкі папярэдніх аўтараў і свае ўласныя, уяўляецца магчымым яшчэ раз, з прыцягненнем неапублікаванага архіўнага матэрыялу, звярнуцца да ўзнятага пытання, паколькі яно дазваляе лепш зразумець сучасны стан айчыннай навукі і культуры праз асвятленне перыяду, калі закладаліся іх падмуркі.

Вядома, што наяўнасць нацыянальнай энцыклапедыі, прынамсі ўніверсальнай, з'яўляецца своеасаблівым індыкатарам культурнага і навуковага ўзроўню развіцця кожнага народа. У Расійскай імперыі такія энцыклапедыі ствараліся ў XIX – пач. XX ст. (найбольш буйная і вядомая энцыклапедыя Ф.А. Бракгаўза і І.А. Эфрона – «Энцыклапедычны слоўнік» у 86 тамах, надрукаваны ў 1890–1907 г., а таксама выданне з той жа назвай братоў Гранат). Пасля перамогі Кастрычніка і трывалага ўсталявання новай улады паўстала задача стварэння іх новага савецкага варыянта. 13 лютага 1925 г. пастановай ЦК УКП(б) і ЦВК СССР створана акцыянернае таварыства «Дзяржаўнае навуковае выдавецтва «Савецкая энцыклапедыя», якое распачала падрыхтоўку да першага выдання «Вялікай савецкай энцыклапедыі», першыя кнігі якой сталі выходзіць з друку ў 1926 г. Роўналежна з ёй у 1928–1931 гг. ажыццяўлялася першае выданне «Малой савецкай энцыклапедыі» у 10 тамах.

У паслякастрычніцкі перыяд розныя захады па фарміраванні навуковага комплексу ў БССР праводзілася даволі часта паводле прыкладу, які давала РСФСР з улікам мясцовых асаблівасцяў, абумоўленых станам кадравага патэнцыялу, наяўнай сістэмай навукова-даследчых устаноў, узроўнем, геаграфіяй і накірункамі вышэйшай адукацыі і г.д. У выніку многія мерапрыемствы гэтага кшталту ажыццяўляліся ў рэспубліцы з некаторым спазненнем. Нягледзячы на такое перайманне, расійскі прыклад часта дабратворна ўплываў на развіццё інтэлектуальнай сітуацыі ў Беларусі.

Напрыклад, БелАН спрабавала ў канцы 1920-х гадоў стварыць сваю энцыклапедыю, праўда, толькі літаратурную. Гэта і зразумела. Менавіта ў 1920-я гады адбыўся «выбух» літаратурнай творчасці. Пісьменнікі і паэты выконвалі не толькі чыста мастацкую функцыю. Яны адыгрывалі важную ролю ў навуковым, грамадскім жыцці, у працэсах сцвярджэння беларусаў як нацыі. Ужо да вясны 1929 г. працавала рэдкалегія Літаратурнай энцыклапедыі. Увогуле, яе правобразам можна лічыць камісію для складання біяграфічнага слоўніка пісьменнікаў, якая дзейнічала ў складзе Інбелкульта. Але, сутыкнуўшыся з такой аб'ёмнай і цяжкай для навуковага выканання справай, члены Прэзідыума БАН зразумелі, што сваімі сіламі Акадэмія з напісаннем энцыклапедыі не справіцца. Таму 7 мая 1929 г. яны вырашалі прасіць Наркамат асветы

стварыць адпаведную агульнарэспубліканскую камісію. Апошняя, на думку Ў.М. Ігнатоўскага, М.І. Бялугі, С.М. Некрашэвіча, В.Ю. Ластоўскага, П.В. Трамповіча, павінна будзе скласці спіс пісьменнікаў для ўключэння ў энцыклапедыю, узяць на сябе вырашэнне арганізацыйных пытанняў і рэдагаванне матэрыялаў. Прапаноўвалася ўвесці ў склад камісіі прадстаўнікоў «кафедры літаратурнай камісіі» (кафедры гісторыі беларускай літаратуры з камісіяй па выданні твораў беларускіх пісьменнікаў) БАН, літаратурнай секцыі навуковага таварыства БДУ, Таварыства марксістаў, пісьменніцкіх аб'яднанняў «Полымя», «Узвышша», БелАПП [8, арк. 51–52]. Падзеі, якія пачалі неўзабаве разгортвацца ў СССР і ў тым ліку ў БССР, не спрыялі рэалізацыі пастаўленай мэты.

Пазней, пасля змены палітычнай сітуацыі ў краіне і кіраўніцтве БАН, «энцыклапедычныя» задачы фармуляваліся ў іншым, больш шырокім, рэчышчы. Так, 15 верасня 1931 г. Прэзідыум Беларускай Акадэміі навук заслухаў комплексную інфармацыю П.Я. Панкевіча аб стварэнні камісіі для рэцэнзавання матэрыялаў пра БССР, якія змяшчаліся ў розных энцыклапедычных выданнях СССР, а таксама аб «падрыхтоўцы выдання Беларускай Савецкай Энцыклапедыі». У выніку было прынятае рашэнне стварыць «тройку» ў складзе П.В. Горына, П.Я. Панкевіча і А.А. Сянкевіча, якой даручалася на працягу двух тыдняў падрыхтаваць свае прапановы [9, арк. 42]. Думаецца, дадзенае рашэнне не было выключна ініцыятывай Акадэміі. На гэта ўказвае тагачасная тэндэнцыя ўзмацнення аднаасобнага кіраўніцтва ў навуцы (у дадзеным выпадку П.В. Горына як Прэзідэнта БАН), а таксама тое, што апошні фактычна з'яўляўся «рукой партыі» ў беларускай акадэмічнай навуцы пасля падзей 1930 г. («Саюз вызвалення Беларусі»). Такім чынам, вынікі паседжання 15 верасня можна разглядаць як партыйны «зандаж» магчымасці выканання адказнай задачы, пастаўленай у новых палітычных і навукова-арганізацыйных умовах.

У.М. Міхнюк у 1985 г. пісаў, што ў выніку пастановы сакавіцкага (1932 г.) аб'яднанага пленума ЦК і ЦКК КП(б)Б разгарнулася праца па стварэнні БелСЭ [3, с. 70]. Канкрэтнае рашэнне бюро ЦК КП(б)Б ужо аб выданні першага тома ў 1934 г. мела месца 21 красавіка таго ж года. Галоўным рэдактарам быў прызначаны Прэзідэнт БАН П.В. Горын, намеснікамі – Ц.Л. Бурстын, Т.Ф. Домбаль, М.Л. Мешчаракоў, В.К. Шчарбакоў. Усяго ў склад рэдакцыйнага савета БСЭ ЦК рэспубліканскай партыйнай арганізацыі прызначыў 26 чалавек [5].

У тым жа 1934 г. справаздача Акадэміі навук, падрыхтаваная да XIV з'езда Саветаў БССР, паведамляла пра разгорнутую працу па падрыхтоўцы першых тамоў энцыклапедыі на літары «А» і «Б». Адбыліся некаторыя кадравыя змены: у склад намеснікаў замест В.К. Шчарбакова ўведзены С.Я. Вальфсон (відаць, у сувязі з паспяховым выкананнем задачы па разгрому беларускіх «нацдэмаў»). Меркавалася, што Беларуская савецкая энцыклапедыя будзе прадстаўляць звесткі па ўсіх галінах ведаў, надаючы асаблівую ўвагу пытанням гісторыі, гаспадаркі і культуры Беларусі. Аб'ём выдання вызначаўся ў 10 тамоў, якія павінны былі ўтрымліваць 45 000 тэрмінаў і складацца з агульнай колькасці 3 млн. 200 тыс. слоў, што пацвярджалася і ў 1935 г. Да ўдзелу ў працы былі прыцягнутыя 200 вучоных, прычым не толькі з БССР, але і з іншых рэспублік Савецкага Саюза [10, арк. 29]. Неўзабаве, 29 мая 1936 г., склад галоўнай рэдакцыі быў зменены. Галоўным рэдактарам зацверджаны новы Прэзідэнт Акадэміі навук І.З. Сурта, яго намеснікам – С.Я. Вальфсон, членамі рэдакцыі – М.Ф. Гікала, Д.І. Валковіч, М.М. Галадзед, Д.Ю. Конік, А.Р. Чарвякоў, А.І. Дзякаў [5].

Дакладная запіска С.Я. Вальфсона «Кароткія звесткі па выданні БелСЭ», пасланая ў ЦК КП(б)Б 27 мая 1936 г., паведамляла ўжо пра 43 000 запланаваных

тэрмінаў для змяшчэння ў энцыклапедыі і 16 тэматычных слоўніках, што ўяўляла сабой першы вопыт у выданні слоўнікаў падобнага кшталту. Хаця у 1935 г. паведамлялася пра выпуск 49 слоўнікаў, у тым ліку 26 – па сацыяльных і гуманітарных галінах ведаў [12]. У прыватнасці, пабачылі свет слоўнікі па ўсеагульнай гісторыі, археалогіі і антрапалогіі, гісторыі Беларусі, Расіі, народаў СССР, Усходу, міфалогіі, мовазнаўстве, філасофіі, найноўшай гісторыі і сучаснай палітыцы Захаду, па беларускай, польскай, латышскай, літоўскай, яўрэйскай літаратурах і інш. [11–14]. Пры змяншэнні колькасці артыкулаў значна павялічыўся аўтарскі склад, прыцягнуты да ўдзелу ў напісанні БСЭ да 450 чалавек, сярод якіх «буйныя вучоныя СССР, БССР і наш навуковы маладняк». Першы том з 3 002 артыкуламі быў здадзены ў набор у снежні 1935 г. Але Прэзідыум БАН абавязаў выдавецтва Акадэміі, відавочна, ў чарговы раз «прыступіць да набору» толькі 15 красавіка 1936 г. [15, арк. 40]. Адначасова праводзілася праца па падрыхтоўцы другога тома, 82 % якой было завершана. Тым не менш Прэзідыум Акадэміі навук 3 мая 1937 г. усё яшчэ прапаноўваў «скончыць вёрстку тэксту» да 7 мая гэтага года [16, арк. 56].

Усплёск цікавасці да становішча БелСЭ ініцыяваны быў, верагодна, артыкулам «Забытае рашэнне» ў цэнтральным партыйным друкаваным органе газеце «Правда», апублікаваным 21 сакавіка 1937 г. (невялікая крытычная нататка, змешчаная на апошняй старонцы). У выніку сітуацыя з выданнем стала прадметам абмеркавання на пасяджэнні СНК БССР 8–9 красавіка 1937 г. Газетная крытыка прызнана правільнай, а пастанова скончыць друкаванне першага тому да 11 ліпеня 1937 г. [17, арк. 206] амаль праз месяц прынята да выканання Прэзідыумам Акадэміі навук.

У дадзеным выпадку мы пакінем па-за ўвагай сцвярджэнні аўтараў артыкула ў «Советской Беларуси» пра акадэміка АН БССР С.Я. Вальфсона як «наіўную душу», пра тое, што ён спрабаваў «пажаліцца калегам на цэнзурныя цяжкасці» (С.Я. Вальфсон – аўтар большасці тэкстаў і кіраўнік брыгады кафедры марксізму-ленінізму БАН па напісанні сумнавядомай «Навукі» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі» і іншых падобнага кшталту пагромных публікацый на працягу 1930-х гадоў – І.Ш.). Наадварот, ён з з пачуццём выкананага абавязку і бальшавіцкім задорам інфармуе і калег, і ЦК: кожны артыкул праходзіць мінімум праз 4 інстанцыі, у большасці выпадкаў колькасць інстанцый даходзіць да 6–7. Меліся выпадкі, што патрабавалася трох- і чатырохразовая праўка артыкула [5; 18, арк. 110]. Гэтыя выказванні, як і сцвярджэнні пра «сівавалосых акадэмікаў» (сярэдні ўзрост акадэмікаў на момант арышту ці скасавання галоўнай рэдакцыі БСЭ складаў прыблізна 50 гадоў [19]); пра разгортванне першых палітычных працэсаў «над ворагамі народа» з 1937 г. (у 2002 г. было добра вядома, што першым масавым палітычным працэсам у БССР стаў у 1930 г. «Саюз вызвалення Беларусі», што ў РСФСР і УССР такія мерапрыемствы ажыццяўляліся яшчэ раней), можна аднесці на конт журналісцкай схільнасці да прыгожай фразы і ёмістага слова.

Аднак катэгарычнае сцверджанне пра рэпрэсіі як адзіную прычыну спынення выдання БелСЭ патрабуе да сябе больш шчыльнай ўвагі. І без рэпрэсій колькасць навуковых і навукова-педагагічных работнікаў у БССР была невялікай. Так, да канца 1927 г. рэспубліка налічвала 403 навукоўца [20, с. 29], на пачатку 1931 г. – 734 (11 акадэмікаў, 104 прафесары, 92 дацэнты, 66 вучоных спецыялістаў, 155 навуковых супрацоўнікаў, 306 асістэнтаў). З іх усіх 300 чалавек мелі сярэднюю і два ніжэйшую адукацыю [21, с. 36]. У апошнім годзе першай пяцігодкі ва ўсіх НДУ не хапала, па «сціплых» падліках, каля 500 навуковых работнікаў [22]. Дайшло да скарачэння фонду зарплаты 1931 і 1932 гг., абумоўленага часовым некамплектам штатаў

1931 года [23, арк. 85адв.]. Яшчэ ў 1928 г. пры планаванні падрыхтоўкі навуковых кадраў іх рост за пяцігодку прадугледжваўся з 598 да 2 120 чалавек і да 3 300 у 1935/36 г. [24, арк. 103]. Аднак у канцы 1932 г. колькасць вучоных выросла толькі да 1 600 [20, с. 31], на пачатку 1935 г. паменшала да 1 358 [25], а ў 1938 г. склала 1 263 навуковых і навукова-педагагічных работніка [26, с. 123].

Зразумела, вялікі адбітак на дадзенае становішча рабілі рэпрэсіі. Так, толькі ў першай палове 1933 г. у акадэмічным Інстытуце гісторыі звольнілі 5 чалавек, Інстытуце мовазнаўства, Інстытуце літаратуры і мастацтва, Інстытуце філасофіі – па 4, яўрэйскім і польскім інстытутах – адпаведна 3 і 1, яшчэ 23 – з іншых інстытутаў [27, арк. 2]. У спісе арыштаваных у 1936 г. зафіксавана 18 чалавек па ўсіх спецыяльнасцях; за першыя шэсць месяцаў 1937 г. – 8 [28, арк. 3]. Увосень 1936 г. прэзідэнт Акадэміі інфармаваў ЦК КП(б)Б: «Між іншым, становішча з работнікамі ў інстытутах філасофіі і права, эканомікі, літаратуры, гісторыі такое, што хоць зачыняй іх усе» [29, арк. 240адв.].

Такая самая сітуацыя назіралася і ў Інстытуце гісторыі партыі і Кастрычніцкай рэвалюцыі, які з сярэдзіны 1930-х гадоў губляе свае кадры: у 1934 г. у ім працавалі 20 штатных навуковых работнікаў, у 1936 г. – 11, у 1938 г. – 2 малодшых навуковых супрацоўнікі. Толькі за 1937 г. у ІГПКР арыштавалі 7 чалавек і зволілі з працы 3 [30, арк. 3; 31, арк. 4; 32, арк. 2–3, 6–8]. У той самы час у Акадэміі навук праяўляецца іншая тэндэнцыя. Калі ў 1933 г. у БАН на працу прынятыя 72 навуковых работнікі, а звольненыя па розных прычынах 84, то ў наступным годзе – адпаведна 43 і 9 [33, арк. 92].

Палітычныя калізіі таго часу не спрыялі найбольш поўнаму раскрыццю інтэлектуальнага патэнцыялу вучоных. Ужо ў 1931 г. В.К. Шчарбакоў пісаў: «Частка навуковых працаўнікоў не даюць прадукцыі ад страху: як бы не зрабіць вялікіх метадалагічных і гістарычных памылак... Частка найбольш рэакцыйных навуковых працаўнікоў проста ня хочуць пісаць і ня пішуць» [21, с. 39]. Такую ж сітуацыю праз два гады зафіксавала рашэнне Прэзідыума БАН. Разглядаючы ў 1933 г. дзейнасць Інстытута гісторыі, пастанова адзначыла недапушчальнасць пазіцыі супрацоўнікаў, калі «яны на працягу апошняга года амаль зусім не займаліся навуковай работай, што аб'ектыўна можна разглядаць як праяву правага апартунізму» [34, арк. 36]. Скарэктаваў працу і 1937 год з яго палітычнымі правіламі. Пасля арышту прэзідэнта АН БССР і галоўнага рэдактара БелСэ І. Сурты ў партыйных дакументах увесь час пры разглядзе пытання аб энцыклапедыі фігуруе фраза аб ворагах народа ў наступным выглядзе: «Сурта і інш.»

Такім чынам, зразумелая маральная спустошанасць вучоных, абумоўленая рэпрэсіямі, не спрыяла актывізацыі іх творчай актыўнасці ў 1930-я гады. Разам з тым наяўнасць 1 263 навукоўцаў у 1938 г., магчымасць прыцягнення аўтараў з іншых рэгіёнаў СССР, адпаведныя тэарэтычныя ўказанні саюзных партыйных органаў уяўлялі неабходную аснову для стварэння Беларускай савецкай энцыклапедыі паводле прыклада, дадзенага першым і другім выданнямі Малой савецкай энцыклапедыі, працягам публікацыі Вялікай савецкай энцыклапедыі. Для гэтага выдзялялася і неблагое фінансаванне. Толькі на першы том было выдаткавана 312 тыс. рублёў (разам з 1937 г.), а з падпіскі атрымана толькі 26 тыс. руб., нягледзячы на тое, што выданне меркавалася ажыццявіць на прынцыпе гаспадарчага разліку[*]. Іншая справа, пры экспертызе выяснілася: яго змест уяўляе сабой пераклад на беларускую мову першага

[*] Пасля павышэння зарплаты акадэмічным работнікам пастановай СНК БССР «Аб стаўках заработнай платы правадзейным членам, членам-карэспандэнтам і навуковым работнікам АН БССР» (16 мая 1937 г.) дырэктар інстытута атрымліваў на месяц 1 000–1 500 руб., кіраўнік аддзела, сектара і г.д. – 600–1 200 руб.; старэйшы навуковы супрацоўнік і спецыяльны аспірант (дактарант) – да 750 руб. [35, с. 94].

тома Малой савецкай энцыклапедыі, а ўласна беларускія матэрыялы складаюць менш за 20 % [36, арк. 75], што і было зафіксавана ў падрыхтоўчых матэрыялах да адпаведнай партыйнай пастановы.

10 лістапада 1937 г. ЦК КП(б)Б вырашыў спыніць працы па *выданні* (курсіў наш – І.Ш.) энцыклапедыі. Адначасова пастанова інфармавала аб тым, што «зараз ідзе выключэнне з тому артыкулаў, напісаных ворагамі народа, і артыкулаў, прысвечаных ворагам народа» [37, арк. 388]. Выходзіць, ЦК на той момант канчаткова не вызначыўся з пытаннем аб ліквідацыі галоўнай рэдакцыі БСЭ.

Такім чынам, для ажыццяўлення запланаванай працы па стварэнні Беларускай савецкай энцыклапедыі ў 10 тамах меліся і кадры, і фінансаванне, і паліграфічная база. Адмоўна ўплывалі на рэалізацыю дадзенага праекта палітычная сітуацыя (рэпрэсіі ў дачыненні да вучоных) і абумоўленыя гэтым боязь не трапіць ва ўнісон з партыйнай лініяй і вытворная з гэтага творчая апатыя даследчыкаў. Палітычныя прычыны, абумоўленыя імі ўніфікацыя (на падставе расійскага фактара) навуковага і культурнага жыцця, прыніжэнне ролі ў ім беларускага чынніка, фінансавыя праблемы (выданне не акуплялася), маральнае самаадчуванне навуковай інтэлігенцыі, яе невысокі кваліфікацыйны ўзровень спрычыніліся да ліквідацыі рэдакцыі БелСЭ 5 снежня 1937 г. [38, арк. 39] зусім не ў меншай ступені, чым рэпрэсіі.

Апеляцыя прадстаўнікоў высокіх партыйных органаў да пачуцця нацыянальнага гонару, у тым ліку і беларускага народа, з пачаткам Вялікай Айчыннай вайны, мяняе пазіцыі кантралюючых ідэалагічных інстанцый і да зместу, і да накірункаў даследчыцкай праблематыкі. У гэтым рэчышчы адным з найважнейшых відаў працы з 1943 г. планавалася напісанне артыкулаў для беларускай энцыклапедыі («Кароткая энцыклапедыя БССР»). Аб’ём вызначаўся ў некалькі тысяч артыкулаў. Для выканання задання прадугледжвалася прыцягненне ўсяго кадравага складу Аддзялення грамадскіх навук і ў асобных выпадках даследчыкаў па дамове. Адказнымі кіраўнікамі прызначаліся акадэмікі АН БССР У.В. Перцаў і У.І. Пічэта (гісторыя), В.С. Нямчынаў і В.М. Лубяка (эканоміка), члены-карэспандэнты АН БССР М.Ц. Лынькоў і К.К. Крапіва (літаратура), прафесар Ц.П. Ломцеў (мова). Арганізацыя працы па стварэнні энцыклапедыі матывавалася неабходнасцю азнаямлення грамадскасці з дзеячамі беларускай культуры, гісторыі, літаратуры, мовы, эканомікі, цэнтрамі Беларусі, які маюць гістарычнае значэнне, з помнікамі культуры і гісторыі народа, археалагічнымі знаходкамі, этнаграфіяй і ўсім тым, што мела і мае дачыненне да эканамічнага, сацыяльна-палітычнага і духоўнага жыцця беларускага народа [39, арк. 5адв.].

Нягледзячы на прынятыя рашэнні, у 1944 г. адпаведныя заданні інстытутамі (групамі) гісторыі, літаратуры, мовы і мастацтва («Распрацоўка асобных артыкулаў для Беларускай энцыклапедыі па Аддзелу гуманітарных навук і мастацкай творчасці»), эканомікі («Распрацоўка артыкулаў Энцыклапедыі БССР па эканоміцы прамысловасці, сельскай гаспадаркі і транспарту») не выконваліся і былі зняты з плана работ з прычыны адсутнасці патрэбнай колькасці выканаўцаў [40, арк. 6 адв., 10].

Такім чынам, другая спроба стварэння беларускай нацыянальнай універсальнай энцыклапедыі зноў скончылася няўдачай, а яе рэалізацыя была адкладзена яшчэ на дваццаць пяць гадоў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Беларуская энцыклапедыя // Беларусь: энцыкл. даведнік ; рэд. калегія : Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1995. – С. 99.

2. Хаўратовіч, І.П. Беларуская энцыклапедыя / І.П. Хаўратовіч // Энцыкл. гіст. Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 423.

3. Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) / В.Н. Михнюк ; под ред П.Т. Петрикова. – Минск : Наука и техника, 1985. – 286 с.

4. Саламаха, У. Пашпарт краіны, альбо Глядзі энцыклапедыю / У. Саламаха [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://21.by/u.php?u=http://zvyazda.minsk.by/ru/issue/article.php?id=41105. – Дата доступу: 20.03.2010.

5. Селяменеў, В. Энцыклапедыя, якой не было / В. Селяменеў, Л. Селіцкая [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://bynotes.ru/page/encyklapedyja-jakoj-ne-bylo. – Дата доступу: 08.03.2007.

6. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002) / З. Шыбека. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.

7. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

8. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі (ЦНА НАНБ). – Фонд. 1. – Спр. 2. Протоколы заседаний Президиума АН БССР (1929 г.).

9. ЦНА НАНБ. – Фонд. 1. – Спр. 8. Протоколы заседаний и другая переписка Президиума АН БССР (1931 г.).

10. ЦНА НАНБ. – Фонд. 1. – Спр. 29. Отчёт АН БССР к XI съезду Советов БССР (1934 г.).

11. Сусветная літаратура. Праект слоўніка. – Менск : Выд-ва Беларус. Акад. Навук. – Вып. III. – 86 сл.

12. Мовазнаўства. Праект слоўніка. – Менск : Выд-ва Беларус. Акад. Навук, 1935. – Вып. IV. – 22 сл.

13. Усеагульная гісторыя. Праект слоўніка.– Менск : Выд-ва Беларус. Акад. Навук. – Вып. VII. – 218 сл.

14. Археалогія, антрапалогія. Праект слоўніка. – Менск : Выд-ва Беларус. Акад. Навук. – Вып.VIII. –38 сл.

15. ЦНА НАНБ. – Фонд. 1. – Спр. 50. Протоколы заседаний Президиума АН БССР (1936 г.).

16. ЦНА НАНБ. – Фонд. 1. – Спр. 53. Т. 1. Протоколы заседаний Президиума АН БССР и выписки из протоколов АН БССР (1937 г.).

17. ЦНА НАНБ. – Фонд. 1. – Спр. 38. Постановления СНК БССР (1936 г.).

18. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ) – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 9154. Протокол № 185 заседания бюро ЦК КП(б)Б от 29 мая 1936 г., документы к нему.

19. Национальная Академия наук Беларуси. Персональный состав. 1928–2003 / сост.: О.А. Гапоненко [и др.]; редкол. : Н.А. Борисевич [и др.]. – 3-е изд., доп. и перераб. – Минск : БелЭн, 2003. – 336 с.

20. Вальфсон, С.Я. Культурная рэвалюцыя ў дзеяньні: культурнае будаўніцтва БССР да XV-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі / С.Я. Вальфсон. – Мінск : ДВБ, 1932. – 46 с.

21. Шчарбакоў, В. Праблема навуковых кадраў у БССР / В. Шчарбакоў // Савецкая краіна. – 1931. – № 1. – С. 33–41.

22. Горин, П. Научно-исследовательская работа БССР во 2-й пятилетке / П. Горин // Рабочий. – 1932. – 1 июня. – С. 2–3.

23. НАРБ. – Фонд 93. – Воп. 1. – Спр. 8349. Постановление коллегии Наркомзема БССР от 10 октября 1933 г. об организации районных колхозных школ, сметы расходов Наркомюста БССР, библиотек и музеев на 1933 г.

24. НАРБ. – Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 1949. Планы работы, учебные планы, объяснительные записки к ним и сведения о составе научных сотрудников научно-исследовательских учреждений и вузов, подведомственных Наркомпросу на 1929–30 г.

25. Открылась сессия академии наук БССР // Рабочий. – 1935. – 8 янв. – С. 1.

26. Кіселёў, К. Трыумф ленінска-сталінскай нацыянальнай палітыкі / К. Кіселёў // Бальшавік Беларусі. – 1938. – № 11–12. – С. 118–125.

27. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 6994. Докладная записка отдела культуры и пропаганды ЦК КП(б)Б секретарю Н.Ф. Гикало от 23 марта 1933 г. о допущенных перегибах при увольнении ряда научных сотрудников отдельных вузов БССР и институтов Белорусской академии наук, заявления ўволенных о несогласии со снятием с работы.

28. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 11875. Справки о структуре и состоянии научных кадров Академии наук БССР, пересмотре сети польских школ, результатах проведении аттестации учителей школ в БССР, учебные планы городских и сельских школ, сведения о сети школ приграничных районов БССР. 19–22 июля 1937 г.

29. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 10870. Докладные записки о состоянии колхозной торговли в БССР, необходимости реорганизации ряда польских школ Дзержинского района в белорусские, потребности в руководящих партийных кадрах по системе Белорусского ўправления связи, Днепро-Двинского речного пароходства, Лесбела и др. 2 января – 26 декабря 1936 г.

30. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 217. Статистический отчёт Института [ІГПКР] за 1934 год. 27.03.1935.

31. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 257. Отчёт о работе [ІГПКР] за 1936 г.

32. НАРБ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 305. Списки сотрудников [ІГПКР] и характеристики на них. Автобиографии сотрудников партархива. Список горкомов и райкомов КП(б)Б, подлежащих к сдаче документов в партархив и переписка. 4.01 – 22.07.1938 г.

33. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 6902. Постановления и протоколы заседаний бюро и секретариата ЦК КП(б)Б, документы к ним. 6 ноября 1933 г. – 4 июля 1935 г.

34. ЦНА НАНБ. – Фонд 1. – Спр. 21а. Стенограммы заседаний Президиума и другая переписка, протоколы заседания Президиума АН БССР (1933 г.).

35. Шаўчук, І.І. Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады XX ст.) / І.І. Шаўчук. – Брэст : БрДУ, 2007. – 279 с.

36. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 12007. Протоколы заседаний парткома и общего собрания коммунистов первичной парторганизации Белорусского государственного лесотехнического института им. Кирова, отчёт парткома института о работе с 9 марта 1935 г. по 1 апреля 1937 г., докладные записки о работе и мерах по ликвидации вредительской деятельности, наличии компрометирующих данных на отдельных работников Академии наук БССР, Института истории партии при ЦК

КП(б)Б, Белгосуниверситета, Белорусского государственного лесотехнического института им. Кирова, акт обследования работы санитарно-химической лаборатории Наркомзема БССР от 16 ноября 1937 г. 3 апреля 1937 г. – 27 декабря 1938 г.

37. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 11045. Протокол № 26 заседания бюро ЦК КП(б)Б, документы к нему.

38. НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 13219. Докладные записки НКВД БССР в ЦК ВКП(б) о наличии классово-чуждых элементов и фактах вредительства в системе Наркомпроса и Академии наук БССР, антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР (пересланы из ЦК ВКП(б) в ЦК КП(б)Б 7 июля 1938 г.). 21–25 июня 1938 г.

39. ЦНА НАНБ. – Фонд 1. – Спр. 91. Планы научно-исследовательских работ Академии наук БССР. Отделение общественных наук. На 1944 г.

40. ЦНА НАНБ. – Фонд 1. – Спр. 92. Отчёт о научной деятельности Академии наук Белорусской ССР за 1944 г.

Shauchuk I. **Concerning the History of Belarusian Soviet Encyclopedia Creation**

The paper deals with the problem of the national encyclopedia publication efforts resulted in no success at that time. The question is very important from viewpoint of the BSSR science and cultural development. It is studied on the basis of the published materials and archival sources that have not been put into scientific circulation. For the first time the reasons of failures are defined as caused not so mach by political repressions, the beginning Great Patriotic War as by other factors and first of all by inexpedience (motivated by economic and political reasons) for encyclopedia publication in the realities of 1930s.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.05.2011

УДК 398(=161.3)

І.А. Швед

ПРЫРОДНА-ЛАНДШАФТНЫ КОД МІФАПАЭТЫЧНАГА МЫСЛЕННЯ ЯК АБ'ЕКТ МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

У артыкуле на падставе разнастайных навуковых крыніц аналізуецца працэс даследавання айчыннымі і замежнымі навукоўцамі прыродна-ландшафтнага кода. У сусветнай гуманітарнай навуцы рэалізаваны міждысцыплінарны падыход да вывучэння прыродна-ландшафтнага кода, які ў сваю чаргу трактуецца як чыннік культурнага кода; у самім прыродным ландшафце вызначаецца вобразна-сімвалічны элемент. У працах этналагічнай скіраванасці прыродна-ландшафтныя аб'екты разгледжаны як канкрэтна-рэчавыя рэаліі, якія актыўна семіятызуюцца міфапаэтычным мысленнем; у работах, дзе пераважае філалагічны аспект над гістарычным, прыродна-ландшафтныя сімвалы трактуюцца як паэтычныя вобразы і матывы. Сучасны стан гуманітарыстыкі ў сферы даследавання семіятызацыі прыродна-ландшафтных аб'ектаў міфалагічным мысленнем, вызначэння іх традыцыйнай сімволікі характарызуецца дастаткова прэзентатыўнай базай назапашанага фактычнага матэрыялу, даволі высокім узроўнем яго першаснай апрацоўкі ў межах канкрэтных этнічных традыцый. Нягледзячы на тое, што прыродна-ландшафтны код з'яўляецца адным з вызначальных чыннікаў міфапаэтычнай мадэлі свету беларусаў, пакуль што адсутнічае яго спецыяльнае даследаванне.

Уводзіны

Апошнія дзесяцігоддзі XX ст. – пачатак XXI ст. адзначаны ўсё нарастаючай цікавасцю гуманітарных навук да праблемы культурнага кадзіравання ва ўсіх яго іпастасях і формах функцыянавання. Узнавілася агульнакультурная цікавасць да міфалагічнага светаўспрымання, генезісу паэтычных форм, іх культурна-гістарычнай абумоўленасці і шматаспектных сувязей з т. зв. этнаграфічным матэрыялам. З намаганнямі адрадзіць цэльнасць суб'ектыўнага і аб'ектыўнага, сфарміраваць новую, якая б адпавядала патрабаванням сучаснасці, мадэль свету звязана імкненне да глыбокага асэнсавання і пераасэнсавання асноў міфапаэтычнай свядомасці. Адсюль заканамерная актывізацыя ў сучасным айчынным і замежным народазнаўстве даследаванняў, прысвечаных знакава-сімвалічнаму аспекту традыцыйнай культуры. Нямала каштоўных сведчанняў з галіны беларускай міфалогіі, сімволікі змяшчаюць працы Г. Барташэвіч, Т. Валодзінай, У. Васілевіча, Н. Гілевіча, А. Гурскага, К. Кабашнікава, І. Казаковай, В. Коваля, Я. Крука, А. Ліса, У. Лобача, М. Малохі, А. Марозава, А. Ненадаўца, Л. Салавей, С. Санько, А. Фядосіка, І. Цішчанкі, І. Чароты, Т. Шамякінай і інш. На новым вітку развіцця навукі актыўна сталі выкарыстоўвацца ідэі А. Весялоўскага, В. Фрэйдэнберг, М. Сумцова, А. Патабні, В. Тэрнера, У. Тапарова, В. Іванава, М. Эліадэ і інш. У шырокім спектры праблем, якія імі даследаваліся, адна з вядучых – адметнасці міфалагічнага мыслення, яго кодаў і звязанага з імі генезісу паэтычных форм фальклору і літаратуры.

Акрэсленая апошнім часам слушная адмова ад ідэі «нескладанасці» свету ва ўяўленнях старажытнага і сярэдневечнага чалавека, ад намаганняў знайсці адзінае тлумачэнне сімвалаў суадносіцца з меркаваннямі В. Тэрнера, які бачыў магчымасць вызначэння семантыкі сімвала не абстрактна, у цэлым, а толькі ва ўсёй сукупнасці аперацыйных, пазіцыйных і экзегетычных кантэкстаў кожнага канкрэтнага сімвала. Меліся на ўвазе: 1) тлумачэнні, якія даюцца гэтаму сімвалу носьбітамі традыцыі (экзегетычны кантэкст); 2) значэнні сімвала, якія вынікаюць з яго выкарыстання

(аперацыйны кантэкст); 3) значэнні сімвала, якія вынікаюць з яго ўзаемаадносін з іншымі сімваламі (пазіцыйны кантэкст) [1, с. 41–42]. На тым, што «символическое удвоение мира чрезвычайно его усложняло, и каждое явление можно и нужно было по-разному истолковывать и понимать, видеть за его зримой оболочкой еще и сущность, скрытую от физического взора. Мир символов был неисчерпаем», слушна настойваў А. Гурэвіч [2, с. 71]. Пацверджаннем справядлівасці названых пазіцый сталі шматлікія працы сучасных фальклярыстаў, этнолагаў, этналінгвістаў.

Рапрацоўка тэорый, што паглыбілі традыцыйнае ўяўленне пра міфалогію, унесла разнастайнасць у яе ўспрыманне. Тэарэтыка-метадалагічнай асновай даследавання міфапаэтычных уяўленняў аб прыродна-ландшафтных аб'ектах, іх семіятызацыі і функцыянаванні як элементаў кода міфапаэтычнага мыслення выступаюць ідэі і канцэпцыі, распрацаваныя ў межах культуралогіі і рэлігіязнаўства (Б. Маліноўскі, Л. Леві-Бруль, Дж. Фрэзер, В. Тэрнер, Э. Касірэр, К. Леві-Строс, М. Эліадэ, Э. Тайлар, В. Фрэйдэнберг, М. Бахцін, А. Лосеў, А. Гурэвіч, С. Токараў); семіётыкі (Р. Барт, Ю. Лотман, Вяч. Іванаў, У. Тапароў, Т. Цыўян); фальклярыстыкі і этналогіі (У. Проп, Д. Зяленін, Е. Меляцінскі, Л. Радэнкавіч, М. Еўзілін, А. Байбурын, А. Панчанка, У. Лобач, А. Боганева, Т. Валодзіна, С. Жлоба); этналінгвістыкі, якая факусіруе ўвагу менавіта на змястоўным аспекце ўсіх формаў традыцыйнай культуры (М. і С. Талстыя, Т. Агапкіна. В. Бялова, Л. Вінаградава, А. Беразовіч, А. Тапаркоў, І. Седакова, В. Усачова, Г. Кабакова, Е. Бартміньскі, У. Коваль). Задачамі дадзенага артыкула з'яўляюцца характарыстыка прыродна-ландшафтнага кода як аб'екта міждысцыплінарнага даследавання і вызначэнне асноўных кірункаў вывучэння названага кода ў сучаснай айчыннай і замежнай гуманітарнай навуцы.

Прастора ў міфапаэтычнай мадэлі свету: аспекты вывучэння праблемы

Новыя ідэі, распрацаваныя ў межах такіх навук, як структурная антрапалогія, этналінгвістыка і гістарычная паэтыка, садзейнічалі прагрэсу ў вывучэнні сувязей фальклору з іншымі знакавымі сістэмамі, з канцэптамі часу і прасторы ў культуры. Асновай такіх даследаванняў становіцца палажэнне пра стварэнне вобраза свету, прасторавай мадэлі ўніверсуму як абавязковы фундамент асваення жыцця культурай; у гэтым выпадку прасторавае мадэліраванне рэканструіруе прасторавы выгляд рэальнага свету (Ю. Лотман). Бясспрэчна, уяўленні пра структуру міфапаэтычнай прасторы (якая можа асэнсоўвацца як неаднародная, іерархічная, цэнтрабежная і цэнтраімклівая), асаблівасці семантызацыі прасторавых зон і кірункаў свету міфапаэтычным мысленнем маюць выключна важнае значэнне ў стварэнні карціны свету той ці іншай культуры. Паколькі прастора ў міфапаэтычнай карціне свету, як неаднаразова адзначалася даследчыкамі [3], – гэта ў першую чаргу сфера размяшчэння элементаў ландшафту, культурных і прыродных аб'ектаў, і ў міфа-фальклорных тэкстах прастора не можа быць апісана інакш, чым як шэраг некаторых аб'ектаў (хата, акно, дзверы, парог, двор, сад, вароты, вуліца, сяло, дарога, поле, луг, вадаём (калодзеж, рака, крыніца, возера, мора, балота), яр, даліна, гара, гай, лес, горад, заморскія краіны і пад.), важнымі пры раскрыцці семантыкі і сімволікі прыродна-ландшафтных аб'ектаў з'яўляюцца вынікі даследаванняў асаблівасцяў успрымання прасторы міфапаэтычным мысленнем. Гэтыя асаблівасцібылі абумоўлены цэлым комплексам розных абставін, сярод якіх, як слушна адзначаў А. Гурэвіч адносна людзей сярэднявечнай эпохі, іх адносіны да прыроды, у тым ліку вытворчасць, спосаб іх рассялення, іх кругагляд, які ў сваю чаргу залежаў ад стану камунікацый, ад прынятых грамадствам дамінантных рэлігійна-ідэалагічных

пастулатаў. Апісваючы ландшафт Еўропы ў перыяд ранняга сярэднявечча, А. Гурэвіч звярнуў увагу на тое, што «немалая доля лесного пространства представляла собой болота и топи… Нередко окружением поселка был лес, тянущийся на огромные расстояния, одновременно и привлекавший своими ресурсами (топливом, дичью, плодами) и отпугивавший подстерегавшими в нем опасностями: дикими зверями, разбойниками и другими лихими людьми, призрачными таинственными существами и оборотнями, какими охотно населяла окружающий селения мир человеческая фантазия. Лесной ландшафт неизменно присутствует в народном сознании, в фольклоре, в воображении поэтов» [2, с. 53]. Даследаванне функцыянавання прыродна-ландшафтных сімвалаў міфапаэтычнага мыслення, якія ўтвараюць дастаткова складаную сетку адносін у жанрах фальклору, павінна праводзіцца з улікам таго, што «из-за отсутствия дистанции между человеком и окружающим миром еще не могло возникнуть эстетического отношения к природе, «незаинтересованного» любования ею. Будучи органической частью мира, подчиняясь природным ритмам, человек вряд ли был способен взглянуть на природу со стороны» [2, с. 59]. Пры рэканструкцыі сімволікі прыродна-ландшафтных аб’ектаў у абрадавай паэзіі (у прыватнасці калядках, шчадроўках, валачобных песнях і інш.) істотным з’яўляецца сфармуляванае А. Гурэвічам палажэнне пра тое, што «предметно-чувственное отношение к участку, которым владела семья, определяло его центральную роль и в системе космических представлений людей раннего средневековья. В усадьбе земледельца заключалась модель Вселенной» [2, с. 56].

Што да пошукаў міфалагічных універсалій, выяўлення міфалагічнага слою ўнутры этнакультурнай традыцыі (а гэта немагчыма без вывучэння структуры міфалагічнай прасторы, дакладней, хранатопу, асаблівасцей семантызацыі яго складнікаў), то яны вядуцца па меншай меры ў двух асноўных кірунках: апісанне ўяўленняў пра светабудову ў першабытным мысленні (К. Леві-Строс) і рэканструкцыя глыбіннага міфалагічнага ўзроўню, які ўзыходзіць да архетыпу (М. Эліадэ). Працы М. Эліадэ, у прыватнасці яго высновы пра нябесныя архетыпы асвоеных людзьмі ландшафтаў, сталі стымулам ідэй для сучасных даследаванняў у межах семіятызацыі прасторы і пэўных прыродна-ландшафтных аб’ектаў. «Окружающий нас мир, где ощущается присутствие человека и результаты его трудов, все эти горы, куда он взбирается, заселенные и возделанные земли, судоходные реки, города, святилища – имеют внеземные прототипы, представляемые или как «проект», «образец» или как собственно «двойник», существующий на высшем космическом уровне. Но не все в «мире, который нас окружает», имеет подобные прототипы» [4, с. 21–22]. М. Эліадэ сцвярджаў, што для «примитивных» народов Природа – это иерофания, и «законы природы» являются откровением, подтверждением существования божества» [4, с. 94]. Паралельна з першабытнай верай у нябесныя прататыпы зямных ландшафтаў гэты ж даследчык адзначыў веру ў сакральную вылучанасць «Цэнтра» і выявіў сімволіку яго структуры [4, с. 32], што паслужыла зыходным пунктам шматлікіх даследаванняў іерархічнага ўладкавання прасторы міфапаэтычным мысленнем, вызначэння адметасцяў функцыянавання чыннікаў прыродна-ландшафтнага кода міфапаэтычнага мыслення, адлюстраванага ў мадэлях свету розных традыцый. Характэрна, што сам прыродны ландшафт нярэдка трактуецца як адмысловая падсістэма сістэмы вышэйшага парадку – культурнага ландшафту (прыродна-культурнага комплексу, створанага і/ці засвоенага грамадой людзей).

Даследаванне прыроднага ландшафту як чынніка сістэмы культурнага ландшафту

Прыродны ландшафт разглядаецца многімі сучаснымі даследчыкамі ў якасці чынніка сістэмы, якую прынята дэфініраваць як культурны ландшафт. Культурны ландшафт як аб'ект комплекснага даследавання акрамя прыроднага ландшафту ўключае: мясцовую грамаду, пасяленне, мясцовую гаспадарку, моўную сістэму, фальклор [5, с. 12, 24]. Без вызначэння семантыкі і сімволікі чыннікаў прыродна-ландшафтнага кода, прадстаўленых, у першую чаргу ў фальклоры і абрадавай дзейнасці, немагчыма комплексна даследаваць пэўны культурны ландшафт, паколькі грамадства асвойвае прастору не толькі тэрытарыяльна, але і семантычна і сімвалічна. У гэтым сэнсе паказальна, што *культурны ландшафт* разглядаецца вучонымі як *прыродна-культурнае асяроддзе фарміравання і захавання мастацтва,* з аднаго боку, і даследуецца *ландшафтафарміруючая роля мастацтва,* з іншага. Такім чынам, з фенаменалагічнага пункту гледжання ланшафт з'яўляецца прасторай сэнсаў. Адпаведна разуменне сімволікі культурнага ландшафту немагчыма без уліку каштоўнасных прыярытэтаў тых людзей, якія яго сфарміравалі, а таксама тых, хто «валодае» вобразамі дадзенага ландшафту. Такі падыход прадугледжвае пабудову даследавання культурнага ландшафту ў адпаведнасці з двума ўзроўнямі: «пространственными традициями местного сообщества и образами ландшафта среди «краеведов» – носителей истории края» [5, с. 30, 35].

На прызнанні вобразна-сімвалічнага чынніка ў складзе культурнага ландшафту грунтуецца *ланшафтна-мастацтвазнаўчы кірунак,* прыхільнікі якога вывучаюць творы ландшафтнага жывапісу як крыніцы геаграфічнай інфармацыі. Пры гэтым лічыцца, што «ландшафтная карціна» можа вызначаць «бачную форму нацыі (этнасу)», выяўляць сутнасць нацыянальнай самасвядомасці, этнічнага характару (С. Даніэльс). У сувязі са сказаным характэрнай з'яўляецца распрацаваная Л. Гумілёвым *канцэпцыя этналандшафтнай раўнавагі* – адпаведнасці стану этнасу навакольнаму прыроднаму ландшафту. «Ландшафт определяет возможности этнического коллектива при его возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим потребностям. Затем наступает привычка к создавшейся обстановке, становящаяся для потомков близкой и дорогой. Привязанность к ландшафту бессознательно хранится в людях» [6].

Пры вывучэнні семіятызацыі элементаў прыродна-ландшафтных аб'ектаў міфапаэтычным мысленнем карыснымі з'яўляюцца высновы *гендэрнага кірунку даследаванняў ландшафту.* Паводле сцверджанняў яго прадстаўніка Дж. Роуза, прыродны пачатак у культурным ландшафце (да прыкладу, у вобразах німф, дрыяд пасіўных і паслухмяных) асацыіруецца з жаноцкасцю, а яго культурнае засваенне, акультурванне ландшафту – з мужчынскім пачаткам (на тое, што доўгі час успрыманне прастры заставалася антрапаморфным, і гэта адлюстроўвала спецыфічна інтымныя адносіны людзей да прыроды, звярталі ўвагу многія даследчыкі, напрыклад, [2–4]). На думку А. Калодні, зыходны, традыцыйны вобраз культурнага ландшафту Амерыкі звязаны з вобразам Маці-зямлі. Страта гэтага вобраза спрыяе разбурэнню традыцыйнага культурнага ландшафту. *Ландшафтна-экзістэнцыйны кірунак* англа-амерыканскай геаграфіі таксама распрацоўвае ідэю сімвалічнасці ўсіх культурных ландшафтаў: «яны выяўляюць настойлівае жаданне чалавека ператварыць Зямлю ў нябесны рай» [5, с. 36–37]. Што да культурных кодаў (якія абумоўліваюць нормы ўспрымання і разумення пейзажу), то іх вызначэнню асобая ўвага надаецца ў

французскай «пейзажалогіі». Яе прадстаўнікі зыходзяць са слушнай навуковай пазіцыі, што этнічны фактар, выхаванне і адукацыя адыгрываюць істотную ролю ў фарміраванні культурных кодаў і, адпаведна, уяўленняў аб прыгажосці пейзажу. У адпаведнасці з рознымі тыпамі культурных кодаў прапаноўваецца наступная тыпалогія пейзажаў: 1) «пейзаж-тэкст» – літаратурнае апісанне ці мастацкі вобраз ландшафту; 2) «эмблематычны пейзаж» – ландшафт гісторыкаў і геаграфаў, звязаны з самаідэнтыфікацыяй нацыі; 3) «арганічны пейзаж» – тыповы ландшафт рэгіёна, аб'ект аховы рэгіянальных экалагічных рухаў; 4) «пейзаж сучаснасці» – сімвал краіны, рэгіёну, горада, аб'ект наведвання турыстамі; 5) «навуковы і экалагічны пейзаж» – ландшафты – навуковыя лабараторыі; 6) «унутраны пейзаж» – мысленны ландшафт карыстальнікаў [5, с. 38–39].

Важную ролю ў навуковым апісанніпрацэсаў семіятызацыі і звязанай з імі аксіялагізацыі прыродна-ландшафтных аб'ектаў у традыцыйнай культуры беларусаў адыгрывае вызначэнне ролі гэтых рэалій у рассяленні ўсходнх славян [7, с. 386]. У сувязі са сказаным цікавай з'яўляецца гіпотэза пра матываванасць адрозненняў культур менавіта «кантрастам месцаразвіцця стэпу і лесу» (П. Мілюкоў). У адрозненне ад стэпу ў лясной зоне ўжо адпаведна самому характару мясцовасці мы маем справу з марудным прасоўваннем па рэках, сяродне праходных лясоў [7, с. 380]. Адносна спецыфікі міфалагізацыі стэпу і лесу ў беларускай традыцыі цікавае меркаванне выказаў С. Санько. «У бальшыні дуалістычных міталёгіяў лес уваходзіць у якасці адмоўнага полюсу ў адную з падставовых апазіцыяў «паселішча» – «лес», рэпрэзентуючы стыхію, варожую чалавеку. Уяўленьні пра лес як пра добры ці, прынамсі, не безварункава варожы даволі рэдкія ў традыцыйных міталёгіях. Беларуская традыцыя якраз належыць да гэткага рэдкага тыпу» [8, с. 112].

Вызначэнне працэсаў семіятызацыі прыродна-ландшафтных аб'ектаў, генезісу прыродна-ландшафтнага кода цесна звязана не толькі з аналізам экалагічных традыцый у культурных ландшафтах, адносінаў да прыроды: вады, зямлі, жывёл, раслін (лесу), але і з *выяўленнем адметнасцяў іерархічнаці, цэнтрыраванасці і анізатропнасці (нераўназначнасці кірункаў) ландшафту ў пэўнай карціне свету.* Важнае значэнне пры вырашэнні гэтых задач набываюць вынікі этналагічных даследаванняў, прысвечаных святым месцам, вылучаным у культурным ландшафце пэўных рэгіёнаў. Адным са станоўчых момантаў такіх работ з'яўляецца рэалізацыя комплекснага падыходу. Да прыкладу, рускія вучоныя А. Іванова, В. Калуцкоў і Л. Фадзеева даследавалі феномен народнага праваслаўя на прыкладзе Пінеж'я як асобага гістарычнага і этнакультурнага рэгіёна. Пры гэтым выкарыстоўваліся матэрыялы, якія традыцыйна вывучаюцца фальклярыстыкай, этналогіяй, дыялекталогіяй, гісторыяй, культурнай геаграфіяй. Хоць асноўная ўвага аўтараў засяроджана на духоўным (узятым у аспекце праблематыкі сакральнасць/святасць) кампаненце культурнага ландшафту, іншыя кампаненты (прырода, гаспадарка, сяліба, грамадства, тапанімія, фальклор) разглядаюцца як кантэксты і інструментарый пры вылучэнні і даследаванні асобнага святога месца і рэгіянальнай сістэмы святых месцаў у цэлым. Заслугай аўтараў з'яўляецца вызначэнне наступнай марфалогіі святога месца: уласна месца, г. зн. фрагмент прыроднага ландшафту; культавы аб'ект (хрысціянская святыня); «імя» – тапонім (некалькі тапонімаў) / антрапонім; фальклорныя тэксты рознай жанравай прыроды (былічкі, легенды, бывальшчыны, паданні, павер'і, інш.); абрады, якія выконваюцца падчас наведвання святога месца [9, с. 31].

Пры даследаванні семіятызацыі прыродна-ландшафтных аб'ектаў міфапаэтычным і рэлігійным мысленнемкарысным з'яўляецца выкарыстанне *канцэпцыі іерапаніі,* сфармуляванай А. Лідавым. Стварэнне сакральных прастораў разглядаецца даследчыкам як асобы від творчасці, які можа быць параўнаны паводле значэння з творчасцю літаратурнай, выяўленчай ці музычнай. Тут маецца наўвазе не фенаменалогія свяшчэннага і не містычнае адкрыццё, а зусім канкрэтная дзейнасць па стварэнні вобразаў і асяроддзя кантакту чалавека з вышэйшым светам. Гэтая канцэпцыя паспяхова выкарыстоўваецца замежнымі даследчыкамі пры вывучэнні старажытнай дахрысціянскай традыцыі стварэння сакральных прастораў (працы М. Чэгадаева, Л. Акімавай, А. Падасінава, М. Баркер). З'явы рускай іератапіі аналізуюць Л. Бяляеў, К. Бланк, А. Мароз [10]. На прэзентатыўным матэрыяле, сярод іншага, даказана, што тыя самыя месцы могуць мець амбівалентную ацэнку, прычымпры дапамозе сакральных аб'ектаў ці локусаў рэлігійнае мысленне намагаецца нейтралізаваць негатыўнае ўздзеянне страшных месцаў [10; 11]. Да ліку ўласна народных святыняў вучоныя адносяць усе аб'екты, шанаваныя як святыя, звязаныя ў народнай свядомасці з хрысціянскімі персанажамі, падзеямі і вынесеныя па-за сферу дзейнасці Царквы: камяні, ручаі, азёры, дрэвы і інш. А. Панчанка прадставіў вынікіантрапалагічнага даследавання сінхранічнымі і дыяхранічнымі метадамі культу мясцовых святынь (камянёў, крыніц, дрэў, каменных і драўляных крыжоў) у сувязі з народным праваслаўем у фундаментальнай працы «Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России» (СПб., 1998). Даследаванне заснавана на дадзеных не толькі фальклору і этнаграфіі, але і археалогіі, што дазволіла ўсебакова ахарактарызаваць спецыфічныя рысы і культурныя функцыі народнага хрысціянства на прыкладзе «вясковых святыняў».

Даследаванне прыродна-ландшафтнага кода ў беларусазнаўстве

Даволі высокай ступенню вывучанасці характарызуюцца некаторыя аспекты міфапаэтычных уяўленняў беларусаў аб прасторы (у сувязі з часам) і пэўных прыродна-ландшафтных аб'ектах (работы С. Санько, У. Лобача, М. Талстога, С. Талстой, І. Вугліка і інш.). Так, удаследаваннях У. Лобача [12; 13] разглядаецца кола пытанняў пра новыя прынцыпы этналагічнага вывучэння семантыкі і сімволікі ландшафтных аб'ектаў, фактаў міфалагічнага асэнсавання дыялектных формаў вераванняў, звязаных з гэтымі аб'ектам. Даследчык вывучае крыніцы, азёры, пагоркі, балоты як значныя канкрэтна-рэчавыя элементы сакральнай геаграфіі беларускага Падзвіння. Пры гэтым аб'екты сакральнай геаграфіі трактуюцца У. Лобачам як «элементы прыроднага ландшафту, якія ў калектыўнай фальклорнай памяці суадносяцца з іншасветам і яго прадстаўнікамі і ў іх міфалагічнай праекцыі выразна супрацьпастаўляюцца сферы прафаннага (чалавечага)» [13, с. 110]. Скрупулёзна даследаваўшы азёры Паўночнай Беларусі, вядомыя ў народнай традыцыі пад назвай «святыя», а таксама водныя аб'екты, з якімі звязаныя паданні пра патанулы храм, У. Лобач заключыў, што «канцэнтрацыя аб'ектаў сакральнай геаграфіі вакол некаторых святых азёр настолькі высокая, што дазваляе меркаваць пра надзвычайны, культавы статус гэтых аб'ектаў і ў часы да прыняцця хрысціянства» [13, с. 114]. Даследчак слушна ўказаў на тое, што «ў вызначэнні месца тэафаніі чалавек дахрысціянскай эпохі натуральным чынам звяртаў увагу на круглае ў плане і невялікае (форма круга прасочваецца візуальна) азяро, якое ў міфапаэтычнай традыцыі ўспрымалася як «вока», «акно» з таго свету і канал камунікацыі з ім» [13, с. 115].

Культавыя вадаёмы Беларусі як асобыя экасістэмы і адмысловыя духоўныя асяродкі, а таксама культавыя камяні даследуюцца Э. Зайкоўскім і Л. Дучыц [13; 14]. У працах гэтых вучоных, а таксама В. Вінакурава, А. Карабанава апісваюцца такія культавыя помнікі, як камяні-«краўцы» і камяні-«шаўцы», з якімі звязаны цэлы пласт дахрысціянскіх павер'яў. Даследчыкі мяркуюць, што «ўлічваючы неапрацаванасць паверхні і знаходжанне часам у далёкіх ад паселішчаў месцах, гэтым камяням сталі пакланяцца яшчэ ў першабытны час. Размяшчэнне на адносна невялікай адлегласці ад іх курганоў само магло быць абумоўлена тым, што самі «шыючыя» камяні былі прысвечаны міфалагічным персанажам, якія асацыіраваліся з хтанічнай сферай, замагільным светам. Гэтым жа тлумачацца і пэўныя паралелі паміж такімі камянямі і надмагільнымі церамкамі з вакенцам» [15, с. 83].

«Філалагічны» бок сімволікі вобразаў прыродна-ландшафтных аб'ектаў у сувязі з вывучэннем беларускай лірыкі і яе паэтыкі закранаўся Н. Гілевічам у даследаванні «Паэтыка беларускай народнай лірыкі. Слова і вобраз», А. Гурскім у манаграфіі «Пазаабрадавая лірыка ўсходніх славян», А.С. Лісам у працах, прысвечаных паэзіі народнага календара, і некаторымі іншымі вучонымі. А.С. Ліс, даследаваўшы вобразную сістэму, паэтыку, тыпалогію вяснянак, юраўскіх, карагодных, купальскіх і жніўных песень беларускага народнага календара ў кантэксце песенных жанраў абрадавага фальклору балгар, рускіх, украінцаў, звярнуў увагу на тое, што ў шэрагу такіх тэкстаў (у прыватнасці, беларускіх і ўкраінскіх калядках) адрозніваюцца «вобразныя рэаліі прыроднага атачэння, абумоўленыя геаграфічна». «Выява прыроднага атачэння, – адзначае А. Ліс, – у песнях таксама нясе на сабе адзнакі этнічнага светасузірання, светабачання. Характэрна, у беларускіх купальскіх песнях вогнішча як атрыбут абрадавага, сакральнага змяшчаецца паслядоўна на ўзвышэнні (на гары Купала гарэла і да т.п.). Ва ўкраінскай локус купальскай урачыстасці не мае аналагічнай лакалізацыі. Абрадавая дзея ў беларускім песенным Купаллі адбываецца найчасцей на ўлонні лесу, жыта» [16, с. 227, 119]. Асаблівасці выяўлення прасторы сродкамі беларускай парэміялогіі, у якой «сістэма семантычных каардынат міфа пра касмагонію і ўпарадкаванне свету захоўвае сваю актуальнасць», вывучаліся Т. Валодзінай [17, с. 32–51]. Даследчыца, сярод іншага, засяродзіла ўвагу на функцыянальнасці вобразаў беларускага ландшафту (поле, лес, луг, рака, возера, балота, гара) у парэміялагічных тэкстах і выказала меркаванне, што «для гэтых локусаў ужо не характэрны прынцып укладання, прастора па-за вёскай складаецца з раўнапраўных элементаў» [17, с. 38].

Элементы прыродна-ландшафтнага кода як прадмет артыкулаў этналінгвістычнага і міфалагічнага слоўнікаў

У пэўным сэнсе фундаментам, на якім базіруюцца даследаванні розных кодаў беларускага фальклору, сталі грунтоўныя работы калектыву вучоных, створанага акадэмікам М. Талстым. Рускія этналінгвісты лінгвістычныя (па сутнасці – агульнасеміятычныя) метады перанеслі на вывучэнне славянскай народнай культуры ў спалучэнні з акцэнтам на гісторыка-генетычны аспект даследавання (сувязь паміж параўнальна-гістарычным даследаваннем з этнагенетычнай скіраванасцю і сінхроннымі параўнальна-тыпалагічнымі росшукамі ўстанавіў яшчэ Д. Зяленін). Гэта дазволіла пераадолець «сінхранічнасць» амерыканскай і ўвогуле заходняй этналінгвістыкі. Практычным увасабленнем ідэй М. Талстога і яго калег стаў выхад этналінгвістычнага слоўніка «Славянские древности» [18], які з'яўляецца слоўнікам-указальнікам з

тлумачальна-функцыянальнымі элементамі і мае надзвычай вялікую агульнагуманітарную каштоўнасць. Яго аб'ект – гэта «мова» культуры (у семіятычным сэнсе), а вылучаныя ў асобныя артыкулы адзінкі (сімвалы) – «словы» гэтай мовы.

Шэраг артыкулаў, уключаных у слоўнік (у прыватнасці, Т. Агапкінай, Л. Вінаградавай, А. Леўкіеўскай, М. Талстога і інш.), прысвечаны апісанню асобных прыродна-ландшафтных аб'ектаў у адзінстве іх «рэальнай» формы і сімвалічнага зместу, што цалкам адпавядае таму важнаму месцу, якое займаюць прыродна-ландшафтныя аб'екты ў традыцыйнай культуры славян (ды іншых народаў). Такія працы з'яўляюцца ў пэўнай ступені ўзорам, складаюць корпус сістэматызаванага паводле адпаведнай схемы матэрыялу, важнага для даследавання прыродна-ландшафтнага кода міфапаэтычных мадэляў свету розных традыцый. Але з прычын асаблівасці агульнай канцэпцыі і натуральнага абмежавання аб'ёму слоўніка (адпаведных артыкулаў) фальклорныя крыніцы (пераважна абрадавы фальклор і тэксты малых жанраў) выкарыстоўваюцца ў ім толькі ў той ступені, у якой гэта неабходна для характарыстыкі абрадавага і міфалагічнага кола фактаў, а беларускія вуснапаэтычныя творы і ў гэтым кантэксце сустракаюцца эпізадычна [18].

Плёнам даследчыцкай працы фальклярыстаў, этнолагаў, культуролагаў, гісторыкаў, археолагаў, філосафаў стаў выхад энцыклапедычнага слоўніка «Міфалогія беларусаў», большасць артыкулаў якога выканана ў семіялагічным ключы. Натуральна, асэнсаванне традыцыйнага космасу беларусаў уключала даследаванне прыродна-ландшафтных сімвалаў. Шэраг артыкулаў, прысвечаных гэтай праблеме, у прыватнасці, «Мора» [19, с. 311–313], «Сад» [19, с. 422–423], «Яр» [19, с. 543–544], напісаны аўтарам гэтай работы.

Заключэнне

Вынікі названых шматгадовых даследаванняў сведчаць пра тое, што сучасны стан гуманітарыстыкі ў сферы вывучэння семіятызацыі прыродна-ландшафтных аб'ектаў міфалагічным мысленнем, вызначэння семантыкі і функцыянавання элементаў прыродна-ландшафтнага кода характарызуецца дастаткова прэзентатыўнай базай назапашанага фактычнага матэрыялу, даволі высокім узроўнем яго першаснай апрацоўкі ў межах канкрэтных этнічных традыцый. У сусветнай навуцы рэалізаваны разнастайныя падыходы да вывучэння прыродна-ландшафтнага кода, які разглядаецца як чыннік культурнага кода, а ў самім прыродным ландшафцевызначаецца вобразна-сімвалічны элемент. Агульная сітуацыя ў народазнаўчай навуцы адносна вызначанага намі аб'екта даследавання такая: у працах этналагічнай скіраванасці прыродна-ландшафтныя аб'екты разгледжаны як канкрэтна-рэчавыя рэаліі, якія актыўна семіятызуюцца міфапаэтычным мысленнем; у работах, дзе пераважае філалагічны аспект над гістарычным, прыродна-ландшафтныя сімвалы трактуюцца як паэтычныя вобразы і матывы. Апісаныя і іншыя поспехі ў вывучэнні функцыянавання этнакультурных знакавых сістэм, чыннікамі якіх выступаюць прыродна-ландшафтныя вобразы, падрыхтавалі базу для новага этапу даследаванняў. Назапашаны новы матэрыял дапаможа ўнесці карэктывы ў першасныя схемы і высновы.

Глыбокае вывучэнне прыродна-ландшафтнага кода міфапаэтычнага мысленнябеларсаў у пэўнай ступені паспрыяе асэнсаванню народнай міфалогіі прасторы, логікі канструявання значных канцэптаў і вобразаў сродкамі розных кодаў, цэласнай тыпалогіі беларускага светаўспрымання і светаадлюстравання, усведамленню таго, што складае «духоўны генатып» беларусаў і, магчыма, не будзе марным для

актуалізаваных у апошні час пошукаў нацыянальнай ідэалогіі.У сувязі з гэтым згадаем заўвагу І. Чароты адносна аднаго з дамінатных элементаў прыродна-ландшафтнага кода беларускай культуры – балота, якое, на думку вучонага, нясе ў свядомасці ідэаграму «этнас у сусвеце». «Гэта не толькі выява, але і каларыт, і рытм, і настрой, паводле якіх можна ідэнтыфікаваць дух насельнікаў увасобленай прасторы». І далей: «Пайшоўшы ад балотнага архетыпа, неабходна імкнуцца да асэнсавання цэласнай тыпалогіі беларускага светаадлюстравання…» [20, с. 107, 142].

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер; пер. с англ., вступит. ст. В.А. Беймана. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
2. Гуревич, А. Избранные труды : в 2 т. / А. Гуревич. – Т. 2 : Средневековый мир. – М. – СПб. : Университетская книга, 1999. – 560 с.
3. Виноградова, Л.Н. Граница как особая пространственная категория в народной культуре / Л.Н. Виноградова // Культура и пространство. Славянский мир. – М. : Логос, 2004. – С. 18–26.
4. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – СПб. : Алетейя, 1998. – 249 с.
5. Калуцков, В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения / В.Н. Калуцков. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2000. – 96 с.
6. Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилев. – М. : Экопрос, 1993. – 544 с.
7. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П.Н. Милюков. – Т. 1. – М. : Прогресс, 1993. – 528 с.
8. Санько, С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі / С. Санько. – Менск : БГАКЦ, 1998. – 190 с.
9. Иванова, А.А. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии) / А.А. Иванова, В.Н. Калуцков, Л.В. Фадеева. – М. : ОГИ, 2009. – 512 с.
10. Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств: сб. науч. ст. / ред.-сост. А.М. Лидов. – М. : Индрик, 2009. – 384 с.
11. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
12. Лобач, У.А. Свет людзей і свет багоў : прастора ў міфапаэтычнай карціне свету беларусаў / У.А. Лобач // Беларус. гістар. часопіс. – 2009. – № 3. – С. 12–17.
13. Лобач, У.А. Сакральная геаграфія беларускага Падзвіння / У.А. Лобач // Палявая фальклярыстыка і этналогія: даследаванне лакальных культур Беларусі : навук. зб. / уклад. І.Ю. Смірновай; навук. рэд. В.А. Лабачэўскай. – Мінск : БДУКіМ, 2008. – С. 110–116.
14. Зайкоўскі, Э.М. Жыватворныя крыніцы Беларусі / Э.М. Зайкоўскі, Л.У. Дучыц. – Мінск : Ураджай, 2001. – 111 с.
15. Дучыц, Л.У. Камяні-«краўцы» і камяні-«шаўцы» / Л.У. Дучыц [і інш.] // Палявая фальклярыстыка і этналогія: даследаванне лакальных культур Беларусі : навук. зб. / уклад. І.Ю. Смірновай; навук. рэд. В.А. Лабачэўскай. – Мінск : БДУКіМ, 2008. – С. 69–86.
16. Ліс, А.С. Беларускаякаляндарна-абрадавая песня ў кантэксце фальклорных традыцый славян / А.С. Ліс. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 295 с.

17. Валодзіна, Т.В. Прастора і час сродкамі парэміялогіі / Т.В. Валодзіна // Малыя жанры. Дзіцячы фальклор. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – С. 32–67.

18. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2009. – Т. 1–4.

19. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўнік / навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.

20. Чарота, І.А. Пошук спрадвечнай існасці : Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння / І.А. Чарота. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 159 с.

Shved I.A. **Natural Landscape Code Mythopoetic Thought as an Objectof In terdisciplinary Research**

The article based on a variety of scientific sources, reviewed the process of examining the domestic and foreign scholars natural landscape package. In the world humanities implemented an interdisciplinary approach to studying the natural landscape package, is which is interpreted usually as a factor in the cultural code, in the natural landscape is determined by the image-a symbolic element. In ethnological orientation of natural landscape objects are considered as a concrete real realities that are actively symbolize by mythopoetical thinking, in the works, a predominantly philological aspect of the historical, natural and landscape characters are treated as poetic images and motifs. The current state of humanities in the study symbolism of the natural landscape objects mythological thinking, determination of their traditional symbols is characterized by a rather representative base accumulated factual material, a fairly high level of its primary processing within specific ethnic traditions. Despite the fact that the natural landscape code is one of the determining factors mythological world model of the Belarusians, there is no special of reserch at the moment.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.04.2011

УДК 80 + 2

Г.В. Писарук

РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАГОРНОЙ ПРОПОВЕДИ ИИСУСА ХРИСТА КАК «УЧИТЕЛЬНОЙ» РЕЧИ

В статье представлен риторический анализ Нагорной проповеди Иисуса Христа (Библия, Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 5–7). Определены общериторические принципы «учительной» речи; описаны элементы риторической тактики, реализующие диалогичность общения адресанта с адресатом в устной монологической речи, убеждающий аспект его речевого поведения; выявлены стилистические особенности речи. Исследование может быть полезно для конструирования современной педагогической риторики.

Введение

Исследование библейского текста – глав 5–7 Евангелия от Матфея, представляющих собой проповедь[1] Иисуса Христа, известную в христианской традиции как Нагорная проповедь, с позиций риторики проведено с целью выделения ведущих принципов, главенствующих этических категорий организации «учительной» речи («учительной» – в значении «обращённой к ученикам») [7, с. 93]. Отдавая себе отчёт в том, что в христианской традиции речь пастыря – духовного отца и учителя – рассматривается как «особая ценность, как объект внимательного и осознанного охранительного отношения» [8, с. 62], мы тем не менее считаем, что выделение и формулирование текстообразующих стратегий евангельского текста позволит обогатить педагогико-риторическую копилку риторических принципов, строящих общение учителя с учеником и определяющих эффективность речи современного учителя в светском учебном заведении.

Исследование библейского текста проведено по Синодальному каноническому изданию Библии – переводу, сделанному в XIX веке с еврейского (Ветхий Завет) и греческого (Новый Завет) текстов московским митрополитом Филаретом и профессорами духовных академий России [2]. В отдельных случаях использован и «Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык», представляющий собой научную реконструкцию греческого оригинала, выполненную на основе Ватиканского кодекса; он был впервые издан в 1898 году Эберхардом Нестле [9].

Нагорная проповедь как «учительная» речь

Автор Евангелия, в котором находится Нагорная проповедь, – один из двенадцати учеников Иисуса Христа, бывший мытарь (сборщик податей для Рима), еврей по национальности и иудей по вероисповеданию Матфей Левий. Как считает христианская традиция, он излагал радостную весть («евангелион» с греч. – радостная весть) о пришествии Иисуса Христа собратьям-иудеям, которые ждали Мессию согласно предречённому в Ветхом Завете.

[1] Некоторые библеисты прошлого и настоящего считают, что Нагорная проповедь не является проповедью в прямом смысле, то есть произнесенной Христом в конкретном месте и в конкретное время, а представляет собой собрание высказываний Иисуса, которому искусно придана форма проповеди самим евангелистом. Мы же придерживаемся традиции считать речь Иисуса Христа, переданную евангелистом Матфеем, цельной проповедью.

Анализ евангельского текста позволяет утверждать, что Нагорная проповедь – это не первая проповедь Иисуса Христа. В гл. 4 сказано, что после искушения в пустыне Иисус, «оставив Назарет, пришёл и поселился в Капернауме приморском» (Мф. 4:13) и «начал проповедывать[2] и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17). Далее сказано: «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царства и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф. 4:23). Однако Евангелие Царства Иисус проповедовал всем людям, кто слушал его, а проповедь на горе (в Евангелии она не названа, но, согласно преданиям, это было традиционное место проповеди у северных берегов озера Галилейского – гора Рога Хаттины, которую теперь называют горой Блаженств) он адресовал конкретно своим ученикам: «Увидев народ, Он взошёл на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста, учил их, говоря…» (Мф. 5:1–2). В предыдущей главе евангелист указывает, что к тому времени у Иисуса Христа уже было несколько учеников: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцем их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4:18–22).

В другом Евангелии – Евангелии от Луки – сказано, что к тому времени у Иисуса Христа уже было двенадцать учеников: «В те дни взошёл Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого и назвал Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искариота, который потом сделался предателем» (Лк. 6:12–17). Далее Лука в своём Евангелии описывает речевую ситуацию проповеди, содержательно схожей с Нагорной[3], так: «…стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима, и приморских мест Тирских и Сидонских, Которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих, также и страждущие от нечистых духов; и исцелялись» (Лк. 6:17–18). Однако и здесь Иисус проповедовал не тем, кто просто пришёл послушать его или исцелиться. Евангелист Лука подчёркивает, что Иисус Христос проповедовал своим двенадцати ученикам: «И Он, возвед очи Свои на учеников Своих, говорил…» (Лк. 6:20).

В самом содержании проповеди, изложенной евангелистом Матфеем, Иисус не раз обращается именно к ученикам. Например, слова «Вы – соль земли… Вы – свет миру…» (Мф. 5:13, 14) явно адресованы не сотням иудеев, которые ходили толпами за красноречивым плотником из Назарета в ожидании чуда, а тем, кто уже уверовал в Евангелие Царства и в Иисуса Христа как Мессию. Можно сказать, что через полгода

[2] Здесь и далее при цитировании библейских текстов сохранена орфография и пунктуация Синодального канонического издания Библии. В цитатах воспроизводится также принятое в русской Библии выделение слов курсивом, перенесённое из греческого текста. Указание на соответствующее место библейского текста состоит из сокращённого названия книги, цифрового обозначения главы и (после двоеточия) цифрового обозначения стиха (или стихов).

[3] Некоторые исследователи Библии считают, что проповедь, описанная евангелистом Лукой (Лк.6:17–49), содержательно самостоятельна и не может быть идентична Нагорной проповеди, поэтому и саму проповедь называют «Проповедью на равнине».

после начала служения «от врачевания тел Иисус Христос переходит к врачеванию душ», – пишет истолкователь Евангелия учёный монах XII века Евфимий Зигабен [6].

Нагорная проповедь как риторическое целое

Общая идея Нагорной проповеди – провозглашение новых этических законов, которым необходимо следовать в практике христианской жизни. Считается, что Нагорная проповедь содержит самое сердце учения Иисуса Христа. Ключом ко всей проповеди можно считать слова «не уподобляйтесь им» (6:8). Суть всей проповеди Иисуса Христа сводится к тому, что его истинные последователи, его народ – граждане Царства Небесного, должны всем и во всём отличаться от всех остальных: каждой позицией в своей проповеди Иисус Христос подчёркивает различие между христианскими и нехристианскими нормами жизни, противопоставляя своих последователей и язычникам, и иудеям, в том числе и благочестивым верующим фарисеям[4], и книжникам[5]. Поэтому можно сказать, что Нагорная проповедь как содержательно цельное речевое произведение есть новозаветное описание христианской контркультуры – жизни человеческой, но подчиняющейся божественным законам.

Для Нового Завета по степени важности Нагорная проповедь является тем же, чем были в Ветхом Завете Десять Заповедей, полученных Моисеем на горе Синай. Смысловая насыщенность небольшой по объёму речи (прочитать её можно менее чем за десять минут) очень высока, в ней реализован принцип аристотелевской риторики «говори то, что важно» и принцип насыщенности речи смыслом в риторическом идеале Сократа, что впоследствии в русской культуре сформулировано так: «Словам тесно, а мыслям просторно». Посмотрим, каков смысловой каркас Нагорной проповеди и как она организована структурно в единый текст – риторическое целое.

Открывается проповедь чётко выделяющимся *вступлением,* где Иисус излагает так называемые в христианской традиции «Заповеди блаженств», описывающие христианский характер: «Блаженны нищие духом… Блаженны плачущие… Блаженны кроткие… Блаженны алчущие и жаждущие правды… Блаженны милостивые… Блаженны чистые сердцем… Блаженны миротворцы… Блаженны изгнанные за правду… Блаженны вы, когда будут вас поносить и гнать за Меня…» (5:3–12). Эти заповеди не равнозначны, они выстроены последовательно и представляют собой, как пишет Евфимий Зигабен, «золотую цепь: всякий смиренный духом будет оплакивать свои прегрешения; оплакивающий будет кротким; кроткий будет, конечно, праведным; праведный будет милостивым; осуществивший всё это на деле будет также чист сердцем; и такой будет и миротворцем; кто шёл с успехом даже доселе, тот подвергнется опасностям, но великодушно перенесёт всё, что ни последует» [6, с. 51–52]. Девять фраз

[4] Фарисеи (от древнеевр. отделившиеся) – представители самого многочисленного и могущественного общественно-религиозного течения в Иудее во 2 в. до н.э. – 2 веке н.э. Фарисеи были людьми благопристойного поведения, их характеризовало подчёркнуто строгое соблюдение как внешних установлений, предписанных Богом для евреев (см. Пятикнижие Моисея), так и множество других заповедей, которые они добавили к закону. Между тем внешняя благонравность фарисеев часто прикрывала их внутреннюю нечистоту, поэтому, по словам Иисуса Христа, со всеми своими благочестивыми правилами фарисеи были подобны окрашенным гробам (Мф. 23:26–28). В трёх Евангелиях записано предупреждение Иисуса Христа о том, что надо беречься «закваски фарисейской» (Мф. 16:6; Мк. 8:15; Лк. 12:1) и что праведность Его учеников должна превзойти праведность фарисеев. В активный словарь современного русского языка слово «фарисей» вошло с одним из значений «лицемер, ханжа».

[5] Книжники – толкователи Священного Писания, учителя закона, богословы.

с идентичной синтаксической структурой и единоначатием в начале речи завораживают своим размеренным звучанием. Содержание заповедей и их форма являются тем самым «зацепляющим крючком» (выражение русского юриста и ора-тороведа конца XIX века А.Ф. Кони), который не может не привлечь внимание слушателей, что и является главной целью вступления любой публичной речи.

Далее во вступлении следуют обращённые к ученикам слова в форме двух развёрнутых метафор: «Вы – соль земли… Вы – свет мира…» (5:13–14). Эти слова парадоксальны с точки зрения смысла, поскольку Иисус называет солью и светом мира горстку палестинских рыбаков и крестьян. Однако логика проповеди в том, что именно такое доброе влияние на мир будут оказывать в дальнейшем слушатели, если проявят тот самый христианский характер, с описания которого началась речь. Этот повтор с синтаксическим параллелизмом и единоначатием с точки зрения римской риторики можно расценить как похвалу (риторический приём – комплимент) слушателям с целью расположения их сердец к тому, что будет сказано в дальнейшем.

В конце вступления следует фраза, риторическая задача которой – внушить слушателям-иудеям доверие к оратору, снять возможные сомнения в нём: «Не думайте (в греч. – не сочтите), что Я пришёл нарушить закон или пророков; не нарушить пришёл Я, но исполнить» (Мф. 5:17). Только после этого Иисус Христос приступает к основной – поучительной – части своей проповеди, в которой провозглашает суть новой праведности, не отменяющей или разрушающей ветхозаветную, но исполняющей или превосходящей её.

В *первой части* речи (5:21–48) свою позицию проповедник излагает в форме повторений «теза – антитеза», имеющих параллельное синтаксическое строение: «Вы слышали, что сказано древним… А я говорю вам…». Так построены фразы в стихах 21–22, 27–28, 31–32, 33–34, 38–39, 43–44, где Иисус Христос разоблачает фарисейскую интерпретацию закона. Требуя, чтобы закон исполнялся не только во внешних поступках, но в сокровенных глубинах человеческого сердца, Иисус даёт пять конкретных иллюстраций: убийство, прелюбодеяние, клятвонарушение, месть и ненависть к врагу. В этой части содержится смысловая кульминация проповеди – стихи 38–47, где говорится о необходимости проявлять любовь ко всем без исключения, даже к врагам. Завершается эта часть проповеди призывом следовать новому, только что провозглашённому закону и выводом по всей первой части проповеди: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

Вторая часть проповеди Иисуса Христа (гл. 6) посвящена провозглашению других духовных заповедей поведения Его последователей. В стихах 1–18, где говорится о религиозной праведности христиан в частной жизни, уже нет прямого «отталкивания» от ветхозаветных законов, но приверженность им осуждается в форме «антипримеров» из жизни иудеев и язычников. Говоря о тайных побуждениях, Иисус приводит три конкретных «антипримера» о мотивах милостыни, молитвы и поста.

Отношение Иисуса Христа к будничной суете (19–32), неизбежной в земной жизни, выражается с помощью представления альтернативных возможностей: два сокровища – на земле и на небе (19–21), два состояния – свет и тьма (22–23), два господина – Бог и маммона[3] (24), две заботы – телесная и Царство Божье (24–25) – и повеления собирать сокровища на небе, а не на земле, то есть не ставить на первое место заботы о пище и одежде. Заканчивается эта часть проповеди призывом-обобщением, по структуре

[3] Маммона – транслитерация арамейского слова, обозначающего благосостояние.

аналогичным завершающей фразе первой части: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (6:33).

Третья часть проповеди, занимающая часть седьмой главы (1–20), продолжает формулирование новых этических законов. Однако если вторая часть была посвящена, условно скажем, более «человеку в себе», то в третьей части совершенно логично говорится о «человеке среди людей»: речь идёт о взаимоотношениях христианина с окружающими – с братьями, с людьми вообще, с лжепророками и с самим Иисусом Христом. Проповедник провозглашает недопустимость осуждения ближнего, необходимость придерживаться здравого смысла в общении с окружающими, обязательность реагирования на нужды других людей.

В *заключении* (7:15–27) проповедник рассуждает о возможном отношении к Нему (предупреждает о лжепророках, прикрывающихся его именем (15–20)) и его словам (говорит о словесном исповедании Его имени (21–23) и интеллектуальном восприятии его истин (24–27)). Последняя притча в проповеди поясняет главный вывод, к которому подводится аудитория: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному…» (7:24).

Таким образом, смысловая особенность Нагорной проповеди состоит в том, что Иисус Христос в ней призывает заменить внешнюю пустоту внутренним богатством, побуждает перейти от внешней праведности поступков к внутренней праведности мыслей и желаний. Смысловой каркас проповеди отличается логичностью и стройностью.

С точки зрения структуры проповедь соразмерна, построена по всем законам риторики: чётко обозначенные содержательно вступление и заключение занимают одну треть всей речи, главная часть легко делится на три подчасти. Именно о таком требовании к построению речи говорили основоположник риторики грек Аристотель и прославленный оратор-римлянин Цицерон, ушедший из жизни за 30 лет до рождения Иисуса Христа. Позже «закон золотого сечения» публичной речи был сформулирован итальянцем Леонардо да Винчи. Наконец, общая пятичастная структура Нагорной проповеди и её внутреннее членение отвечают открытому в 60-е годы XX века американским психологом Джоном Миллером «магическому числу» – 7 ± 2: при восприятии речи (устной или письменной) для оперативной памяти имеет значение не только содержание и способ подачи речи, но и число блоков информации; это число постоянно и равно 7 ± 2.

Диалогичность Нагорной проповеди

Как известно, термин «диалог», как и слова «диалогический», «диалогичность», в риторике – классической и современной – означают не только и не столько форму речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами, сколько утверждают отношения между адресантом и адресатом в речевой ситуации: говорящий и слушатель (слушатели) являются лицами деятельными независимо от степени формальной диалогичности их речевого поведения. Субъект-субъектные отношения в речевом общении проявляются во взаимном интересе коммуникантов друг к другу, в уважении точки зрения собеседника, в предоставлении ему права на иной взгляд.

Современная риторика в качестве основного закона речевого поведения коммуникантов постулирует закон гармонизирующего диалога, классическая риторика тоже во все времена утверждала, что при диалогическом по сути способе общения для

говорящего (выступающего) главными в речевой ситуации являются слушатели: им произносится речь, для них говорящий имеет идеи, им он подбирает нужные слова, наконец, с ними он заводит разговор. Недаром тысячелетия назад Аристотель начал свой трактат «Риторика» именно с рассмотрения речевой ситуации и утверждал, что «слушатель и есть конечная цель всего» [1, с. 24]. И задача говорящего при диалогическом стиле общения, по словам русского философа XIX века В.Ф. Одоевского, – «пробудить в слушателе собственное внутреннее слово».

Ориентация Иисуса Христа на адресата – своих избранных учеников – проявляется, во-первых, в хорошем знании слушателей. Можно представить «социальный портрет» учеников Иисуса Христа, которые слушали проповедь на горе. Это бывшие рыбаки – Симон-Пётр, Андрей, Иаков и Иоанн, бывший мытарь Матфей. Остальные – тоже люди из простого сословия, необразованные иудеи. Иисус Христос говорит о привычных им вещах, опирается на те факты и образы, которые взяты из жизненно важных и доступных для понимания слушателей областей: о молитве, посте, милостыне и жертвах, о соли, о деревьях и т.д. Проповедник отсылает их к хорошо известному: упоминает Соломона (6:29), закон и пророков (7:12), ссылается на Писание (5:21, 27, 33), повторяя заповеди, известные иудеям по Книгам Исход (гл. 20) и Второзаконие (гл. 5).

Важно заметить, что Иисус Христос ободряет своих недавно избранных учеников, сравнивая их с пророками («…так гнали *и* пророков, бывших прежде вас» (5:12)). Во время, когда на учеников возлагается большая ответственность, Иисус Христос своим сравнением бросает им вызов, даёт им своеобразный аванс. Это не только правило риторической вежливости, это истинно по-христиански – воодушевить людей, показать им их потенциальные возможности. Несомненно, то, что Иисус Христос сравнил учеников с пророками, а затем назвал «солью» и «светом» мира, могло побудить их распрямить плечи и высоко поднять голову, ощутив себя людьми, получившими ответственное поручение.

Ещё один принцип, реализующий ориентацию речи на адресата, – это конкретность, которая проявляется через примеры, приводимые говорящим для подтверждения своих мыслей. Всегда считалось, что чем речь конкретнее, тем легче адресату слушать говорящего, тем более он усвоит, запомнит, поймёт, ведь он сможет «увидеть» речь своим внутренним взором. Например, иллюстрация отказа от возмездия отражает четыре различные жизненные ситуации: «Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (5:38–42). Как видим, каждая ситуация вводит лицо (контекстуально – «человека злого»), которое пытается обидеть (понимай: нас, тебя – сочетаются «ты» и «вы»): один бьёт по лицу, другой подаёт в суд, третий пользуется нашими услугами, четвёртый выпрашивает деньги. Эти примеры имеют обобщённый характер: они вне времени и пространства. Так иллюстрируется принцип беззаветной любви человека к человеку, который должен отказаться от мщения, если любит своего ближнего.

Этими приёмами реализуется риторический принцип, провозглашённый классической риторикой во времена Аристотеля и Цицерона и утверждаемый современной риторикой, – принцип близости содержания речи интересам и жизни адресата.

В Нагорной проповеди заметна не только внутренняя, неформальная диалогичность общения, но явственно выступает и внешняя. Риторика называет отмеченные далее приёмы приёмами диалогизации монологической по форме речи.

Проповедь изобилует риторическими вопросами, реализующими прямую адресацию к слушателям. Например: «Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (5:46–47). Риторических вопросов в Нагорной проповеди более десяти. Есть и риторические вопросы, задаваемые от лица слушателей: «Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» (7:22).

Встречаются и другие приёмы, рассчитанные на мыслительную реакцию собеседника: вопросно-ответная форма речи («Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые…» (7:16–17)), косвенные обращения к слушателям («Вы слышали, что сказано древним…» (5:21)); так называемые «приглашающие императивы» («Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем…» (6:1)) и др.

Учеников (слушателей) немного, поэтому в речи проповедующего логично сочетание коммуникативно-контактных формул «ты» и «вы»: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники…» (6:6–7). Обращение на «ты» в публичной речи – это один из риторических способов интимизации высказывания.

Все эти внутренние и внешние риторические приёмы организации речи не могли не производить впечатление, в результате слушающие речь Иисуса Христа, несомненно, думали, мысленно соглашались или возражали, оценивали речь, её смысл и оратора, готовились к принятию решения, делали выводы – словом, тоже действовали.

Таким образом, внимательное прочтение Нагорной проповеди взглядом ритора позволяет сделать вывод: несмотря на преобладающий в то время в Римской империи монологический риторический идеал, организующим принципом монологического по форме речевого поведения Иисуса Христа является диалогичность.

Убеждающий аспект Нагорной проповеди

Риторика утверждает, что истинно диалогическое отношение к собеседнику (одному или аудитории) в речи проявляется ещё и в том, что говорящий не просто излагает известные ему истины, а считает нужным объяснять и аргументировать свои позиции, может быть, даже убеждать в своих позициях слушателей.

В Словаре русского языка сказано, что проповедь – это «речь религиозно-назидательного характера», а проповедовать обозначает «распространять какое-либо вероучение, излагая, ***объясняя*** (выделено нами – Г.П.) его слушателям» [10, Т. 3, с. 512]. В словаре В.И. Даля в трактовке понятий «проповедь» и «проповедовать» отмечены не только назидание (наставление) и объяснение, но и другие составляющие проповеди. У В.И. Даля проповедь – это «поученье, речь, духовное слово, наставление священника пастве в церкви либо народно, в ином месте», а проповедовать – «говорить всенародно, возвещать, провозглашать; поучать, взывать к слушателям речью, ***убеждая*** (выделено нами – Г.П.) и наставляя» [4, Т. 3, с. 503].

Риторика всегда рассматривала аргументацию как направленную деятельность, имеющую цель усилить или ослабить чьи-то убеждения, предполагающую активную реакцию другой стороны на приведённые доводы. Более 30 раз Иисус Христос использует прямое доказательство высказываемых истин с использованием языковой формулы «потому что» или «ибо»: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (5:5–6), «А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; Ни землёю, потому что она подножие ног Его: ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным» (5:34–36) и др.

Среди доказательств есть утверждающие доказательства: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (5:10). Есть доказательства с развёрнутым объяснением: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу» (5:25). В некоторых доказательствах есть сравнения: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (6:16). Есть аргумент *a fortiori* – «насколько больше»: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (7:9–11).

В проповеди использована и универсальная (в современной классификации теории аргументации) эмпирическая аргументация, например, аргумент к здравому смыслу: «И зажегши сечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (5:15); и неуниверсальная аргументация, например, аргумент к авторитету: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (7:12).

Есть в проповеди отдельные утверждения, которые не имеют доказательств или пояснений, к таковым мы относим призыв проповедника собирать себе «сокровища на небе» (6:20). Несомненно, такое утверждение предполагало, что слушатели – Его ученики, верующие в Бога, – смогут сами догадаться: в сравнении с тленными сокровищами на земле (6:19) «сокровища на небе» – это нечто нетленное. Думается, Иисус в данном случае имел в виду вовсе не «сокровищницу заслуг», как впоследствии назвала это учение средневековая римско-католическая церковь: человек может с помощью добрых дел, совершённых на земле, накопить нечто вроде кредита на небе. Речь, конечно же, шла в первую очередь о совершенствовании человеком своей личности в неустанном стремлении быть подобным Христу, так как всё, что человек может взять с собой на небеса, – это он сам. Отсутствие в данном случае каких бы то ни было видимых пояснений, на наш взгляд, компенсируется всем контекстом Нагорной проповеди.

В целом же речь имеет форму рассуждения-доказательства. Покажем это на примере отрывка из второй части проповеди – 6:25–33. Этот отрывок продолжает рассуждения о возможном выборе человека (6:19–24): человек хочет копить сокровища – но что будет храниться дольше? Человек хочет быть свободным и целенаправленным в своих действиях – какими же должны быть его глаза, чтобы это обеспечить? Он желает служить лучшему господину – тогда надо подумать, кто

достоин преданности. Лишь когда может быть сделан выбор в пользу сокровища небесного, в пользу света и Бога, Иисус Христос предлагает следующий тезис: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться», который завершает риторическим вопросом: «Душа не больше ли пищи, и тело – одежды?» Затем приводит сравнение, поясняющее и доказывающее часть тезиса (о еде), которое опять-таки завершает риторическим вопросом: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Следующий стих содержит подтверждение тезиса в форме риторического вопроса: «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть?» Затем переходит к доказательству второй части тезиса (об одежде), также приводя сравнение, начинающееся риторическим вопросом: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». Затем следует вывод в форме эмоционального восклицания: «Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!» Далее делается вывод по двум позициям первоначального тезиса: «Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или «во что одеться?», сопровождающийся, во-первых, аргументом-«антипримером» («Потому что всего этого ищут и язычники…»), и, во-вторых, самым сильным аргументом («…и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом»). Завершается этот блок рассуждений призывом: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам».

На фоне внешне спокойного – акустического, интонационного – рисунка речи отдельные части проповеди, подобные этой, можно субъективно расценить как эмоциональные всплески. См. также 7:15–20 и др.

В конце проповеди, где по закону риторики должно быть резюмирование сказанного, находится известная христианам даже вне контекста метафорическая притча о благоразумном и безрассудном строителях: один построил свой дом на камне, другой – на песке. Примечательно, что оба дома подверглись одинаковым воздействиям («И пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились (налегли) на дом тот...» (7:25, 27)), но первый дом устоял, а другой был разрушен. Проповедник не делает вывод, но смысл этой антитетической притчи в конце проповеди прочитывается прозрачно: всякий, кто услышал данные сейчас заповеди, но не будет следовать им в своей внутренней и внешней жизни, будет трудиться напрасно.

Особенности стиля Нагорной проповеди

В Нагорной проповеди логично сочетаются разные регистры речи – части текста (размером от части предложения до группы предложений), отражающие способ восприятия мира говорящим или пишущим, функционально различающиеся в структуре высказывания и поэтому с точки зрения современной лингвистики являющиеся способами его организации. Как истинный учитель, Иисус Христос поднимается над представлениями о конкретно наблюдаемой действительности, которые порождаются прямым сенсорным восприятием и проявляются в речи через изобразительный регистр (почему Иисус Христос его и не использует), и выражает свою позицию по отношению к явлениям действительности, что характерно для информативного регистра речи: например, «Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (7:8); «Никто не может служить двум господам: ибо

или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (6:24); «…где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (6:21) и др.

Для обобщающего регистра речи Иисуса Христа характерны утверждения об общечеловеческих свойствах, присущих всем или многим людям, о закономерностях, действующих во все времена: Бог «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (5:45), «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (7:19) и др. Обобщающий регистр реализует высшую степень абстрагирования мысли от хронотопа (времени и места) текста, почему Нагорная проповедь актуальна и по сей день.

Однако основным регистром в проповеди является воле-изъявительный: говорящий выражает (изъявляет) свою волю, побуждает адресата к действию, к желательному для него изменению положения. Это оправданно: во все времена признавалось, что с помощью слова можно управлять поведением людей, сегодня это утверждает лингвопрагматика. В соответствии с целью проповеди основным типом речевого действия Иисуса является воздействие, в частности побуждение слушателей к изменению принципов поведения. В основном это выражается прямыми указаниями, выраженными в русском переводе побудительными предложениями с глаголами в повелительном наклонении: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (7:12); « Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (5:23–24); «Да будете сынами Отца вашего Небесного…» (5:45); «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (5:16) и др.

Всего в 107 стихах Нагорной проповеди использовано 58 глаголов в повелительном наклонении, то есть каждый второй стих имеет волеизъявительную окраску: он содержит или повеление (в 38 случаях), или запрещение (20). Так в речи реализуется право учителя учить.

Примечательно, что проповедь начинается с общих утверждений («Блаженны кроткие…» (5:5)), затем Иисус Христос использует 2-е лицо («Вы – соль земли…» (5:13)), а в главной части переходит на авторитетное 1-е лицо и начинает употреблять особую формулу – «истинно говорю вам» или «говорю вам», используя её более десяти раз на протяжении проповеди.

Речь Иисуса Христа в полной мере реализует принципы современной ему римской риторики – риторики Цицерона, в которой смысловая насыщенность и логичность сосуществуют с изысканными и много-численными «цветами красноречия» – риторическими тропами и фигурами.

Если говорящий воспринимает слушателей как живых, чувствующих людей, следовательно, он будет стремиться затронуть их эмоциональную сферу. Иисус Христос давал ученикам не богословский трактат и не академическое исследование, рассчитанное лишь на стимуляцию ума. Он желал затронуть и их чувства. Так поступал и мудрый иудейский царь Соломон, которому приписывают авторство Книги Екклезиаста: «Старался Екклезиаст приискивать изящные изречения…» (Ек. 12:10).

Нельзя не заметить, что проповедь метафорична – основана на мыслительных операциях аналогического типа. «Слагать хорошие метафоры, – говорил Аристотель, – значит подмечать сходства в природе». В проповеди есть немного метафорических

эпитетов («чистые сердцем» (5:8), «тесные врата» (7:14), «плоды добрые, худые» (7:17) и др. Номинативные метафоры, содержащие глубочайший смысл, есть во всех частях проповеди – от введения до заключения: «нищие духом» (5:3), «волки в овечьей шкуре» (7:15) и др. Уже во вступлении проповедник использует две ярчайших параллельных метафоры: «Вы – соль…», «Вы – свет…» (5:13, 14). Иисус Христос не делает специальных пояснений, так как соль и свет являлись (и являются до сих пор) неотъемлемой принадлежностью домашнего хозяйства, и об их функциях хорошо знали слушатели, поэтому данная метафора была им понятна: подобно тому как соль сохраняет продукты от гниения, а свет делает всё видимым, последователи Иисуса Христа – христиане – должны препятствовать разложению человеческого общества и нести в мир свет истины. Однако к этим утверждающим словам проповедник добавляет условия: соль не должна быть обессолена (в греч. – сделана глупой), а должна сохранять свою солёность, свет же должен быть виден всем.

Наиболее насыщена метафорами третья часть проповеди. Здесь содержится несколько метафор – о добром и худом дереве (7:17–19), о широких и узких вратах (7:13–14), о доме на песке и на камне (7:24–27). Эти антитетические метафоры, прозвучавшие как ответ любителям *via media* (с лат. «путь по середине»), радикально подчеркивают существование одного-единственного шанса быть угодным Богу: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (7:13–14). Смысл метафоры таков: существуют два пути – тяжёлый и лёгкий (промежуточного пути нет), ведут к ним двое врат – широкие и тесные (иных нет), движутся по ним две толпы – большая и маленькая (нейтральной группы нет) и заканчиваются эти пути двояко – разрушением и жизнью (третьего варианта не существует). Как видим, о чём бы Иисус Христос ни говорил, он говорил уверенно, показывая альтернативные варианты поведения, но указывая слушателям только на один единственно верный. Ясно, что проповеднику чужд был синкретизм, согласно которому противоположные мнения являются всего лишь взаимодополняющими видениями одной и той же истины.

В проповеди есть несколько ярких фитонимных метафор, в основе которых лежат базисные образы, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором всё происходит из-за каких-либо семян или зёрен, имеет свои корни и приносит плоды, рождается и умирает в соответствии с естественными циклами жизни. Человек, наблюдая жизнь растений, лучше понимает свою жизнь. В конце Нагорной проповеди ярко выделяется фитонимная метафора с элементом плода. Она следует за метафорой об овцах и волках – «волки хищные» могут прийти «в овечьей одежде» (7:15). Но если волк может замаскироваться, то дерево – нет. Здесь проповедник говорит о средствах, с помощью которых можно различить лжепророка: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы (в греч. – с колючего растения)? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их» (7:16–20). Элемент «плод» в метафоре – это всегда символ результатов, итогов. Деревом определяется не только характер плода (смоковница, приносящая смоквы, и виноградная лоза, приносящая виноград), но и его качество («всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (7:17)). Чтобы подчеркнуть способ различения

лжепророков, Иисус Христос использует риторический приём буквального повтора: «По плодам их узнаете их» (7:16, 20).

Смысловое напряжение проповеди – абсолютная категоричность провозглашаемых заповедей – побуждает говорящего использовать гиперболические вкрапления: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя…» (5:29); «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя…» (5:30), «…пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (6:3) и др. Интересно, что в Евангелии от Матфея (18:8, 9), говоря о соблазнах, Иисус Христос повторил эти же слова, добавив к ним требование отсечь и ногу. Безусловно, Иисус Христос ратовал не за буквальные физические увечья, как понял это в I в. н. э. учёный Ориген Александрийский, в результате чего довёл себя до крайностей аскетизма, но за неустанное нравственное самоотвержение. Таким образом Иисус Христос учил Своих учеников пути святости, которая включает в себя не просто отказ от угождения плоти, но умерщвление её.

Есть несколько выражений, которые в русском переводе сегодня воспринимаются как разговорные: «…когда творишь милостыню, не труби перед собою…» (6:2), «выбросить её вон…» – о соли, потерявшей солёность (5:13) и др.

Сознательная неровность стилистической окраски проповеди особенно ярко заметна в начале третьей части. Сразу после призыва проповедника к конструктивным братским отношениям следуют резкие слова о «псах» и «свиньях» среди окружающих людей: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (7:6). Эти нелицеприятные метафорические слова проповедника были хорошо понятны ученикам-евреям (евреи никогда не дадут «святой» – возможно, жертвенной – пищи нечистым псам и не помыслят бросить что-либо драгоценное нечистому животному – свинье) и обеспечивали здоровый баланс в смысловом рисунке проповеди: если мы прежде удалим бревно из своего глаза, то сможем ясно увидеть, как убрать сучок из глаза брата своего, но есть люди, которые не способны оценить наши усилия, они «одержимы неизлечимым нечестием» [6, с. 86], их природа неисправима, поэтому надо иметь мудрость в отношениях с такими людьми, не следует напрасно говорить о чём-либо и доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это; не следует говорить о возвышенном низким людям. В церковнославянской Библии на месте греческого слова «жемчуга» переводчики использовали слово «бисер», отсюда и фразеологическое выражение, существующее в современном русском языке, – «метать бисер перед свиньями».

Смысловая насыщенность Нагорной проповеди Иисуса Христа высока, а язык столь отточен, что многие выражения из неё впослед-ствии стали афоризмами. В современном Словаре фразеологизмов [5] отмечено более двадцати устойчивых выражения, корни которых – в Нагорной проповеди Иисуса Христа. Среди них больше всего непредикативных оборотов, соотносимых со словосочетаниями: волк в овечьей шкуре (7:15), злоба дня (6:34), как птицы небесные (6:26), как «Отче наш» (6:9–13), метать бисер перед свиньями (7:6), непротивление злу насилием (5:39), нищие духом (5:3), служить мамоне (6:24), соль земли (5:13), строить на песке (7:26), с чистым сердцем (5:8), хлеб насущный (6:11), подставить левую щеку (5:39).

Есть в проповеди и фразеологизмы в форме предикативных единиц, то есть предложений, которые в пословично-афористичной форме выражают всевозможные наставления, советы, нравоучения, предо-стережения, запреты, предписания,

увещевания, пожелания и т. п.: блаженны миротворцы (5:9), блаженны нищие духом (5:3), в чужом глазу сучок не видеть, а в своём и бревна не замечать (7:3), ищите и обрящете (7:7), кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую (5:39), левая рука не знает, что делает правая (6:3), не судите, да не судимы будете (7:1), птицы небесные не жнут, не сеют, а сыты бывают (6:26), толцыте, и отверзется (7:7), хлеб наш насущный даждь нам днесь (6:11).

В результате небольшая по объёму речь Иисуса Христа оказала огромное впечатление на многочисленных слушателей (вероятно, люди из огромной толпы всё-таки присоединились к ученикам), так как после передачи содержания проповеди евангелист Матфей пишет: «И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился (в греческом – поражался) учению Его, Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (7:28–29). В данном контексте выражение «власть имеющий» в противопоставлении с деятельностью фарисеев и книжников обозначает власть Иисуса Христа как носителя божественного слова и закона, но нельзя не отметить, что риторика во все времена утверждала: в любой сфере жизни получающий право на публичную речь получает и право на власть над слушателями, к которым он обращает своё слово[4]. Несомненно, Иисус Христос повлиял на слушателей и содержанием Своих наставлений, и «учительской» манерой изложения. Не случайно позже апостол Павел напишет о себе: «…я смело проповедывал, как мне должно» (Еф. 6:20) и адресует своим молодым соратникам Тимофею и Титу наставление: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещавай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. 4:2); «Сие говори, увещавай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя» (Тит. 2:15).

Заключение

«Учительная» проповедь Иисуса Христа две тысячи лет назад была адресована нескольким ученикам. Однако воздействие её оказалось настолько сильным, что церковь, будучи вначале малым, неприметным для остального мира религиозным обществом, представленным малочис-ленной группой некнижных галилейских рыбаков, распространилась в течение двух столетий по всему тогдашнему миру – от дикой Скифии до знойной Африки и от далёкой Британии до таинственной Индии.

Наблюдения над речевым поведением Иисуса Христа в Нагорной проповеди побуждает размышлять о сути педагогического общения, о нравственных ценностях и риторических принципах, которые лежат в его основе. Наше исследование подтверждает исследование А.К. Михальской, утверждающей, что Иисусу Христу в Нагорной проповеди характерен риторический идеал, утверждающий принципы общения на основе гармонизации отношений субъектов общения. Риторическая парадигма Нагорной проповеди включает в себя диалогичность отношений говорящего и слушателей в монологической речи, проявившуюся через множество конкретных примеров, обилие доказательств, различные средства формальной диалогизации

[4]А.А. Волков (см. Теория риторической аргументации. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 42) утверждает, что гомилетика, представляя собой принципиально новое явление в истории культуры, отличается от оратории строением речи и образом ритора. Соглашаясь с уважаемым теоретиком риторики в отношении образа ритора (проповедника, духовного наставника), думаем, что гомилетика, будучи составляющей оратории, следует общериторическим законам, в частности тем, которые касаются и позиции говорящего, и строения речи.

монологической речи; динамичность и чёткость структурного движения речи; образность речи.

Выводы, сделанные на основе анализа евангельского текста, на наш взгляд, помогут конструированию современного педагогико-рито-рического идеала, включающего в себя основные черты христианского «учительной» речи. «Концептуальные основы этого риторического идеала были заложены Сократом, отчасти восприняты Цицероном, затем ранним христианством и были в значительной степени развиты впоследствии в отечественной православной культуре» [8, с. 11–12]. Будучи христианами, относящими любое библейское слово к себе, во время чтения Нагорной проповеди мы ощущаем любовь и мир – и это есть эмоционально-психологический результат успешного речевого общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 350 с.
2. Библия. Книги Священного Писания. Ветхий и Новый Завет. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. – Изд. 2-е. – М. : СЕП и СМИ, 1988.
3. Волков, А.А. Теория риторической аргументации / А.А. Волков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 372 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В.И. Даль. – М. : «Русский язык», 1981.
5. Дубровина, К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
6. Зигабен, Е. Толкование Евангелия от Матфея и толкование Евангелия от Иоаанна, составленные по древним святоотеческим толкованиям византийским, XII века, учёным монахом Евфимием Зигабеном / Е. Зигабен ; пер. с греч. – СПб. : «Общество святителя ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО», 2000. – 640 с.
7. Михальская, А.К. Тексты Нового Завета // Педагогическая риторика / А.К. Михальская. – М. : Изд. центр «Академия», 1998. – С. 93–100.
8. Михальская, А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А.К. Михальская. – М. : Изд. центр «Академия». 1996. – 192 с.
9. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. – СПб., 2003.
10. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : «Русский язык», 1984.

Pisaruk G.V. **Rhetoric Analysis of Jesus Christ's Sermon on the Mount as a «Teaching» King of Speech**

The article presents a rhetoric analysis of Jesus Christ's Sermon on the Mount (Bible, New Testament, Matthew, chapters 5–7). It includes the definition of general rhetoric principles of a «teaching» kind of speech; describes the elements of rhetoric tactics realizing the dialogue nature of communication between the speaker and the addressee in oral monologue speech as well as the persuasive aspect of his speech behavior, and reveals the stylistic peculiarities of the speech.

The analysis may be of use for structuring modern pedagogical rhetoric.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.03.2011

УДК 37.015.3

Е.И. Медведская

ЭТАЛОННЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ УЧЕНИК: АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ У ПЕДАГОГОВ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В статье поставлена проблема соотношения объема и содержания знания эталонного (или обобщенного) и знания конкретного. С помощью психосемантических методов эмпирически выявлено, что сложившиеся в опыте учителей эталоны являются более когнитивно сложными, чем знание ими реальных школьников. Подобная организация эталонного знания личности ученика позволяет считать его теорией по отношению к практике межличностного познания. Эта особенность педагогического сознания дает основания предполагать, что наиболее эффективным для гуманизации его содержания выступает уточнение и обогащение знаний об идеальном ученике.

Введение

В области межличностного познания, как показывают многочисленные исследования (прежде всего проводимые в школе А.А. Бодалева) опосредствующим звеном в понимании конкретного человека выступают сложившиеся в опыте обобщения, или эмоционально-оценочные эталоны. В отличие от научных понятий о человеке, которые «всегда плод труда, сознательно подчиняемого решению определенных задач» [1, с. 121], эталоны складываются стихийно и выступают результатом малоосознаваемого процесса обобщения опыта: как личного (труда, познания и общения), так и коллективного (усвоения тех социальных представлений, которые существуют в конкретных группах, членом которых является человек). Чрезвычайно важным для настоящего анализа является положение А.А. Бодалева о том, что эталон всегда актуализируется у человека при познании другой личности. По образному выражению ученого эталоны «всегда говорят свое слово», когда один человек оценивает другого. Эти эталоны, или как их еще называет А.А. Бодалев «представления-образцы», выполняют роль своеобразной «мерки» при оценивании другой личности, поэтому существует необходимость построения тех «оценочных шкал, которые возникают в ходе работы по профессии» [1, с. 481].

Существующие сегодня в психологии исследования эталонов представляют собой две группы. Первая группа – изучение механизмов формирования и изменения содержания эталонов в зависимости от имеющегося у субъекта познания опыта (это прежде всего исследования, проводимые А.А. Бодалевым и его сотрудниками). Так, показана динамика содержания эталонов у людей разных возрастов (В.М. Сенченко, В.Н. Куницына), возможность различных форм обобщения: от персонифицированного другого до типологии личностей (Г.Г. Финикова) и др. Общим итогом этой группы исследований можно считать выявление следующей закономерности: содержание понятия о другом человеке является показателем сформированности личности познающего.

Вторая группа – это многочисленные исследования оценочных стереотипов, которые выражаются в приписывании незнакомому человеку определенного набора личностных качеств в зависимости от его внешности (G. Allport, P.Selord, 1965), национальности (J. Bruner, H. Perlmutter 1957; G. Allport, 1961), социального статуса и профессиональной роли (M. Hair, W. Grunes 1950; T. Costello, S. Zalkind 1963;

З.Ф. Семенова, 1978 и др.). Подобные исследования не только раскрывают содержание (можно сказать, коллективную составляющую) эталонов, но и обнаруживают механизм их проявления (прежде всего при недостатке информации о другом человеке).

Однако исследований того, как содержание сложившегося у субъекта эталона проявляется в результатах познания им конкретной личности, в литературе не обнаружено. Поиск ответа на поставленный вопрос и стал целью настоящего исследования. Материалом для изучения выступили знания педагогов об эталонном и конкретном ученике. Выбор в качестве объекта анализа содержания именно педагогического сознания обусловлен следующим основным положением. У представителей всех профессий формируются характерные оценочные шкалы другого человека. Однако специфика труда учителя состоит в том, что он постоянно «меряет» детей, выставляя им отметки-оценки. Причем эти оценки относятся не только к знаниям, но и к личности ребенка в целом, как это убедительно доказано Б.Г. Ананьевым в его изучении парциальной оценки учителя. По существу педагогическая деятельность и заключается в оценивании, сравнении личности с неким идеалом.

Методологической основой настоящего исследования выступила экспериментальная психосемантика, в рамках которой заявленная проблема соотношения знаний об эталонном и конкретном ученике рассматривается с точки зрения когнитивной организации сознания.

Одним из базовых процессов познания является категоризация как специальный механизм «упаковки» или обобщения жизненного опыта (Дж. Брунер, 1975). В психосемантике категории рассматриваются как основные структуры сознания, представляющие собой обобщенные системы значений, в которых сконцентрирован как общественный, так и индивидуальный опыт [2; 3]. Категории обыденного сознания, также как и категории научные, выполняют функцию осознания мира и организации в нем жизнедеятельности. В отличие от научных понятий и категорий, содержание которых отрефлексировано и представляет собой свернутое в одно понятие целостную систему значений, категории обыденного сознания представляют собой расплывчатые обобщения, которые далеко не всегда могут осознаваться их носителем.

Таким образом, с позиций когнитивной организации сознания, эталоны, выделяемые в теории А.А. Бодалева в качестве медиатора межличностного познания, могут рассматриваться как знание, обладающее следующими характеристиками.

Во-первых, это знание имплицитное по происхождению, поскольку «Формирование «эталонов», которыми человек пользуется при оценке личности, хотя неизбежно и определяется многочисленными влияниями общества, для самого человека оказывается в большинстве случаев стихийным процессом, и он может и не сознавать, что у него формируются те или другие «эталоны»» [1, с. 121]. Во-вторых, это знание абстрактное по своему продукту, так как в процессе познания другого всегда происходит вычленение наиболее значимых его характеристик и отвлечение от других. Фильтром для селекции характеристик другого человека, согласно А.А. Бодалеву, выступает деятельность: «Каждый человек познает других людей не ради праздного любопытства. Формирующиеся у него образы и понятия о личности служат целям регуляции его деятельности, его поведения в общественной среде» [1, с. 99].

Результаты многолетних исследований свидетельствуют о недостаточном знании педагогами школьников (Б.Г. Ананьев, 1935; В.С. Кондратьева, 1980; А.А. Реан,

2000 и др.) и о «бездетности» учебного процесса (Н.В. Клюева, 2000; Э.Ф. Зеер, 1997; Т.С. Шевцова, 1999; А.Ю. Борисов, 1998; П.А. Сергоманов, 1997). Названные характеристики в контексте обозначенной проблемы позволяют предположить, что модель личности эталонного ученика является более дифференцированной по своему категориальному строю, чем модель личности конкретного ребенка.

Организация исследования

В исследовании приняло участие 200 учителей начальных классов, работающих в различных учреждениях образования Брестской области.

Изучение существующей у педагогов когнитивной модели личности ученика (эталонного и конкретного) проводилось методом построения субъективных семантических пространств [2; 3]. Под семантическим пространством понимается определенным образом структурированная система описаний действительности, которая сложилась в опыте субъекта и опосредует его понимание этой действительности. В нашем случае это система личностных категорий, образующая в педагогическом сознании модели личности эталонного и конкретного школьников. При этом модель эталонной личности выступает для учителя своеобразной «призмой» для понимания им конкретного ученика, т.к. «понимание – это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным» [4, с. 9].

Основным инструментом в настоящем исследовании выступал метод личностного семантического дифференциала, который «позволяет оценивать не значение как знание об объекте, а коннотативное значение, связанное с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабоструктурированными и малоосознаваемыми формами обобщения» [5, с. 64], т.е. позволяет эксплицировать имплицитное знание.

По предложенным шкалам семантического дифференциала (n=36) педагогам предлагалось оценить по 7-балльной шкале личность идеального ученика и личность конкретного школьника с высоким уровнем успеваемости (наиболее знакомого с точки зрения самого учителя).

Обработка данных семантического дифференциала осуществлялась посредством факторного анализа (центроидный метод с подпрограммой поворота факторных структур varimax). Прежде, чем переходить к обсуждению полученных результатов следует оговорить еще один технологический момент. Для выявления того, насколько полученные данные можно считать не случайными, первоначально факторный анализ проводился в случайных подгруппах педагогов (n=50). Средняя величина коэффициента корреляции Спирмена, полученная при попарном сопоставлении факторных матриц внутри этих подгрупп педагогов, имеет высокие значения для ведущих факторов: от 0,82 до 0,86. По мнению А.Г. Шмелева, «коэффициент конгруэнтности не ниже 0,8 свидетельствует об идентичности факторов» [3, с. 131] или о высокой внутригрупповой согласованности респондентов. В подобных случаях внутригрупповой согласованности В.Ф. Петренко полагает, что «результаты среднегрупповой матрицы могут репрезентировать всю выборку в целом» [2, с. 92].

Результаты и их обсуждение

Для удобства анализа, факторы-категории, полученные в результате обработки данных, представлены в таблице. Они соответствуют следующим критериям: 1) значимы по критерию Кайзера и 2) не случайны по субъективной значимости для

респондентов (т.е. общая дисперсии фактора превышает пятипроцентный порог). Чтобы по возможности избежать субъективизма в интерпретации выделенных факторов-категорий, их содержание соотносится с имплицитной концепцией личности носителя русского языка А.Г. Шмелева [6]. В таблице рядом с названием категории указана ее субъективная значимость для респондентов (% общей дисперсии) и приведена нагрузка образующих категорию шкал (только тех дескрипторов, чей вес превышает однопроцентный уровень статистической достоверности, а именно r=0,43).

Таблица – Семантическое пространство личности эталонного и реального учеников

Ф	Эталонный ученик		Реальный ученик	
1	*«Аморальность» (30 %)*		*«Аморальность» (30 %)*	
	лживый	0,946	хитрый	0,854
	завистливый	0,929	вспыльчивый	0,849
	лицемерный	0,922	агрессивный	0,840
	грубый	0,911	упрямый	0,729
	ябеда	0,897	высокомерный	0,693
	высокомерный	0,836	грубый	0,689
	капризный	0,798	капризный	0,652
	вспыльчивый	0,759	завистливый	0,606
	хитрый	0,715	добрый	-0,548
	обидчивый	0,696	отзывчивый	-0,548
	упрямый	0,600	ласковый	-0,615
	самодовольный	0,568	скромный	-0,683
	жадный	0,557		
2	*«Послушание и коммуникабельность» (21 %)*		*«Коммуникабельность» (15 %)*	
	послушный	0,877	жизнерадостный	0,834
	уважительный	0,875	открытый	0,800
	искренний	0,814	веселый	0,789
	скромный	0,768	общительный	0,769
	открытый	0,747	искренний	0,573
	общительный	0,679	энергичный	0,511
3	*«Интеллектуальное развитие» (7 %)*		*«Послушание» (9 %)*	
	яркий	0,821	послушный	0,850
	умный	0,794	уважительный	0,792
	внимательный	0,472	организованный	0,762
			аккуратный	0,675
			ответственный	0,608
			трудолюбивый	0,586

Продолжение таблицы

4	*«Актуальная энергия»(7 %)*		*«Интеллектуальное развитие» (6 %)*	
	энергичный	0,795	любознательный	0,862
	активный	0,770	разносторонний	0,844
	жизнерадостный	0,479	умный	0,674
	веселый	0,431	яркий	0,658
5	*«Рациональный самоконтроль» (5 %)*		_	
	трудолюбивый	0,842		
	организованный	0,715		
	ответственный	0,618		
	отзывчивый	0,436		

Анализ данных таблицы позволяет сделать следующие заключения:

Первое, что обращает на себя внимание, – это большая когнитивная сложность модели личности эталонного ученика по сравнению с реальным. Это говорит о том, что эталон действительно выступает для учителя теорией по отношению к практике познания конкретной личности.

Второе – это совпадение содержания большинства выделенных категорий и их валентности. Так, первая по субъективной значимости категория «Аморальность» в эталонной модели сохраняет свое содержание и в модели реального ученика. Вторая категория «Послушание и коммуникабельность» распадается на две отдельные категории, которые, однако, сохраняют свой порядок по субъективной значимости. Третья категория «Интеллектуальное развитие» также повторяется в обоих моделях. Категории «Актуальная энергия» и «Рациональный самоконтроль» в модели личности конкретного школьника отсутствуют. Составляющие их качества вошли в состав иных категорий, а именно: показатели активности соединились с параметрами коммуникабельности, а характеристики самоконтроля объединились с параметрами послушания.

Отдельной интерпретации требует содержание выделенных категорий. Если категории «Интеллектуальное развитие», «Рациональный самоконтроль» и «Актуальная энергия» соответствуют аналогичным категориям в имплицитной теории личности носителя русского языка А.Г. Шмелева [6], то остальные категории, ведущие по субъективной значимости, – не имеют аналогов, поэтому их можно считать специфическими профессионально-педагогическими категориями.

Особо следует остановиться на содержании первой, наиболее субъективно значимой в когнитивных моделях личности эталонного и реального учеников, категории, обозначенной в таблице как «Аморальность».

Содержание данной категории образуют отрицательные личностные характеристики, заданные в семантическом дифференциале. Хотя не все они относятся собственно к моральному облику, однако именно негативные моральные качества (лицемерный, лживый, грубый и др.) являются в этой категории теми образующими, с которыми оказываются склеены и характеристики неадаптированности личности, ее психопатизации, завышенного самомнения. Именно внутренняя структура данной категории, а также возможная аналогия с традиционно ведущим оценочным личностным фактором «моральность» [2; 3; 5; 6] в восприятии знакомых людей, позволяет обозначать обсуждаемую категорию как «аморальность».

Думается, что выделение данной категории в качестве ведущей выступает как конкретное воплощение особой воспитательной позиции, опирающейся на концепцию зла в ребенке, «выкорчевать которое и есть добро воспитания. В этой корчующей педагогике ребенок из субъекта социального взаимодействия превращается в объект воздействия, манипулирования. Вместо воспитания навыков опрятности и личной гигиены – борьба с нечистоплотностью, вместо воспитания щедрости – борьба с жадностью и т.п.» [7, с. 19].

Выделение категории «аморальность» как ведущей и наиболее значимой подводит к мысли о том, что среди современных педагогов до сих пор господствует фактически средневековое понимание ребенка. Именно средневековой европейской культуре и более ранним архаическим сообществам присуще отношение к детям – до прохождения ими обряда инициации – как к неполноценным, маргинальным членам общества (Ф. Арьес, 1999; А.Я. Гуревич, 1984; И.С. Кон, 1988, В.Т. Кудрявцев, 1998 и др.).

Поэтому можно довольно уверенно говорить о том, что концепция «зла в ребенке» есть исходная позиция в понимании ученика, и соответственно, в организации педагогического взаимодействия в системе «учитель – ученик». Опираясь на полученные экспериментальные данные, можно утверждать, что определяющим для учителей выступает отношение к школьнику как пока еще неполноценному человеческому существу. Такая исходная установка в организации педагогического взаимодействия в системе «учитель – ученик» как концепция «зла в ребенке» уже не просто опосредует, а искажает понимание учителем отдельных учащихся.

Как уже отмечалось, содержание эталонов выступает показателем личностного развития самих познающих. Такой авторитетный специалист в данной области как Л.М. Митина, полагает, что у большинства учителей отсутствует осознание собственного личностного роста как профессиональной задачи, т.е. они выступают приверженцами модели адаптивного поведения, а не профессионального развития [8].

Другой специфической профессионально-педагогической категорией выступает категория, обозначенная как «Послушание». Появление данной категории вполне закономерно, поскольку, как отмечалось выше, содержание эталонов – это результат отбора наиболее значимых для деятельности черт, а ведь именно уровень развития данных качеств выступает для педагога основанием для еженедельного оценивания прилежания и поведения школьника. Ведущие шкалы данного фактора отражают подчиняемость ребенка воздействиям взрослого (послушный, уважительный). С этими характеристиками внешнего контроля оказываются склеены и характеристики самоконтроля (организованный, ответственный). Но самое главное, что в сознании учителя управление ребенком соединено с характеристиками его нравственного развития (скромность, доброта, отзывчивость). Иначе говоря, учителя в отношении школьника имплицитно полагают, что «послушный» – это и есть «моральный».

Третьей специфической категорий является категория «коммуникабельность». В ее содержании оказались соединены: собственно коммуникативные черты (общительный, открытый, искренний), показатели нейродинамической активности (активный, энергичный) и характеристики позитивного нервно-психического состояния ребенка (веселый, жизнерадостный). Подобные характеристики можно считать индикаторами готовности ребенка ко взаимодействию с учителем.

В завершение необходимо отметить, что полученные результаты можно экстраполировать на педагогов начальной школы в целом, о чем говорят полученные высокие коэффициенты факторных решений. Эти данные являются еще одним

свидетельством актуальности задачи изменения содержания психологической подготовки учителя.

В контексте необходимости гуманизации педагогического сознания и с учетом сложной взаимосвязи любой теории и практики, возникает следующий вопрос: «Что эффективнее?» Либо прояснять частные, отдельные случаи (в нашем случае – в процессе консультирования стараться изменить представления о конкретном ученике) либо прояснять теорию (т.е. в процессе просвещения уточнять и обогащать знания обобщенные). С учетом полученных данных можно предположить, что эффективнее второй путь. Именно усложнение теоретического, эталонного знания может сделать более сложным и точным знание конкретного ребенка. Названный путь представляется более эффективным с учетом выявленных особенностей когнитивной организации модели личности эталонного ученика. Кроме того, данный путь представляется и более реалистичным, так как трудно себе даже вообразить каким образом и с какими временными затратами можно уточнять знания каждого учителя о каждом ученике.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ когнитивной модели эталона школьника и конкретного ученика позволяет сделать следующие выводы.

1. Эталон личности по своей когнитивной организации более сложен, чем знание реального ученика. Пользуясь известной метафорой С.Л. Рубинштейна о том, что внешнее всегда преломляется через внутреннее, в подобном случае можно говорить о том, что внутреннее (эталонное, обобщенное знание) как посредник не преломляет, а включает в себя внешнее (восприятие и понимание конкретного человека).

2. Эталон можно считать ошибочным, так как образующее его знание обладает следующими характеристиками:

а) устаревшее по содержанию;

б) стереотипное по форме;

в) простое по внутренней организации;

г) антигуманистическое по ценностно-мотивационной направленности.

3. Выявленные особенности когнитивной организации эталона личности ученика обнажают серьезную проблему отсутствия у педагогов современных культуросообразных представлений о человеке как идеальной цели своей профессиональной деятельности. Вероятно, процесс формирования эталонов в такой социально значимой профессии как педагогическая не должен оставаться полностью стихийным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человеком человека / А.А. Бодалев. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 200 с.

2. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.

3. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности // А.Г. Шмелев. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 158 с.

4. Знаков, В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы / В.В. Знаков. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 448 с.

5. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и

профессиональный аспекты) / под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. – СПб. : Речь, 2005. – 324 с.

6. Шмелев, А.Г. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт / А.Г. Шмелев, В.И. Похилько, А.Ю. Козловская-Тельнова. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 208 с.

7. Каган, В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание / В.Е. Каган // Вопросы психологии. – 1992. – № 1–2. – С. 14–21.

8. Митина, Л.М. Личностно-профессиональное развитие в новых социально-экономических условиях / Л.М. Митина // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 28–38.

Medvedskaya E.I. **The Reference and Real Pupil: the Analysis of Cognitive Model of a Person at Elementary School Teachers**

In article the problem of mutual relation of knowledge reference (or generalised) and knowledge concrete is put. By means of psychosemantics methods it is empirically revealed, that developed in experience of teachers standards are more difficult, than them knowledge of real schoolboys. The similar organisation of reference knowledge of the person of the pupil allows to consider it as the theory in relation to practice of interpersonal knowledge. This feature of pedagogical consciousness gives the bases to assume, that as the most effective for a humanisation of its maintenance specification and enrichment of knowledge of the ideal pupil.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.05.2011

УДК 159.922.1

Г.В. Лагонда

БРАК КАК ФОРМА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Основная задача, которую решает автор статьи, – это составление перечня брачных потребностей человека. Для обоснования своей точки зрения он отталкивается от идеи о том, что супружество является разновидностью гендерных отношений. По мнению автора, гендерные отношения человека в целом и брачные в частности обеспечиваются специфической функциональной системой – сексуальностью. В статье рассматриваются прокреативная, рекреативная, коммуникативная и символическая функции сексуальности. Доказывается их связь с брачными потребностями. В качестве последних выделяются семь потребностей: в реализации сексуального влечения, в продолжении рода, в подтверждении уникальности партнёром по браку, в любви, в самоактуализации, в присоединении и в материальном благополучии. Анализируется также степень их матримониальной специфичности.

Введение

Разрабатывая психологическую теорию брака, мы отталкиваемся от нескольких тезисов, как правило, не вызывающих возражений. Во-первых, брак является формой межличностных взаимоотношений, то есть разновидностью психологической связи между людьми. Во-вторых, поскольку в основе любых форм отношений лежат потребности, постольку сущностью психологической связи между супругами (основным объединяющим их фактором) логично считать брачные потребности. И, в-третьих, в сознании партнёров по браку их матримониальные потребности конкретизируются в виде супружеских экспектаций [1]. Именно, партнёрские ожидания, на наш взгляд, обладают существенным эвристическим потенциалом для описания и объяснения большинства событий, имеющих место во взаимоотношениях супругов.

Однако, для того, чтобы приступить к детальному изучению психологической сущности брачных экспектаций, необходимо решить задачу по обоснованному составлению перечня матримониальных потребностей. Специалисты, работающие в проблемном поле психологии семейных отношений, по-разному решают эту задачу. Выделяемые ими потребности варьируют как по сути, так и по количеству. В некоторых случаях побуждающие интенции ставятся в зависимость от половой принадлежности человека. Несмотря на всю привлекательность обнаруженных нами в литературе теоретических конструкций, все они страдают общим изъяном – отсутствием доказательного обоснования заявленной позиции. В лучшем случае исследователь ссылается на свой клинический опыт.

С нашей точки зрения, формирование обоснованного списка брачных потребностей возможно лишь при выявлении сущностного признака супружеских отношений, то есть такого признака, который в основном предопределяет их специфику. В этом смысле супружество однозначно следует считать формой гендерных отношений. Ведь первый и основной признак, от которого отталкивается человек, создавая брак, – это половая/гендерная принадлежность партнёра, которая в свою очередь детерминируется собственной половой/гендерной принадлежностью.

Роль и значение сексуальности в организации гендерных отношений

Несомненно, гендерная составляющая присутствует в любых форматах межличностных взаимоотношений. В. Сатир отмечает: «Весь наш мир состоит из

мужчин и женщин. И роли, имеющие наибольшее психологическое значение, это те, которые соотносятся с полом исполняющих их людей… Мужчины и женщины имеют также ряд ролей, которые не связаны с половой принадлежностью, такие, как чей-то босс, чей-то учитель. Но обычно половая принадлежность этого босса или этого учителя передаёт особый смысл, основанный на пережитом опыте взаимоотношений, носящем сексуальную окраску» [2, с. 86]. «Гендер оказывается квазиролью, которая пронизывает все остальные спецификации, является базовой (идентичностью, если говорить другими словами), на которую нанизываются все другие», – утверждают Е. Здравомыслов и А. Тёмкина [3, с. 167]. В свою очередь Ш. Берн обращает внимание на тот факт, что гендерные когнитивные схемы оказываются самыми востребованными сознанием человека [4]. Таким образом, гендерные отношения буквально пронизывают всю жизнь человека.

В то же время нельзя не отметить, что в жизни этой есть аспекты, в которых гендерная составляющая отношений становится главенствующей. Делая такое утверждение, мы возвращаемся к проблематике супружества. Именно брак является средоточием (эпицентром) гендерных отношений, можно сказать, основной их формой. Данный тезис лишь на первый взгляд кажется малоинформативным. Для нас он представляет особую ценность, поскольку открывает возможность обсуждения темы сексуальности. Её значимость для формирования супружеских отношений отмечали многие исследователи (Д.Л. Буртянский, Г.С. Васильченко, К. Имелинский, Г.Ф. Келли, С. Кратохвил, И.С. Кон, А.М. Свядощ, З. Шнабль и др.). Надо сказать, что, исследуя тематику брака, мы столкнулись с довольно неожиданной тенденцией. Во многих случаях в трудах сексологов она представлена более мощно, нежели в работах психологов, занимающихся проблематикой семьи.

В частности, З. Шнабль категорично утверждал, что сексуальность ориентирована на брак [5]. Г.С. Васильченко в разработанной им периодизации сексуального развития этапы становления сексуальности взрослого человека связывает с последовательностью решаемых индивидом жизненных задач. Все они замыкаются непосредственно на супружестве. Выбор брачного партнёра, создание супружеских, а затем и семейных отношений; их поддержание и развитие; нахождение в них резервов для противостояния инволюционным изменениям, происходящим в организме, – вот перечень тех жизненных задач, которые взрослый должен решать «с помощью» сексуальности по мере перехода из одной возрастной группы в другую [6]. Схожие идеи мы находим и в разработанной Э. Эриксоном эпигенетической матрице психического развития человека [7]. Учитывая специфику периодизаций, создаваемых в духе психоаналитической школы, здесь также уместно говорить о психосексуальном развитии.

Подобная трактовка одной из сторон онтогенеза человека свидетельствует о том, что сексуальность его рассматривается исследователями не только в связи с возможностью осуществления интимной близости. Ей придаётся весомое значение и в реализации других потребностей, которые ассоциируются в первую очередь с супружеством. Для того чтобы выявить происхождение данных ассоциаций, необходимо остановиться на сущности сексуальности и её функциях.

Если говорить о сущности, то под сексуальностью мы понимаем функциональную систему анатомо-физиологических и психологических особенностей индивида, определяющую возможности и особенности его гендерных отношений. Другими словами, осуществление любых форм гендерных отношений требует задействования определённых резервов (элементов и свойств) организма и психики.

Состав этих элементов и свойств варьирует в зависимости от задачи, на решение которой направлен соответствующий поведенческий акт. При поцелуе набор задействованных элементов будет одним, при отстаивании феминисткой прав женщин во время митинга – другим. Таким образом, сексуальность можно и должно рассматривать именно как функциональную систему. И её основная функция – организация гендерных отношений человека. В вою очередь супружество является средоточием этих отношений, а значит, сексуальность действительно ориентирована на брак.

Упомянутая функция сексуальности имеет несколько граней-подфункций. Принято считать, что до появления на Земле вида Homo Sapiens их было две. Причём находились они в нераздельном единстве. Это подфункции прокреации (продолжения рода) и рекреации (отдыха, расслабления и получения удовольствия). Благодаря наличию сознания, человек преобразовал этот установленный природой порядок. Во-первых, создав контрацептивы, а затем и институты усыновления и суррогатного материнства, он разделил данные подфункции. Получение удовольствия стало возможным и без последующего деторождения. Возможной стала (как это ни парадоксально) и обратная ситуация. Во-вторых, сексуальность начала выполнять коммуникативную функцию. При этом осуществление коммуникативной функции сексуальности сопряжено с использованием как вербальных, так и невербальных средств. В одних случаях супруги отдают предпочтение словам, в других неоспоримые преимущества оказываются «в распоряжении» у невербальных средств. Даже если сузить представления о сексуальности до рамок половой близости, следует признать, что каждое любовное соитие несёт в себе коммуникативную нагрузку. Оно «поставляет» партнёрам информацию о тех чувствах, которые они испытывают по отношению друг к другу. Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно внимательно под данным углом зрения проанализировать сексуальные похождения Гумберта-Гумберта, главного героя в романе В. Набокова «Лолита».

На наш взгляд, сексуальность человека выполняет ещё одну подфункцию – символическую [8]. По настоящее время она остаётся понятийно и терминологически слабо отрефлексированной, хотя косвенные признания её существования можно найти во многих источниках. К примеру, психоаналитические тексты буквально «пропитаны» мыслью о ней. О том, что многие проявления сексуальности человека имеют для него символическое значение, свидетельствуют и многочисленные клинические случаи, сам факт многочисленности которых говорит о типичности явления. Врачи-сексологи часто ставят мужчинам-пациентам диагноз «невроз ожидания неудачи». Генезис расстройства таков. Мужчина воспринимает физиологические реакции, позволяющие осуществлять сексуальную близость как символ мужественности. Соответственно сексуальное фиаско расценивается им как утрата этой самой мужественности. Отсюда депрессия, боязнь снова испытать, с его точки зрения, унижение и избегание близости с партнёршей. «Какой же я мужчина, если бессилен в постели», – вот литературный перевод наиболее типичного высказывания мужчин в такой ситуации. В свою очередь у пациенток женственность чаще всего находит символическое воплощение в форме чувственности.

Подводя итог рассуждениям о сексуальности, мы констатируем наличе четырёх её функций: рекреативной, прокреативной, коммуникативной и символической. Под функциями же традиционно понимаются сферы жизнедеятельности, связанные с удовлетворением определённых потребностей. Таким образом, мы приходим к нескольким промежуточным выводам:

1. Брак, будучи средоточием гендерных отношений, позволяет оптимальным образом реализовывать функции сексуальности.

2. Поскольку функции детерминируются потребностями, изучение функций сексуальности позволяет осознать стоящие за ними потребности.

3. Учитывая суть двух предыдущих выводов, искомые потребности правомерно определить как брачные (супружеские, матримониальные).

Взаимосвязь функций сексуальности и брачных потребностей

Следует заметить, что схема «одна функция – одна потребность» чересчур примитивна и лишь приблизительно соответствует реальности. На самом деле каждая функция сексуальности в той или иной мере способствует реализации нескольких брачных (и не только) потребностей. К примеру, коммуникативная функция в определённой степени «обслуживает» каждую из супружеских потребностей. И это не вызывает удивления, поскольку общение (по определению) является способом реализации любых форм актуальных отношений. В то же время можно проследить наличие специфических связей между большинством функций сексуальности и рядом брачных потребностей.

Потребность в реализации сексуального влечения является, пожалуй, наиболее характерной для матримониальных отношений. Если проанализировать те определения супружества, которые предлагают социологи и социальные психологи, то приходится признать, что брак регламентирует именно отношения сексуальной близости между людьми. Конечно, добрачные и внебрачные сексуальные связи были и будут всегда. Всегда будут и люди, предпочитающие холостой образ жизни. Однако устойчивые супружески отношения (особенно основанные на эмоциональной близости и доверии) представляют более комфортные условия для реализации человеком сексуального влечения. Соответственно, положение о том, что потребность в реализации сексуального влечения обеспечивается рекреативной функцией сексуальности, и что данная интенция правомерно может считаться брачной потребностью, едва ли требует тщательного обоснования. Поэтому перейдём к обсуждению следующих парных категорий.

Потребность в продолжении рода обеспечивается прокреативной функцией сексуальности. Естественно, что и данная функция, и данная потребность, могут быть реализованы за пределами брака. Однако, как и в случае с потребностью в реализации сексуального влечения, рождение ребёнка в условиях устойчивых моногамных, основанных на эмоциональном предпочтении отношений выглядит для большинства людей заманчиво. Более того, предпочтительным оказывается именно традиционный, юридически оформленный брак. Многие исследователи (Т.В. Андреева, М. Вислоцкая, И.С. Кон, З. Шнабль, Л.Б. Шнейдер) отмечают, что с появлением детей большинство матерей начинают в вопросах организации семейной жизни придерживаться более консервативных взглядов. Если до этого они были приверженцами одной из альтернативных форм супружества, то после рождения ребёнка вариантом выбора становится традиционный брак. Если обратиться к существующим в гуманитарных науках определениям брака и семьи, то значение брака для реализации прокреативной функции сексуальности становится ещё более рельефной. Брак неизменно рассматривается в качестве основы, на которой создаются семейные отношения. Семья, в свою очередь, описывается как продолжение супружества. При этом семейная система возникает тогда, когда у супругов рождаются дети и они (супруги) начинают осваивать родительские роли. Человечество неоднократно пыталось найти альтернативу семейной

модели социализации детей. Достаточно вспомнить примеры Древней Спарты или возникавших на заре становления Советского государства идей упразднения семьи. Эти и другие попытки создания альтернативной семье системы воспитания непременно закончились неудачно. Поэтому включение потребности в продолжении рода в список брачных потребностей вряд ли нуждается в дальнейших доказательствах.

Потребность в подтверждении уникальности партнёром по браку обеспечивается, с нашей точки зрения, символической функцией сексуальности. Данное положение нуждается, пожалуй, в самом тщательном обосновании, поскольку и сама потребность, и «стоящая за ней» функция не столь очевидны как две предыдущие диады. По сути дела, возникает необходимость в доказательстве двух положений: правомерности выделения самой потребности и выявления связей между ней, символической функцией сексуальности и браком.

Несмотря на многочисленность авторов, утверждающих, что функционирование супружества сводится к взаимному удовлетворению партнёрами брачных потребностей друг друга, обсуждаемую потребность выделяют в качестве матримониальной лишь немногие. Пожалуй, наиболее созвучной нашим воззрениям оказывается позиция В. Сатир, которая считает стремление человека повысить свою самооценку основной «движущей силой», побуждающей его вступать в брак. «На основе наблюдений, – пишет она, – я могу заявить, что сексуальный мотив является второстепенным, он подчинён основному мотиву – мотиву повышения самооценки и защиты её от угрозы» [2, с. 97].

Наши представления о потребности в подтверждении собственной уникальности и о её высокой субъективной значимости в браке для многих партнёров сложились в результате изучения феномена супружеской измены [9]. Общепринятым считается мнение, согласно которому ставится знак равенства между супружеской изменой и адюльтером. Однако здесь требуется небольшое уточнение. Переживания предательства возникают у обманутого супруга не тогда, когда произошла внебрачная сексуальная связь, а тогда, когда о ней стало известно супругу. Объяснение этому факту может быть лишь одно. Моногамия современного брака имеет для партнёров символическое значение. В их сознании супружество прочно ассоциируется с исключительным правом на сексуальные контакты с мужем (женой). Недаром супруги друг о друге говорят: «мой избранник», «моя избранница». Соответственно и сама половая близость воспринимается ими как подтверждение собственной неповторимости, символизирует её. Именно брак с его избирательным характером является тем форматом отношений, где легче всего реализовать данную интенцию. Поэтому переживания измены и предательства возникают у человека не тогда, когда партнёр по браку вступает во внебрачную сексуальную связь, а тогда, когда первому становится об этом известно. Осознание наличия такой связи приводит к ущемлению чувства уникальности своего Я. Адюльтер, когда он оказывается представленным в сознании пострадавшего партнёра, воспринимается им как наличие ещё одного «избранника» и потому наносит удар переживанию собственной неповторимости.

Потребность в любви является, пожалуй, самой сложной для научной интерпретации. Несмотря на существование большого количества психологических теорий любви, ни одна из них не способна дать исследуемому феномену исчерпывающего описания и объяснения. Анализ многочисленной психологической и философской литературы убеждает нас в том, что по настоящее время психология находится на допонятийном этапе осмысления любви. Тем не менее, при исследовании матримониальных отношений обойти вниманием данную тему не представляется

возможным. Удовлетворение данной потребности в определённой степени также обеспечивается сексуальностью. Как правило, в сознании человека любовь, брак и сексуальные отношения если и не отождествляются, то оказываются соединены настолько, что не мыслятся одно без другого. Достаточно вспомнить, что высказывание «заниматься любовью» в обыденном понимании подразумевает именно сексуальную близость. Сталкиваясь с ситуациями, где один из феноменов оказывается вне связи с двумя другими, люди склонны рассматривать такое положение вещей, скорее, как аномальное. Это вполне понятно, ведь интимная близость благодаря брачному партнёру позволяет пережить человеку массу положительных эмоций, почувствовать себя искренне любимым. Обеспечиваются подобные эмоции рекреативной, коммуникативной и символической функциями сексуальности.

Рекреативная функция сопряжена в основном с анатомо-физиологическим компонентом сексуальности. В этом плане специфика любовных переживаний заключается в том, что в кровь человека выбрасываются «дополнительные» порции целого ряда биологически активных веществ: фенилэтиламина (ФЭА), эндорфинов, тестостерона, окситоцина и некоторых других [3]. Тестостерон способствует эскалации либидо, окситоцин делает более чувствительными нервные окончания и повышает сократимость мышц, ФЭА обладает возбуждающим действием, а эндорфины – это вырабатываемые самим организмом наркотические вещества, обеспечивающие ощущения безопасности, мира и покоя. Следует при этом заметить, что здесь представлены лишь наиболее значимые физиологические реакции, сопровождающие чувство любви. Полная картина изменений, происходящих в организме, много сложнее.

Символическая функция сексуальности оказывается тесно связанной с рекреацией. Проявляется она прежде всего в отношении к обнаженности. Известно, что последняя символизирует доверие. Обнажённость является своеобразным телесным аналогом самораскрытия. Если самораскрытие отворяет доступ к самым сокровенным переживаниям человека, то нагота представляет собой символический ключ к телу, к его интимным тайнам. И то, и другое чревато злоупотреблением и душевной болью, а потому возможно лишь при наличии эмоциональной близости и доверия в отношениях.

Если говорить о коммуникативной функции сексуальности, то необходимо отметить, что каждое любовное соитие несёт в себе коммуникативную нагрузку. Оно, помимо всего прочего, является сообщением. Сообщением о тех чувствах, которые партнёры испытывают друг к другу. Эта информация закодирована во взгляде, поцелуях, прикосновениях, их однообразии или разнообразии, желании доставить партнёру физическое удовольствие и т.д. Соответственно, близость может «говорить» и о любви, и о простой симпатии, и о пренебрежении партнёром. Учитывая, что апогеем сексуальной близости являются оргастические переживания, нельзя не согласиться, что для признания в любви «язык тела» обладает несоизмеримо большими экспрессивными возможностями по сравнению с «языком слов». Во многом именно благодаря своей коммуникативной подоплёке сексуальная близость воспринимается индивидом в качестве неотъемлемой части той любви, которую он надеется обрести в браке.

Дальнейшее «пополнение» списка супружеских потребностей предопределено их связью с уже выделенными позициями. При этом мы ясно осознаём, что по мере утраты связи с сексуальностью, фиксируемые нами (в качестве брачных) потребности становятся всё менее и менее специфичными для супружеских отношений. Удовлетворение таких потребностей возможно в равной степени и в рамках иных (нежели гендерные) отношениях. В частности, согласно мнению Э. Фромма [10],

прообразом той любви, которую взрослый человек надеется обрести в браке, является материнская любовь. Он обладал ею в детстве и утратил по мере взросления. Если взять данное утверждение за основу, то потребность в любви перестаёт быть явлением, характерным исключительно для гендерных межличностных отношений.

Потребность в самоактуализации, не являясь строго специфичной для супружества, в то же время имеет для него и для семьи крайне важное значение. Её выделение в качестве брачной потребности предопределяется тремя тематическими линиями рассуждений: темой сексуальности, темой развития личности и её отношений с близкими людьми, а также темой любви.

Первая из них, как мы уже отмечали, по мере пополнения списка брачных потребностей постепенно теряет свою эвристическую ценность. Здесь она подходит к своему завершению указанием на труды психоаналитиков. Они, по сути дела, отождествляют процесс психического развития человека с процессом развития его сексуальности. Критериальная же оценка психосексуального развития взрослого индивида осуществляется на основании анализа успешности построения им зрелых генитальных (в первую очередь супружеских) отношений. Подобные же идеи высказываются представителями современной медицинской сексологии. Таким образом, заканчивая одну линию рассуждений, мы получаем основания для инициации другой. Имеется в виду тема взаимосвязи супружества с развитием партнёров по браку.

Практически все авторы, чьи научные интересы связаны с проблематикой брака и семьи, констатируют наличие таковой связи. Однако их представления о том, что следует понимать под развитием, существенно отличаются. Отличается разнообразием и сама терминология. Развитие, психическое развитие, личностное развитие, личностный рост, рост, становление человека, саморазвитие, индивидауция, самореализация, самоактуализация – вот далеко не полный перечень тех терминов, которые используются в современной психологии для обозначения примерно одной и той же реальности (судя по авторским разъяснениям, если таковые присутствуют).

Наиболее соответствующим идее нашего исследования представляется понятие «самоактуализация» в трактовке, предложенной А. Маслоу. Причин тому несколько. Во-первых, несмотря на то, что термин был введён в психологию К. Гольдштейном, именно предложенная А. Маслоу интерпретация считается в настоящее время классической. Будучи выполнена в определенной научной парадигме – личностно-ориентированном варианте гуманистической психологии – она постепенно приобрела статус общепризнанной. Во-вторых, А. Маслоу разрабатывал это понятие в трёх направлениях: в смысле процесса развертывания заложенных в человеке задатков; в смысле состояния, как результата этого процесса; и, наконец, в смысле потребности, венчающей иерархическую пирамиду мотивационно-потребностной сферы человека. В-третьих, представления А. Маслоу об уровнях потребностей человека напрямую касаются темы любви и брака. Ведь стремясь к самоактуализации, человек неизбежно проявляет любовь к партнёру по отношениям. Благодаря данной особенности потребность в самоактуализации занимает особое место в группе брачных потребностей. Ведь она подразумевает создание условий не только для реализации собственных возможностей, но и для развёртывания потенциала партнёра по браку. Однако это уже не проявление эгоизма, а акт дарения. И не просто акт дарения, а проявление любви. В своё время Э. Берн очень точно высказался по этому поводу: «Если брак основан на любви, его ограничения принимаются охотно и даже с удовольствием» [11, с. 84].

Потребность в присоединении, хотя и не является строго специфичной для супружества, наиболее полно может реализоваться именно в данной форме отношений. И сопряжено это, опять-таки, с феноменом любви. Удовлетворение потребности в присоединении позволяет человеку смягчить переживания экзистенциального одиночества. Оборотной стороной медали становится частичная утрата своей самобытности и свободы. Это почти неизбежное следствие ассимиляции групповых ценностей и норм. Ставка на автономию и независимость, на индивидуальную значимость и неповторимость в свою очередь позволяет человеку почувствовать себя полномасштабным творцом собственной жизни. Однако переживания одиночества в связи с этим усиливаются многократно. Следствием такого противоречия становятся душевные метания, при которых любой выбор заставляет сожалеть о нереализованных интенциях отвергнутой стороны.

Пожалуй, единственный путь примирить потребность в присоединении со стремлением к индивидуализации (во всяком случае с той его частью, которая касается личностной значимости и самобытности) связан с феноменом любви и сформированном на её основе супружестве. Парадоксальным образом любовь позволяет сочетать, казалось бы, несочетаемое. С одной стороны, она подразумевает доверительную связь, а следовательно, и значительные ограничения в организации собственной жизни каждого из супругов. С другой же стороны – у них появляются новые возможности для того, чтобы почувствовать себя творцами и себя, и своей жизни, и отношений.

Направление, в котором следует искать ответ на вопрос о том, почему возможен подобный парадокс, указывает Э. Эриксон. Анализируя психологические особенности юношеского возраста, он отмечал: «В значительной степени юношеская любовь – это попытка добиться собственной идентичности, проецируя расплывчатый образ собственного эго на другого и наблюдая его уже отражённым и постепенно проясняющимся. Вот почему так много в юношеской любви разговоров» [7, с. 367]. Иными словами, при возникновении близких доверительных отношений между двумя любящими людьми возникают границы нового качества – границы диады, которые способствуют самоутверждению Я посредством самораскрытия. Два человека становятся более «прозрачными» друг для друга. На основе этого возникает общность «Мы», которая предполагает максимальную психологическую близость с максимальной доверительностью в общении. При этом интимный характер близости обеспечивает сохранение и поддержание индивидуальности каждого из этих двоих.

Таким образом, современный брак, в который самым непосредственным образом вплетены интимные свойства любви, предоставляет супругам исключительную возможность реализовать стремление к присоединению, не утратив при этом своей самобытности. Более (или менее) осознанно люди понимают (интуитивно чувствуют) эту возможность. Данная реальность позволяет нам отнести потребность в присоединении к категории брачных потребностей.

Потребность в материальном благополучии в настоящее время является, пожалуй, наименее специфичной для матримониальных отношений. Если же обратиться к историческим данным, то следует признать, что вопросы собственности, наследования, материальной выгоды и финансового благополучия на протяжении тысячелетий оставались краеугольным камнем супружеских отношений. Брак являлся формой имущественной и статусной сделки между семьями, в которой меньше всего учитывались потребности и предпочтения будущих супругов.

На современном этапе развития общества, несмотря на существенные изменения в организации брачных и семейных отношений, материальный фактор продолжает играть в них существенную роль. Это осознают и сами супруги, и представители органов государственного управления. Последние активно используют экономические рычаги для того, чтобы повысить привлекательность официально зарегистрированного супружества. Здесь в равной степени практикуются и положительные, и отрицательные подкрепления. Налоговые послабления, льготные кредиты, льготы при распределении из вуза, преференции при строительстве жилья – это примеры преимуществ, которые есть у молодых супругов и которыми не обладают люди, не оформившие официально своих отношений. В свою очередь у не состоящих в браке молодых людей возникают дополнительные трудности при попытках выехать за границу. Подобными мерами государство стимулирует побуждения человека рассматривать супружество сквозь призму своих финансовых и имущественных интересов.

О том, что брак сохраняет для современного человека свой статус источника материального благополучия, говорят многие исследователи. Н. Аккерман, А.Н. Елизаров, К. Кикпатрик, С.В. Ковалёв, Р. Коллинз, Г. Навайтис, В. Сатир, В.А. Сысенко, Э.Г. Эйдемиллер указывают в своих работах на соответствующую брачную (либо семейную) потребность. Она же зафиксирована и в большинстве представленных в психологической литературе определений семьи. В них, как правило, отмечается два значимых для нашего исследования факта: 1) семья основана на супружестве; 2) семья в числе прочего ориентирована на выполнение материально-бытовых и хозяйственных функций. Исходя из представленных соображений, мы вполне обоснованно можем отнести потребность в материальном благополучии к категории брачных потребностей.

Заключение

Определяя сущностный признак, отличающий брак от иных форм межличностных отношений, мы пришли к выводу, что им является гендерная принадлежность партнёров. Соответственно мы рассматриваем брак как форму межличностных гендерных взаимоотношений, обладающую свойствами системы и являющуюся способом удовлетворения определенной группы (брачных) потребностей. Учитывая гендерный характер матримониальных отношений, для выявления перечня супружеских потребностей мы посчитали логичным обратиться к исследованиям сексуальности человека. Её, по нашему мнению, правомерно рассматривать как функциональную систему анатомо-физиологических и психологических особенностей индивида, определяющую возможности и особенности его гендерных отношений. Таким образом, сексуальность, включающая телесный и психологический компоненты, предопределяет характер гендерных отношений индивида. Брак же является средоточием отношений данного типа.

Основная функция сексуальности может быть разделена (достаточно условно) на ряд составляющих: рекреативную, прокреативную, символическую и коммуникативную. Учитывая, что любая функция представляет собой сферу жизнедеятельности, связанную с удовлетворением определённой потребности, у нас появляются основания для анализа тех потребностей, которые позволяет реализовать та или иная подфункция сексуальности. Поскольку же сексуальность прежде всего ориентирована на брак, постольку можно утверждать, что выявленные потребности могут быть отнесены к категории супружеских.

Логика теоретических рассуждений привела нас к пониманию некоторой упрощённости схемы «одна функция – одна потребность». Как следствие, были выделены семь брачных потребностей: в реализации сексуального влечения, в продолжении рода, в подтверждении уникальности партнёром по браку, в любви, в самоактуализации, в присоединении и в материальном благополучии. Они характеризуются разной степенью матримониальной специфичности. Связь потребности в продолжении рода с прокреативной функцией сексуальности носит наиболее явный характер. Сопряжённость потребности в материальном благополучии с гендерными отношениями в современном обществе не столь очевидна. Однако данный аспект брака вряд ли стоит игнорировать при его исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лагонда, Г.В. К проблеме создания психологической теории брака / Г.В. Лагонда // Психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 72–81.
2. Сатир, В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – СПб. : «Речь», 2001. – 283 с.
3. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие, ч. 1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алтейя, 2001. – 708 с.
4. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб. : «Прайм-ЕВРО-ЗНАК», 2001. – 318 с.
5. Узы брака, узы свободы. Проблемы семьи и одиночества глазами учёных: сб. ст. / Сост. Т. Разумовская. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 222 с.
6. Сексопатология: справочник / Под ред. Г.С. Васильченко. – М. : «Медицина», 1990. – 575 с.
7. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : ЛенАТО АСТ фонд «Университетская книга», 1996. – 590 с.
8. Лагонда, Г.В. Сексуальность и брак: грани интимных отношений / Г.В. Лагонда // Веснік Брэсцкага ўн-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2008. – № 1(32). – С. 84–89.
9. Лагонда, Г.В. Экспектационный подход к психологическому анализу супружеской измены / Г.В. Лагонда // Философия и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 31–34.
10. Фромм, Э. Искусство любви: исследование природы любви / Э. Фромм. – М. : Знание, 1990. – 157 с.
11. Берн, Э. Секс в человеческой любви. Анализ эго-состояний личности в сексуальных отношениях людей / Э. Берн. – М. : РИПОЛ-КЛАССИК, 2002. – 320 с.

Lagonda G.V. **A Marriage as a Form of Gender Relations**

The author of the article works out the problem of composition of matrimonial needs enumeration. For the basing of his own point of view he exploits the idea that a conjugality is kind of gender relations. From the author opinion a sexuality is such functional system that assures both a gender relations in all and a marriage relations in particular. The author describes procreative, recreative, communicative and symbolical functions of sexuality. He proves their connections with matrimonial needs. He chooses seven such needs: in a realization of sexual bent, in a continuation of genus, in a confirmation of own inimitability by a marriage partner, in love, in affiliation and in a material welfare. He also analyses a degree of matrimonial specificity of given needs.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.03.2011

УДК 37:0018

С.Н. Северин

КАЧЕСТВО НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

В статье раскрывается структура образовательной системы (взаимообусловленность практико-образовательной, управленческой и научно-исследовательской подсистем), функция управленческой подсистемы в контексте образовательной системы, сущность понятий «качество научных исследований в сфере образования», «управление качеством научных исследований», специфика методологического и собственно административного аспектов управления качеством научных исследований, сущность эвалюации (методологическая экспертиза, оценка, рефлексия) и структурно-иерархическая модель эвалюации качества научных исследований в Республике Беларусь, результаты эвалюации ВАК качества педагогических исследований в соответствии с методологическими нормами, компетенции структур, ответственных за качество подготовки соискателей, качество экспертизы диссертаций, качество научных исследований в целом, определены «рассогласования», противоречия между методологическими эталонами и существующими административными процедурами в сфере управления качеством научных исследований.

Введение

В Республике Беларусь в 2009 году по педагогическим наукам были утверждены 1 докторская и 20 кандидатских диссертаций, отклонено 7 кандидатских; в 2010 году утверждено 2 докторских и 22 кандидатских, отклонено 1 докторская и 13 кандидатских диссертаций. В аналитических материалах Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (далее – ВАК) указаны основные недостатки диссертаций по педагогическим наукам (www.vak.org.by.): выбор темы исследования зачастую субъективен; темы диссертаций не отражают научной и практической актуальности потенциальных результатов, не раскрывают суть проблемы исследования; зачастую формулируются псевдопроблемы; некорректно формулируются соискателями объект и предмет исследования; новизна результатов исследования подменяется его актуальностью; тривиальность, самоочевидность положений, выносимых на защиту; отсутствие методологической аргументации; выводы исследования не обоснованы; самоочевидность, псевдоновизна выводов; отсутствие авторской концепции; понятийно-терминологический аппарат исследований противоречив, не корректен, не соответствует логико-методологическим нормам; отсутствие корреляции между задачами исследования, положениями, выносимыми на защиту, и выводами (заключением); используемый исследовательский инструментарий не адекватен задачам исследования;отсутствие новизны и/или низкий уровень теоретический и практической значимости результатов исследований и другие.

Что есть качество научных исследований? В чем сущность управления качеством? Как функционирует система управления качеством научных исследований? Чем обусловлен некачественный научный продукт? Какова эффективность многоуровневой системы эвалюации процедуры и результатов научных исследований в Республике Беларусь?

Структура образовательной системы

С позиции системного подхода образование рассматриваем как системный объект, структурообразующими компонентами которого являются *практико-образовательная («педагогический процесс»), управленческая, научно-*

исследовательская подсистемы. Основными функциями управленческой подсистемы в контексте образовательной системы являются:

1) обеспечение качественного и эффективного функционирования образовательной системы в целом и подсистем в частности;

2) обеспечение развития образовательной системы, подсистем на системной наукоемкой основе, включая развитие персонала;

3) обеспечение качества и управление качеством образования, управление качеством педагогического процесса, управление качеством научных исследований в сфере образования (например, в Институте управления образованием РАО создана лаборатория методологии управления качеством научных исследований в образовании). Автор разделяет позицию российских исследователей А.А. Арламова, Р.В. Почтера, которые отмечают: «Необходимо рассматривать управление качеством научных исследований в области образования в контексте управления образования в целом» [1, с. 99].

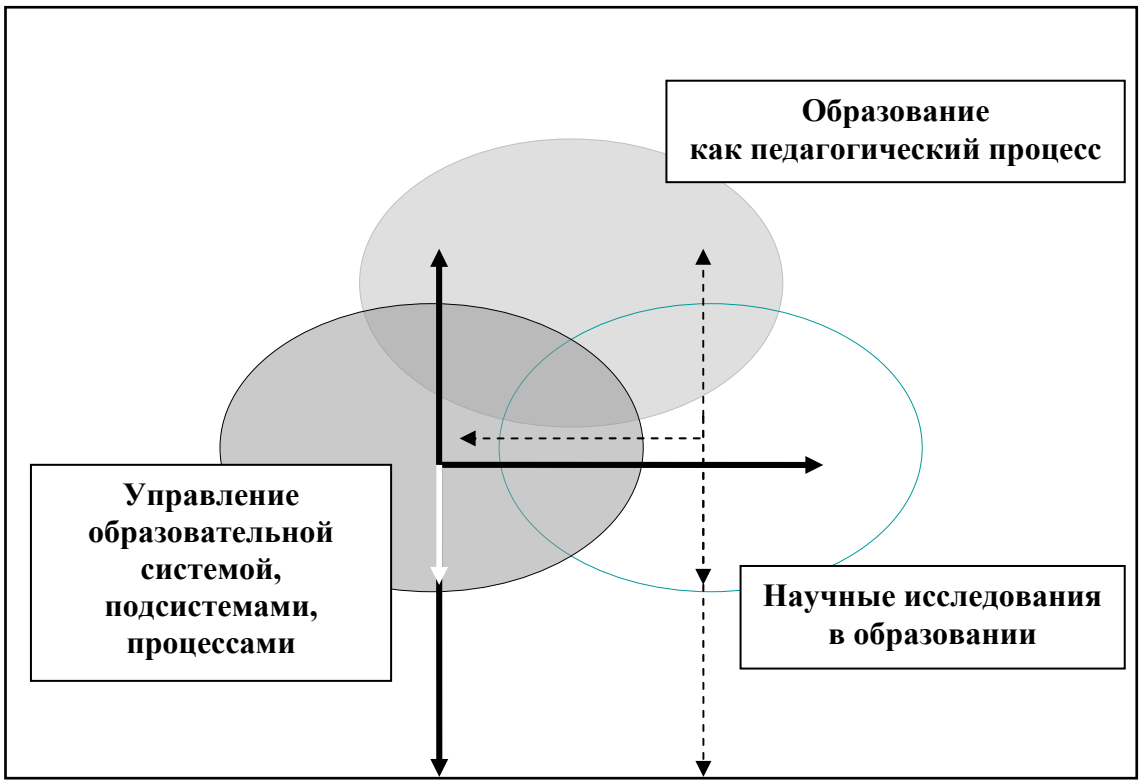

Рисунок 1 – Структура образовательной системы

Управление – функция организованных систем различной природы, заключающаяся в сохранении их определённой структуры, поддержании режима деятельности, реализации целевых программ развития. ***Цель управления*** заключается в обеспечении создания продукции оптимального качества в данных условиях, качества результатов любого процесса (управленческого, педагогического, научно-исследовательского).

Как отмечает М.М. Поташник, различают два основных аспекта качества любой продукции: *качество продукции как совокупность существенных свойств* и их *ценность с позиции потребителя* [14]. Целесообразно рассмотреть и другие понятия

аксиологического характера, «созвучные» понятию «качество продукции»: *«критерии качества продукции», «стандарты (эталоны) качества», «оценка качества», «методы оценки качества результатов»* и др.

Объектами управления могут выступать функционирование и развитие образовательной системы, подсистем, качество образования, качество педагогического процесса, качество научных исследований в сфере образования, качество управления образовательной системой и др. Как отмечает Е.В. Бережнова, в связи с тем, что научная деятельность стала массовой профессией, научное творчество рассматривается как объект управления, регулирования, руководства, администрирования [8]. Таким образом, в сфере образования не только практическая педагогическая (обучение и воспитание), но и научно-исследовательская деятельность являются объектами управления (прогнозирования, нормирования, стратегического планирования, проектирования, организации, эвалюации).

В контексте заявленной проблемы управления качеством научных исследований в сфере образования понятие «качество» рассматриваем в аксиологическом аспекте как «качество научно-педагогических результатов» (результатами научно-педагогического исследования являются разноуровневые научные знания: теория, концепция, модель, метод, методика, технология и т.д.), которое определяется ценностью научных результатов для потенциальных потребителей как в сфере науки (научные сообщества, педагоги-исследователи), так и в сфере образовательной практики (педагоги-практики, методисты, менеджеры образования и др.).

Целевым приоритетом управления научно-исследовательской подсистемой образования является обеспечение качества результатов научно-педагогических исследований, доминирующими критериями которого являются ***новизна, теоретическая и практическая значимость*****,** т.е. ценность результатов, как для развития педагогической науки, так и для оптимального функционирования и развития образовательной практики. Качество научных исследований выступает как объект управления. По мнению В.М. Полонского, «качество научно-педагогических исследований – сущность потребительской стоимости продукта науки... Качество педагогических исследований детерминируется новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью в ней информации для всех заинтересованных лиц с учетом их квалификации и условий работы…» [13, с. 161].

С позиции Е.В. Бережновой, качество научной работы – «это соответствие конкретного исследования методологическому эталону по результату и по процессу осуществления исследовательских процедур. Управление качеством научной работы предполагает разработку способов деятельности, способных повлиять на качество процесса и результатов исследования» [8, с. 388]. Управление качеством научных исследований в сфере образования – функция управленческой подсистемы образования (возможно, специализированной управленческой подструктуры), заключающаяся в мониторинге, нормировании, планировании, проектировании, координации, организации и эвалюациих процедуры и результатов. Эвалюация как инварианта управления качеством есть системная экспертиза, оценка, рефлексия процедуры и результатов научных исследований, прежде всего, с позиции обще- и конкретно-научных, логических, методологических и аксиологических критериев в контекстеестественнонаучной и социально-гуманитарной парадигм исследования, с обязательным учетом их специфики.

Основная цель разноуровневых субъектов управления качеством научных исследований (от ВАК до кафедр вузов) заключается в обеспечении качества научной продукции. В этой связи, как справедливо отмечает Е.В. Бережнова, главная проблема управления качеством научных исследований заключается в определении специфики и характера связи между методологическими и собственно управленческими аспектами. «Проблема вытекает из необходимости представить деятельность управления на каждом уровне как *методологическое регулирование и административное регулирование* научной работы и ее результатов» [8, с. 389].

Методология науки не есть наука об организации и управлении деятельности. Вместе с тем логика и методология науки, методология конкретно-научного исследования разрабатывают инвариантные и специфические логические и методологические нормы проектирования и осуществления научных исследований, критерии оценки качества их процедуры и результатов. Именно ***методологические нормы, эталоны, критерии должны выступать основанием «административного регулирования», управления в сфере научных исследований.***

Для управления качеством научных исследований в сфере образования, технологизации управления, проектирования, эвалюации необходимо фокусировать сознание, мышление на следующих связях: «качество научного исследования – методологические нормы как критерии качества – уровни экспертизы, методы управления, оценки качества»; «актуальность проблемы – цель и задачи исследования – новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования как критерии качества».

Субъекты, уровни управления, эвалюации качества научных исследований в Республике Беларусь

Субъект управления качеством научных исследований в Республике Беларусь автономный и многоуровневый. Иерархия управления, компетенции субъектов управления утверждены в «Положении о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь» (далее – Положение), в котором отражены правовые, организационно-регламентные, методологические (нормы, критерии) основы подготовки специалистов высшей научной квалификации [12]. В соответствии с Положением основным субъектом государственного регулирования в области аттестации научных и научно-педагогических работников, ответственным за качество научных исследований, выступает ВАК, в компетенцию которой входит:

- утверждение номенклатуры специальностей научных работников Республики Беларусь и паспортов этих специальностей;
- нострификация (приравнивание) документов о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий;
- утверждение решений советов по защите диссертации о присуждении степени кандидата наук;
- присуждение Президиумом ВАК Республики Беларусь ученой степени доктора наук на основании ходатайства совета по защите диссертаций по результатам экспертизы диссертации;
- присвоение Президиумом ВАК ученых званий доцента и профессора по ходатайству советов вузов;
- определение порядка экспертизы диссертации (предварительная экспертиза диссертации по месту выполнения исследования; экспертиза в совете по защите

диссертаций: первичная экспертиза, экспертиза официальными оппонентами, экспертиза оппонирующей организацией, публичная защита в совете по защите диссертаций; заключительная экспертиза в экспертном совете ВАК; дополнительная экспертиза по направлению ВАК);

- определение требований к соискателям ученых степеней и ученых званий;
- определение и систематизация методологических императивов к научным исследованиям, диссертациям;
- регламентация деятельности советов по защите диссертаций, которые создаются по решению ВАК на основании ходатайств научных организаций и вузов;
- регламентация деятельности экспертных советов ВАК и Президиума ВАК;
- переаттестация научных и научно-методических работников и др. [26].

В Республике Беларусь создана централизованная многоуровневая система управления, эвалюации качества научных исследований (от кафедры – до Президиума ВАК). Однако качество, новизна, теоретическая и практическая значимость результатов научных исследований, по оценкам ВАК, низкая.

В частности, анализируя качество диссертаций 2007 года, председатель ВАК Республики Беларусь профессор А.А. Афанасьев определил основные проблемы (факторы, их обусловившие), связанные с подготовкой и аттестацией научных работников высшей квалификации, а именно:

- возросло количество диссертаций, отклоняемых на разных этапах экспертизы (особенно экспертными советами и Президиумом ВАК);
- недостаточная степень ответственности советов по защите диссертаций и организаций, которые утверждают темы диссертаций, осуществляют аттестацию аспирантов и докторантов, проводят предварительную экспертизу диссертаций;
- низкое качество обучения в аспирантуре (около 5 % аспирантов к окончанию аспирантуры завершают работу над диссертацией);
- неактуальность проблем (тем) диссертаций;
- низкий уровень методологической культуры соискателей;
- заимствования научных результатов (компиляция, плагиат);
- единичные защиты диссертаций по приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных исследований в Республике Беларусь;
- отсутствие новизны результатов исследований по таким отраслям науки, как педагогика, психология, экономика;
- «старение» научных кадров высшей квалификации [2].

В электронном научно-теоретическом и информационно-методическом журнале ВАК Республики Беларусь «Атэстацыя» (№ 1 за 2010 г.) представлен доклад ВАК «Об итогах работы Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь в 2009 году» (www.vak.org.by.). В докладе, в частности, отмечается, что по количеству присужденных в 2009 году ученых степеней на первом месте технические науки (110 чел. – 17,6 %), далее следуют медицинские (103 чел. – 16,5 %), физико-математические (60 чел. – 9,6 %), сельскохозяйственные (47 чел. – 7,5 %), биологические (44 чел. – 7,1 %) и исторические (41 чел. – 6,6 %) науки.

В статистических таблицах ВАК представлена также информация о количестве присужденных ученых степеней по социально-гуманитарным наукам в 2009 г. (таблица):

Таблица – Присуждение ученых степеней в 2009 г. по социально-гуманитарным наукам

Отрасль науки	Присуждено			Отклонено					
				Всего			Из них Президиумом ВАК		
	Д	К	Всего	Д	К	Всего	Д	К	Всего
исторические	3	38	41	1	6	7	1	0	1
культурология	0	2	2	0	1	1	0	0	0
педагогические	1	20	21	0	7	7	0	2	2
Психологические	0	7	7	0	3	3	0	1	1
социологические	1	10	11	0	0	0	0	0	0

Примечание: К – кандидатские диссертации, Д – докторские

В 2009 году на разных этапах экспертизы отклонено 77 диссертаций, или 11 % от общего числа всех рассмотренных диссертаций. В частности, Президиумом ВАК были отклонены 23 диссертации: 4 докторские и 19 кандидатских. Это означает, что диссертации, которые успешно защищены в Советах по защите и прошли эвалюацию в специализированных экспертных советах ВАК, были отклонены Президиумом ВАК. Наибольший процент отклоненных диссертаций – по психологическим (3 из 10 рассмотренных, или 30 %), педагогическим (8 из 29, или 27,6 %) и филологическим (12 из 46, или 26,1 %) наукам. Основные причины отклонений диссертаций Президиумом ВАК – неактуальность проблемы (темы) исследования; отсутствие новизны, теоретической и практической значимости результатов; некачественное оформление аттестационных дел. В этой связи данная проблема была предметом обсуждения на научных семинарах руководителей диссертационных и экспертных советов, расширенных заседаниях коллегии ВАК.

Однако, как отмечает ВАК, по-прежнему значительное количество диссертаций в области социально-гуманитарных наук характеризуется узостью тематик, их дублированием, разработкой малоактуальных научных направлений, не соответствующих приоритетным направлениям развития белорусской науки, отсутствием существенной практической значимости результатов. В этой связи, по мнению ВАК, преимущественным направлением работы межведомственных советов по координации тематики диссертационных исследований в области педагогики, психологии, литературоведения и права, является определение приоритетных научных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований, обсуждение с их учетом тематики диссертаций, формирование информационной базы о выполняемых исследованиях.

Эксперты ВАК отмечают также, что необходимо повысить *требования к уровню теоретической и методологической компетентности соискателей* (например, при сдаче ими экзаменов кандидатского минимума), в частности, требования к *уровню методологической культуры* соискателей (знания-понимания и адекватного применения методологических норм: актуальность проблемы исследования; соответствие темы диссертации заявленной специальности; жесткая корреляция между темой и содержанием диссертации; корреляция между компонентами методологического аппарата; понятийно-терминологического однозначность; концептуальность; непротиворечивость логики исследования; адекватность методологического инструментария задачам исследования и др.), а также обеспечить *качество разноуровневой экспертизы* диссертаций (на этапах предварительной

экспертизы на кафедрах, научных семинарах, первичной экспертизы в советах по защите диссертаций, публичной защиты диссертаций в специализированных советах).

Созвучна с мнением экспертов ВАК Республики Беларусь и позиция российских экспертов – специалистов в области методологии науки. В частности, специалисты в области методологии педагогики отмечают, что для *многих* педагогических исследований характерны одни и те же недостатки: отсутствие или неактуальность проблемы, абстрактность рассуждений по поводу установленных наукой истин, тривиальность гипотез и защищаемых положений, нереальность практических рекомендаций и/или низкая практическая эффективность, необоснованность выводов и рекомендаций, их шаблонность и очевидность, отсутствие авторской концепции, некорректное определение методологических характеристик (объект, предмет исследования), отсутствие корреляции между компонентами методологического аппарата, терминологическое псевдотворчество («здоровьесберегающие, здоровьеформирующие, здоровьевосстанавливающие, здоровьеориентированные, здоровьеподдерживающие и т.п. технологии) [16; 18]. Тенденцию регресса качества диссертаций академик Д.И. Фельдштейн обозначил термином *«разнаучивание»*. Основная причина недостатков социально-гуманитарных исследований, по мнению экспертов, – низкий уровень научного мышления, методологической культуры соискателей.

Противоречия между административным и методологическим аспектами управления качеством научных исследований в сфере образования

Безусловно, в Республике Беларусь создана централизованная многоуровневая система управления, экспертизы (эвалюации) качества научных исследований. Однако в целом качество, новизна, теоретическая и практическая значимость результатов научных исследований (особенно социально-гуманитарных) низкая. Почему? Возможно необходимо структурное преобразование самой системы подготовки кадров высшей научной квалификации, управления качеством научных исследований и новые технологии управления?

Очевидны рассогласования между уровнями управления, эвалюации, административным и методологическими аспектами управления качеством научных исследований, методологическими критериями качества диссертаций и реальным уровнем методологической компетентности аспирантов, соискателей и др., а именно:

- *Противоречие между уровнями эвалюации*. В экспертные советы ВАК включены наиболее авторитетные специалисты по всем специальностям, по которым в Республике Беларусь выполняются диссертации. Однако статистика свидетельствует: экспертный совет ВАК, т.е. ведущие специалисты, рекомендует диссертацию к утверждению, а Президиум ВАК отклоняет диссертацию и выносит отрицательный вердикт (часть диссертаций отклоняется в связи некачественным оформлением аттестационных дел, часть из-за несоответствия универсальным методологическим (логическим) нормам, часть – из-за отсутствия актуальности проблемы, новизны, теоретической и практической значимости результатов). Вместе с тем в Президиум ВАК не входят специалисты по всем отраслям науки. В этой связи возникают вопросы: как определяется научная и практическая актуальность проблемы (темы), например, исследования по нормативной методологии педагогики или педагогической психологии, как определяется эвристический потенциал гипотез, новизна, теоретическая и практическая значимость результатов конкретно-научных исследований? Кроме того, наблюдается тенденция к дифференциации и интеграции социально-гуманитарных наук,

науки в целом. В этой связи, например, эксперт по нормативной методологии педагогики может дать адекватную оценку методологическому аппарату диссертации по методике обучения английскому языку, определить степень корреляции между методологическими характеристиками исследования (например, «актуальность проблемы – тема – объект – предмет – цель – задачи – выводы»). Однако специалист по методологии педагогики (кандидат или доктор педагогических наук) не сможет адекватно оценить научную и практическую актуальность проблемы (темы), новизну, теоретическую и практическую значимость результатов по методике обучения иностранным языкам, субъектом которого является потенциальный кандидат или доктор педагогических наук. Далее. ВАК констатирует низкое качество предварительной экспертизы диссертаций. Так это «качество» закономерно: например, на многих кафедрах социально-гуманитарного профиля (психологии, педагогики, методики обучения иностранным языкам) «кадровый голод»: отсутствие и/или «старение» кадров высшей научной квалификации. А ведь компетентного специалиста может подготовить только мотивированный компетентный специалист, обладающий высоким уровнем теоретической и методологической компетентности, культуры, систематически реализующий собственные научные проекты, осуществляющий перманентную рефлексию проблемных полей и результатов исследований в смежных областях науки.

- *Противоречие между универсальными критериями оценки качества процедуры и результатов научных исследований* (отражены в Положении) *и спецификой видов научной деятельности*. Специфика видов научной деятельности и, как следствие, дифференциация наук обусловлена особенностями проблематики, предметов, методов, парадигм исследования. Парадигма естественнонаучного исследования и парадигма социально-гуманитарного исследования (несмотря на то, что они имеют инвариантные (универсальные) компоненты) – это разные научные парадигмы. Специфичны и результаты естественнонаучных и социально-гуманитарных исследований, а также критерии их эффективности и качества. Существующие нормы качества абстрактны. Необходимо в инструктивно-нормативных документах ВАК конкретизировать методологические критерии и показатели качества научных исследований с учетом специфики социально-гуманитарных и естественнонаучных исследований. Е.В. Бережнова отмечает, что *специфика социально-гуманитарного научного познания обусловливает и способы управления качеством научных исследований в сфере образования* [8]. Считаем, что в связи с этим необходимо разрабатывать (и руководствоваться) не только инвариантными (универсальными), но и специфическими критериями и показателями качества естественнонаучных и социально-гуманитарных исследований. Оценивать качество процедуры и результатов социально-гуманитарных и естественнонаучных исследований сквозь призму одних и тех же критериев невозможно: и результаты, и методологические нормы (принципы, критерии, методы), алгоритмы, парадигмы исследования различны.

- *Противоречие между административными алгоритмами, процедурами и методологическими нормами*. Порядок утверждения тем диссертаций противоречит методологическому алгоритму научного исследования, дискредитирует такую методологическую характеристику, как «тема исследования». Кто обосновывает актуальность проблемы и формулирует тему исследования: соискатель или научный руководитель? Способен ли соискатель в первые месяцы обучения в аспирантуре самостоятельно определить *объектное поле, проблемное поле, обосновать научную и практическую актуальность проблемы своего исследования, корректно*

сформулировать тему исследования, определить важнейшие компоненты методологического аппарата: объект, предмет, цель, задачи, содержание диссертации (данные компоненты отражены в индивидуальных планах аспирантов)? До формулирования темы исследования необходимо осуществить сложные мыследеятельностные логические и методологические процедуры: анализ, синтез, систематизация эмпирических данных, определение «границ научного знания и незнания», методологическая рефлексия, идентификация проблемы и др. Кто осуществляет эти методологические процедуры? Напомним: согласно п. 19 Положения, «диссертация должна быть самостоятельно выполненной квалификационной научной работой, имеющей внутреннее единство и свидетельствующей о личном вкладе автора в науку, посвящена решению научной задачи или изучению выбранной научной проблемы и содержать: обоснованную постановку научно задачи (проблемы); аналитический обзор литературы по теме» [26, с. 4]. Зачем утверждать «темы» диссертаций соискателя в «первые часы» его обучения в аспирантуре? Возможно, ученые советы вузов утверждают не «темы», а «рабочие названия» диссертаций, которые будут многократно уточняться прежде чем станут «темами научного исследования»? По этому поводу Р. Дэй образно выразился так: «Установить заглавие до написания работы – все равно что дать имя ребенку до его рождения. Вы можете дать девичье имя мальчику» [23]. В фундаментальной монографии «Культура мышления: методологические проблемы научно-педагогической работы» профессор МГУ Ю.А. Петров отмечает: «Возникает вопрос: как выбрать заглавие научной работы, адекватно отражающее ее содержание, а в конечном итоге – ее основной результат? Для этого надо достаточно ясно представить себе, о чем существенном идет речь в содержании работы, чем является ее основной результат» [23, с. 89].

- Определены актуальные направления «белорусской науки». В эти «направления» не вписывается проблематика социально-гуманитарных наук (психология, педагогика, литературоведение). Существует ли «российская наука», «белорусская наука»? Возможно, более корректно говорить о «вкладе белорусских ученых в науку», т.к. наука – это открытая система, имеющая наднациональный, надгосударственный статус, а не локальное «натуральное хозяйство». Если разработана «концепция», «система» и/или «технология» в России, Германии и др., то лучше осуществить цивилизованное «заимствование», а не изобретать белорусский вариант «велосипеда», а тем более присуждать за этот «велосипед» ученую степень, даже тогда, когда этот «велосипед» адекватен «приоритетным направлениям белорусской науки». Когда оценивается новизна, теоретическая и практическая значимость результатов научного исследования, то определяется теоретическая значимость его результатов применительно ко всей науке (конкретно-научной области), а не только «белорусской».
- *Противоречие между системой подготовки кадров высшей научной квалификации и качеством такой подготовки.* Система подготовки научных кадров высшей квалификации не обеспечивает качество подготовки соискателей (около 5 % аспирантов к окончанию аспирантуры завершают работу над диссертацией). Доказали ли свою эффективность аспирантуры в региональных вузах? Какова их реальная кадровая обеспеченность? Безусловно, необходима новая модель системы «Аспирантура», обеспечивающая качество формирования общетеоретической и методологической компетентности аспирантов. В соответствии с Положением перечень общеобразовательных дисциплин, по которым сдаются кандидатские экзамены и зачеты, устанавливает ВАК [12]. Программы-минимумы кандидатских экзаменов и зачетов по

этим дисциплинам разрабатывает и утверждает Министерство образования Республики Беларусь. Содержание подготовки аспирантов представлено в пакете кандидатских программ-минимумов: «Программа-минимум кандидатского экзамена по философии и методологии науки», «Типовая программа-минимум кандидатского зачета по основам информационных технологий», «Типовая программа-минимум кандидатского экзамена по иностранному языку (английскому, немецкому, испанскому, итальянскому, французскому)», а также программы-минимумы кандидатского экзамена по специальностям, например, по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (приказ ВАК от 23.08.2007 № 138) (www.vak.org.by.). Возможно, необходимо включить в содержание подготовки аспирантов программу-минимум по методологии конкретно-научного исследования с акцентом на прескриптивный, нормативный, инструментально-технологический аспект (уровень методологической культуры аспирантов крайне низкий), а также такие дисциплины, как основы науковедения, логику, теорию аргументации, математическую статистику и др. Однако не только включить в план подготовки, но и обеспечить качество освоения.

Таким образом, основными ***противоречиями*** в системе управления качеством научных исследований являются:

1) противоречия между методологическими и административными видами регулирования: рассогласования между процедурами планирования и экспертизы процесса и результатов и методологическими эталонами, между универсальными критериями оценки качества процедуры и результатов научных исследований и спецификой видов научной деятельности, предметов, методов, парадигм социально-гуманитарных и естественно-научных исследований (необходимо обеспечение связи, координации двух видов регулирования научной деятельности и ее результатов; основанием «административного регулирования», управленческих решений в сфере науки должны выступать логико-методологические нормы, критерии);

2) противоречия между уровнями эвалюации, рассогласования в оценках субъектов эвалюации качества процесса и результатов научных исследований;

3) противоречие между централизованной многоуровневой системой управления, эвалюации и невысоким качеством результатов научных исследований;

4) противоречие между ресурсозатратной системой подготовки кадров высшей научной квалификации и качеством такой подготовки, качеством результатов социально-гуманитарных исследований в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арламов, А.А. Проблемы методологии педагогики: постнеклассический период / А.А. Арламов, Р.В. Почтер // Педагогика. – 2008. – № 5. – С. 98–104.

2. Афанасьев, А.А. Национальной системе аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации – 15 лет / А.А. Афанасьев, Н.В. Гулько // Проблемы управления. – 2007. – № 3 (24). – С. 4–15.

3. Бережнова, Е.В. Методологические условия перехода от науки к практике в структуре прикладного педагогического исследования: дис. … д-ра пед. наук : 13.00.01 / Е.В. Бережнова. – Волгоград, 2003. – 321 л.

4. Бережнова, Е.В. Педагогическая наука и её методология в контексте современности / Е.В. Бережнова // Педагогика. – 2002. – № 1. – С. 101–105.

5. Бережнова, Е.В. Педагогическое исследование: социально-гуманитарный контекст / Е.В. Бережнова // Педагогика. – 2005. – № 6. – С. 23–30.

6. Берков, В.Ф. Из опыта логической экспертизы диссертационных работ / В.Ф. Берков // Проблемы управления. – 2007. – № 3(24). – С. 114–117.

7. Ивин, А.А. Теория аргументации : учеб. пособие / А.А. Ивин. – М. : Гардарики, 2000. – 416 с.

8. Краевский, В.В. Методология педагогики: новый этап : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, Е.В. Бережнова. – М. : Академия, 2008. – 400 с.

9. Микешина, Л.А. Методология научного познания в контексте культуры / Л.А. Микешина. – М. : Исслед. центр по пробл. управл. качеством подготовки специалистов, 1992. – 174 с.

10. Микешина, Л.А. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М. : РОССПЭН, 1997. – 240 с.

11. Петров, Ю.А. Культура мышления: методологические проблемы научно-педагогической работы / Ю.А. Петров. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 115 с.

12. «Положении о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь» (в редакции Указов Президента Республики Беларусь от 04.03.2005 № 116; от 24.08.2006 № 516; от 17.12.2007 № 655; от 28.05.2008 № 286; от 17.11.2009 № 556; от 13.08.2010 № 422) // www.vak.org.by.

13. Полонский, В.М. Словарь по образованию и педагогике / В.М. Полонский. – М. : Высшая школа, 2004. – 512 с.

14. Поташник, М.М. Качество образования: проблемы и технология управления (В вопросах и ответах) / М.М. Поташник. – М. : Пед. об-во России, 2002. – 352 с.

15. Розин, В.М. Специфика и формирование естественных, технических и гуманитарных наук / В.М. Розин. – Красноярск. : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 200 с.

16. Сластенин, В.А. Методологическая рефлексия в педагогическом исследовании / В.А. Сластенин [и др.] // Педагогическое образование и наука. – 2002. – № 4. – С. 28–31.

17. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

18. Фельдштейн, Д.И. О состоянии и путях повышения качества диссертационных исследований по педагогике и психологии / Д.И. Фельдштейн // Педагогика. – 2008. – № 6. – С. 3–14.

19. Юдин, Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. / Э.Г. Юдин. – М. : Эдиториал УРСС, 1997. – 421 с.

Severin S.N. **The Quality of Research in the Sphere of Education as the Object of Management**

The structure of educational system (interconditionality of practical educational, managerial and research subsystem), the function of managerial subsystem in the context of educational system, the essence of the notion «quality of research in the sphere of education», «management of research quality in the sphere of education», specific character of methodological and administrative aspect of management of research quality, the essence of evaluation (methodological expert examination, evaluation, reflection estimation) and structural- hierarchy model of quality evaluation of scientific research in the Republic of Belarus, the evaluation results of SAC of the quality of pedagogical research in accordance with methodological norms, competence of the structures responsible for the quality of competitor training, the quality of dissertation expert examination, the quality of scientific research on the whole are revealed in the article. «Discordances», contradictions between methodological standards and existing administrative procedures in the sphere of management of scientific research quality are defined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.05.2011

УДК 37.014

И.А. Колесникова

СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается социальная миссия современного образования и педагогической науки в становлении гражданского общества. Открытость и интернационализация образования в глобальном мире, способствующая преодолению «информационного неравенства» различных групп населения, трактуется как атрибут гражданского общества. В контексте этого показаны механизмы, инициирующие ограничение доступа определённых социальных слоёв к образованию. Автором анализируется социально-гражданский потенциал инновационных изменений в системе непрерывного образования, происходящих в русле Болонского процесса, предложены показатели, позволяющие судить о характере преобразований в работе школы и вуза по критериям демократизации и гуманитаризации. В статье обозначена связь между гражданской позицией и профессионализмом педагога, предложены ориентиры его профессионально-личностного самоопределения в условиях инновационных изменений.

> Если ты присмотришься к порядку, господствующему в духовных общественных и частных делах у хорошо образованного народа, там все идет, как часы. У варваров же все похоже на развязанный сноп или песок без цемента.
>
> *Я.А. Коменский*

Исторически в основе стремления к становлению гражданского общества лежит *идея превращения индивида из подданного в гражданина.* В правовом демократичном обществе приоритетными становятся: признание, обеспечение и защита прав *любого* человека и гражданина; возможность конструктивного диалога между государственными и общественными структурами; создание реальных условий для свободного творческого развития личности. Как известно, структуру современного гражданского общества образуют социальная, экономическая, политическая, духовно-культурная и информационная системы. Состояние каждой из них, так или иначе, зависит от уровня образованности общества в целом. Сфера образования, с одной стороны, всегда служила пространством накопления опыта социальных (гражданских) отношений. С другой – являлась своеобразным индикатором степени гуманитаризации и демократизации общества.

Существование гражданского общества в развитом состоянии невозможно без преобладания в его составе людей, не только имеющих равные гражданские права, но и на деле проявляющих определённые гражданские качества. Существенная перестройка общественного и индивидуального сознания и поведения в сторону развития гражданской культуры с неизбежностью вносит изменения в цели воспитания и обучения. Они всё более ориентированы на культивирование правовой грамотности, социальной активности, способности к свободе выбора, личной

ответственности, толерантности. Всего того, что лежит в основе гражданственности.

В эпоху глобализации развитию гражданской культуры способствуют такие новые атрибуты образования, как *непрерывность, открытость, интернационализация.* С исчезновением идеологической биполярности мира в международном пространстве усиливаются тенденции выравнивания образования за счёт интеграции социально-педагогических достижений стран-партнёров. Одна из граней этого процесса – помощь в осознании и реализации гражданских свобод. Если в период холодной войны перед учёными государств, принадлежащих к идеологически разным «лагерям», ставилась задача обосновать преимущества «своего» образования, обусловленные определённым социально-политическим строем, с начала 1990-х годов взаимный интерес стали вызывать педагогические достижения, связанные с гуманизацией, гуманитаризацией и демократизацией образования. Показательно, что целевые ориентиры, сформулированные в международных документах, начиная с последнего десятилетия XX века, напрямую связаны с формированием «общества знания», в основе которого лежит *идея достижения равенства граждан в приобретении, актуализации и использовании знаний*. Так в широко известном докладе Международной комиссии «Образование: сокрытое сокровище» [1]. Образование было заявлено как необходимое условие движения человечества к идеалам мира, свободы и социальной справедливости.

Пути становления гражданского общества и его членов, отличающихся высокой степенью гражданской культуры, обусловлены социально-политическими и культурно-историческими факторами. Во многом эти процессы зависят от общего образовательного фона, который способно обеспечить своим гражданам то или иное государство, от уровня образованности различных возрастных и социальных групп, содержания и организации процессов обучения и воспитания, заданных национальной спецификой и образовательными традициями. Именно поэтому любые педагогические усилия, направленные на воспитание гражданина, должны учитывать исторический опыт той или иной страны, опираться на социогенетическую память народа. Так в государствах, население которых пережило рабство, крепостное право, геноцид, военное порабощение, тоталитаризм процессы формирования гражданской культуры весьма затруднены. Там, где веками у людей уничтожалась индивидуальная мотивация к труду, а уровень жизни мало зависел от личного вклада в его конечный результат, значительно сложнее воспитать умение честно трудиться, проявлять уважение к плодам своего и чужого труда. Там, где государством из общественной жизни последовательно устранялись индивиды, обладающие чувством собственного достоинства, личной активностью в сфере хозяйствования, интеллекта, политического обустройства трудно ожидать массовых проявлений самостоятельности и ответственности, осознанного выбора в решении экономических, политических, социальных проблем.

Активное развитие международного образовательного сотрудничества в ситуации становления гражданского общества требует пересмотра функции и роли «педагогического миссионерства», понимаемого в широком смысле как внесение извне в жизнь людей неких элементов знаний, моделей поведения из неведомого, порой чуждого им в культурном отношении пространства. На фоне процессов либерализации социально-экономической жизни экономически развитые государства постоянно расширяют диапазон педагогической помощи, предоставляемой другим странам, активно занимаясь экспортом социально-педагогического опыта, в том

числе, по части образовательного вклада в построение гражданского общества. Оказание помощи странам с развивающейся экономикой, как правило, сопровождается внедрением западных моделей образования, не всегда адекватных местным культурным традициям и условиям. Это порождает *потребность в сохранении и защите национальных образовательных суверенитетов*, самобытности и национальной идентичности систем обучения и воспитания, что немаловажно в плане развития гражданского самосознания населения.

В силу значительных социогенетических и ментальных различий прямая трансляция образовательного опыта формирования гражданской культуры от одной страны к другой мало продуктивна. Например, закономерно, что провозглашение приоритета частных интересов в рамках европейского понимания гражданственности в российском обществе, исторически державшемся на общинности, соборности, коллективизме, многими педагогами и родителями воспринимается как нечто неорганичное и чуждое. Многие аналитики и эксперты предупреждают, что в образовательной политике стран с «догоняющей» модернизацией освоение международного педагогического опыта не должно становиться формой завуалированного или прямого разрушения коренной культуры. Так, специалист по образовательным реформам из Великобритании Дж. Крайтон в статье «Взгляд на реформирование посткоммунистических школ» пишет: «Это может показаться смешным, но возврат к традиционным методам процесса передачи знаний на Западе сопровождается распространением «прогрессивных» подходов в восточном направлении, которые часто навязываются внешними донорами: Учителя должны подумать дважды, прежде чем отказываться от национальных образовательных традиций, которые в целом хорошо послужили не одному поколению учеников, – традиций, об исчезновении которых на Западе сегодня вспоминают с горечью» [2].

Вместе с тем, нельзя не признать, что широкомасштабное участие международных фондов в реализации образовательных проектов, ориентированных на построение гражданского общества во многом способствовало ценностно-смысловым «сдвигам» в педагогическом сознании на постсоциалистическом пространстве. Одним из первых важных шагов на пути повышения гражданского самосознания представляется *осмысление прав и обязанностей в сфере образования* со стороны всех его участников. В международных и российских документах чётко обозначено гарантированное гражданское право человека на получение образования и свободное удовлетворение информационных потребностей. Институты образования как совокупные субъекты педагогической деятельности, согласно существующему законодательству, призваны обеспечить реализацию этого права. В свете этого многие школьные ситуации начинают восприниматься общественностью как прототипы гражданских инициатив. Безусловное соблюдение школой прав ребенка и его семьи рассматривается как шаг к правовому государству. Ведение школьного хозяйства родителями, утверждающими школьный бюджет, ведущими переговоры с администрацией и властями, выглядят как некий прообраз возможных отношений с государством, с рынком. Таким образом, понимание соуправления школой взрослыми и детьми приобретает новый, социально-экономический разворот.

Это неслучайно. Одной из центральных характеристик гражданского общества провозглашается экономический плюрализм, дающий потенциальную возможность преодолеть отчуждение человека от средств производства. На этом фоне *коммерциализация сферы образования* рассматривается многими политическими и

общественными деятелями как один из источников укрепления гражданского общества. Работникам образования при этом отведена своеобразная позиция на стыке производства и потребления. С одной стороны, информация и наука, тесно связанные с образованием, превращаются в производительную силу, приводимую в действие за счёт человеческого капитала и способную умножать этот капитал. С другой стороны, образовательные учреждения приравниваются к сервисным службам. После появления теорий, развивающих идею информационного капитала, симптоматичным стало внедрение из сферы экономики в педагогический контекст понятия «оборот знаний». Национальные приоритеты в развитии образования начинают диктоваться экономикой**.**

От обобществления знания в ходе социалистических революций и деколонизации общество пришло к его вторичной капитализации в постсоциалистический и постколониальный период. В первое десятилетие XXI века на всех континентах коммерциализация образования развивается быстрыми темпами. Начало этому процессу положило введение Всемирной торговой организацией (ВТО) в широкий обиход понятия «образовательная услуга» (1994 г.). Это внесло целый ряд противоречий и парадоксов в ход процессов демократизации и гуманитаризации образовательного пространства бывших стран социализма. Даже в странах, имевших некогда успешный опыт всеобщего обучения, неуклонно растёт доля платных образовательных услуг. Фактически идёт поворот вспять *от бесплатности, массовости и общедоступности образования*, что вступает в противоречие с глобальной идеей его всеобщности и непрерывности. Так исследования образования в социалистических странах Европы на историческом отрезке 1948–1980 гг. неизменно фиксировали постоянное законодательное повышение образовательного ценза, следовательно, доступности обучения для всех слоёв населения: от обязательного бесплатного начального до полного среднего. В качестве ощутимых результатов этого можно назвать ликвидацию неграмотности и детской беспризорности, поголовный учёт детей школьного возраста, не охваченных образованием, бесплатность сферы дополнительного образования. Это несомненные признаки демократизации. Поэтому исторической нелепостью и анахронизмом должно выглядеть в глазах гражданского общества возрождение платности обучения на постсоветском пространстве, появление массы детей, которые нигде не учатся, рост функциональной неграмотности взрослого населения, что никак не согласуется с идеями социальной справедливости. В противовес классическому тезису Я.А. Коменского «учить всех всему» современная педагогика открыто провозглашает: «Невозможность научить всех». Вместе с тем для открытого общества, коим по определению является общество гражданское, естественно стремление преодолеть закрытость «высших этажей» образования.

Со вступлением в постиндустриальную эпоху обнаружился новый источник ограничения прав человека на получение информации. Новый вид неравенства, неравенства информационного, стал следствием «цифрового разрыва» (digital divide), вызванного неравномерным распределением технических достижений между странами и людьми. В то время как одни учащиеся могут, не выходя из дома, широко пользоваться для образовательных целей любым интерактивным, мультимедийным обеспечением, для других простой доступ в глобальную сеть остаётся серьёзной технической и финансовой проблемой. Использование информационно-коммуникационных технологий, помимо дорогостоящего технического оснащения, требуют соответствующего уровня подготовки пользователя, в том числе, языковой. Вместе с тем 80 % объема программного компьютерного продукта в мире создается на английском языке, хотя 75 % населения им

не владеют. Таким образом, значительная часть жителей планеты по социально-экономическим, лингвистическим, образовательным причинам выпадает из процесса «всеобщей компьютеризации образования». Например, Россия, на территории которой сконцентрирована одна сороковая часть населения мира, на начало XXI в. по уровню информатизации занимала лишь 200-е место [3].

Наличие колоссальных «цивилизационно-культурных ножниц» (от неграмотных коренных жителей Африки, Австралии, Южной Америки до суперобразованных лауреатов Нобелевской премии) привело к тому, что четыре пятых человечества находится в научно-информационной зависимости от одной пятой. Согласно статистике, элитное образование в мире получает около 2–5 % учащихся. Количество же неграмотных продолжает постоянно увеличиваться, достигнув к началу XXI в. одного миллиарда человек. По данным ЮНЕСКО, лишь в арабском мире сегодня насчитывается порядка 60 миллионов безграмотных, что составляет порядка 20 % от общего населения. Здесь 6,5 миллионов детей школьного возраста лишены возможности получать базовое образование. По данным государственного агентства США по образованию, более трети жителей Вашингтона (36 %) считаются неграмотными. В целом в стране насчитывается 21 % неграмотных от общей численности населения [4].

Несмотря на известные положения «Декларации прав человека» о равном праве каждого на развитие и доступ к информации, многими странами мира в области образовательной политики допускается некоторое лукавство. Демократизации образования препятствует *принципиальная закрытость* определённых его уровней и моделей для значительного количества населения. На фоне провозглашения открытости и непрерывности образования, устойчиво культивируются модели обучения и воспитания, носящие герметизированный характер. Среди наиболее распространённых социально-педагогических механизмов целенаправленного обеспечения «закрытости» учебной информации для определённых групп населения обозначим:

- Расовые или национальные ограничения.
- Установление возрастного ценза на бесплатное получение определённого уровня образования.
- Обязательность преподавания и обучения в государственных учреждениях на определённом языке.
- Определённая конфессиональная, идеологическая или интеллектуальная направленность обучения и воспитания.
- Установление высокой платы за обучение.
- Нарочитая сложность изначально предлагаемого содержания образования, требующая исходно высокого уровня общей культуры.

В любом случае речь идёт об установлении некоего индивидуального или группового кода доступа к имеющемуся массиву образовательно значимой информации. Его можно обозначить как *эдуко-код* (educo-code) по аналогии с модным сейчас понятием дресс-код (dress–code). Подобное ограничение явно или скрыто ведёт к целенаправленному формированию и воспроизводству в обществе социальных слоёв с заведомо разной степенью и типом образованности. Это противоречит идее открытости образования и развитию процессов демократизации системы обучения. Следовательно, тормозит развитие гражданского общества, способствуя

воспроизводству через систему образования социального, культурного, информационного неравенства.

Если анализировать ситуацию доступа к знаниям в мире в целом, можно говорить о выделении групп населения, «по жизни» находящихся в совершенно разных информационно-образовательных условиях.

1. *Люди традиционного общества* (коренное население Африки, Австралии, Южной Америки, некоторых восточных и северных регионов мира), до сих пор сохраняющие и воспроизводящие на практике этнические модели воспитания и обучения предков. Эта весьма значительная по величине категория населения практически полностью дистанцирована от образовательных возможностей западной цивилизации.

2. *Люди, в силу неграмотности или крайней нищеты* не имеющие прямого доступа к источникам научной и учебной информации, а также к уровням образования, способным обеспечить им достойное существование.

3. *Люди массовой культуры*, получившие общее и специальное образование в социально доступном объёме, но ограничивающиеся получением сведений об окружающем мире из СМИ, не склонные к глубокому анализу информации в силу соответствующих психологических установок и отсутствия аналитического склада ума.

4. *Люди академической культуры,* прекрасно образованные по меркам современного общества, способные критически отнестись к информации, поступающей извне и продуцировать знания, имеющие образовательную ценность для других.

5. *Люди, финансово состоятельные,* способные оплатить свой доступ к любому уровню образования и, практически, к любой нужной им информации.

6. *Люди информационно-образовательного влияния,* имеющие возможность стратегического информационного доступа к общественному сознанию на уровне СМИ, распределяющие образовательные ресурсы, хорошо осознающие и формирующие национальный, государственный и международный контекст развития информационно-образовательных и информационно-коммуникационных процессов.

7. *Люди закрытых сообществ (научных, религиозных, политических, духовных),* имеющие возможность приобщаться к информации из источников, доступ к которым в принципе невозможен для посторонних, организующие специфическую (параллельную) систему обучения и воспитания.

8. *Люди образовательных альтернатив,* знающие, но осознанно отвергающие принятые обществом информационно-образовательные нормы, создавая собственные «правила игры» для системы обучения и воспитания.

9. *Люди, сознание которых целенаправленно «контролируется» извне* (например, находящиеся под влиянием тоталитарных сект), в силу чего определённая часть социально значимой информации оказывается для них заблокированной.

10. *Люди виртуального пространства,* находящиеся в устойчивой информационной зависимости от компьютерной техники и работы в глобальных сетях.

Создание резких различий в уровне культуры и образованности людей становится универсальным способом их разъединения. Неравенство в доступе к информации и образованию усугубляет различие в понимании происходящего в мире и собственной жизни. У малообразованного человека трудности возникают в поисках и отборе источников информации, в выделении значимых фактов и событий, интерпретации происходящего. Обычный человек (обыватель) перестаёт понимать смысл происходящего вокруг а, следовательно, оказывается принципиально

неспособным влиять на ход событий. Сужение познавательных горизонтов препятствует развитию критического самостоятельного мышления. В свою очередь, это облегчает превращение масс населения в объект социально-информационного манипулирования.

Наряду с проблемой гарантии получения каждым гражданином учебной информации и образования требуемого уровня, в постиндустриальном обществе появляется проблема последующей реализации достигнутого уровня образованности. На фоне экономической и социальной неспособности государств обеспечить нормальное развитие каждому гражданину возникает *иллюзия избыточности образования* (полного среднего и высшего). Даже экономически благополучные страны Америки и Западной Европы, учитывая объективные возможности ресурсного обеспечения образовательной системы, снижают степень целевых ориентаций обучения до формирования «жизнеспособных», «компетентных» граждан. В России также постоянно возникают дискуссии, имеет ли смысл, высшее образование, когда стране не хватает квалифицированных рабочих, а до 60 % выпускников университетов и институтов не идут работать по специальности. На этом фоне звучат настойчивые призывы снизить индивидуальные образовательные притязания.

Пока вокруг определения необходимого образовательного уровня идут яростные споры, *в мире неуклонно растёт*:

- количество не учащейся молодёжи школьного возраста, находящейся вне образовательных формальных систем,
- число взрослых людей, функционально неграмотных в новых сферах жизни (за счёт динамики цивилизационного развития, старения имеющихся знаний, кардинальных социально-экономических изменений),
- доля на рынке труда людей, имеющих высокий образовательный ценз, но вынужденных менять профессию и выполнять менее квалифицированную работу.

Сами по себе качество образования, фундаментальная академическая подготовка, теоретическая наука в системе непрерывного образования всё чаще отходят на задний план. Приоритетным заказчиком будущих специалистов признаётся работодатель, основным критерием образованности – способность зарабатывать деньги, а целью учебы – умение устроиться в жизни. Неявная, глубинно *человеческая*, польза от образования, всё меньше берётся в расчёт, поскольку не имеет товарной цены. Но *образования как основы для «очеловечивания» для индивида не может быть много*! Если, конечно, не рассматривать личность только как социальную функцию.

Человеку с развитой гражданской культурой несложно обнаружить наличие или запуск механизмов ограничения доступа к определённым ступеням и областям образования. Некие маркеры существуют как на уровне официальных текстов, так и в реальной практике. *На законодательном уровне* достаточно проанализировать характер и направленность изменений в документах, определяющих образовательную политику: в Конституции, федеральных и региональных законах об образовании, соответствующих подзаконных актов, стратегических моделях развития образования. В данном случае интерес представляет:

- наличие в документах, регламентирующих жизнь государства, пункта о праве граждан на образование (отмене или ограничении этого права);
- факты законодательного расширения/сужения имеющейся системы гарантий реализации права на образование для каких-то (или всех) слоёв и групп населения;

- повышение/снижение существующего ранее образовательного ценза, т.е. обязательного для всех количества лет (ступеней) бесплатного обучения;
- появление (сохранение, ликвидация) тупиковых ветвей общеобразовательной подготовки, ограничивающих пути продолжения образования;
- законодательное изменение (расширение/сужение) возрастного диапазона бесплатного доступа к образованию;
- смещение смысловых акцентов в документах об образовании. Например, усиление/ослабление степени гуманитарности или демократичности понятий, терминов, заложенных в текстах (скажем, замена понятия «народное образование» понятием «образование»);
- либерализация сферы платного образования;
- изменения в системе управления образованием (увеличение/уменьшение доли государственного финансирования; увеличение/уменьшение финансовой, административной, педагогической самостоятельности учреждений образования).

На уровне изменения содержания образования в ходе его реформирования и модернизации тревожными симптомами служат:

- сокращение в учебных планах школ и вузов объёма гуманитарных дисциплин;
- формализация процедур построения содержания образования и форм контроля его освоения;
- примитивизация, опрощение содержания. Уход к частностям, консервация старых (научно-классических) представлений, составляющих историю науки, но не её современность;
- перенос акцентов на освоение прикладных, конъюнктурно «рыночных» навыков (прикладная экономика, менеджмент, владение компьютером на уровне пользователя) в ущерб получению фундаментальных знаний и обобщённых умений;
- узаконенное использование входного тестирования в целях отсева определённой части желающих получить образование высокого уровня;
- унификация учебных пособий.

На уровне образовательного менеджмента должно настораживать: а) расширение в структуре деятельности образовательного учреждения объема платных образовательных услуг, б) дистанцирование администрации от родителей и учащихся при принятии управленческих решений, касающихся изменений условий обучения (воспитания), в) отсутствие общественной экспертизы и оценки образовательных нововведений.

В гражданском обществе успешное вхождение и пожизненное нахождение в образовании (lifelong education) требует от личности внутренних усилий. Гражданская культура человека предполагает высокую степень его личной и социальной активности, в том числе, в сфере приобретения образования. В то же время для воплощения образовательных и карьерных устремлений нужны внешние условия на уровне устойчивой поддержки государства и общества. Однако в странах постсоветского пространства оказывается сложным преодолеть устойчивый культурный стереотип «передачи» – «приёма» знаний. Парадокс фиксации обществом пассивной роли учащегося заложен в смысловой паре «*дать образование*» – «*получить образование*».

Как показала практика последнего десятилетия, открытость образования в сочетании с его коммерциализацией в условиях отсутствия у населения гражданской

ответственности ведёт к имитации результатов на стороне педагогов и учащихся, к распространению в сфере обучения «организованной коррупции». Доступ к «документу об образовании» как главной ценности превращается для платёжеспособной части населения в товар, причём весьма дорогостоящий. В русле общемировых тенденций образовательные учреждения России в соответствии со своими уставами предлагают учащимся и их родителям *набор образовательных услуг.* Такие «образовательные наборы» для потребителей с каждым годом становятся дороже. По оценке специалистов Высшей школы экономики, к середине 2000 гг. расходы российского государства на образование составляли лишь 3,6 % ВВП, по сравнению с 5–6 % в советское время. За 15 лет количество дошкольных образовательных учреждений в России сократилось почти вдвое. С 87,9 тыс. в 1990 году до 47,8 тыс. в 2004-м. По данным ведущих информационных российских изданий за 2003–2004 годы стоимость пребывания ребёнка в дошкольном учреждении возросла на 22 %. Общественные опросы показали, что в 2005 году за счет собственных средств родителям приходилось оплачивать ремонт (33 %), техническое оснащение школьных помещений(19 %), охрану школы (20 %); приобретение учебно-методических материалов (27 %) и школьной формы (15 %); дополнительные занятия по основным предметам (12 %), подарки учителям (28 %). По данным 2003 года объем взяток в российской системе образования составлял 26,5 млрд. рублей. По сравнению с 2002 годом их общий размер вырос почти в 2,5 раза. По свидетельству «Финансовых известий», объем взяток при поступлении в вуз в 2004 г. составил примерно $300 млн. Каждый год эта цифра увеличивается на 7–10 %.

Подобная ситуация характерна для стран постсоветского пространства. Симптоматично название одной из публикаций о положении образования в Украине «Дипломированное псевдообразование» [5]. Возникает ассоциация с понятием «полуобразованности», использованным известным историком культуры Й. Хейзингой для определения господствующего в обществе типа личности. Полуобразованность является, по его мнению, результатом поверхностного и несистемного усвоения сведений, распространяемых СМИ, и ориентированности человека на ценности масс-культуры. На неразвитое и неиндивидуализированное сознание, в котором эмоции перевешивают разум, действуют внешние эффектные формы демонстрации силы: парады, марши, политическая символика. Подобное сознание оказывается легкой жертвой информационной пропаганды. Как некогда заметил русский философ А.И. Ильин, «формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации». Особенно опасным становится накопление в обществе критической массы полуобразованных людей в эпоху наукоёмкого производства и высоких технологий, когда перед человечеством встают задачи, в принципе не решаемые вне понимания глобального контекста их возникновения. В итоге идёт ослабление государства, а «невежество обходится правительству во сто крат дороже самого широкого и щедрого образования» (Я.А. Коменский).

Согласно положениям синергетики, любой выход в точку бифуркации предваряет *ситуация актуализации возможностей,* где потенциальные варианты дальнейшего развития системы существуют в зачаточном, неразвитом состоянии, создавая простор для творчества. Возникает необходимость выбора или создания своего варианта. Именно такая ситуация сейчас наблюдается в мировом образовательном пространстве. Учащиеся и педагоги поистине живут в мире

возможностей, которые им предстоит реализовать. Но при всей широте вероятностного спектра в заданных условиях оптимальным окажется путь в русле тенденций развития, заданных внутренними свойствами образовательного пространства как открытой нелинейной среды. Если эта среда не будет способствовать гражданским проявлениям детей, молодёжи, взрослых, общественные перспективы модернизации могут оказаться плачевными. В этом плане одним из гражданских знамений времени становится открытость негативной реакции общества на положении дел в образовании. Яркий пример этому – художественные интерпретации деятельности школы, появившиеся практически синхронно в разных странах мира в последние годы [6].

Общественность реагирует и на изменения, связанные с реализацией международных соглашений в области унификации образования (Болонский, Копенгагенский процессы). По данным, полученным социологами «Левада-Центра» в ходе всероссийского опроса, проведенного 21–25 мая 2010 г., за последние два года увеличилось число россиян, недовольных отменой вступительных экзаменов в вузы и введением единого государственного экзамена (ЕГЭ), Отрицательно к этому относится 43 % респондентов (против 36 % в 2007 г.), положительно – 34 % (40 %). Чаще других замену вступительных экзаменов ЕГЭ поддерживают россияне 18–24 лет, а также лица с высоким потребительским статусом. Более консервативных взглядов придерживаются респонденты 40–54 лет, с высшим образованием и с низким потребительским статусом. Только 12 % опрошенных (в 2006 году – 18 %) полагают, что ЕГЭ лучше оценивает знания, чем обычные экзамены. Противоположного мнения придерживается 41 % россиян (29 %). 28 % опрошенных считают эти две формы контроля знаний в целом равнозначными [7]. Это лишний раз свидетельствует о том, что в гражданском обществе при принятии серьёзных решений в области модернизации образования нельзя пренебрегать мнением различных социальных и возрастных слоёв. Здесь возникает встречная проблема. Одним из побочных эффектов либерализации и демократизации общества становится «примитивизация» воззрений, когда все получают возможность и начинают судить обо всём. Пример тому – множество ток-шоу вокруг вопросов образования в год Учителя, провозглашённый в России. На уровне общественного сознания последствия этого должным образом не рефлексируются. В этих условиях образование призвано искать защитные механизмы сохранения профессиональной компетентности.

Наука могла бы выступить как некий общественный гарант независимости и продуктивности гражданского развития институтов образования, но этого, к сожалению, не происходит, по крайней мере, в России. Напротив, в отсутствии гражданской зрелости педагогических кадров государственное стимулирование массовых образовательных инноваций в русле Болонского и иных международных соглашений усиливает бюрократизацию системы управления и контроля в образовании. Как следствие идёт *идеологизация и дегуманитаризация педагогической науки*, которая проявляется в последовательном вытеснении из официальных моделей и описаний образовательных процессов темы человека. Образование всё чаще понимается и исследуется исключительно как социальный институт, а не как процесс человеческого становления. Новые поколения образовательных стандартов и соответствующие им программы подготовки учителя выстраиваются исключительно «с уровня документов» (международных, федеральных, региональных и пр.), минуя бытийный уровень, где собственно и зарождаются человеческие ценности и смыслы образования. Пожалуй, лишь сумевшие удерживать свои позиции в социально-

педагогическом пространстве общественные академии делают попытки сохранения независимых горизонтальных связей, характерных для гражданского общества и формирования независимой оценки происходящего [8].

После всего сказанного сделаем попытку наметить направления и формы возможного участия педагога-профессионала в гражданских преобразованиях, обеспечивающих *соотношение государственной, общественной и личной ответственности за судьбы образования*. При этом предпринимаемые индивидуальные или совместные действия могут носить как локальный, так и глобальный характер. *Локальный уровень* действий внутри педагогического сообщества связан с решением конкретных задач по укреплению и развитию существующей образовательной системы в отдельно взятых территориях, регионах; по обеспечению достойного уровня образованности для проживающего там населения. Здесь требуется государственно-общественный вклад:

- в обеспечение открытого доступа всех желающих граждан к образовательной информации; вовлечения в образовательную орбиту как можно большего количества людей, способных к обучению и саморазвитию;
- в решение с помощью обучения и воспитания вопросов культурной идентичности и национальной безопасности;
- в поддержку разнообразия педагогической среды,
- в обеспечение баланса образовательных традиций и инноваций,
- в расширение практики гуманитарной экспертизы процессов, разворачивающихся в сфере образования «здесь и сейчас»;
- в подготовку педагогических кадров нового поколения;
- в осознанное управление качеством образования и опережающее влияние на компоненты, составляющие структуру этого качества.

На локальном уровне, внутри стран можно *изменять отношения между образованием и обществом* путём последовательного согласования интересов различных субъектов развития образования, среди которых в рамках социального партнёрства принято выделять власть, бизнес, некоммерческие, негосударственные структуры (НКО, НГО). В этот ряд стоит добавить научные и религиозные институты. Эффективны на этом пути разномасштабные общественно-государственные проекты в сфере открытого образования, основанные на сочетании традиционной формы экстерната с информационно-просветительскими возможностями СМИ и глобальных сетей.

Для этого потребуется финансирование государствами, регионами, организациями, частными лицами работы информационно-образовательных каналов (порталов, сайтов), с помощью которых любой человек, по какой-либо причине выпавший «из обоймы» нормативно обучающихся людей, не выходя из дома, *бесплатно* смог бы освоить учебные курсы в рамках среднего образования, выучить необходимые ему языки. В качестве параллельных мер перспективно: а) развитие системы виртуальных народных университетов, библиотек, медиатек, б) разработка специальным образом адаптированных пакетов учебных программ для индивидуального пользования, соответствующих государственным образовательным стандартам, в) создание своеобразных «контрольных» пунктов, где, предъявив полученные дистанционно знания, человек мог получить соответствующий сертификат. Примеры подобных систем *вариативного народного образования* уже существуют в экономически развитых западных странах. Например, прекрасный опыт

имеет Швеция с её разветвлённой сетью народных школ, компьютерной программой открытого гибкого обучения «folkbildnung.net», финансируемых государством. В рамках подобного опыта формируются новые виды совокупных субъектов обучения: учебные группы (кружки); обучающиеся организации, комьюнити, проектные команды, сетевые учебные сообщества. Тем самым, повышается уровень общественного вклада в формирование образованного слоя населения. Решая локальные задачи, следует осознавать, что только *массовое образование* способно создать надёжную основу для жизненно важных общественных перемен. Огромная армия безграмотных и нищих людей является непреодолимым препятствием не только для духовного и социально-экономического процветания отдельно взятых стран, но и для развития человечества как осмысленного (ноосферного) целого.

Глобальный уровень действий обеспечивает параллельное введение в систему образования разных стран ценностно-смысловых, содержательных и технологических компонентов, носящих всеобщий (в планетарном масштабе) характер и соразмерных существующей продуктивной гражданской образовательной практике. Он, прежде всего, связан с изучением и использованием накопленного человечеством гуманитарного опыта воспитания и обучения. С развитием в международном образовательном пространстве интеграционных процессов, носящих характер социально-педагогического партнёрства, лишённого любых признаков экспансии. При этом возникает необходимость активизации историко-педагогических и сравнительных исследований, задающих научно-прогностический контекст формированию гражданской культуры, которая не мыслится вне сохранения исторической памяти и возможности сопоставления образовательной ситуации в своей стране с ситуацией в других странах. Необходим также мониторинг и независимая международная экспертиза характера и результатов инновационных изменений.

Сегодня граждански значим любой реальный вклад в *выравнивание образовательного уровня населения земного шара* путем интеграции достижений науки, техники и образования. Не менее важны для общества инновационные педагогические результаты, направленные на *преодоление тотальной разделённости людей,* на их подготовку к диалогу различного уровня, развитие коммуникативной компетентности и толерантности. Стоит заметить, что позитивные тенденции, связанные с изменением качества социального взаимодействия, на пост-социалистическом пространстве проявились в первую очередь в сфере реализации международных педагогических проектов и сетевом интернет-общении. То есть там, где появилась возможность максимально полно удовлетворить конкретные личные или корпоративные социально-педагогические и профессиональные интересы. Именно здесь мы видим реальное использование открытого доступа к информации, расширение когорты молодёжи и преподавателей, свободно ориентирующихся в поликультурном и многоязычном образовательном пространстве, способных самостоятельно проложить свой образовательный маршрут, наладить позитивную дистанционную коммуникацию, проявить мобильность в поиске работы. В силу этого, педагогической науке и образовательной практике третьего тысячелетия имеет смысл искать и осваивать пути актуализации гражданского начала через *установление нового типа информационно-сетевой связи людей* в открытом пространстве свободы образования, открывающем каждому принципиальную «возможность быть, а не казаться» (Э. Фромм).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад «Learning: The Treasure Within» подготовлен в середине 1990-х гг. Международной комиссией по образованию для XXI века, возглавляемой Жаком Делором. В заглавие вынесен один из основных тезисов: время требует умения жить, постоянно обучаясь, познавая себя и открывая в себе таланты, как сокровища, спрятанные в каждом человеке.
2. Костинский, А. Дискуссия о государственных стандартах образования /Радио Свобода URL: 04-03-04 http://www.svoboda.org/programs/edu/2004/edu.030404.asp.
3. Фортов, В. Научные и образовательные аспекты информационного неравенства / В. Фортов // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2001. – № 1. – С. 4.
4. URL: 24.03.2007 04:03 / www.rian.ru http://www.rian.ru/rian/intro.cfm.
5. Згуровский, М. Дипломированное псевдообразование / М. Згуровский / Зеркало недели http://www.mpravda.com/?lang=ru&pubId=10379.
6. Фильм «Класс» (Klass) эстонского режиссёра Ильмара Раага (2007 г.), сюжет которого навеян событиями в американской школе, где два подростка застрелили 13 человек; французские фильмы 2008 года: «Класс» (Entre les murs) режиссёра Лоран Канте по автобиографическому роману Ф. Бегодо «Между стен» и «Последний урок» (La journée de la jupe); сериал Валерии Гай Германики «Школа» (Россия, 2010).
7. Интерфакс, 2 июня 2010, 11:52 http://news.rambler.ru/Russia/head/6549796/.
8. Проблемы развития школы и вуза в международной дискуссии: шансы и риски // Высшее образование в России. – 2009. – № 6–9.

Kolesnikova Irina. **Social Mission of Education and Pedagogy In Formation of Civil Society**

The article deals with the social mission of modern education and pedagogy in the development of civil society. Open education in a global society and overcoming the «digital inequality» is interpreted by the author as an attribute of civil society. The article gives examples of mechanisms that initiate in the modern world restricting access of certain social strata to education. The article shows some external and internal contradictions that resist the establishment of a truly civic position of participants of educational process in post-soviet space. It offers some perspective directions of personal and professional guidance for civil self-determination on the way of formation of Civil Society. There are also some indicators for objectively evaluation of the nature of change in schools and universities on criteria democratization and humanization. The author analyzes a civil potential of innovative changes in the system of continuous education, which are occurring in context of the Bologna process. It sets the relationship between citizenship and professionalism. For teachers are suggested ways of development the civic activity on local and global level.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 06.06.2011

УДК 001 8+37

М.С. Ковалевич

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ

Университетское образование в современных условиях выступает фактором профессионально-ценностного самоопределения личности и в контексте происходящих изменений представляет собой самоценность, порождаемую в процессе ценностного самоопределения личности. В статье сформулированы концептуальные основания профессионально-ценностного самоопределения личности в университетском образовании и предложены инновационные технологии их реализации. Критериями и показателями уровней ценностного самоопределения личности в пространстве образования выступают: когнитивный, мотивационно-ценностный, деятельностный. Создание условий для профессионально-ценностного самоопределения личности является задачей кафедры, которая играет уникальную роль в университете. Это особая университетская структура, призванная стать посредником между миром, его ценностями и самоопределяющимся человеком в процессе образования, создатель «зоны ближайшего развития» личности и преподавателя, и студента.

Что есть человек?
Функция внешних обстоятельств
или субъект внутреннего выбора?
Марионетка, «играющая игрушка»
или автор своего пути?

В.С. Сагатовский

Введение

Система ценностей является важнейшей детерминантой жизненного и профессионального выбора молодежи – наиболее активной и восприимчивой к изменяющимся условиям жизнедеятельности группы населения. В связи с этим перед государством и его институтами стоит задача выработки у каждого его гражданина чувства ответственности за происходящее в своей стране. Речь идет о перспективах развития белорусского общества, о будущем белорусской нации, о становлении и процветании белорусской государственности. Дальнейшее реформирование, социальное и экономическое развитие страны в значительной мере зависит от молодых людей.

Ценностно-смысловое содержание образования является важнейшим в личностном самоопределении. Характер ценностей определяет представления юношей и девушек о собственном профессиональном будущем. В связи с этим представление педагога о системе ценностей современных студентов является необходимым условием их педагогической поддержки в ситуации профессиональной самореализации. Кроме того использование аксиологического подхода дает возможность актуализировать ценность образования как единственного способа самореализации человека в современном мире, нахождения себя, раскрытия своей сущности.

В основание данного исследования положен тот факт, что в современном обществе пространство развития и время жизни личности во многом определяется ею,

исходя из собственных приоритетов, интересов, потребностей, ценностей. Свобода дает человеку право и обязанность самому определять свое место в жизни, а образование – способы освоения и преобразования мира на основе ценностей. Исходя из этого, проблема профессионально-ценностного самоопределения личности рассматривается как проблема образовательная. Движущей силой развития личности выступает ценностное самоопределение как процесс обретения ею смысла, целей и ресурсов собственной жизни в образовании.

Концептуальные основания профессионально-ценностного самоопределения личности в университетском образовании

В условиях современного мира (открытого, мобильного, ускоряющегося, нестабильного, в котором возрастает вероятность маловероятных событий) именно ценности становятся для человека ориентирами, помогающими ему найти собственный путь в жизни, дающими энергию для преобразований себя и окружающего мира. Содержание ценностей меняется, они насыщаются новыми качествами, в которых отражаются характерные особенности сегодняшнего времени. Ценности – порождение времени и пространства, результат человеческой деятельности, осмысления человеком своего места в мире. Образование дает возможность человеку выстроить собственную систему ценностей и наполнить ее содержанием, присвоив именно те ценности, которые позволяют человеку обрести и реализовать смысл собственной жизни. Именно поэтому в современных условиях образование рассматривается как *непрерывный процесс и пространство обретения личностью смысла жизнедеятельности.*

Образовательное пространство превращается в предмет и ресурс совместной деятельности педагога и учащегося. Педагог как «значимый Другой» помогает учащемуся осознать особенности и противоречия современного мира, овладеть способами жизни в нем, управлять пространством и временем собственной в том числе и профессиональной жизни. Центром образовательного пространства выступает субъект (студент, преподаватель, кафедра). Он создает его структуру, конструируя свое отношение к прошлому, настоящему, будущему, к принятым в обществе нормам.

Профессионально-ценностное самоопределение личности, как педагогический феномен, предполагает качественные изменения в ценностном отношении личности к собственной жизни и будущей профессии на основе формирования целостного представления о мире, в том числе и о важнейшей его составляющей – мире профессий и специальностей – и осмыслении своего места в нем. В синергетическом контексте процесс психолого-педагогической поддержки нельзя алгоритмизировать, она всегда вероятностна. Н.Ф. Родичев обоснованно предлагает рассматривать педагогическую поддержку профессионального самоопределения как компенсацию недостаточности и несогласованности внешних (путеводитель по спектру возможностей, профессиографическая и психологическая информация, позволяющая снизить возможные риски) и внутренних (результаты диагностики и самодиагностики, профконсультаций) ресурсов саморазвития при последовательном принятии жизненно важных решений [1, с. 234–251]. Такая компенсация предусматривает не заранее предопределенную последовательность действий, а способ согласования спонтанной, случайной и организованной составляющих деятельности с целью налаживания диалога между самоопределяющейся личностью и образовательно-профессиональной средой. Необходимым условием оптимального использования внешних и внутренних ресурсов поддержки становится *социальное партнерство* учреждений общего и

профессионального образования с учетом социально-демографической и кадровой политики.

Такое понимание педагогической поддержки профессионально-ценностного самоопределения позволяет рассматривать в качестве концептуальной идеи взаимообусловленность двух подходов: *социально-адаптационного и ценностно-смыслового* (по Н.Ф. Родичеву). Первый предполагает ответ на вопросы, предопределенные коньюктурой рынка труда. Второй – помощь в ориентации на поиск ценностей и смыслов будущей профессиональной деятельности. Взаимообусловленность и альтернативность двух подходов определяется как общественным и государственным заказом на профессионала, так и новыми ценностями и целями образования.

Таким образом, в контексте исследования личность рассматривается как *субъект согласования* (или разрешения противоречия) своего развития, изменения (личностного и возрастного) и динамики жизненных событий, «логики» жизненных циклов. Для образования чрезвычайно важно понимание того, что человек не просто переходит от одной деятельности к другой: виды деятельности выступают как решаемые личностью определенные ценностные, жизненные задачи, которые она сама ставит и решает или которые жизнь ставит перед ней. В последнем случае она либо постепенно уходит от главной цели, самовыражения, и тогда время ее жизни, оставаясь экзистенциальным, перестает быть ценностным, либо разрешает противоречие между внутренними задачами и внешними «обстоятельствами» и требованиями. В процессе образования важно понимать, что *человек теряет время не только тогда, когда он бездействует, но и когда действует в силу внешней необходимости.* Следовательно, способность к организации времени, его использованию как ценности для саморазвития, самосовершенствования субъекта является важнейшей жизненной способностью личности развиваемой в процессе образования.

Содержание образовательной деятельности аксиологично в той мере, в какой она важна или необходима для субъекта деятельности и расширяет соприкосновение человека с внешним миром, содействует обогащению его знаний, приобретению опыта. В этой связи обращение к мотиву как побуждению к деятельности позволило утверждать, что *ценность лежит в основе формирования мотивации достижения.* В свою очередь, мотивация достижения выступает одним из непременных компонентов структуры личности и является движущей силой ценностного самоопределения как:

- сложный динамический процесс формирования мотива, который включает в себя стремление к успеху, стремление к избеганию неудач и субъективную вероятность успеха;
- стремление к совершенствованию своих способностей там, где достижения считаются необходимыми;
- движущая сила, придающая деятельности целеустремленность в овладении способами достижения цели;
- проявление настойчивости в попытках достижения поставленной цели;
- динамический нелинейный процесс, в котором возможны не только подъемы, но и спуски и падения.

Профессионально-ценностное самоопределение мы рассматриваем как процесс, в котором личность осуществляет выбор на основе осознания и соотнесения своих потребностей, возможностей и способностей с общественными запросами, что определяется системой его ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации – основа самоопределения личности в процессе собственной жизни, важнейший компонент ее структуры. В них как бы резюмируется весь жизненный опыт, накопленный личностью в ее индивидуальном развитии, это *ось сознания*, вокруг которой вращаются помыслы, чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные проблемы. Профессиональная ориентация подразумевает будущее и необходима для обретения смысла в профессиональной деятельности и постановки цели, а так же способов ее достижения.

С позиций аксиологического и деятельностного подходов, при рассмотрении процесса профессионально-ценностного самоопределения личности необходимо учитывать не только внешние обстоятельства, но и активизацию внутренних побуждений личности: мотивов, потребностей, ценностных ориентаций, стремлений, притязаний.

Теоретический анализ, концептуальный синтез, многолетние наблюдения, а так же анализ собственного педагогического опыта позволил предположить, что профессионально-ценностное самоопределение личности осуществляется в трех личностных подпространствах поиска, диапазонах выбора, соответствующих трем фазам ориентации личности в мире ценностей.

Когнитивное подпространство – пространство знаний, выбора и присвоения ценностей культуры и образования на основе аксиологически акцентированных идей и ценностей образования.

Мотивационно-ценностное подпространство – пространство ценностных ориентаций, мотивов, самоактуализации, самообразования и саморазвития личности. Это пространство, где происходит переоценка ценностей, осмысление личностью своего места и роли в мире, формируется образ «Я», сообразно которому личность прогнозирует, проектирует свое будущее.

Деятельностное подпространство – это широкое пространство выбора жизненных ориентиров, развития прогностических способностей, определения идеалов и моделей будущей жизни и профессиональной деятельности, в котором личность осознает цели и смыслы будущей жизни и выстраивает ее проект.

Описание этих компонентов дает достаточно полную информацию о направленности, интенсивности, характере процесса самоопределения и позволяет определять направление механизмов самореализации личности.

Критериями и показателями уровней профессионально-ценностного самоопределения личности в пространстве образования соответственно выступают: когнитивный (знания о мире, себе, времени, цели и смысле жизни); м*отивационно-ценностный* (ценностные отношения к будущей жизнедеятельности, ценностные ориентации и мотивы личности); деятельностный (совокупность умений целеполагания, планирования, проектирования, выбора, построения временной перспективы жизнедеятельности).

Важнейшими *принципами профессионально-ценностного самоопределения* личности в образовании являются: открытость, нелинейность, вероятностность, непрерывность, свобода и ответственность, созидательность, корпоративность, мобильность, толерантность, аксиологичность. Кроме названных: принцип продуцирования ярких впечатлений. Необходимо избегать монотонность, рутину в процессе обучения, меняя методы, используя визуализацию учебного процесса и техники модерации. юмор, иронию, элементы игры, педагогической импровизации, методы театральной педагогики, готовя сюрпризы, удивляя.

Принцип гендерной дифференциации, основанный на диалектике общего единичного и особенного в мужском и женском поведении. Данный принцип предполагает комплементарность, т.е. взаимную дополняемость мужских и женских программ. Не только учение. Но и преподавание имеет мужскую и женскую специфику. В целом женский стиль преподавания является более коммуникативным, эмоционально насыщенным и ориентированным на динамику группы. Мужчины чаще ориентированы на когнитивный уровень усвоения знаний и деловую логику. Они обращают внимание на то, *что* должно быть сказано, а женщины – *как* это должно быть сказано [2, с. 22].

В результате теоретического анализа были выявлены устойчивые *психолого-педагогические зависимости*, проявляющиеся в процессе профессионально-ценностного самоопределения личности благодаря образованию:

1) смысл профессиональной деятельности «вырастает» из системы ценностей, и чем ярче иерархия ценностей, выступающих ориентирами для человека в процессе самоопределения, тем больше уверенности в том, что есть смысл;

2) чем выше и значимее профессиональные ценности, которые стремится присвоить личность в процессе образования, тем шире пространство ее развития и четче осознание необратимости времени;

3) чем шире диапазон профессионального выбора, тем основательнее должен быть внутренний стержень личности и понимание ею необходимости самоограничения; чем меньше жизненный ресурс личности, тем жестче становится система ценностей личности, тем ярче проявляется ее иерархичность, а число элементов уменьшается;

4) процесс присвоения профессиональных ценностей, обретения смысла и целей жизни напрямую связан временными перспективами, которые выстраиваются в процессе образования;

5) в процессе достижения цели возникают новые жизненные планы, тем более притягательные, чем больше усилий вложено личностью на преодоление различных препятствий на пути к ней;

6) чем выше степень участия личности как субъекта в диалоге, тем выше степень его приближения к смыслу профессиональной деятельности.

Университетское образование как фактор профессионально-ценностного самоопределения личности

Сформулированные концептуальные основания позволяют рассматривать современное университетское образование как фактор профессионально-ценностного самоопределения личности студента. Университет – это особый образовательный объект, возникший в эпоху европейского средневековья, ставший продуктом и достижением европейской цивилизации, ее культурным символом с его «вневременным и транснациональным смыслом». Понимая под *идеей* университета совокупность представлений об основополагающих ценностях, целях, *миссия* университета определяется как совокупность представлений о его основополагающих ценностях и целях, интеллектуальном продукте и необходимости обществу. Миссия университета представляет собой *смыслообразующее ядро университетской идеи, результат самоопределения университета*. Самоопределение университета, то есть осознание им своей миссии, оказывает непосредственное влияние на ценностное самоопределение личности, как студента, так и преподавателя в университетском образовании.

Миссия определяет интегральную модель деятельности и университета, и его структурных элементов, в том числе кафедр. Достижение *целей*, заложенных в миссии университета, становится предметом анализа и находит свое воплощение в *стратегии* его развития. Сформировать стратегию университета – значит ответить на вопрос о смысле и назначении его деятельности в сложившихся обстоятельствах и превратить эти представления в *ориентиры*, необходимые для осуществления конкретной управленческой работы. Таким образом, в университетском управлении соединяются ценности, цели и смыслы человеческой деятельности. В миссии университета заключены ценности, являющиеся ядром корпоративной культуры. На их основе вырабатываются нормы и формы поведения в организации, выступающие внешней характеристикой университета.

Теоретический анализ источников по проблемам университетского образования позволяет утверждать, что университет XXI века – пространство, в котором создаются условия для выживания человека в современном, непредсказуемом мире. Подготовить человека к жизни в нем, спровоцировать неопределенность в умах и бытии студентов и обучить их плодотворно жить с ней – такова миссия университетского образования (Б. Барнетт).

Университетское образовательное пространство рассматривается как пространственно-временная целостность, связь людей, помогающая преподавателям и студентам, как субъектам образовательного процесса и собственной жизни, обретать смыслы профессиональной деятельности и реализовывать их, поскольку в нем и студент, и преподаватель могут:

1. Сориентироваться в ценностях современного мира и образования и на их основе создать собственную иерархию ценностей, в которой любимая профессия займет достойное место; определить соотношение своего знания и незнания как пространств собственного развития (актуального и потенциального); ставить перед собой образовательные и профессиональные задачи и продумывать стратегию и тактику их осуществления, с использованием приемов современных образовательных технологий.

2. Реализовывать исследовательские и творческие проекты; анализировать и критически осмысливать результаты своего профессионального образования и учиться на своих ошибках.

3. Определять перспективы и способы своего развития в пространстве и времени собственной жизни (стратегию и тактику собственной жизни); сформировать личностную образовательную траекторию.

Создание условий для профессионально-ценностного самоопределения личности является задачей *кафедры,* которая играет уникальную роль в университете. Это особая университетская структура, призванная стать посредником между миром, его ценностями и человеком в процессе образования; хранительница традиций, через которые передаются ценности; пространство ценностей и смыслов профессиональной деятельности; создатель «зоны ближайшего развития» личности, стимулирующий человека постоянно самоопределяться и подниматься над собой, над реальностью, возвышаться от потребностей к ценностям общества; самостоятельная целостность, системообразующий элемент университетского образования, целостность, влияющая на другую целостность, на стратегическое планирование, на определение линии развития университета в целом, рассредоточивающая события университетской жизни (учебные занятия, праздники, конференции, дискуссии, проекты) во времени и в

образовательном пространстве университета; смыслообразующее звено университетского образования, которое ближе всего к студентам, поскольку помогает им обрести смыслы будущей профессиональной деятельности, образования, а значит, и собственной жизни; конструировать собственное «живое знание»; формировать ценностное отношение к изучаемому, к реальной действительности, присваивать духовные ценности и обретать идеалы. Обращение кафедры к смыслам необходимо, поскольку в основе любых качественных изменений лежит изменение смысла; организатор встречи преподавателя и студента, превращающий эту встречу в деятельность, связанную с преобразованием реальности; она включает студента не только в процесс познания мира и самого себя, но и в деятельность, связанную с преобразованием настоящего: через научные студенческие общества, исследовательскую работу, клубы, секции, кружки.

Именно кафедра выступает духовной связующей университетского образовательного пространства. Она не только создает условия для обретения личностью смысла, смысла профессиональной деятельности прежде всего, но и помогает его практической реализации в образовательном процессе. *Она способствует формированию у личности ценностного отношения к другим людям и самому себе, осознанию потребностей и мотивов общественной, научной и профессиональной деятельности.*

Важнейшим условием ценностного самоопределения личности, как студента, так и преподавателя, в университетском образовании выступает *аксиологизация образовательной среды университета,* которая осуществляется благодаря гуманитарным кафедрам. Аксиологизация рассматривается как:

- способ реализации аксиологического подхода в образовании, который оформился как ведущий методологический подход в педагогической науке [3–5];
- компонент гуманизации образования, поскольку в теории и в реальной практике она определяет состав и иерархию гуманистических ценностей образования, системообразующим элементом которых выступает человек как главная ценность;
- органическая часть культурологии образования, ибо она обеспечивает трансляцию ценностей культуры, которые раскрывают особенности каждой культуры [6–8];
- система мер модернизации образовательного процесса, ведущих к усилению ценностно-смысловой направленности обучения и воспитания;
- способ деятельности, целью которой выступает развитие креативно-ценностных свойств личности, без которых невозможен акт творчества, самостоятельной деятельности человека по достижению высоких результатов, значимых целей жизни, профессионального роста;
- процесс, соединяющий в себе обозначенные аспекты развития образовательной деятельности университета и личности, как студента, так и преподавателя;
- условие, способствующее развитию сущностных сил личности, ценностному самоопределению личности.

Так как университетское образовательное пространство задается прежде всего границами субъекта и формируется на основе его ориентаций, *актуализация аксиологического ядра университетского образования выступает важнейшим условием ценностного самоопределения личности.*

Определение аксиологического ядра университетского образования происходит с учетом следующих *принципов:* приоритета общечеловеческих ценностей,

равноправия ценностных систем, традиций и творчества, а также экзистенциального равноправия людей перед лицом ценностей [9].

Доминантами развития университетского образования в современном мире выступают *общечеловеческие ценности и ценности открытого образования.* Аксиологическое ядро университетского образования представляет собой совокупность ценностей образования, имеющих комплексный характер, гуманистическую природу и сущность. Оно было выделено в процессе теоретического анализа широкого круга философских и педагогических источников, в процессе обсуждения ценностных аспектов современного образования с преподавателями гуманитарных и естественно научных кафедр, студентами, на основе педагогической классификации ценностей, в которой общечеловеческие ценности выступают как детерминанты образовательного процесса, его системообразующие линии.

Содержание аксиологического ядра университета:

1. Человек как абсолютная ценность, высшая субстанция, «мера всех вещей».
2. Свобода – самостоятельность, независимость в суждениях, уверенность в себе, открытость, права личности, изменчивость, внутренняя гармония.
3. Семья – первый коллектив ребенка, среда для его развития, первичная структурная еденица общества.
4. Труд – основа человеческого существования, средство существования, созидание, достижение, источник познания и радости, карьера, творчество, возможность самореализации, профессия.
5. Знания – результат разнообразного и прежде всего творческого труда, средство развития личности.
6. Культура – великое духовное и материальное богатство человечества, высшее проявление творческих способностей, стремление человека к истине, добру и красоте.
7. Отечество – единственная, уникальная для каждого человека Родина, предназначенная ему судьбой, доставшаяся ему от предков.
8. Земля – общий дом человечества, земля людей и живой природы.
9. Мир, покой и согласие между людьми – главное условие существования Земли, человеческой цивилизации.
10. Общение и сотрудничество – диалог и терпимость, помощь и поддержка, общественное признание.

Актуализация аксиологического ядра университетского образования выступает важнейшим условием ценностного самоопределения личности, поскольку ценности, представленные в нем, адекватны смыслам и целям человеческой жизни и напрямую связаны со смыслами образования, что доказывают результаты опытно-экспериментальной работы.

Еще одним важнейшим условием ценностного самоопределения личности в университетском образовании выступает *создание ситуации достижения в проектной деятельности в образовательном процессе университета*. Реализации этого условия способствует культура самого университетского образовательного процесса (педагогическая культура), поскольку именно в ней наиболее рельефно выражаются авторство (соавторство) преподавателей и студентов, их готовность к взаимопомогающему поведению, наличие (или отсутствие) у них установки на собеседника, на изначальную адресованность своей активности «Значащему Другому» [10].

Встреча преподавателя и студента – это начало развертывания деятельности, связанной с преобразованием, *с развитием мотивации достижения студента, как движущей силы ценностного самоопределения личности.* Через научное студенческое общество, диспуты, дебаты, клубы, семинары, конференции эта деятельность способствует развитию всех субъектов образовательного процесса, как преподавателей, так и студентов. Педагогическая ситуация достижения требует изменения способов деятельности студента с репродуктивных на творческие, проектные, а значит и изменения структуры всего университетского образовательного процесса. Суть ситуации достижения может состоять в реализации рейтинговой системы оценки знаний студентов, внедрении технологии индивидуального маршрута обучения, проектной деятельности, которые стимулируют развитие личности во всех ее трех подпространствах: когнитивном, мотивационно-ценностном, деятельностном.

Индивидуализация содержания образования, благодаря использованию технологий открытого образования, возможность выбора индивидуального маршрута обучения сказывается на формировании ценностных, социальных и профессиональных установок студентов. При такой организации обучения реализуется потребность личности в достижении. Это означает, что достижение успеха приобретает в системе жизнедеятельности студентов личностный смысл. Создание преподавателем в образовательном процессе ситуации достижения, способствует преобразованию ценностных отношений студентов в ценностные ориентации, а значит, выступает условием ценностного самоопределения личности. Совместная деятельность преподавателя и студента, ориентированная на достижения становится особенно важным условием осознания личностью смысла и целей деятельности. Она приводит к необходимости строить свою жизнь «здесь и сейчас» и делать это с радостью, с ощущением ценности настоящего и переживанием ее.

Различие в восприятии времени жизни, жизненных пространств преподавателей и студентов, позволяют им в процессе общения, сохранив собственную идентичность, каждый раз определять свои позиции, взаимно обогащать друг друга, попадая в единый темпомир. Участие студентов и преподавателей в проектной деятель*ности* позволяет им ценностно самоопределиться обрести смыслы и цели профессиональной деятельности, объективно оценить свои возможности, *ресурсы развития*, которыми обладает личность или коллектив в целом. Реализованные проекты позволяют перейти на новый этап развития, осознать возможные перспективы, поднять уровень позитивной самооценки субъекта проектирования. Они позволяют личности или коллективу ощутить свою востребованность в обществе, расширить пространство жизнедеятельности, обрести устойчивость в неустойчивом мире.

Исходя из этого, *цель обучения в университете* состоит не в трансляции знаний, а *в создании среды и формировании опыта проектирования,* которые помогут студентам открыть и добыть знания для самих себя, направить на развитие общества. Это становится возможным, если в университете применяются современные, интерактивные образовательные технологии.

Успешному профессионально-ценностному самоопределению способствуют:

- *Активизирующие технологии*, психологическим механизмом обучения которых являются включение студентов в активную познавательную деятельность на основе создания проблемных ситуаций, развитие познавательных интересов и потребностей, связанных с усвоением новых знаний, необходимых для будущей профессионально деятельности [11].

• *Проблемно-ориентированные технологии,* которые обеспечивают возможность творческого участия обучаемых в процессе усвоения новых знаний и мотивации обучающихся, допускает вариативность подхода к выбору способов решения проблем. При этом осознание, принятие и разрешение проблемных ситуаций происходит при оптимальной самостоятельности обучающихся, но под общим руководством педагога в ходе совместного действия. Обсуждаются также личностные проблемы студентов, связанных с дефицитом профессиональных знаний, слабой адаптацией к университетскому образованию, адаптационным кризисам. Достоинством технологии является ее органическая связь с будущей профессиональной деятельностью и акцент на самостоятельной деятельности студентов [12, с. 76–82].

• *Коррекционно-формирующие технологии*. Они позволяют изменять вектор профессионального сознания, образовательно-профессионального поведения, осуществить «демонтаж» стереотипа профессионального поведения, полную или частичную замену существующих стратегий профессиональной деятельности и освоение новых образцов, сформировать недостающие профессиональные компетенции, адаптироваться к изменяющимся внешним условиям. Если профессиональные знания умения и личностные характеристики в основном соответствуют требованиям профессиограммы специалиста, то используется *комплиментарная* технология привнесения новых знаний в информационный багаж будущих профессионалов, формирование у них дополнительных компетенций, обогащение их технологического арсенала, содействующего адаптации к постоянно изменяющемуся профессионально образовательному пространству. В случае, если такого соответствия нет, рекомендуется применить *вытесняющую* технологию (полная или частичная замена сформировавшейся профессиональной стратегии, поиск эффективных альтернатив сложившемуся мировоззрению и профессиональному поведению). Целесообразна мотивация будущих специалистов на поиск альтернативных решений педагогических (производственных) проблем [13].

• *Личностно-ориентированная технология* развития профессионально важных качеств будущих специалистов на основе раскрытия их креативного потенциала, инициативности, способности действовать в ситуациях повышенного риска, готовности брать на себя ответственность [14; 15]. Данная технология делает акцент на личностный аспект формирования компетентности будущего специалиста.

• *Инновационная технология обновления*, инновационные способы решения проблем, формирование готовности будущих специалистов к инновационной деятельности (Т.Ю. Базаров). Ориентирована на инновационный путь и опирается при этом на банк стандартных решений типовых задач. Инновационное обучение имеет дело с нарождающимися проблемами, которые могут оказаться уникальными и не будет возможности учиться на ошибках.

• *Управление проектами (project management)* – это целенаправленное управление изменениями. Принято считать, что управление проектами успешно тогда, если по завершении проекта цель оказывается достигнутой. Цели проекта могут устанавливаться как в социальной, педагогической, технической, так в сфере самообучения. Превращая проект в «обучающийся», можно заложить основы «обучающейся» организации (студенческой группы, кафедры).

• *Обучение действием* (action learning) – это технология создания профессиональной культуры обучающейся организации. Используя эту технологию, будущие специалисты учатся преодолевать разрыв между теорией предполагаемых

действий и практикой. Каждый участник программы «обучения действием» работает над собственным проектом, планируя собственные действия и осуществляя их. Однако планирование шагов по решению стоящих проблем, а также анализ ее решения осуществляется рабочей группой и консультантом, а не одним преподавателем. «Ноу-хау» становится не индивидуальное знание и опыт, а корпоративное знание и корпоративная культура взаимодействия и сотрудничества [2].

- *Технологии открытого образования:* технология развития критического мышления, дебаты, модерация, информационные технологии и другие. Они допускают использование любых методов и приемов, нацеленных на формирование инновационного стиля мышления, овладение знанием на любом векторе решения проблемы; интенсифицируют взаимодействие, коммуникацию с другими людьми; позволяют развивать групповое самосознание, а также представлять и распространять свои взгляды.

Внедрение инновационных технологий корпоративного обучения резко изменяет «дидактический ландшафт» профессионального образования и требует изменения его методической парадигмы [16]. Система корпоративного образования строится на принципах *педагогики сотрудничества.* В ее основе общие ценности, обучение технологиям взаимной поддержки и освоение моделей комплементарной, взаимодополняющей профессионально-личностной активности сотрудников.

Заключение

Профессионально-ценностное самоопределение происходит именно в пространстве университетского образования, так как оно позволяет личности: сориентироваться в ценностях современного мира и образования и на их основе создать собственную иерархию ценностей, в которой достойное место занимают профессиональные ценности; взаимодействовать с другими субъектами образовательного процесса (студентами и преподавателями) и в процессе этого обретать смыслы и цели собственной жизни и профессиональной деятельности; определить соотношение своего знания и незнания как пространств собственного профессионального развития (актуального и потенциального); ставить перед собой образовательные и профессиональные задачи и продумывать стратегию и тактику их решения с использованием технологий открытого образования; реализовывать исследовательские и творческие проекты; анализировать и критически осмысливать результаты своего образования и учиться на своих ошибках; определять перспективы и способы своего развития в пространстве и времени собственной в том числе профессиональной жизни, стратегию и тактику собственной жизни.

Научная новизна результатов исследования заключается в том, что:

- обосновано понимание сущности ценностно-профессионального самоопределения личности в образовании как процесса обретения личностью смысла, целей и ресурсов собственной жизни и профессиональной деятельности;
- дано новое понимание университетского образования как самоценности, порождаемой личностью в процессе профессионально-ценностного самоопределения;
- разработана концепция профессионально-ценностного самоопределения личности в университетском образовании, обогащающая педагогическую теорию выявленными закономерностями, расширяющая научные представления о сущности аксиологизации университетского образования;

- обоснованы условия ценностного самоопределения личности в университетском образовании, позволяющие ей обрести устойчивость в современном меняющемся мире.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в процессе обновления содержания и технологий университетского образования. Предложенные в работе технологии открытого образования и представленные проекты создают предпосылки для развития университета как открытой системы, ориентированной на создание условий для профессионально-ценностного самоопределения личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родичев, Н.Ф. Обоснование концепции педагогической поддержки профессионального самоопределения школьников / Н.Ф. Родичев // Новые ценности образования. – 2006. – Вып. 1–2 / 25–26 «Образовательная деятельность». – С. 234–251.
2. Певзнер, М.Н. Корпоративная педагогика : уч. пособие / М.Н. Певзнер, О. Грауманн, П.А. Петряков. – Вел. Новгород : Нов. ГУ им. Я. Мудрого, 2010. – 459 с.
3. Гусинский, Э.Н. Введение в философию образования / Э.Н. Гусинский, Ю.И. Турчанинова. – М. : Изд-во: ИКД Логос, 2003. – 247с.
4. Равкин, З.И. Образование: идеалы и ценности (историко-теоретический аспект) / З.И. Равкин. – М. : ИТПиО РАО, 1995. – 361 с.
5. Сластенин, В.А. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед. / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов ; под ред. В.А. Сластенина. – 3-е изд. – М. : Школа-Пресс, 2000. – 512 с.
6. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
7. Сагатовский, В.Н. Философские основания педагогической деятельности / В.Н. Сагатовский // Вестник высшей школы. – 1987. – № 1. – С. 22–32.
8. Чавчавадзе, Н.З. Культура и ценности / Н.З. Чавчавадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1984. – 170 с.
9. Розов, Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н.С. Розов. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1998. – 292 с.
10. Библер, В.С. От науко-учения – к логике культуры: два философских введения в XXI век / В.С. Библер. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
11. Гельфман, Э.Г. Интеллектуальное воспитание учащихся. Психодидактика школьного учебника / Э.Г. Гельфман, М.А. Холодная. – СПб. : Изд-во: Питер, 2007. – 384 с.
12. Матюшкин, А.М. Проблемные ситуации в психологической подготовке специалистов в вузе / А.М. Матюшкин, А.А. Понукалин // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 76–82.
13. Научно-методическое сопровождение персонала школы: педагогическое консультирование и супервизия : монография / М.Н. Певзнер [и др.] ; под общ. ред. М.Н. Певзнера, О.М. Зайченко. – Вел. Новгород : НовГУ им. Я. Мудрого; Ин-т образоват. маркетинга и кадровых ресурсов, 2002. – 316 с.
14. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация / А.Я. Кибанов., И.Б. Дуракова. – М. : Инфра-М, 2009. – 301 с.

15. Якиманская, И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И.С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 1996. – 96 с.

16. Полат, Е.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.Е. Полат, Т.С. Назарова. – М. : 2000. – 224 с.

Kovalevich M.S. **Professional Value of Self-determination of the Person in University Education: Conceptual Foundations and Technology Realization**

University education in modern conditions is a factor and vocational self-determination of the value of personality in the context of these changes is an intrinsic value, generated in the process of self-determination of the value of the individual. In the article the conceptual basis of professional self-identity and value in university education oa to offer innovative technologies to implement them. Criteria and indicators of levels of self-determination of the value of personality in the space of education are: cognitive, motivational and evaluative, activity. Creating conditions for professional self-determination of the value of personality is the task of the department, which plays a unique role in the university. This is a special university structure, designed to mediate between the world, its values oa self-defining person in the educational process, the creator of the «zone of proximal development» person and teacher and student.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.05.2011

УДК 796.0

А.А. Зданевич, Л.В. Шукевич

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ЧАСТОТЫ СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ 6–17 ЛЕТ В ПРОЦЕССЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ КООРДИНАЦИОННОЙ И СИЛОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями реакции сердечно-сосудистой системы школьников различного возраста на выполнение тестовых заданий координацонной и силовой направленности, предусмотренных программой по учебному предмету «Физическая культура и здоровье» для учащихся 1–11 классов общеобразовательных учреждений. Показано, что за время обучения в общеобразовательных учреждениях наблюдается определённая динамика изменения частоты сердечных сокращений у школьников, которая отражает протекающие в их организме адаптационные сдвиги в деятельности сердечно-сосудистой системы при выполнении тестовых заданий по определению различных сторон двигательной подготовленности учащихся.

Введение

В литературных источниках отмечается высокий уровень заболеваемости взрослого населения, связанный с расстройством сердечнососудистой системы. Г.А. Долль-Тернер [3] утверждает, что среди болезней века на первом месте стоят расстройства и заболевания сердечно-сосудистой системы. Многие из них являются результатом недостаточной двигательной активности различных возрастных групп населения. Н.А. Фомин, Ю.Н. Вавилов [4] отмечают, что сердце, адаптированное к значительной физической нагрузке, обладает высокой сократительной способностью. З.Б. Белоцерковский и другие исследователи считают, что сердечно-сосудистая система является главной интегративной системой и чутко реагирует на изменение в функционировании любого органа [2].

Бесспорно, частота сердечных сокращений является объективным показателем состояния организма, но экспериментально выявлено, что данный показатель не отражает явной границы наступления утомления и, что особенно важно, момент перехода в состояние переутомления. Частота сердечных сокращений является физиологическим показателем, который весьма точно и сравнительно легко регистрирует как в покое, так и после мышечной работы состояние сердечно-сосудистой системы. Измерение артериального давления и минутного кровотока проводится намного сложнее, чем частоты сердечных сокращений в школьных условиях. Поэтому представляется важным получение количественной оценки частота сердечных сокращений.

Успешность процесса физического воспитания зависит от многих факторов, в том числе и от получения срочной информации по такому важному показателю, как частота сердечных сокращений, что позволит управлять физической нагрузкой как в процессе обучения, так и в контрольной деятельности при выполнении тестовых заданий, предусмотренных нормативной частью программы по учебному предмету «Физическая культура и здоровье».

Из применяемых на практике и рекомендованных в научной литературе часто используют измерение частоты сердечных сокращений до и после выполнения физических нагрузок.

Цель исследования – выявление и анализ возрастных особенностей реакции сердечно-сосудистой системы школьников в возрасте 6–17 лет на физическую нагрузку. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: 1) определить возрастные изменения частоты сердечных сокращений до и после выполнения челночного бега 4×9 м; 2) определить возрастные изменения частоты сердечных сокращений школьников до и после выполнения подтягиваний на высокой перекладине из виса.

Объект исследования – учебный процесс по предмету «Физическая культура и здоровье» школьников общеобразовательных учреждений.

Предмет исследования – состояние сердечно-сосудистой системы школьников с 6 до 17 лет до и после выполнения координационной и силовой физической нагрузки.

Экспериментальная работа выполнялась на базе учреждения образования «Средняя общеобразовательная школа № 7 Московского района г. Бреста». К исследованию были привлечены школьники основной медицинской группы: 88 мальчиков младшего школьного возраста; 144 подростка среднего школьного возраста; 32 юноши старшего школьного возраста. Педагогический эксперимент включал исследование результатов в челночном беге 4×9 м и в подтягивании на высокой перекладине из виса у школьников, а также регистрировались показатели частоты сердечных сокращений до проведения вышеупомянутых контрольных тестов и после их окончания.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучая доступную литературу, мы убедились, что в настоящее время существует множество методов исследования сердечно-сосудистой системы у спортсменов. Однако большинство из них связано со сложной аппаратурой с привлечением специалистов различных научных дисциплин. Для этого необходимо больше времени как для получения, так и обработки информации. В тоже время для управления учебным и учебно-тренировочным процессом школьников по физическому воспитанию многие специалисты используют простые, доступные и информативные методы оценки частоты сердечных сокращений. Применяя метод пульсометрии для контроля за частотой сердечных сокращений до и после нагрузки, мы получили среднегрупповые показатели, которые приведены в таблицах 1–6 и на рисунках 1, 2. Расмотрим показатели частоты сердечных сокращений у школьников 6–17 лет до выполнения челночного бега 4×9 м (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика частоты сердечных сокращений до выполнения челночного бега 4×9 м у школьников в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры						Рост показателей по отношению к 6-7-летним, %
	$\bar{x}$	σ	Абсолютная разница, уд/мин	Относительная Разница, %	t	p	
6–7	124,1	15,4	–	–	–	–	100
7–8	122,2	17,2	1,9	1,55	0,349	>0,05	98,4
8–9	120,4	15,0	1,8	1,49	0,394	>0,05	97,0

Продолжение таблицы 1

9–10	105,4	16,3	15,0	14,20	2,872	<0,05	84,9
10–11	116,1	12,5	−10,7	−9,21	−2,210	<0,05	93,5
11–12	124,0	10,8	−79	−6,44	−2,028	<0,05	99,9
12–13	116,0	12,7	8,0	6,89	2,035	<0,05	93,4
13–14	103,1	11,8	12,9	12,51	3,157	<0,05	83,0
14–15	104,4	12,1	−1,3	−12,43	−3,036	<0,05	84,1
15–16	89,0	13,5	15,4	17,33	−3,603	<0,05	71,7
16–17	103,1	10,4	−14,1	13,62	−3,510	<0,05	83,0

Как следует из неё, по мере увеличения возраста происходит уменьшение среднечисловых значений частоты сердечных сокращений с 6–7 до 9–10 лет, т.е. в младшем школьном возрасте, а достоверность различий наблюдается с 8–9 до 9–10 лет. Такие изменения показателей сердечно-сосудистой деятельности, вероятно, указывают на повышение адаптационных механизмов организма детей данного возраста. У подростков среднего школьного возраста (с 10–11 лет до 12–13 лет) частота сердечных сокращений увеличивается, затем (с 13–14 лет до 14–15 лет) этот показатель уменьшается и стабилизируется в пределах 103,1–104,4 ударов в минуту. В старшем школьном возрасте частота сердечных сокращений достигает 89,0–103,1 ударов в минуту.

В таблице 2 представлены среднегрупповые статистические показатели частоты сердечных сокращений школьников разного возраста после выполнения челночного бега 4×9 м.

Таблица 2 – Динамика частоты сердечных сокращений после выполнения челночного бега 4×9 м у школьников в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры						Рост показателей по отношению к 6-7-летним, %
	$\bar{x}$	σ	Абсолютная разница, уд/мин	Относительная разница, %	t	p	
1	2	3	4	5	6	7	8
6–7	165,2	17,0	–	–	–	–	100
7–8	164,8	16,8	0,4	0,24	0,071	>0,05	99,7
8–9	163,2	15,9	1,6	0,98	0,293	>0,05	98,7
9–10	160,7	15,8	2,5	1,74	0,473	>0,05	97,2
10–11	162,0	14,5	−1,3	−0,80	−0,257	>0,05	98,0
11–12	160,8	15,0	1,2	0,74	0,244	>0,05	97,3
12–13	163,2	14,9	−2,4	−1,41	−0,481	>0,05	98,7
13–14	174,2	16,3	−11,0	−6,32	−2,113	<0,05	105,4
14–15	177,7	15,7	−3,5	−1,91	−0,65	>0,05	107,5
15–16	158,5	14,2	19,2	12,12	3,848	<0,05	95,9
16–17	146,2	14,3	12,3	8,40	2,589	<0,05	88,4

Из таблицы 2 следует, что челночный бег 4×9 м является высокоинтенсивным физическим упражнением, так как показатели частоты сердечных сокращений имеют высокие числовые значения по сравнению с показателями, зафиксированными до выполнения челночного бега.

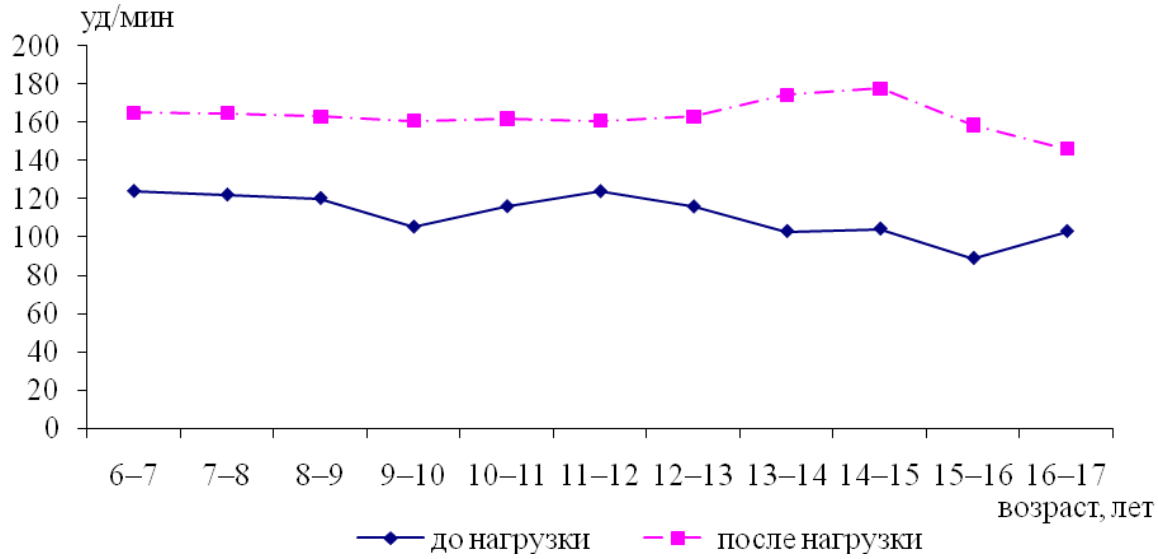

Рисунок 1 – Динамика показателей частоты сердечных сокращений у школьников в возрасте 6–17 лет до и после нагрузки (челночный бег 4×9 м)

Таким образом, регистрация частоты сердечных сокращений после выполнения челночного бега 4×9 м позволяет определить уровень напряжения регуляторных механизмов сердечнососудистой системы и, как следствие, ее функциональное состояние у школьников разного возраста.

Сопоставим полученные показатели частоты сердечных сокращений до и после челночного бега 4×9 м у школьников в возрасте 6–17 лет (таблица 3). Здесь представлены достоверные статистически значимые различия во всех изучаемых возрастах школьников. При этом в младшем школьном возрасте диапазон различий между показателями частота сердечных сокращений до нагрузки и после ее, находится в пределах 41,1–42,8 ударов в минуту (мальчики от 6–7 до 8–9 лет). Значительно больший размах показателей частота сердечных сокращений наблюдается у мальчиков младшего школьного возраста в 9–10 лет, который равен 55,3 ударам в минуту.

Таблица 3 – Достоверность различий в показателях частоты сердечных сокращений до и после выполнения челночного бега 4×9 м у школьников в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры		
	Разница, уд/мин	t	p
6–7	41,1	6,940	<0,001
7–8	42,6	6,864	<0,001
8–9	42,8	7,583	<0,001
9–10	55,3	9,434	<0,001
10–11	45,9	9,289	<0,001

Продолжение таблицы 3

11–12	36,8	7,718	<0,001
12–13	47,2	8,909	<0,001
13–14	71,1	13,688	<0,001
14–15	73,3	14,329	<0,001
15–16	69,5	12,248	<0,001
16–17	43,1	7,893	<0,001

В среднем школьном возрасте у мальчиков реагирование сердечно-сосудистой системы на нагрузку в каждом возрасте различное и составляет от 36,8 до 73,3 ударов в минуту по сравнению с покоем. Частота сердечных сокращений мальчиков увеличивается с возрастом, и наибольшие величины ее падают на пубертатный период. В старшем школьном возрасте у юношей 15–16 лет различия в частоте сердечных сокращений между покоем и после нагрузки (челночный бег 4×9 м) составляют 69,5 ударов в минуту, а у юношей 16–17 лет – 43,1 удара в минуту. Таким образом, интенсивность физиологической нагрузки при выполнении челночного бега 4×9 м определяется различной величиной сдвигов показателей частоты сердечных сокращений и они достаточно высоки для каждого возрастного периода. Данные, полученные в исследовании, показали, что адаптация к физическим нагрузкам у школьников после челночного бега 4×9 м происходит неодинаково.

Нами была предпринята попытка изучить влияние ещё одного контрольного упражнения, рекомендованного программой для общеобразовательных учреждений по учебному предмету «Физическая культура и здоровье», (подтягивание на высокой перекладине из виса) на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы школьников разного возраста. Для этого проводилось измерение частоты сердечных сокращений до и после выполнения данного контрольного теста (таблица 4).

Таблица 4 – Динамика частоты сердечных сокращений до выполнения подтягивания на высокой перекладине из виса у школьников в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры						Рост показателей по отношению к 6-7-летним, %
	$\bar{x}$	σ	Абсолютная разница, уд/мин	Относительная разница, %	t	p	
6–7	118,8	10,4	–	–	–	–	100
7–8	108,8	8,3	10,0	9,24	3,682	<0,05	91,5
8–9	110,2	8,9	−1,4	1,27	−0,564	>0,05	92,7
9–10	106,9	8,8	3,1	2,89	0,177	>0,05	89,9
10–11	96,0	7,3	10,9	11,32	4,830	<0,05	80,8
11–12	114,2	10,2	−18,2	15,90	−7,108	<0,01	96,1
12–13	102,2	8,6	12,0	8,43	4,406	<0,05	86,0
13–14	89,7	5,4	12,5	13,95	6,031	<0,01	75,5
14–15	107,5	9,2	−17,8	16,52	−8,586	<0,01	90,4

Продолжение таблицы 4

15–16	88,5	5,7	19,0	21,41	8,600	<0,01	74,4
16–17	103,1	8,9	−14,6	14,10	−6,767	<0,01	86,7

Развитие силовых способностей в школьном возрасте происходит с большими трудностями, которые требуют определенного нервно-эмоционального напряжения. Исходные значения частоты сердечных сокращений находилось у школьников младшего возраста в пределах 118,8–106,9 ударов в минуту (чем моложе школьный возраст детей, тем чаще пульс). У школьников среднего возраста частота сердечных сокращений изменяется от 114,2 до 89,7 ударов в минуту. У юношей старшего школьного возраста – от 103,1 до 88,5 ударов в минуту. Учащенное сердцебиение школьников можно объяснить их эмоциональным состоянием перед тестированием. Большая возбудимость нервного аппарата сердца является одной из причин более частого ритма сердечных сокращений у детей по сравнению с взрослыми [1].

Рассмотрим изменение частоты сердечных сокращений у школьников под воздействием выполненного физического упражнения – подтягивания на высокой перекладине из виса (таблица 5).

Таблица 5 – Динамика частоты сердечных сокращений после выполнения подтягивания на высокой перекладине из виса у школьников в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры						Рост показателей по отношению к 6-7-летним, %
	$\bar{x}$	σ	Абсолютная разница, уд/мин	Относительная разница, %	t	p	
6–7	130,5	11,9	–	–	–	–	100
7–8	138,4	14,2	−7,9	5,71	2,073	>0,05	106
8–9	130,4	12,6	8,0	6,13	2,064	>0,05	99,9
9–10	139,6	13,5	9,2	6,60	2,440	<0,05	106,6
10–11	130,4	12,1	9,2	7,01	2,486	<0,05	99,9
11–12	153,4	15,8	23,0	13,01	5,661	<0,01	117,0
12–13	144,8	15,4	8,6	5,95	1,909	>0,05	110,0
13–14	156,8	15,1	12,0	7,63	2,725	<0,05	120,0
14–15	159,5	12,5	2,7	1,61	0,674	>0,05	122,6
15–16	122,0	11,4	37,5	30,73	11,159	<0,01	93,4
16–17	144,0	12,8	22,0	15,22	6,287	<0,01	110,3

Из таблицы 5 следует, что у мальчиков младшего школьного возраста частота сердечных сокращений находится в пределах 139,6–130,4 ударов в минуту. У мальчиков среднего школьного возраста частота сердечных сокращений достаточно высокая и находится в пределах 153,4–159,5 ударов в минуту. Следует отметить, что частота сердечных сокращений от возраста к возрасту у мальчиков увеличивается. Это, вероятно, связано с увеличением количества подтягиваний с возрастом. У юношей 15–16 лет средняя частота сердечных сокращений составляет 122,0 ударов в минуту после

подтягиваний на высокой перекладине из виса при 7,60 повторениях. У юношей 16–17 лет средняя частота сердечных сокращений равна 144,0 ударам в минуту с количеством повторений 8,11 раза.

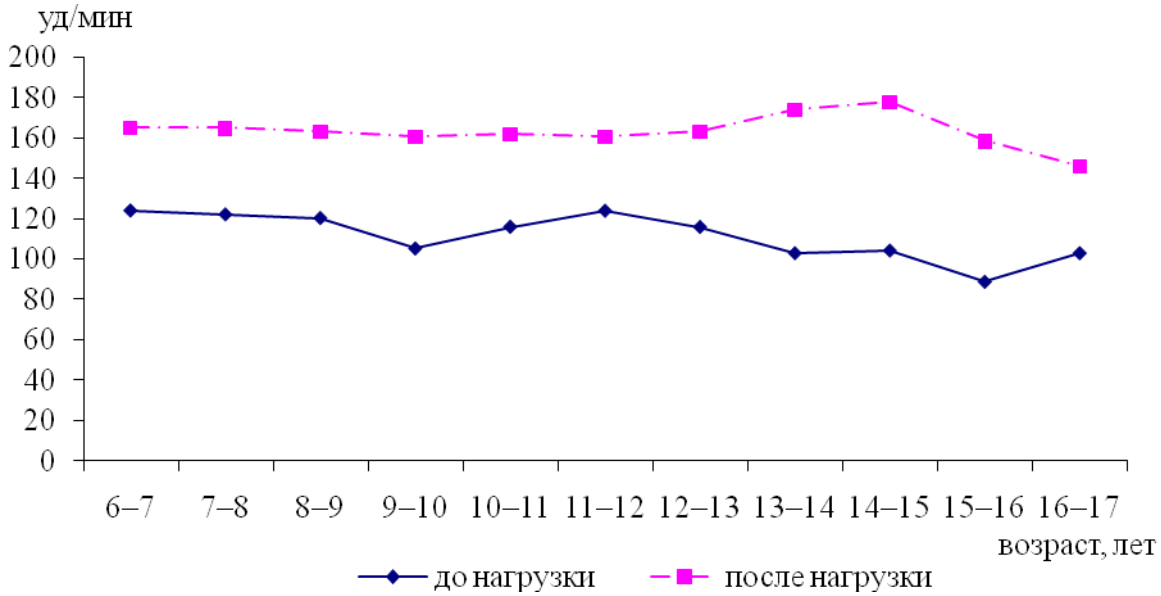

Рисунок 2 – Динамика показателей частоты сердечных сокращений у школьников в возрасте 6–17 лет до и после нагрузки (подтягивание на высокой перекладине из виса)

Рассмотрим изменение частоты сердечных сокращений школьников под воздействием выполненного физического упражнения – подтягивания на высокой перекладине из виса. Сопоставление полученных результатов частоты сердечных сокращений до и после выполнения подтягиваний на высокой перекладине из виса у школьников в возрасте 6–17 лет показало, что у мальчиков младшего школьного возраста частота сердечных сокращений находится в диапазоне от 20,2 до 32,7 ударов в минуту. У мальчиков среднего школьного возраста частота сердечных сокращений изменяется от 34,4 до 67,1 ударов в минуту. У юношей старшего школьного возраста – от 33,5 до 40,9 ударов в минуту (таблица 6).

Таблица 6 – Достоверность различий в показателях частоты сердечных сокращений до и после выполнения подтягивания на высокой перекладине из виса у школьников в возрасте 6–17 лет

Возраст, лет	Статистические параметры		
	Разница, уд/мин	t	p
6–7	11,7	2,669	< 0,05
7–8	29.6	6,488	< 0,01
8–9	20,2	4.345	< 0,05
9–10	32,7	7,316	< 0,01
10–11	34,4	8,776	< 0,001
11–12	39,2	7,515	< 0,01

Продолжение таблицы 6

12–13	42,6	8,707	< 0,001
13–14	67,1	15,086	< 0,001
14–15	52,0	12,079	< 0,001
15–16	33,5	9,476	< 0,001
16–17	40,9	9,459	<0,001

Между показателями частоты сердечных сокращений до и после выполнения подтягиваний на высокой перекладине из виса у школьников всех возрастных периодов от 6–7 лет до 16–17 лет наблюдаются статистически значимые различия.

Заключение

В результате проведённого исследования выявлено, что в контрольных упражнениях координационной и силовой направленности (челночный бег 4×9 м и подтягивание на высокой перекладине из виса), выполняемых школьниками 6–17 лет за период обучения в общеобразовательных учреждениях, показатели в этих тестовых заданиях, вероятно, во многом определяются как функциональными возможностями нервно-мышечной системы учащихся, так и степенью использования их при выполнении различных двигательных действий.

Результаты изучения адаптационных реакций школьников 6–17 лет можно использовать для объективной оценки эффективности учебного процесса по физическому воспитанию в общеобразовательных учреждениях.

Полученные данные позволяют считать, что выполняемые контрольные упражнения координационной и силовой направленности вызывают в организме школьников значительные сдвиги в деятельности их сердечно-сосудистой системы.

Таким образом, за время обучения в общеобразовательных учреждениях наблюдается определённая динамика изменения частоты сердечных сокращений у школьников при выполнении различных тестовых заданий по определению координационной и силовых способностей, которая отражает протекающие в их организме адаптационные сдвиги в деятельности сердечно-сосудистой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов, Р.А. Изменение показателей насосной функции сердца у спортсменов и не спортсменов при выполнении мышечных нагрузок повышающейся мощности / Р.А. Абзалов, Р.Р. Нигматуллина // Теория и практика физической культуры. – 1999. – № 8. – С. 24–25.

2. Белоцерковский, З.Б. Гипертрофия миокарда, дилатация полостей левого желудочка и физическая работоспособность спортсменов / З.Б. Белоцерковский, А.А. Лыкмус // Теория и практика физической культуры. – 1995. – № 7. – С. 41–43.

3. Долль-Тернер, Г.А. Адаптивная физическая активность – развитие и требования международной практики / Г.А. Долль-Тернер // Адаптативная физическая культура. – 2005. – № 1. – С. 2–6.

4. Фомин, Н.А. Физиологические основы двигательной активности / Н.А. Фомин, Ю.Н. Вавилов. – М. : Физкультура и спорт, 1991. – 224 с.

Zdanevich A.A., Shykevish L.V. **Age Dynamic of the Frequency of Heartbeats of 6–17 Years old Pupils in the process Coordination and Strength Tests Exercises**

The answers are considered in the article, which are attributed to the features of the responses to the cardiovascular system of the pupils of different age to compliance with tests of the coordinating and power direction, which are provided for the program «Sport and health» for the pupils of the comprehensive schools. It indicates that it observed the definite dynamics of the frequence change of the heartbeats by the pupils during the education in the comprehensive schools, which reproduced leaking adaptive color shifts in their organisms in the performance of the cardiovascular system by the discharge of tests by the decision of the different sides of the motive qualification of the pupils.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.04.2011

УДК 371.13(430)(091)

Маргитта Рудольф

ПОИСК ОТИМАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ: ХИЛЬДЕСХАЙМСКАЯ МОДЕЛЬ

Поиском оптимального соотношения теоретических знаний и практики при подготовке учителей исследователи занимаются на протяжении многих десятилетий. Соотношение теории и практики было и остается важным показателем качества подготовки педагогических кадров для школы в различных образовательных учреждениях. Дискуссия о том, что подготовка учителей для начальной и основной школы должна иметь большую практическую направленность в отличие от подготовки учителей для гимназий, ведется во многих странах мира. Данный вопрос является предметом обсуждения Международной Академии Гуманизации Образования (МАГО). Автором анализируются исторические аспекты подготовки учителей в Германии, а также рассматривается модель подготовки учителей начальных, основных и реальных школ, разработанная в университете г. Хильдесхайм (Хильдесхаймская модель).

Исторически в Германии сложилось так, что вопрос соотношения теоретических знаний и практических навыков при подготовке учителей, это, и вопрос о том, где их должны готовить: в университетах, педагогических училищах, педагогических институтах. Подготовка учителей гимназии со времен В. ф. Гумбольдта традиционно велась в университетах. Педагогика как униве рситетская дисциплина не предполагала практику. В ходе подготовки учителей народных школ, которая велась в педагогических училищах с конца XYIII в., практика, напротив, была неотъемлемой частью учебного процесса. Начало дискуссии о необходимости интеграции теоретических знаний и практического опыта положил Кристиан Трапп, основавший в XVIII в. первую специальную университетскую школу для прохождения практики. В задачи этого учреждения входила не только практическая подготовка будущих гимназических учителей, но и распространение новой методики их обучения. В работе «Опыт педагогики» (1780) К. Трапп показал, каким образом «экспериментальные педагогические исследования могут сочетаться с теоретической и практической подготовкой учителей» Однако данное начинание не получило широкого распространения. Педагогика осталась факультативной частью процесса обучения (Sandfuchs 2004, с. 19–21).

Либеральные образовательные реформы XIX в. настоятельно требовали новых способов получения педагогического знания, оптимального сочетания теории и практики (Tenorth 2003, с. 238). «В историческом процессе становления учительской специальности как профессии, научность образования приобретает особенное значение» (R. Keck 1988, с. 51). Профессионализация требовала специального образования, взамен практиковавшего до сей поры «наставничества. Неудавшаяся революция 1848 г. разрушила надежды на либерализацию образования, а вместе с ними и идею о подготовке учителей в университетах. Как отмечает U. Sandfuchs, опасение, что доступность образования для широких масс подорвет устои общества, стало причиной замедления реформы системы народных школ (Sandfuchs 2004, с. 19). Для людей низшего сословия достаточным считался минимальный образовательный уровень, включавший азы чтения, письмо, Закон божий, что естественным образом сказалось на сокращении учебных планов подготовки учителей. В итоге учитель

народной школы считался в то время «полупрофессионалом», поскольку не имел полноценного образования как, например, юрист или врач. Тем не менее все возрастающая роль образования привела в итоге к институционализации подготовки учителей и изменению статуса учителя, прежде всего сельского. В XIX веке важной вехой в становлении учительской профессии стала организация во всех регионах Германии педагогических училищ для начальной и средней школы как самостоятельных образовательных институтов.

Е. Шпрангер, который внес значительный вклад в развитие педагогики как самостоятельной научной дисциплины, критикуя организацию подготовки учителей, оставался решительным противником университетского образования для учителей народных (восьмилетних) школ: «От учителя в народной школе не требуется энциклопедических знаний. Он должен быть в первую очередь носителем культуры. Это требует специфической подготовки, иной, нежели подготовка ученого, что, впрочем, ни в коей мере не снижает её ценности» [15, с. 40]. Эрудиция и учёность необходима учителям гимназий, в то время как повседневное образование – удел учителей народных школ. Желая остановить поток абитуриентов, стремящихся получить профессию учителя, Е. Шпрангер задавал вопрос: «Разве университетское образование не приводит в итоге учителя к оторванности от реальной жизни?» [13 с. 66]. Оппонент Шпрангера, не разделявший его точку зрения по поводу «воспитателя от природы», Й. Кюнель, напротив, полагал, что педагогика нуждается в фундаменте научных исследований. Он пытался привлечь педагогов-практиков к научной деятельности [17, с. 15]. С 1960-е гг. подготовка учителей народных школ (поделенных на учителей начальной и основной школы) почти во всех федеральных землях был перенесена из педагогических институтов в университеты. [16, с. 61]. При этом практически ориентированная подготовка учителей народных школ в педагогических институтах всегда имела большую значимость, чем предметно- и научно-ориентированная подготовка учителей гимназий в университетах.

По мнению специалистов, противоречия, связанные с проблемой взаимодействия теории и практики, в среде учительства не преодолены полностью в Германии до сих пор. Дискуссия продолжается, и что интересно – аргументация за последние 100 лет не претерпела существенных изменений. В 1998 г. по заказу Комиссии министров образования, религии и культуры было проведено исследование «Перспективы подготовки учителей в Германии». В нем детально проанализированы сильные и слабые стороны подготовки учителей, подчеркнуто значение практики, сделан вывод о недостаточности практических знаний [11]. «Сильной стороной университетского образования является высокий уровень специальной предметной подготовки, что подтверждают как результаты интернациональных исследований, так и оценки опытных педагогов. Общепедагогическая и дидактико-методическая составляющие подготовки учителей, напротив, оставляют желать лучшего» [7, с. 9]. Особой критике был подвергнут тот факт то, что предметная, дидактическая подготовка и школьная практика никоим образом не взаимосвязаны [11, с. 27]. Если учитель в будущей профессиональной деятельности призван обучать учеников поиску взаимосвязей, использованию полученных знаний на практике, то одной из важнейших компетенций будущего учителя должно стать умение целенаправленно и индивидуально оказывать учащимся поддержку. Эта компетенция не может быть приобретена исключительно теоретическим путём без сочетания с практикой. При этом основополагающим моментом является не только практическая направленность

обучения, которая приводит к «целому букету вопросов у студентов» [5, с. 10], а научно обоснованная рефлексия собственной педагогической и дидактической деятельности.

По мнению многих специалистов, университетская подготовка учителей – в особенности учителей начальной и основной ступени - и в XXI веке остаётся в высшей степени неэффективным и неконтролируемым образовательным процессом, где наряду с явными успехами в теоретических изысканиях теряется практический аспект [3, с. 131]. Реформирование подготовки учителей в современной Германии связано с процессами глобализации и интернационализации, с созданием единого общеевропейского образовательного пространства. Болонский процесс, необходимость выработки единых стандартов и требований послужили основой модернизации подготовки учителей. В Германии, в частности, это нашло свое отражение в разработанных Комиссией министров образования, религии и культуры (КМОРК) Стандартов подготовки учителей. В конце 2004 г. КМОРК представила такие Стандарты для педагогических специальностей. Введение стандартов позволяет точно описать навыки и умения, которыми должен обладать будущий учитель для успешного выполнения своей профессиональной деятельности. Они предоставляют возможность оценить, действительно ли будущий педагог обладает всеми необходимыми компетенциями [8, с. 10].

В рамках новой структуры подготовки учителей целью обучения становится развитие необходимых компетенций. Для педагогических специальностей КМОРК описала четыре компетентностные области: обучение, воспитание, оценивание, инновации. Каждая компетенция представлена в Стандарте с точки зрения теоретических и практических знаний, умений и навыков, которые должны быть приобретены за время обучения или повышения квалификации. (Standards für Lehrerausbildung: Bildungswissenschaften/ 2004). Таким образом, Программа по введению национальных стандартов, помимо прочего, способствует усилению практической направленности педагогической подготовки, когнитивному развитию каждого обучаемого [Klieme/Avenarius/Blum, et al. /2003, с.10].

Однако переход к новой модели подготовки учителей начальной, основной, реальной школы (четыре семестра бакалавриата и магистратура – в зависимости от федеральной земли – два или четыре семестра) таит в себе опасность разделения на предметную и профессиональную фазу подготовки уже на уровне бакалавриата. Это может негативно повлиять на учебную мотивацию студентов, уже определившихся с выбором учительской профессии (Stellungnahme der Gesellschaft für Fachdidaktik zur Reform der Lehrerausbildung, 2002). Данная проблема может быть решена при своевременном и целенаправленном увязывании теории и практики в процессе обучения [4, с. 414].

Почему практическая направленность так важна при подготовке учителей? Педагогическая профессия относится к тем областям деятельности, которые нельзя изучить методом «сухого плавания». Школа не только дает знания, здесь организуются различные учебные процессы, включенные в самые различные контексты (учащиеся и их окружение, школа как образовательный институт и пр.). «Хороший урок» – это результат решения какой-либо проблемы («working knowledge»). Это «осознанное практическое знание», которое возникает лишь в сочетании теоретических научных знаний с возможно более ранним их применением на практике [1, с. 5].

Основные функции школы – воспитание и обучение. Интернациональные исследования (в т.ч. PISA) показали, что в Германии не всё благополучно с предметной

подготовкой и формированием соответствующих компетенций. Например, учащиеся из «неблагополучных семей» и дети мигрантов попадают в группу риска как учащиеся со сниженной успеваемостью. В связи с этим основная задача при подготовке учителей – своевременно на практике обучая студентов работе в гетерогенных группах, формировать соответствующие компетенции. Речь идет о необходимости «соединить теорию и практику, научные знания и конкретные учебные ситуации. На стороне студентов это выражается в приобретении способности проводить рефлексию собственной деятельности. Основная цель рефлексии – умение применить теоретические знания (в данном случае предметные и общедидактические) в специфических учебных и внеучебных ситуациях, умение проанализировать свой первый педагогический опыт [2, с. 157]. Трудность состоит в том, чтобы объединить теорию и практику таким образом, чтобы возникающие в процессе педагогической практики проблемы анализировались и решались своевременно. Университету г. Хильдесхайм в условиях новой многоуровневой модели обучения в значительной мере удалось это сделать.

Сегодня в Университете Хильдесхайма учится около 5 000 студентов, работает более 80 профессоров и свыше 250 научных сотрудников. Университет обладает ярко выраженной профильной специализацией. Научные исследования, преподавание, обучение осуществляется по четырём направлениям: «Педагогика и социальные науки», «Культурология и эстетическая коммуникация», «Языкознание и информационные технологии», «Естественные науки, математика, экономика, информатика». Университет является одним из сильнейших университетов Германии в области педагогических наук. Подготовка по педагогическим специальностям, в т.ч. подготовка учителей для начальных, основных, реальных школ, осуществляется в рамках бакалавриата (учитель) и магистратуры (магистр педагогики). Основополагающим принципом является «обучение на протяжении всей жизни». В университете работают научно-исследовательские центры: «Раннее детство в Нижней Саксонии», «Исследовательский центр по проблемам образования и обучения», «Форум по проблемам современной дидактики», «Центр непрерывного образования». Открыты новые «профессуры» по специальностям «Нейробиологические основы обучения», «Гетерогенность и обучение», «Образовательная диверсификация», центр повышения квалификации «Менеджмент. Организация. Школа».

Университет успешно участвует в международных проектах по подготовке учителей и вместе с тем сохраняет свои традиции тесной кооперации со школами. Здесь сложилась собственная специфическая модель «теория–практика». «Хильдесхаймская модель», помимо реализации блока компетентностей, заданного стандартами, дает студентам возможность своевременно определиться с выбором профессии и избежать снижения мотивации. Уже на ранних этапах обучения студенты под руководством опытных педагогов имеют возможность познакомиться на практике с будущей профессией, её буднями и проблемами. Это обеспечивает плавный, шаг за шагом, переход от роли ученика к роли учителя, и даёт возможность избегать фазы «имитации».

Центральное место при подготовке учителей в опыте Хильдесхайма уже свыше 40 лет занимает *исследовательская школьная практика* [ИШП]. Её внедрение началось с конца 1970-х гг. во вновь организованном Педагогическом институте, преемником которого университет стал в 1989 году. Сегодняшняя система подготовки учителя включает исследовательскую школьную практику уже с первого семестра. Понятием «практика» («школьная» или «учебная») в традиционной университетской системе

подготовки учителей обозначаются определенные фазы учебного процесса, во время которых студенты проводят свои первые занятия в школе, принимают участие в школьной жизни. Под исследовательской школьной практикой понимается комплекс учебных мероприятий, включающий посещение школьных занятий, самостоятельное проведение уроков в сочетании с сопровождающими практику семинарскими занятиями в университете, цель которых рефлексия и анализ полученного опыта.

Первые два семестра студенты включены в систему обучения, состоящую из трёх модулей. В этот период они раз в неделю посещают школу и принимают участие в учебном процессе. Кроме этого, на каникулах студенты проходят двухнедельную учебную практику, которая может осуществляться в школе любого типа (начальная школа, основная школа, реальная школа, общая школа). Студенты делятся на небольшие группы (до 9 человек). Оба семестра практика проходит в одной и той же школе. Руководство практикой возложено на *ментора* (учитель в школе) и *тьютора* (научный сотрудник университета). В первом семестре [модуль 1 (ИШП I)] студенты один раз в неделю посещают уроки ментора. Первый час занятий посвящен наблюдению по заранее составленному плану. Второй час отводится на совместный анализ и рефлексию. Сопровождает практику семинар, на котором подводятся итоги рефлексии, обобщаются и конкретизируются теоретические знания. Основные задачи этого модуля: с одной стороны, систематическое наблюдение, с другой стороны, смена ролей «ученик-учитель».

Во втором семестре [модуль 2 (ИШП II 1)] приобретенные теоретические и практические знания трансформируются в планирование и проведение первого самостоятельного урока. Студенты в первый раз выступают перед классом в роли учителя. Анализ и рефлексия подготовки к занятиям проходят на соответствующем теоретическом семинаре. Кроме этого, первый урок – это еще и первый шаг к оценке правильности выбора профессии. Сложность преподавания и реальная учебная ситуация не могут быть смоделированы чисто теоретически, необходим практический опыт. Существенная разница состоит в том, говорит ли студент о сложностях с дисциплиной на уроке или вынужден решать эту задачу практически.

Третий модуль проходит во втором семестре во внеучебное время (на каникулах) и представляет собой непрерывную двухнедельную практику в одной из школ [Модуль 3 (ИШП II 2 – непрерывная практика]. Студенты проводят в школе полностью первую половину дня, изучают планирование занятий, проводят самостоятельные уроки, знакомятся со школой как образовательным институтом. Это второй шаг в оценивании правильности выбора профессии. Общедидактическое руководство данными видами практики (модули 1–3) осуществляется в университете, предметная дидактическая подготовка находится в ведении менторов.

В продолжение подготовки в третьем семестре (внеучебное время) студенты проходят четырех недельную общую школьную практику (ОШП) в одной из более чем двухсот школ, с которыми сотрудничает университет г. Хильдесхайм. Занятия студентов посещаются педагогами университета. Будущие учителя имеют возможность познакомиться со школой во всем ее многообразии, принимают активное участие в её жизни, занимаются административной деятельностью. После четвёртого семестра организуется четырехнедельная внешкольная практика в центрах социальной помощи, реабилитационных и досуговых центрах. Этой практике предшествует определенная методическая подготовка, чтобы студенты могли провести собственные научные исследования. В заключение, чаще всего в седьмом семестре (магистратура),

проводится первая предметная практика (ПП) по одному из преподаваемых в будущем школьных предметов. Вторая предметная практика организуется в восьмом семестре. На данном этапе студенты углубляют свои дидактические знания в преподавании выбранной школьной дисциплины.

Система исследовательской школьной практики успешно функционирует в университете Хильдесхайм на протяжении многих лет. Она высоко оценивается экспертами, специалистами в области подготовки учителей, отмечающими среди прочего успешную интеграцию выпускников университета в реальный учебный процесс. Так называемый «шок от практики» у наших студентов отсутствует. Структура модульной организации обучения на основе интеграции теории и практики представлена в таблице.

Таблица 1. – Модульная система обучения

	Практическая часть	Теоретическая часть
1 семестр	ИШП I – посещение занятий (в течение семестра) (тьюторы, менторы, студенты)	Сопровождающий семинар, лекция «Ввдение в школьную педагогику и общую дидактику»
2 семестр	ИШП II-1 – посещение занятий и самостоятельное проведение занятий (в течение семестра) (тьюторы, менторы, студенты)	Сопровождающий семинар
	ИШП II-2 – непрерывная практика (2 недели) самостоятельное проведение занятий по одному из учебных блоков; посещение занятий (тьюторы, менторы, студенты)	Сопровождающий семинар (4 ч)
Начиная с 3-го семестра		Семинары по методам социальных исследований и проблемам коммуникации
После 3-го семестра	ОШП – практика (4 недели) в одной из школ любого типа (самостоятельное проведение занятий под руководством ментора) (тьюторы, менторы, студенты)	Возможность разрешения возникших затруднений на теоретических семинарах
4 семестр	возможность опробовать индивидуальное обучение учащихся, испытывающих трудности в учебе	инструктаж по методам исследования
После 4 или 5 семестра 4-х недельная внешкольная практика, которая проходит в центрах социальной помощи, реабилитационных и досуговых центрах		
6 семестр		
7 семестр	Возможность исследовательской деятельности методом проектов ПП–II – самостоятельное преподавание + посещение занятий (тьюторы, менторы, студенты)	Возможность разрешения возникших затруднений на теоретических семинарах
8 семестр	Возможность исследовательской деятельности методом проектов ПП–II – самостоятельное преподавание + посещение занятий (тьюторы, менторы, студенты)	Возможность разрешения возникших затруднений на теоретических семинарах

В рамках Хильдесхаймской модели успешно проходит раннее профессиональное самоопределение. Об этом свидетельствует тот факт, что наибольшее количество студентов, меняющих свой выбор не в пользу профессии учителя, приходится на 2–3 семестры. На более поздних этапах обучения большинство учащихся (свыше 90 %) сохраняют первоначально сделанный выбор. Другим важным аспектом подготовки учителя в представленной системе является то, что из-за практической направленности обучения и постоянной рефлексии, студенты более осознанно воспринимают теоретический материал, и это положительно сказывается на работе семинаров. Эффективная реализация Хильдесхаймской модели подготовки учителей оказалась возможной благодаря следующим факторам:

а) университет, как чрезвычайно компактная система, сумел организовать практику на ранних этапах обучения;

б) для студентов большое значение уже в начале обучения приобретает оценка правильности выбора профессии;

в) сами педагоги активно участвовали в развитии и отстаивании концепции;

г) педагоги имели поддержку как со стороны администраций школ, школьных учителей-менторов, так и руководства университета.

Уникальная для Германии «Хильдесхаймская модель», отражающая опыт подготовки учителей в условиях интеграции теории и практики, неоднократно получала высокую оценку в ходе внешней экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Davenport, T/Prusak, L.: Working Knowldge: How Organisations Manage What They Know. Boston, Havard Business School Press, 1998.
2. Herzig, B. Lernen im Praktikum als Entwicklung einer Reflexionskultur / S. Grafe, B. Herzig ; In: Hilligus, A.H./Rinkens, H.-D.(Hg.) : Zentren für Lehrerbildung – Neue Wege im Bereich der Praxisphasen. LiT-Verlag, Münster. – 2005, – S. 157.
3. Larcher, Deutsche Lehrerbildung im internationalen Vergleich / Larcher, Oelkers In: Blömecke, S., Reinhold, P., Tuldoziecki, G.; Wildt, J. (Hrsg.): Handbuch Lehrerbildung. Bad Heilbrunn Klinkhardt, 2004.
4. Mägdefrau, J. Zwischen Wissen und Können? Über die Bedeutung von Erziehungswissenschaft und pädagogischer Praxis in der Lehrerbildung / J. Mägdefrau, E. Schumacher In: Die Deutsche Schule – 93, 2001 – S. 411–422.
5. Oelkers, J. Praxisbezug: Eine Formel ohne Gehalt? / J. Oelkers In: Flagmeyer/Rotermund (Hg.): Mehr Praxis in der lehrerbildung – aber wie? Möglichkeiten zur Verbesserung und Evaluation, Leipzig, 2007.
6. Oser, F. Die Wirksamkeit der Lehrerbildungssysteme: von der Allrounderbildung zur Ausbildung professioneller Standards. Nationales Forschungsprogramm 33, Wirksamkeit unserer Bildungssysteme / F. Oser, J. Oelkers : Verlag Rüegger : Zürich, 2011.
7. Pennig, von D. Entwicklung, Erprobung und Evaluation eines Konzeptes zur Lehrerfortbildung und Lehrerausbildung. Dissertation. Univ., Diss. : Jena. – 241 S. http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-7889/Promotion.pdf Zugriff 16.12.06.
8. Sekretariat der ständigen Konferenz der Kultusminister der Länder in der BRD: Standards für die Lehrerbildung: Bildungswissenschaften (Standards Lehrerbildung_16-12-05.doc) http://www.kmk.org/doc/beschl/standards_lehrerbildung.pdf, Zugriff 19.12.2006.

9. Stadelmann, M. Differenzierung oder Vermittlung? Eine empirisch qualitative Studie zum Verhältnis von Theorie und Praxis in der Ausbildung von Lehrkräften für die Primar- und Sekundarstufe I. Diss. Phil. Universität Zürich 2004.

10. Terhart, E. Lehrerberuf und Lehrerbildung. Forschungsbefunde, Problemanalysen, Reformkonzepte / E. Terhart. Beltz Verlag: Weinheim. 2001 – 246 S.

11. Terhart, E. Perspektiven der Lehrerbildung in Deutschland. Ausschlussbericht der von der Kultusministerkonferenz eingesetzten Kommission / E. Terhart. Beltz Verlag : Weinheim, 2000. – 160 S.

12. Tenorth, H.-E. Schulmänner, Volkslehrer und Unterrichtsbeamte – F.W.A. Diesterweg, F.W. Dörpfeld, F. Dittes. In: Tenorth : Klassiker der Pädagogik. Von Eramsus bis Helen Lange. 1. Bd. München, S. 236–243.

13. Sandfuchs. U. (2009): Johannes Kühnel (1869–1928). Ein Seminar- und Reformpädagoge als Klinkhardt-Autor. In: Sandfuch, U.; Link, J.-W., Klinkhardt, A.: Verlag Julius Klinkhardt 1834–2009. Bad Heilbrunn: Klinhardt.

14. Spranger, E.: Denkschrift 1918, abgedruckt in: F.H. Paffrath: Eduard Spranger und die Volksschule. Bad Heilbrunn 1971, S. 215-225.

15. Spranger, E. Gedanken über Lehrerbildung. Leipzig: Klinkhardt.

16. Keck, R. Das Lehrerbild im Wandel der Geschichte. Zur Professionsgeschichte des Lehrers, vornehmlich aus der Sicht der norddeutschen Region. In: Die Diözese Hildesheim in Vergangenheit und Gegenwart, 56. Jg., S. 39-62.

17. Kühnel, J. Gedanken über die Lehrerbildung. Leipzig : Klinkhardt.

Rudolf Margitta. **Looking for Proper Theory/Practice Correlation in the Teacher Training: The Hildesheim Model**

Proper theory/practice correlation in the teachers training process has been an important research topic for many years. Theory/practice correlation is a significant index of the quality of school teachers training in different educational institutions. According to many reseacrhers the training of primary school teachers should be more practical unlike the training of teachers for secondary school of highest grade. This problem is under discussion by International Academy of of Humanization of Education. The author of the article analyses the history of the teachers training process in Germany and speaks on the pattern of teachers training for different types of schools worked out in University of Hildesheim.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.06.2011

УДК 13.075.8

А.Я. Кузнецова

СОГЛАСОВАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ОБРАЗОВАНИЯ

Существующий в настоящее время уровень интеллектуального развития общества, массовость интеллектуального развития позволяют ставить на первое место развитие и совершенствование интеллектуальных способностей при достижении практической цели гуманизации образования на уровне, соответствующем научно-информационной цивилизации. Единство нравственного воспитания и интеллектуального развития индивида становится возможным в связи с рефлексивностью мышления, которая делает такое объединение гуманистическим императивом образования.

Введение

Современное общество с его высокоразвитой информатикой, техникой, технологиями и наукой, перешедшей из сферы духовной в производительную, получило все это, используя познавательную деятельность. На современном этапе появляется необходимость говорить о таком интеллектуальном развитии индивида, которое направляет целостное становление личности. Развитие личности, согласно данной концепции, ставится в зависимость от интеллектуального развития, так как образование человека осуществляется как саморазвитие на основе самопознания.

Во второй половине XX в. была разработана идея интеллектуализации образования при одновременной его гуманизации. Она состояла в том, что путь к гуманизации общества лежит через раскрытие «невостребованной» доли суммарного интеллекта. Представление об «интеллектуализации образования» на основе методологии интеллектуальных систем разработано в 1980-е годы [1]. Согласно И.С. Ладенко, интеллектуализация не означает внесения интеллекта извне в обучающую интеллектуальную систему, а представляет собою раскрытие возможностей включенных в нее интеллектов, а именно интеллектов обучаемых и обучающих. При этом создаются новые установки, формируются новые отношения к развитию и использованию интеллектуальных возможностей личностей, которые фиксируются с помощью конкретных целей обучения и воспитания и на которые замыкаются как учащиеся, так и педагоги.

Понятая так интеллектуализация становится мотивацией к познанию и проявляется в саморазвитии личностей, вследствие чего интеллектуализация образования не противоречит его гуманизации, а сопутствует этому. В процессе интеллектуализации в систему могут привноситься новые средства мыслительной деятельности, но их использование направлено на актуализацию тех качеств интеллекта, которые изначально содержатся в непроявленном виде [2].

Спрос на интеллект, в связи с глобальными научно-техническими преобразованиями, повышается повсюду в мировой практике, в то же время причины глобальной критической ситуации зачастую связывают с развитием интеллекта [3]. Вывод при этом делается двоякий. Первый: интеллект недостаточно развит, и человек не решил еще задачу согласования своей жизни с природой; второй – интеллект несет зло человеку, именно его развитие и привело к катастрофе, на пороге которой мы находимся [4].

Исторически развитие интеллекта всегда было центральной проблемой образования. В системе образования сформировалась интеллектуальная традиция, задачи которой состоят в трансляции интеллектуальных ценностей от поколения к поколению. Каждая из интеллектуальных ценностей имеет свой вес в пространстве интеллектуальной традиции. В обучении интеллектуальная традиция наиболее определенно проявляется в том, что:

а) обучение включает в себя обучение мышлению, его правилам и методам, методологическим познавательным умениям и навыкам, общим для всех наук;

б) сама мыслительная способность человека имеет статус главнейшей способности, в связи с чем и возникает дидактическая задача: воспитание интеллекта, т.е. воспитание дисциплинированности и подвижности ума, внимания, памяти, воображения, проницательности или способности выделять главное, способности к собиранию знаний, анализу, синтезу или обобщению;

в) творческим является любой процесс получения нового знания: обучаясь творческому мышлению, воспитанник учится добывать знания вместо того чтобы заучивать и повторять наизусть тексты, предписанные программой, и др.

Понятие «интеллект» широко используется в психолого-педагогической литературе для характеристики интеллектуальных способностей индивида. Непрерывное развитие интеллектуальных способностей осуществляется в сфере образования. Именно на ней, рефлексирующей и отслеживающей все изменения в обществе, лежит ответственность за будущее общество.

Для того чтобы ориентироваться в многообразии знаний, полученном к настоящему времени в области исследования интеллекта, Г.Ю. Айзенк построил модель интеллекта, содержащую три составляющие: биологический, психометрический и социальный «в терминах социального и приспособительного его компонентов, выделяя, таким образом, не теоретические взгляды на его природу, а скорее его проявления, такие, как рассуждение, решение задач, память, обучаемость, понимание, обработка информации, выработка стратегий, приспособление к окружающей среде» [5, с. 113].

В мире, созданном собственным интеллектом, ребенок учится ориентироваться, руководствуясь своим умом, собственными системными представлениями. Для этого он тренирует интеллектуальные способности: подвижность и дисциплинированность ума, внимательность, серьезность, строгость, активность воображения; умственные привычки: способность к суждениям, умение находить главный, нужный признак, способность к глубоким и обширным наблюдениям, искать и находить взаимосвязь фактов и строить не только абстрактные картины мира, но и проекты предполагаемой деятельности, как можно более полные и более близкие к будущей реальности.

Вся эта деятельность через коллективные структуры подключается через прямую и обратную связь к интеллектосфере, после чего индивидуум становится ее источником и потребителем. В такой духовной работе необходимы как управление учителя, так и рефлексия самого обучаемого, которая как результат деятельности ума и воли проявляется в практике обучения: ребенок овладевает теми или иными методами, выполняя различного рода практические работы, контрольные задания, решая систему задач, знакомящих, кроме того, как и другие системные методики, с принципами систематизации знаний, иерархией идей.

Необходимость обучения познанию признана и дидактами, и методистами. Системе образования отводятся функции по развитию способностей к познанию. При

этом приходится решать вспомогательную, на первый взгляд, но затем выходящую на центральное место задачу мотивации обучения, которая в интеллектуальной образовательной системе совпадает с мотивацией познания.

При внимательном рассмотрении становится ясно, что речь идет не о какой-то особой мотивации, имеющей внешний по отношению к интеллекту индивида источник, а о решении проблемы организации соответствующей образовательной среды, содержащей в себе условия для раскрытия внутренних возможностей интеллекта, естественной потребностью которого является познание, так как «сознание, вышедшее за пределы чувственности, стремится воспринять предмет в его истине» [6, с. 228]. «Подобно тому, как в отношении всего живого вообще все идеальным образом уже содержится в зародыше и порождается им самим, а не какой-либо чуждой силой» [6, с. 11], так и мышление движется к своему разворачиванию некоторым «зародышем познания», который «…для своего развития не нуждается ни в каком внешнем стимуле; его собственная, включающая в себя противоречие между простотой и различием и именно потому беспокойная природа побуждает его к самоосуществлению» [6, с. 12]. Она же устремляет его на поиск истины.

Гуманизация образования требует, чтобы одновременно с развитием духовной природы индивида осуществлялась его социализация. Формирование личности в контексте гуманистической философии образования – это полное духовное становление человека, осознаваемое его собственным интеллектом. Значимость познавательного потенциала в структуре духовного потенциала личности определяет и его центральную роль в гуманизации образования. Задача гуманизации образования состоит в создании условий для свободного проявления собственного природного стремления человека к познанию.

Цель гуманистической системы образования – подготовить обучаемого к жизни в обществе, в котором он будет социализирован. Формирование интеллекта индивида также осуществляется в обществе, развитие «изолированного» интеллекта невозможно.

Со времен Аристотеля видовая особенность человека связывалась преимущественно со свойствами его разумности и социальности. Гуманистический аспект философии образования направлен на выяснение роли интеллектуальных способностей индивида в его личностном становлении в обществе, поэтому предметом гуманистической философии образования является как требования, предъявляемые духовным развитием общества, его моральными правилами и законами нравственности, так требования к формированию интеллектуальных способностей индивида.

Наличие полноценной образовательной среды не решает полностью задачу включения индивидуального интеллекта в познавательную деятельность. Необходима еще рефлексия познавательной цели. «Познай самого себя – эта заповедь ни сама по себе, ни там, где она была выдвинута исторически, не имеет (и не имела) значения только самопознания, направленного на отдельные способности, характер, склонности и слабости индивидуума, но значение познания того, что подлинно в человеке» [6, с. 6]. Поэтому образовывающийся, формирующийся индивид необходимо выходит на путь познания, рефлексируя свою познавательную деятельность, осознавая ее цель – поиск истины.

Гуманистический аспект философии образования основывается на признании творческого характера личности, актуальности развития ее интеллектуального потенциала как ведущего в духовном становлении на современном этапе быстро изменяющегося общества.

Так как человек от природы наделен задатками, в том числе интеллектуальными, то основная задача образования состоит в том, чтобы создать соответствующую их развитию образовательную среду, которая призвана прежде всего не погубить эти задатки и способствовать развитию и формированию на их основе способностей. Образовательная среда пробуждает и поддерживает личную активность и, кроме того, согласно Э. Ильенкову, способствует интериоризации, формированию социального интеллекта. Педагогу принадлежит роль руководителя в процессах, идущих в образовательной среде: он управляет ими, но руководство должно быть прекращено, как только произойдет пробуждение личной активности в направлении воздействия. Это справедливо и для других различных форм человеческой деятельности, в том числе познавательной.

Большая доля ответственности за интеллектуализацию образовательной среды лежит на воспитателе. В исследованиях методистов ставится «вопрос о взаимовлиянии теоретических знаний и практического опыта учителя с точки зрения развития его мышления» [8, с. 56]. Но представления о мышлении и его развитии в процессе образования в современной философии образования слабо развиты. «Если вы хотите воспитать человека, не только убежденного в могуществе научного знания, но и умеющего грамотно применять его силу для разрешения реальных задач, реальных проблем, то бишь противоречий реальной жизни, то приучайте и себя и других каждую общую истину постигать в процессе ее рождения, т. е. постигать ее как содержательный ответ на вопрос, вставший и встающий перед людьми из брожений противоречий живой жизни, как способ умного разрешения этих противоречий (а не как абстрактно-общее выражение того «одинакового», что можно при желании извлечь из массы сходных фактов и фактиков)» [8, с. 56].

Образование молодого человека – это развитие и формирование не только его интеллектуальной индивидуальности, но и реализация его способности к коллективной мыследеятельности. В традиции обучения содержатся образцы результатов коллективной мыследеятельности, такие как научная систематизация, научное обобщение, научные знания, полученные большим количеством людей как одновременно, так и исторически распределённо.

Продукт интенсивного познания природы не может оставаться в области «чистого» знания и тем более не может быть предметом дальнейшего чисто спекулятивного познания. Результаты познания функционируют в области коллективной и конкретной психики человека, и необходима специальная «работа» с ними, гуманизация этого знания для того, чтобы обеспечить динамическое согласование человека, общества и природы.

Гуманистическое образование в целом рефлексивно, поскольку гуманизация требует постоянного переосмысления его педагогических оснований. Как мы уже отмечали, рефлексивные механизмы мышления и их развитие в практике образования имеют наиболее существенное значение для развития личности в процессе обучения и воспитания в современных условиях.

Вместе с тем формы образования могут обеспечить условия, в которых рефлексируется личность учителя. В таком случае она может стать примером для учеников. В общем случае задача учителя – привить формирующемуся человеку вкус к выбору в поиске идеала, что совмещается с выработкой навыков внутренней и внешней рефлексии.

Формирование интеллекта происходит в процессе осознанного, рефлексируемого обучения. При этом под руководством учителя начинается индивидуальное осознание ребенком самого себя [9]. Если это осознание направлено на собственные знания, манипулирование ими, на методы и способы их получения, то мы имеем необходимый минимум для раскрытия интеллекта.

Идеал – образец для подражания. При этом у воспитанника появляется необходимость более полно рефлексировать собственное поведение. При достаточно высоком уровне рефлексии обучающийся переходит в состояние самовоспитания, самообразования и самореализации. Логико-гносеологические задачи, относящиеся к познанию субъективного духа, становятся предметом социальной философии.

Задача системы образования – создать среду, экологию, остальное – за индивидуумом. Ян Амос Коменский считал: «Нет необходимости что-либо привносить человеку извне, но необходимо развить, выяснить то, что он имеет заложенным в самом себе, в зародыше, указывая значение всего существующего» [10, с. 82].

Соотношение души и интеллекта. Необходимость поиска путей выхода из кризисных состояний приводит к осознанию необходимости гуманизации общества, науки и образования как кратчайшего пути гармонического развития. Но саму гуманизацию, ее содержание понимают по-разному. Взгляды расходятся в части определения роли, которую играет интеллект в гуманизации образования. Обойти этот аспект гуманизации не удается, так как среда обитания современного человека – это не только естественная биогеосфера, но и продукт деятельности его интеллекта.

Душа и интеллект в познании рассматриваются совместно и раздельно, они соотносятся, как нравственный кодекс и совершенный ум. Использование их человеком требует самопознания. Механизмы самопознания мышления и духовных качеств личности едины. Развитие способности к самопознанию зависит от наличия среди других интеллектуальных способностей рефлексивных механизмов мышления. В связи с этим обратимся к понятиям «интеллект» и «душа», концентрирующих в себе представления об интеллектуальных и духовных свойствах личности, выражающих ее глубинное содержание.

Каково же соотношение интеллекта и духовных качеств личности? Можно ли разделить их? Может ли индивид положить интеллект в один ящик стола, а душу – в другой? Вопрос не новый. Например, и Платон, и Сенека считали разум началом, частью души, которая более всего определяет данного человека, ее нельзя «ни отнять, ни дать». Точнее, Сенека так говорит об их соотношении: «Душа, а в ней совершенный разум» [11, с. 12]. В наше время слово и понятие «душа», сохранились в основном только в обиходе и художественной литературе. Исследователи же стараются его обходить. Н. Моисеев считает, что чистое мышление, отрешенное от эмоций, груза повседневности, – это фикция, и заявляет о том, что, используя термин «душа», он думает и говорит о мышлении, без которого душа, если только она есть, невозможна. Здесь душевное пространство наполняется лишь эмоциональной окраской интеллектуальной деятельности.

Обратить просвещенное внимание на душу человека призывает и К.Г. Юнг: «Вследствие политического положения, а также устрашающих, прямо-таки демонических успехов науки появились тайные опасения и мрачные предчувствия, но ответа на них не знает никто, и лишь немногие приходят к заключению, что на сей раз речь идет о давно забытой душе человека» [12, с. 277]. В его представлении интеллектуальная деятельность человека принадлежит его душе: «Все высказывания,

какие вообще мыслимы, возникают в душе. Они возникают, между прочим, как динамический процесс...» [12, с. 297].

Восстанавливая права человека на его душу, Юнг не умаляет и интеллект, деятельность которого частично рефлексируется, что дает человеку возможность различать, что он измыслил преднамеренно, до каких пор мысль идет по заданному им самим пути и когда или где мысль возникает спонтанно из нерефлексируемого источника. Именно здесь проходит путь интеллектуального развития, способного к самопознанию, утверждающему индивидуальность, позволяющему обнаружить себя как феномен природы.

Поскольку процесс познания представляет собой некоторую новацию в истории «творения», для которой нет аналогии, и мы не знаем, куда он заведет людей, нам остается лишь изучать условия наиболее полного раскрытия индивида, с помощью которого через его интеллект и рефлексию, через его познание рефлектирующая природа идет к самопознанию и управлению собой.

Единство и целостность человеческого «Я» обеспечивается единством интеллекта и души, согласием сознательного и бессознательного. История разума, интеллекта сопровождается историей духа. Они совмещаются в человеке, выводятся один из другого, как два потока питают друг друга и вытекают один из другого.

Духовная проблема этического выбора. При выборе направления поиска научной истины всегда присутствует и моральная оценка, которая основана на кажущемся незыблемым нравственном кодексе, не позволяющем знать в точности, что есть доброе и что – дурное.

Решение этической проблемы становится субъективным творческим актом. «Иными словами, мы нуждаемся в спонтанном и решающем импульсе со стороны бессознательного» [12, с. 274]. В конечном счете, индивиду предоставляется этический выбор. Но он, «как правило, до такой степени несведущ, что вообще не представляет себе собственных возможностей, и по этой причине всякий раз пугливо озирается в поисках заданных правил и законов, на которые он мог бы опереться в своей беспомощности» [12, с. 275].

Здесь сказываются недостатки не только самой личности, но и недостатки воспитания, которое в основном внушает общие знания, но не говорит о том, что может составить личностный опыт отдельного человека. Этим грешит и обучение идеалам, если человеку сообщают много таких правил, которым просто невозможно будет следовать и которым не следуют сами обучающие, отступая от главного правила мудрости: следовать на деле за своими словами. И снова на помощь призывается интеллект: для самопознания, приближающегося к основанию ядра человеческого существа, необходим этот отточенный инструмент.

Раскрываясь, человек обнаруживает свою основную природную ценность – духовность, часть ее – разум – призван согласовывать деятельность человека с природой. «Что же такое разум? – Подражание природе. Что есть высшее благо для человека? – Поступать по воле природы» [11, с. 140]. Чтобы поступать по воле природы, надо знать ее законы, надо познать их, а для этого нужен совершенный разум.

Индивид, интеллектуально неразвитый, пользующийся комфортом объективированного знания, не способен согласовывать свою человеческую сущность с природой. Если он становится матрицей для формирования общества, то оно, а не «демонические» успехи наук в больших масштабах предстает как экологическая катастрофа рассогласованности деятельности общества с законами природы.

Изучая окружающую его среду и приспосабливаясь к ней, человек в то же время подготавливается образованием для встречи с собственным «Я». Для этого ему понадобится способность выдерживать натиск собственных особенностей, уравновешивать себя с силой своих эмоций, богатством ощущений, значимостью интеллектуального проникновения в природу, гармонизировать себя с интуитивным представлением красоты.

В неизменяющемся «благополучном» мире новообразования внутри развивающегося человека, возможно, воспринимаются более остро, как некоторая рассогласованность, и именно существенные изменения в человеке, осознанные интеллектом, направляют его деятельность на изменение общества. Изменяющемуся человеку ближе, понятнее изменяющийся мир.

Заключение

Гуманизация образования как единовременное, разовое, ограниченное во времени событие невозможна, поскольку связана с самой деятельностью интеллекта, с преобразованиями, соответствующими ей и учитывающими то, что мы называем «интеллектуальными способностями». Со временем она может быть усилена или ослаблена. В настоящее время интеллект осознается не только как ценность образования и общества, но и как источник духовной энергии, потребляемый и возобновляемый. Развитие интеллекта каждого конкретного индивида в процессе образования становится все более необходимым для достижения цели гуманизации в обществе XXI в. Достаточно широкое проникновение и распространение в обществе и науке гуманистических идей на современном этапе оказалось в зависимости от уровня интеллектуального развития социума. Интеллектуализация социума обусловлена становлением информационной цивилизации, соответствующим развитием и формированием интеллектуальной культуры индивидов, обеспечивающих эволюцию цивилизации, массовостью образования, направленного на образование носителей будущей культуры и цивилизации.

Дальнейшее развитие гуманистических идей философии образования проявляется как необходимость решать вопросы гуманизации образования, роли интеллекта в духовном становлении личности, соотношения интеллекта и души, которые в познании можно рассматривать раздельно (как и совершенный ум, и нравственный кодекс) [1]. В человеке же они едины, и успех современного общества в формировании будущего поколения, в конечном счете, определяется тем, насколько последовательно в процессах его модернизации учтен гуманистический императив образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ладенко, И.С. Диалоговое мышление и организация интеллектуальных систем / И.С. Ладенко // Проблемы эффективного включения человека в интеллектуальные системы. – Новосибирск, 1992. – С. 5–18.

2. Ладенко, И.С. Интеллектуальная культура специалистов и модели мышления / И.С. Ладенко // Философские науки. – 1982. – № 3. – С. 130–151.

3. Интеллектуальный потенциал человека: проблемы развития / С.В. Артамонов [и др.]; под ред. А.А. Крылова, Л.А. Головей. – СПб., 2003. – 198 с.

4. Ярская-Смирнова, В.Н. Философская концепция гуманитаризации образования / В.Н. Ярская-Смирнова // Проблемы гуманитаризации высшего технического образования. – Саратов, 1992. – С. 99–103.

5. Айзенк, Г.Ю. Интеллект: новый взгляд / Г.Ю. Айзенк // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 111–132.

6. Гегель, Г. Философия духа / Г. Гегель // Энциклопедия философских наук. – Т. 3. – М. : Мысль, 1977. – 472 с.

7. Кузнецова, А.Я. Самопознание личности и гармонизация образования / А.Я. Кузнецова // Интеллект, культура и образование. – Новосибирск, 1994. – С. 67–69.

8. Ильенков, Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М., 1991. – 464 с.

9. Brehony, K. Montessori, individual work and individuality in the elementary school classroom / K. Brehony // History of Education. – 2000. – Vol. 29. – P. 115–128.

10. Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 3 т. / Я.А. Коменский. – М., 1955. – 651 с.

11. Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Сенека. – Кемерово, 1986. – 390 с.

12. Юнг, К.Г. Собрание сочинений: в 19 т. / К. Г. Юнг. – М., 1992. – Т. 15. – 320 с.

Kuznetsova A.Ya. **Unity of Moral Education and Intellectual Development as Humanistic Imperative Education**

The current level of intellectual development of society, mass of intellectual development of individuals can be put on the first place the development and improvement of intellectual ability in achieving a practical goal of humanization of education at a level consistent with the scientific information civilization. Unity of moral education and intellectual development of the individual becomes possible due to the reflexive thinking, which makes such unity humanistic imperative of education.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.06.2011

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Бортнікава А.В. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў Валынскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Лесі Украінкі

Бубноў Ю.М. – доктар сацыялагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры гуманітарных дісцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання, галоўны навуковы супрацоўнік Магілёўскага інстытута рэгіянальных сацыяльна-палітычных даследаванняў

Бугаеў К.В. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага працэса і крыміналістыкі Омскай акадэміі Міністэрства ўнутраных спраў РФ

Буднікаў У.Л. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, галоўны рэдактар навукова-практычнага часопіса «Прававы аспект» (г. Валгаград, Расія)

Бяляўцава Д.У. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта і Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Зайцава А.А. – доктар юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры крымінальнага працэса Валгаградскай акадэміі Міністэрства ўнутраных спраў РФ

Зданевіч А.А. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зорын Р.Г. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага працэса і крыміналістыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Ільіна А.М. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кавалевіч М.С. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры педагогікі дзяцінства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Калеснікава І.А. – доктар педагагічных навук, прафесар, сапраўдны член Міжнароднай Акадэміі гуманізацыі адукацыі, дырэктар Аўтаномнай некамерцыйнай арганізацыі «Агенцтва «КАМЕНІУС»»

Конін В.В. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, адвакат Адвакацкай палаты Калінінградскай вобласці РФ

Кузняцова А.Я. – доктар педагагічных навук, прафесар, прафесар Навасібірскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта, прафесар Расійскай Акадэміі Прыродазнаўства

Лагонда Г.У. – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры псіхалогіі Брэсцкакага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна, дактарант кафедры псіхалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Лысюк А.І. – доктар палітычных навук (Украіна), кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляховіч-Петракова Н.В. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Максімаў Ю.А. – кандыдат эканамічных навук, кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дактарант Расійскай мытнай акадэміі

Матюшкоў Л.П. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Міхайлаў М.А. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры крымінальнага працесса і крыміналістыкі Таўрычаскага нацыянальнага ўніверсітэта імя В.І. Вярнадскага Аўтаномнай рэспублікі Крым (Украіна)
Мядзвецкая А.І. – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры псіхалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Папова Л.У. – кандыдат юрыдычных навук, саветнік юстыцыі, намеснік Калінінградскага транспартнага пракурора Паўночна-Заходняй транспартнай пракуратуры РФ
Пісарук Г.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Рашэтнікава Т.С. – кандыдат палітычных навук, навуковы супрацоўнік Цэнтра сістэмнага аналіза і стратэгічных даследаванняў НАН Беларусі
Рашэтнікаў С.В. – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Рудольф Маргіта – прафесар, віцэ-прэзідэнт універсітэта г. Хільдесхайм (Германія), сапраўдны член Міжнароднай акадэміі гуманізацыі адукацыі
Салаўёва Н.А. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры крымінальнага працэса і крыміналітыкі Валгаградскага дзяржаўнага ўніверсітэта
Севярын С.М. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагогікі, дэкан факультэта замежных моў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Силюк Т.С. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры теарэтычнай і прыкладной эканомікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Трахімёнак С.А. – доктар юрыдычных навук, прафесар
Храмаў С.М. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Часноўскі М.Э. – доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С.Пушкіна
Шаўчук І.І. – доктар гістарычных навук, дацэнт, прафесар кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Швед І.А. – доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры беларускага літаратуразнаўства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Шукевіч Л.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
Шымаў У.У. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Якавук Т.І. – доктар сацыялагічных навук, кандыдат культуралогіі, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

У зборніку навуковых прац «Вучоныя запіскі» публікуюцца вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Брэсцкім дзяржаўным універсітэце імя А.С. Пушкіна, іншых навуковых установ і ВНУ Рэспублікі Беларусь і замежжа.

Рэдкалегія зборніка разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскіх аркушаў, у электронным варыянце на дыскеце 3,5 дм. у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць афармлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21х29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт - гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15х23 см. або 23х15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фотаздымкі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць афармлены паводле ДАСТа 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэкста. Спасылкі на крыніцы ў тэксце артыкула нумаруюцца адпаведна парадку цытавання ў тэксце. Парадкавыя нумары спасылак павінны быць напісаны ўнутры квадратных дужак (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносак.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

– УДК;

– ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);

– назва друкуемага матэрыялу;

– анатацыя ў аб'еме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);

– асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, і які павінен быць структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі задачамі; Асноўная частка павінна быць структуравана з падзагалоўкамі; Заключэнне з дакладна сфармуляванымі высновамі);

– бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТам 7.1-2003;

– рэзюмэ на англійскай мове (альбо на русской мове, калі артыкул друкуецца на англійскай) з перакладам назвы друкуемага матэрыялу, прозвішча і ініцыялаў аўтара ці аўтараў (кегль – 10 pt.).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падраздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента, спецыяліста ў галіне праблемы друкуемага матэрыялу;
- экспертнае заключэнне;

Рэдакцыйная калегія часопіса пакідае за сабой права адбіраць, праводзіць экспертызу атрыманых матэрыялаў, рабіць дадатковае рэцэнзаванне і рэдагаванне. Рукапісы, афармленыя без уліку выкладзеных правіл, не разглядаюцца.

Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*
Карэктары *М.М. Аляшчэня, Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*

Подписано в печать 14.11.2011. Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 33,71. Уч.-изд. л. 24,47.
Тираж 100 экз. Заказ № 600.
Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.

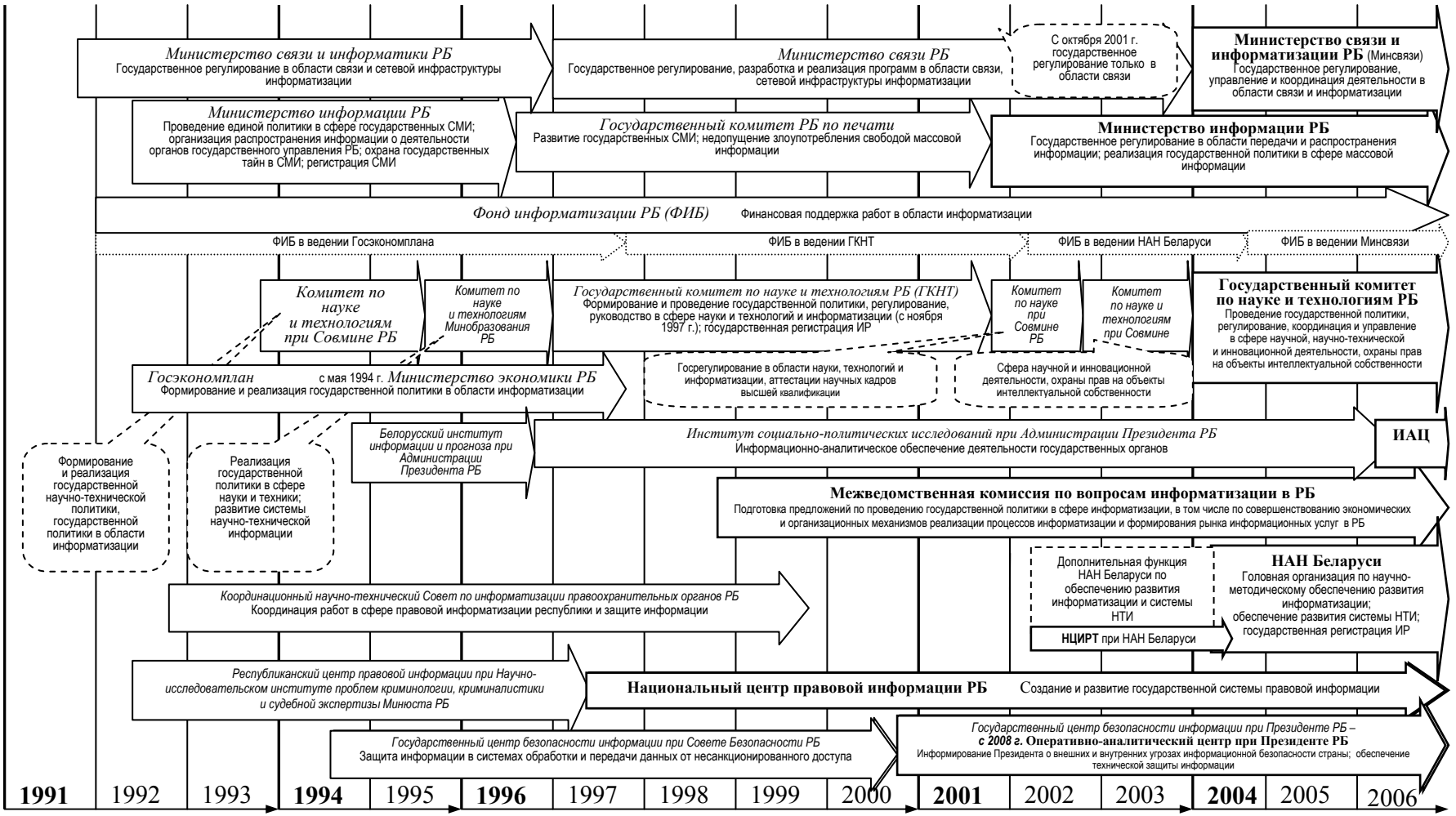

Рисунок 1 – Модель процесса формирования и реализации ГПИ Республики Беларусь в контексте трансформации основных центров принятия решений и их функций

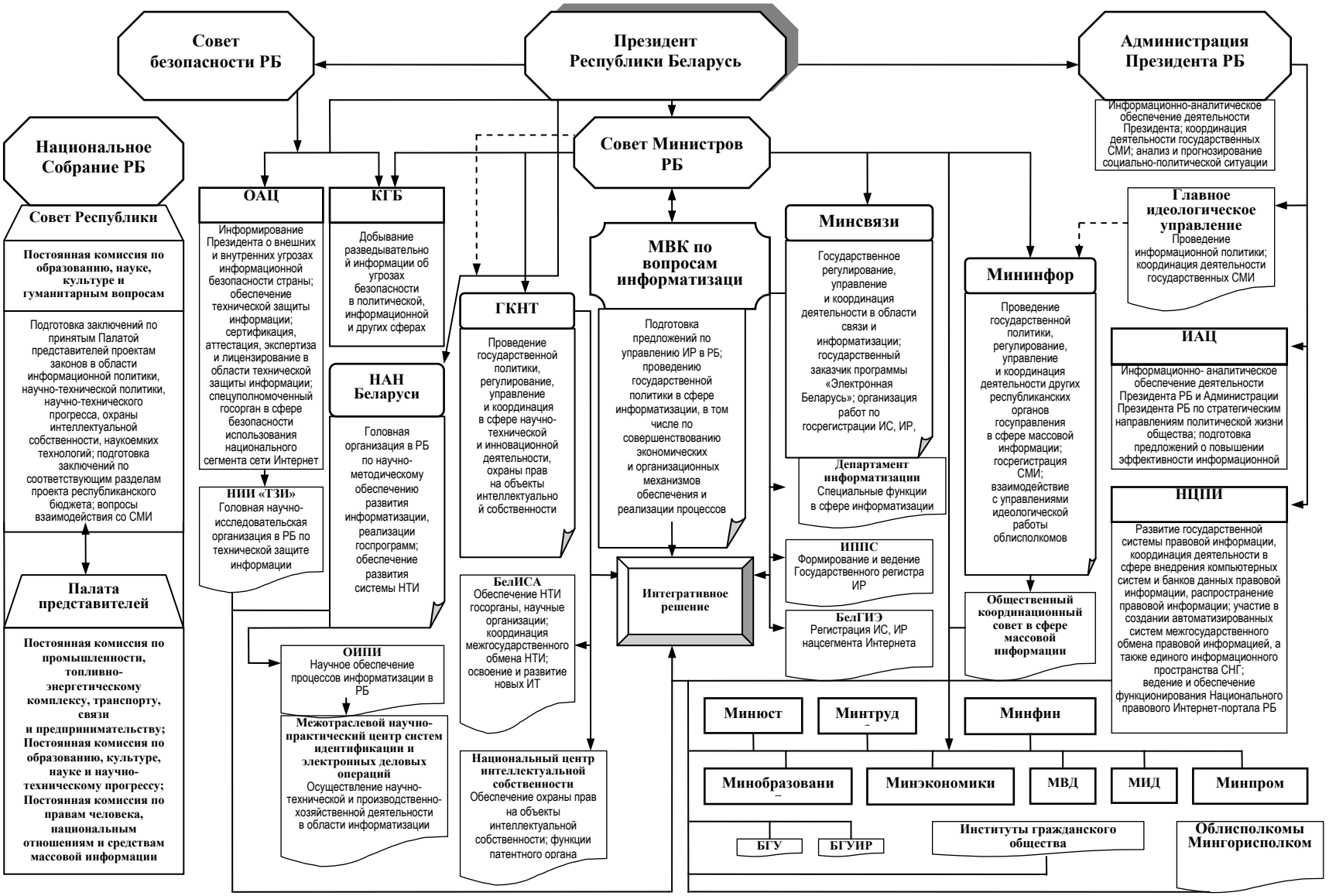

Рисунок 2 – Структурно-функциональная модель механизма принятия решений в сфере ГПИ Республики Беларусь

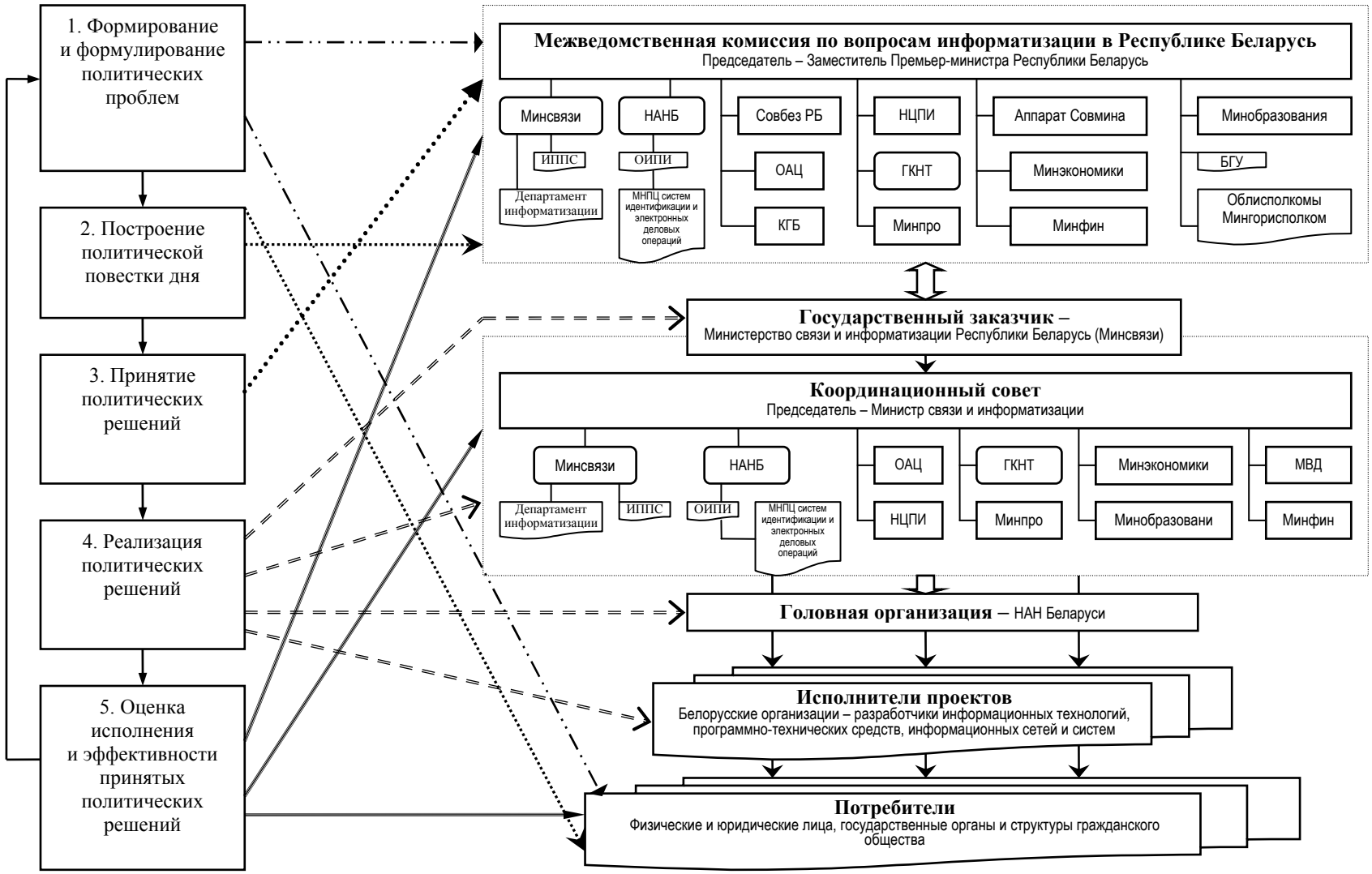

Рисунок 3 – Структурно-функциональная интерпретация «пятифазовой» модели политико-управленческого цикла ГПИ в контексте реализации программы «Электронная Беларусь»

Рисунок 4 – Фрагмент ключевых взаимосвязей учебного курса с дисциплинами, читаемыми на отделении политологии юридического факультета в соответствии с утвержденным учебным планом по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)»